

ISSN 2307–2539 (Print)
ISSN 2712–8202 (Online)

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

THEORY AND PRACTICE
OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

2022 • Том 34, № 4

ISSN 2307-2539 (Print)
ISSN 2712-8202 (Online)

Том 34 №4 • 2022

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2022

Главный редактор:

А.А. Тишкин, д-р ист. наук, профессор (Россия)

Редакционная коллегия:

В.В. Горбунов (зам. главного редактора), д-р ист. наук, доцент (Россия);

А. Бейсенов, канд. ист. наук (Казахстан);

У. Бросседер, Ph.D. (Германия);

Т.Р. Гермес, Ph.D. (Германия);

Н.Н. Крадин, д-р ист. наук, профессор, чл.-корр. РАН (Россия);

А.И. Кривошапкин, д-р ист. наук, профессор, чл.-корр. РАН (Россия);

Н.Н. Серегин, д-р ист. наук (Россия);

М.Д. Фрачетти, Ph.D., профессор (США);

А.В. Харинский, д-р ист. наук, профессор (Россия);

Л. Чжан, Ph.D., профессор (Китай)

Д. Эрдэнэбаатар, канд. ист. наук, профессор (Монголия)

Д.В. Папин (отв. секретарь), канд. ист. наук (Россия);

Т.С. Паршикова (отв. секретарь), канд. ист. наук (Россия)

Редакционный совет журнала:

Ю.Ф. Кирюшин (председатель), д-р ист. наук, профессор (Россия);

Д.Д. Андерсон, Ph.D., профессор (Великобритания);

С.П. Грушин, д-р ист. наук, доцент (Россия);

А.П. Деревянко, д-р ист. наук, профессор, академик РАН (Россия);

И.В. Ковтун, д-р ист. наук (Россия);

Д.С. Коробов, д-р ист. наук, профессор (Россия);

А.Л. Кунгуров, канд. ист. наук, доцент (Россия);

Л.С. Марсадолов, д-р культурологии (Россия);

П. Линь, Ph.D., профессор (Китай);

А.В. Поляков, д-р ист. наук, профессор (Россия);

Д.Г. Савинов, д-р ист. наук, профессор (Россия);

А.Г. Ситдииков, д-р ист. наук, доцент (Россия);

С.С. Тур, канд. ист. наук (Россия);

Ц. Турбат, Ph.D., доцент (Монголия);

Т.А. Чикишева, д-р ист. наук (Россия);

М.В. Шуньков, д-р ист. наук, профессор, чл.-корр. РАН (Россия)

Журнал основан в 2005 г., с 2016 г. выходит 4 раза в год.

Учредителем издания является ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет».

Адрес издателя и редакции:
656049, Алтайский край, Барнаул,
пр-т Ленина, 61, каб. 211,
телефон: 8 (3852) 291-256.
E-mail: tishkin210@mail.ru

Утвержден к печати Объединенным научно-техническим советом АГУ.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Печатное издание – журнал «Теория и практика археологических исследований»
© Алтайский государственный университет, 2005–2022.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций:
серия ПИ № ФС77-80671
от 07 апреля 2021 г.

ISSN 2307–2539 (Print)
ISSN 2712–8202 (Online)

Vol. 34 (4) • 2022

THEORY AND PRACTICE OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Barnaul

Publishing house
of Altai State
University
2022

Editor in Chief:

A.A. Tishkin, Doctor of History, Professor (Russia)

Editorial Staff:

V.V. Gorbunov (Deputy Editor in Chief), Doctor of History, Associate Professor (Russia);

A. Beisenov, Candidate of History (Kazakhstan);

U. Brosseder, Ph.D. (Germany);

T.R. Hermes, Ph.D. (Germany);

N.N. Kradin, Doctor of History, Professor, Corresponding Member Russian Academy of Sciences (Russia);

A.I. Krivoshapkin, Doctor of History, Professor, Corresponding Member Russian Academy of Sciences (Russia);

N.N. Seregin, Doctor of History (Russia);

M.D. Frachetti, Ph.D., Professor (USA);

A.V. Kharinsky, Doctor of History, Professor (Russia);

L. Zhang, Ph.D., Professor (China);

D. Erdenebaatar, Candidate of History, Professor (Mongolia)

D.V. Papin (Assistant Editor), Candidate of History (Russia);

T.S. Parshikova (Assistant Editor) Candidate of History (Russia)

Associate Editors:

J.F. Kiryushin (Chairperson), Doctor of History, Professor (Russia);

D.D. Anderson, Ph.D., Professor (Great Britain);

S.P. Grushin, Doctor of History, Associate Professor (Russia);

A.P. Derevianko, Doctor of History, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Russia);

I.V. Kovtun, Doctor of History (Russia);

D.S. Korobov, Doctor of History, Professor (Russia);

A.L. Kungurov, Candidate of History, Associate Professor (Russia);

P. Ling, Ph.D., Professor (China);

L.S. Marsadolov, Doctor of Culturology (Russia);

A.V. Polyakov, Doctor of History, Professor (Russia);

D.G. Savinov, Doctor of History, Professor (Russia);

A.G. Sitdikov, Doctor of History, Associate Professor (Russia);

S.S. Tur, Candidate of History (Russia);

Ts. Turbat, Ph.D., Associate Professor (Mongolia);

T.A. Chikisheva, Doctor of History (Russia);

M.V. Shunkov, Doctor of History, Professor, Corresponding Member Russian Academy of Sciences (Russia)

The journal was founded in 2005.

Since 2016 the journal has been published 4 times a year.

The founder of the journal is Altai State University.

The address of the publisher and the publishing house: office 211, Lenina av., 61, Barnaul, Altai region, 656049, Russia, tel.: (3852) 291-256. E-mail: tishkin210@mail.ru

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University

All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher

Print Edition of the journal "The Theory and Practice of Archaeological Research"

© Altai State University, 2005–2022.

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technologies and Mass Communications:
PI series No.FS 77-80671
dated April 7, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Свойский Ю.М., Аболонкова И.В., Леванова Е.С.

Проблемы индексации в документировании и картографировании
местонахождений наскального искусства9

Яценко С.А., Каверин С.И.

Археологические параллели элементам традиционного костюма народов
Восточного Гиндукуша25

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Казаков А.А., Тишкин А.А., Рудометов П.Л., Степанова Н.Ф.

Кипринский Борок (Лесостепной Алтай): историко-культурная и технико-
технологическая характеристика керамического комплекса раннего железного
века и Средневековья48

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф.

Орудия на пластинах поселения Павловка-I (юг Западной Сибири)66

Мамадаков Ю.Т., Серегин Н.Н.

Раннетюркская оградка из Юго-Восточного Алтая88

Руденко К.А.

Датировка железных пряжек, накладок и крючков эпохи Средневековья из
Среднего Поволжья (по материалам Остолоповского селища в Татарстане) 101

Ташак В.И.

Люди и вулканы Окинского плоскогорья в древности:
влияние вулканической деятельности на выбор мест организации поселений 117

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Блинов И.А., Таиров А.Д.

Соотношение состава металла и патины в бронзовых заклепках кожаного
сосуда из Кичигино-I.....137

ЗАРУБЕЖНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Зоткина Л.В., Сайфулов Н.Н.

Изображения навеса Куртеке (Восточный Памир) 148

Самашев З.

Образ тюркского кагана в торевтике малых форм
(по материалам культово-поминального комплекса Елеке сазы
в Восточном Казахстане)163

Тан Юньпэн, Бердимуратов А.Э., Хасанов М., Ван Цзяньсинь

Основные результаты археологических работ
в бассейне реки Сурхандарья в Узбекистане 191

*Тишкин А.А., Идэрхангай Т-О., Цэнд Д., Оргилбаяр С., Амгаланбат Б.,
Эрдэнэпурэв П., Батчимэг Б.*

Средневековые монгольские погребения, исследованные в долине Эгийн-гола
(Северная Монголия)215

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ

Киреев С.М.

Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции 1935 г. в
Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина234

Стяжкина О.В.

Проблема возникновения кочевого скотоводства в работах М.П. Грязнова252

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 262

CONTENT

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES OF ARCHAEOLOGY

Svoisky Yu.M., Abolonkova I.V., Levanova E.S.
Problems of Indexing in Documentation and Mapping of Rock Art Sites.....9

Yatsenko S.A., Kaverin S.I.
Archaeological Analogies to the Traditional Costume Elements in the Eastern
Hindukush Area25

RESULTS OF STUDYING OF MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Kazakov A.A., Tishkin A.A., Rudometov P.L., Stepanova N.F.
Kiprinsky Borok (Forest-Steppe Altai): Historical, Cultural,
Technical and Technological Characteristics of the Ceramic Complex of Early Iron
Age and Middle Ages.48

Kiryushin K.Yu., Kiryushin Yu.F.
Tools on the Plates from the Pavlovka-I Settlement (Southern Western Siberia)66

Mamadakov Yu.T., Seregin N.N.
Early Turkic Enclosure from the South-Eastern Altai.....88

Rudenko K.A.
Dating of the Iron Buckles, Plaques on the Belt and Hooks of the Middle Ages Period
from the Middle Volga Region (based on the Materials of the Ostolopovo Settlement
in Tatarstan) 101

Tashak V.I.
People and Volcanoes of the Oka Plateau in Ancient Times: the Influence of Volcanic
Activity on the Choice of Settlement Sites117

USE OF NATURAL-SCIENTIFIC METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Blinov I.A., Tairov A.D.
Correlation of the Composition of Metal and Patina in Bronze Rivets of a Leather
Vessel from Kichigino-I..... 137

FOREIGN ARCHAEOLOGY

Zotkina L.V., Sayfulloev N.N.
Imagery of the Kurteke Rock-Shelter (Eastern Pamir) 148

Samashev S.

The Image of the Turkic Kaghan in Small Forms Toreutics (Based on Materials of the Cult-Memorial Yeleke Sazy Complex in Eastern Kazakhstan)163

Tan Yu., Berdimuradov A.E., Khasanov M., Wang J.

Main Results of Archaeological Work in the Surkhandarya River Basin in Uzbekistan. 191

Tishkin A.A., Iderkhangai T-O., Tsend D., Orgilbayar S., Amgalanbat B., Erdenepurev P., Batchimeg B.

Medieval Mongolian Burials, Investigated in the Egiin-Gol Valley (Northern Mongolia)215

HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL DISCOVERY AND RESEARCH

Kireev S.M.

Materials of the Sayano-Altai Archaeological Expedition of 1935 in the A.V. Anokhin National Museum of the Altai Republic234

Styazhkina O.V.

The Problem of the Emergence of Nomadic Cattle Breeding in the Works of M.P. Gryaznov.....252

ABBREVIATIONS262

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Научная статья / Research Article

УДК 903.27

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-01](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-01)

ПРОБЛЕМЫ ИНДЕКСАЦИИ В ДОКУМЕНТИРОВАНИИ И КАРТОГРАФИРОВАНИИ МЕСТОНаХОЖДЕНИЙ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА

**Свойский Юрий Михайлович¹, Аболонкова Ирина Васильевна²,
Леванова Елена Сергеевна^{3*}**

¹Высшая школа экономики, Институт археологии РАН, Москва, Россия;
rutil28@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6256-4299>

²Кузбасский музей-заповедник «Томская Писаница», Кемерово, Россия;
abolonirina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2033-7850>

³Институт археологии РАН,
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
maraveriza@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3984-1950>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. В начале XXI в. в исследованиях наскального искусства наметился ряд тенденций, обусловленных в первую очередь развитием цифровых технологий. Развитие инструментов документирования и анализа (картографирование памятников с применением БПЛА и GNSS-приемников, цифровая фотография, трехмерное моделирование отдельных элементов памятников) позволило исследователям приступить к сплошному (а не выборочному) документированию на новой технологической базе с применением элементов системного подхода. Следующим шагом этих исследований, при условии обеспечения должного качества документирования, становится накопление сведений о наскальном искусстве в геоинформационных системах и базах данных. Однако существующие системы индексации памятников не выдерживают столкновения с новой цифровой реальностью и по различным причинам оказываются непригодными для использования в цифровых информационных системах. В статье обобщен опыт создания систем индексации в исследованиях XX — начала XXI в. Авторами представлены принципы построения «топографической» системы индексации местонахождений петроглифов, игнорирующей семантику и хронологическую атрибуцию изображений и отделяющей тем самым документирование наскального искусства от его интерпретации.

Ключевые слова: индексация, базы данных, картографирование, документирование, наскальное искусство, петроглифы

Благодарности: работа выполнена при поддержке гранта «Разработка интерактивной методической инфраструктуры для изучения и сохранения данных о памятниках наскального искусства России» (РНФ №21-78-10121).

Для цитирования: Свойский Ю.М., Аболонкова И.В., Леванова Е.С. Проблемы индексации в документировании и картографировании местонахождений наскального искусства // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №4. С. 9–24. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-01](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-01)

PROBLEMS OF INDEXING IN DOCUMENTATION AND MAPPING OF ROCK ART SITES

Yuri M. Svoisky¹, Irina V. Abolonkova², Elena S. Levanova^{3*}

¹Higher School of Economics, Institute of Archaeology of the RAS, Moscow, Russia;
rutil28@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6256-4299>

²Kuzbass Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa", Kemerovo, Russia;
abolonirina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2033-7850>

³Institute of Archaeology RAS, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
maraveriza@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3984-1950>

*Corresponding Author

Abstract. In early 21st century, there were a number of tendencies in the search for rock art, mainly due to the development of digital technologies. The development of documentation and analysis tools (mapping of sites using drones and GNSS receivers, digital photography, three-dimensional modelling of individual sites elements) allowed researchers to start a continuous (rather than a selective) process documentation on the new technological base, using elements of a system approach. The next stage of these studies, to the extent that the quality of the documentation is maintained, is to accumulate knowledge about rock art in geographical information systems and databases. However, existing indexing systems of sites do not withstand the new digital reality and, for various reasons, are not suitable for use in digital information systems. The article summarizes the experience of creation of indexing systems in the studies of the beginning of the 20th — beginning of the 21st century. The authors present the principles of "topographic" indexing system, based on ignoring semantics and chronological attribution of images and thus separating the documentation of rock art from its interpretation.

Keywords: indexing, database, mapping, documentation, rock art, petroglyphs

Acknowledgments: the work was done with the support of the grant "Development of an Interactive Methodological Infrastructure for Studying and Preserving Data on the Rock Art Sites of Russia" (RSF №21-78-10121).

For citation: Svoisky Yu. M., Abolonkova I. V., Levanova E. S. Problems of Indexing in Documentation and Mapping of Rock Art Sites. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022;34(4):9–24. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-01](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-01)

Введение
Наскальное искусство — один из общемировых феноменов изобразительной деятельности человека. Являясь неотъемлемой частью природного и культурного ландшафта, наскальные изображения отличаются большим разнообразием по форме включающего их рельефа: они могут встречаться на отдельных валунах и курганных камнях; быть локализованы в рамках одного небольшого скального выхода или грота, отдельного зала пещеры или встречаться во всех ее залах; тянуться на протяжении нескольких километров массивного горного хребта или располагаться в отдельных его участках. Для систематизации данных специалистами в процессе полевых исследований

проводится индексация наскальных изображений. Как правило, в сложившейся традиции она индивидуальна и всегда зависит от типа объекта и природного ландшафта.

Индексация — система учета наскальных изображений, связанная с присвоением отдельным фигурам, поверхностям с изображениями и их скоплениям (в случае выделения в рамках одного местонахождения¹), а также самим местонахождениям уникальных порядковых номеров и обозначений, что упрощает систематизацию полученных данных и их обработку. Она лежит в основе любых каталогов и баз данных и всегда предшествует их созданию. Хорошо выстроенная система учета не только облегчает работу в поле, но и определяет видение местонахождения с наскальными изображениями как единого целого. Прозрачная для понимания индексация — необходимое условие для передачи этого видения другим исследователям, недостаточно знакомым с местонахождением или их группой. При работе на ограниченных по площади местонахождениях с малым количеством изобразительных поверхностей проблем с индексацией объектов, как правило, не возникает. Однако на обширных неравномерно исследованных объектах, отличающихся сложностью ландшафта, высокой концентрацией изображений и длительной историей исследований, чаще всего складывается алогичная и сложная система индексации, объединяющая все несовершенства индексаций, ранее применявшихся в этом районе. В дальнейшем это приводит не только к сложности восприятия объекта исследований, но и к заведомо некорректным выводам.

Материалы

Проблема индексации местонахождений и изобразительных поверхностей возникает в тех случаях, когда исследователь ставит себе задачу сплошного документирования объектов наскального искусства на сколько-нибудь значительной площади. Не удивительно, что одним из первых, кто стал индексировать рисунки на скалах, стал выдающийся исследователь древностей Сибири А.В. Адрианов (1906, л. 7), который в начале XX столетия провел наиболее масштабные работы по изучению наскальных изображений Минусинской котловины. Римскими цифрами он фиксировал памятники² в порядке их исследования, арабскими — поверхности с рисунками: эти шифры отмечались и на изготовляемых им эстампажах, а также типографской краской на скальных выходах с изображениями. «Эти номерки особенно полезны при рассеянных на большом пространстве фигурах, а также на курганных камнях в степях, где могильники рассеяны в большом числе. Эти отметки не будут лишними и для будущих исследователей, которые пожелали бы проверить нашу ра-

¹ Под «местонахождением» мы подразумеваем участок природного ландшафта с наскальными изображениями, имеющий естественные границы.

² В узком смысле памятником наскального искусства называют отдельное местонахождение с рисунками (Заика, 2013, с. 27; и др.). В широком смысле под данным понятием часто имеется в виду ряд местонахождений, которые объединены общим ландшафтным контекстом, например расположены на одной горе (Савинов, 2011, с. 48). А.Е. Рогожинский (2011, с. 30) в определении термина «памятники наскального искусства» помимо наскальных изображений включает и другие археологические объекты, «границы которых, по меньшей мере, тождественны территории, вмещающей все сопряженные в ландшафте следы обитания и деятельности древних коллективов в виде артефактов (сооружений и предметов), культурных отложений и остатков коммуникаций». Размытость и многозначность этого термина заставляет нас отказаться от его применения в номенклатуре терминологии индексации. В тех случаях, когда термин «памятник» все же используется, мы будем вкладывать в него тот же смысл, что и Д. Г. Савинов.

боту и быстро в ней ориентироваться, а также они будут полезны и для воздействия на местных жителей, наглядно указывая им, что тут находится предмет, остановивший на себе внимание ученых людей и, стало быть, требующий такого же внимательного и бережного отношения и с их стороны» (Адрианов, 1906, л. 7). До настоящего времени на разных скальных поверхностях с наскальными изображениями Сибири исследователи встречают эти отметки (Дэвлет, 1996, с. 191; и др.). Практика нанесения индексов непосредственно на скалы сохранилась и к последней четверти XX столетия, когда формируется системный подход к методике исследования наскального искусства в целом и к индексации в частности (Шер, 1980, с. 52–55; Дэвлет, 1990, с. 84–85). Подобная регистрация изобразительных поверхностей непосредственно на скале к настоящему времени признается неприемлемой, так как необратимо изменяет естественный облик объекта и по сути является исследовательским вандализмом.

В период, последовавший за работами опередившего свое время А.В. Адрианова, исследования памятников наскального искусства вплоть до 2-й половины XX в. были многочисленными (Равдоникас, 1936; Окладников, 1947; Бернштам, 1948; Вяткина, 1949; Формозов, 1950; и др.) и системам индексации уделялось мало внимания. Существенным образом положение стало меняться с накоплением опыта работы с наскальными изображениями и особенно с развертыванием крупномасштабных новостроечных археологических экспедиций в 1960-е гг., одной из целей которых было документирование объектов наскального искусства на территориях, подлежащих затоплению в связи со строительством гидроэлектростанций. Именно в этот период обобщаются и уточняются основные подходы к методике изучения наскальных изображений (Подольский, Шер, 1968; Шер, 1980; Дэвлет, 1990), в том числе к их индексации (Шер, 1980, с. 61–64).

Именно в этот период окончательно сложились применяемые до настоящего времени две системы индексации — **сквозная** и **дробная**, а также их разновидности. При этом каждая из них, как правило, имеет свои особенности и разновидности на разных местонахождениях и у разных исследователей. При **сквозной** индексации используется единая система нумерации поверхностей с рисунками, непрерывная для всего массива изображений в пределах памятника. В рамках него выделяются: грани (Сосновка Джойская и ряд других, наскальные изображения Би) (Шер, 1980, с. 132–133; Молодин, 2016), камни (Мугур-Саргол, Мозага-Комужап) (Дэвлет, 1980; 2009) или плоскости (Сосниха) (Миклашевич, Панкова, Мухарева, 2012). При работе на крупных памятниках наскального искусства весь скальный массив разделяется на отдельные местонахождения, скопления или участки, в рамках которых также используется сквозная индексация. Памятник может подразделяться на: местонахождения или скопления, где выделяются плоскости (Пегтымель) (Дэвлет, Миклашевич, Мухарева, 2012; и др.); ярусы, в рамках которых фиксируются отдельные камни с рисунками (Шалаболинская писаница) (Пяткин, Мартынов, 1985; и др.); участки с гранями (Георгиевская) (Леонтьев, Панкова, 2012) и др.

Дробная система индексации предполагает использование более мелких единиц (уровней) учета внутри каждого местонахождения. При ее применении на местонахождении вводятся дополнительные уровни индексации: «гряды» (верхняя, нижняя),

в рамках которых выделяются «скалы» (первая, вторая и т.д.) с выделением отдельных «ярусов» (верхний, средний, нижний) (петроглифы Верхней Лены) (Окладников, 1977). В исследовательской практике существуют и другие вариации использования дробных систем учета: скалы — ярусы — плоскости (Шишкинская писаница) (Мельникова, Николаев, Демьянович, 2011); пункты — гряды — ярусы — плоскости (Тепсей: пункт Тепсей II) (Советова, 1995) и т.д.

Развитием систем индексации, созданных на материале отдельных памятников, стали системы, разработанные для регионов наскального искусства. В них больше внимания уделяется принципам выделения памятников или местонахождений, однако проблемы их оконтуривания и индексации рассматриваются по-прежнему мало. Памятники делятся на комплексы — грани — фигуры (применительно к ряду памятников Центральной Азии) (Шер, 1980), локальные участки (группы археологических объектов и вмещающий их ландшафт) — изобразительные поверхности (дискретные группы фигур или одиночная фигура и субстрат), скальные плоскости/ грани — изображения (цельные фигуры и микрорельеф поверхности) (памятники Центральной Азии) (Рогожинский, 2011; и др.). А. Л. Заика предлагает использование следующей индексации для наскальных рисунков Нижнеангарского региона: район скопления петроглифов (памятников, комплексов) на территории региона — комплекс памятников (петроглифический комплекс) — памятник (отдельная писаница) — сектор памятника (участок скалы с петроглифами) — группа плоскостей на участке скалы — плоскость — фрагмент (участок) плоскости (Заика, 2013, с. 27). По мнению А. Л. Заики, сквозная («жесткая») нумерация удобна на начальных этапах работы на местонахождении, но при более тщательной и многолетней работе, сопряженной с открытием новых рисунков, неизбежно приводит к путанице и создает массу проблем: «чем дробней индексация петроглифов на территории памятника (в разумных пределах, исходя из специфики местонахождения), тем она более удобна в процессе работы с ними» (Заика, 2020, с. 191). На наш взгляд, это удобство кажущееся и уже не отвечающее современным требованиям документирования. При этом А. Л. Заика (2006, с. 28–29) максимально подробно описывает путаницу, возникшую в понятийном аппарате в результате того, что в дробной системе учета используется множество терминов, которые еще и трактуются исследователями по-разному.

Начало XXI в. ознаменовано переходом к комплексному подходу в изучении наскального искусства и поиском стандарта документирования памятников наскального искусства, о котором уже упоминалось ранее. Поиск путей унификации данных приводит к попыткам создания каталогов и баз данных (Яценко, Голубев, Рогожинский, 2004; Хиген, 2011; Солодейников, 2011; 2016), предназначенных для систематизации больших массивов сведений о памятниках наскального искусства. Однако основой для любой системы, будь то каталог или база данных, является индексация. Отсутствие унификации среди сложившихся систем учета затрудняет объединение (и сопоставление) материалов документирования разных памятников.

Результаты

Рассматривая сложившиеся системы индексации, мы можем наблюдать ряд явлений, препятствующих их унификации и вообще практическому использованию:³

1. Невыдерживание единых принципов индексации в пределах группы сходных объектов или одного объекта. Так, например, А. П. Окладников (1971), внедряя систему индексации для памятников Нижнего Амура и Уссури, применил сквозную систему индексации для шести местонахождений петроглифов Сикачи-Аляна, однако для четырех местонахождений в районе Шереметьево использовал отдельную последовательность номеров для каждого местонахождения. При этом индивидуальные номера присваивались либо валунам с петроглифами, либо отдельным рисункам на вертикальных скальных поверхностях. Однако и этот принцип не был выдержан до конца. На пункте 3 Сикачи-Аляна в двух случаях номера были присвоены достаточно обширным скальным поверхностям — но именно поверхностям в целом, а не отдельным рисункам на них.

2. Стремление исследователей создать «пехотных ратей и коней однообразную красивость», пронумеровав отдельные объекты «слева направо», «сверху вниз», «от истока к устью» и т.п. с тем, чтобы номера на картах и планах выстраивались последовательно. Выявление новых поверхностей в таких случаях приводит к использованию буквенных суффиксов («плоскость 5», «плоскость 5А»). Вторым следствием этого является применение «полевой» и «отчетной» («публикационной») нумерации, что в конечном итоге заканчивается затрудненностью использования первичных материалов документирования. По прошествии десяти лет таблица конкорданса между «полевыми» и «отчетными» номерами оказывается утраченной и ее восстановление оказывается весьма трудозатратой задачей. Такая ситуация в той или иной степени наблюдается на всех памятниках, с которыми мы работаем.

3. Построение сложных иерархических систем, адаптированных для конкретного местонахождения и неприменимых для местонахождений иной геоморфологии. Причина этого явления лежит в затруднениях исследователей при картографировании местонахождений, в прошлом обусловленных ограничениями традиционных методов топографической съемки, а в настоящее время — слабым применением современных методов картографирования. За невозможностью сколько-нибудь точной привязки объектов к мировой системе координат использовалась «относительная» привязка и избразительные поверхности нумеровались «по грядам», «по камням». Эта система нумерации особенно характерна для местонахождений Южной и Восточной Сибири, исследованных в 1970–1990-х гг.

4. Применение дробной индексации без достаточного учета геоморфологии местонахождения. Как правило, дробная индексация создает иллюзию большего практического удобства, особенно на начальной стадии изучения местонахождения, поскольку при обнаружении новых скоплений и изображений внесенные изменения могут касаться лишь отдельных уровней существующей иерархии. Однако на практике ее поддер-

³ Здесь и далее мы рассматриваем системы индексации преимущественно на материале памятников, известных нам не только по литературным данным, но и по собственному опыту документирования и картографирования. В основном они ограничены Нижним Приамурьем, Южной и Восточной Сибирью, Чукоткой, Монголией и, в меньшей степени, Уралом и Карелией.

жание требует существенных усилий и часто приводит к увеличению хаоса. Так, при публикации петгымельских петроглифов Н.Н. Диков (1971) применил сквозную нумерацию, указывая при этом, к какому скоплению («камню») принадлежат изобразительные поверхности. При возобновлении исследований в 2000-е гг., в отсутствие плана памятника и технических средств для точного позиционирования поверхностей с петроглифами, Е.Г. Дэвлет перешла к дробной нумерации, отталкиваясь при этом от «каменной» (скальных останков), пронумерованных Диковым (Дэвлет, Миклашевич, Слободзян, 2006, с. 10). Последовательное выявление новых изобразительных поверхностей постепенно привело к пересечению скоплений («наползанию» их друг на друга). В конечном итоге выяснилось, что скопления II, III, IV, V и частично VI представляют собой единое скопление, в котором невозможно выделить какие-либо концентрации наскальных изображений, границы между скоплениями VII, VIII, IX не могут быть надежно обоснованы, скопление XI может быть выделено с большой долей условности, так как представляет собой единичные изобразительные поверхности, не образующие собственно скопления; кроме того, часть таких поверхностей включена в скопления без каких-либо оснований. Результатом такого положения стало несколько последовательных реиндексаций.

5. Развитие унаследованных от предшественников систем индексации (хотя бы и показавших свою непригодность), обусловленное вполне понятным желанием следовать устоявшейся традиции уже опубликованных памятников. Характерным примером такого подхода стала нумерация новых петроглифов, выявленных на Сикачи-Аляне работами А.Р. Ласкина и Е.Г. Дэвлет. Не желая изменять систему нумерации А.П. Окладникова (и одновременно не имея возможности ее продолжить, так как при этом новые номера топографически выпадали из последовательности номеров на плане памятника), исследователи применили принцип «ведущего ноля» (Дэвлет, Ласкин, 2015, с. 98). Таким образом в индексации в пределах одного местонахождения появились номера 1, 01 и 001, что неоднократно приводило к путанице в ходе дальнейших работ. Аналогичная картина складывается и на местонахождениях наскальных изображений, исследованных и введенных в научный оборот Я.А. Шером. Исследователи, работающие на этих памятниках и обнаруживающие не зафиксированные ранее изображения, стремятся встроить их в систему индексации Я.А. Шера. При этом, однако, они были вынуждены «втискивать» обнаруженные наскальные изображения в границы ранее выявленных скоплений, которые теперь, благодаря многочисленным находкам новых поверхностей с рисунками, «сливаются» в одно (Советова, Аболонкова, Солодейников, 2017, с. 41).

6. Механический перенос системы индексации на другой памятник, принципиально отличающийся по геоморфологическим характеристикам. В такой ситуации оказался А.П. Окладников, применивший опыт документирования валунов Сикачи-Аляна на небольшом монгольском местонахождении Рашаан-Хад, где «пункты», хорошо отображавшие специфику скоплений валунов в пойме Амура, оказались излишней надстройкой на местонахождении небольшого размера.

7. Отсутствие унификации индексирования, обеспечивающей возможность объединения и накопления данных в информационных (в том числе геоинформационных) системах. Эта проблема, впрочем, неразрывно связана с обширной и сложной пробле-

мой унификации, накопленной к настоящему времени терминологии описания рельефа, в который вписаны наскальные изображения. Проблема используемой терминологии при разработке индексации описывалась еще Я. А. Шером. «...В 1963 г., при первом обследовании наскальных рисунков на склонах горы Тепсей, выявленные при первом знакомстве с памятником комплексы были обозначены индексом «Т» (Тепсей) с соответствующими номерами Т1, Т2 и Т3. Некоторые из рисунков, хорошо освещенные, были сфотографированы с этой индексацией и помещены в отчет. А в следующем сезоне более подробная разведка этого района обнаружила намного большее число комплексов, и оказалось, что принятая система индексации недостаточно гибка для полного учета всех рисунков и комплексов. Поэтому ее пришлось разрабатывать заново, для чего понадобились более четкие формулировки того, что считать фигурой, гранью, комплексом» (Шер, 1980, с. 61–62). Впрочем, надо признать, что терминология, предложенная им, не прижилась в исследовательской среде и проблема ее унификации по-прежнему является актуальной задачей.

Обсуждение

Суммируя изложенное выше, можно констатировать, что существующие в современной практике документирования памятников наскального искусства индексации сложились в известной степени стихийно, в соответствии с личным опытом и вкусом каждого конкретного исследователя, а также особенностями каждого конкретного памятника. Отдельные попытки нормализовать системы индексации (в первую очередь работы Я. А. Шера, А. Л. Заики, А. Е. Рогожинского) не могли изменить положения дел — в первую очередь потому, что для существовавшего на протяжении XX в. подхода к документированию памятников они являлись вполне достаточными. Фактически системы индексации были необходимы лишь для обозначения местонахождения наскальных изображений на схематичных планах в пределах одного объекта или небольшой группы объектов и нумерации иллюстраций в публикациях.

В начале XXI в. в исследованиях наскального искусства наметился ряд тенденций, обусловленных в первую очередь развитием цифровых технологий — компьютерного оборудования, робототехники, спутниковой геодезии, цифровой фотографии и измерительных систем. Это позволило начать внедрение современных инструментов документирования — картографирования памятников с применением БПЛА и GNSS-приемников, цифровую фотографию, трехмерное моделирование отдельных элементов памятников (в первую очередь поверхностей с наскальными рисунками). Одновременно развитие цифровых технологий создало и возможности для применения более сложных методов анализа изображений — математической визуализации геометрии поверхностей и математических преобразований цвета пигментов. В целом же развитие инструментов документирования и анализа позволило исследователям приступить к сплошному (а не выборочному) документированию на новой технологической базе с применением элементов системного подхода. Следующим шагом этих исследований, при условии обеспечения должного качества документирования, становится накопление сведений о наскальном искусстве в геоинформационных системах и базах данных, в том числе общедоступных. Однако существующие системы индексации памят-

ников не выдерживают столкновения с новой цифровой реальностью и оказываются непригодными для использования в цифровых информационных системах.

На наш взгляд, **рациональная индексация цифровой эпохи** сплошного документирования объектов наскального искусства должна удовлетворять следующим критериям:

- индексация должна быть логичной и простой в использовании;
- индексация должна быть универсальной и технически подходить для любого памятника наскального искусства;
- индексация должна быть открытой и допускать появление новых объектов без ломки всей системы;
- индексация должна быть машинно-интерпретируемой. На практике это означает, что индекс не должен содержать римских цифр, надстрочных и подстрочных символов, букв нелатинских алфавитов, звездочек, знака дроби и иных нестандартных символов. Стандартными символами индекса считаются 28 букв латинского алфавита и 10 цифр, а также дефис, используемый в качестве разделителя групп индекса;
- индексация должна быть масштабируемой и допускать «отбрасывание» лишних символов индекса при увеличении масштаба карты;
- индексация должна быть «внебюрократической», в том смысле, что индексы не должны основываться ни на учете органов охраны памятников, ни на современном административном делении территорий.

Представляется логичным основывать индексацию исключительно на топографических и морфологических принципах, игнорируя семантику и хронологическую агрессию изображений и отделяя тем самым документирование наскального искусства от его интерпретации. Интерпретации должны основываться на качественных выборках материала сплошного документирования, а не наоборот. Индексация как базовый и универсальный инструмент должна давать возможность для качественного и количественного анализа пространственных данных без использования детерминированных (интерпретационных) значений и определений. Учитывая непроработанность терминологической базы в исследованиях наскального искусства, мы считаем крайне важным на этапе накопления данных полностью отказаться от интерпретационного подхода, подразумевающего авторскую трактовку.

Одновременно возможности современных технологий позволяют отказаться от излишнего дробления топографических уровней и построения сложных топографических иерархий с выделением «камней», «гряд», «ярусов», «пунктов». Если каждая поверхность с петроглифами описывается координатами ее центроида, заданными в мировой системе координат («абсолютная привязка»), то «относительные» способы привязки становятся ненужными.

На наш взгляд, индексация объектов наскального искусства может быть сведена к достаточно простому шифру, состоящему из трех элементов: идентификатора **территории**, идентификатора **местонахождения** и идентификатора **изобразительной поверхности**. Рассмотрим их в порядке «от общего к частному».

Под **территорией** понимается часть поверхности Земли, на которой имеются объекты наскального искусства *in situ*. Представляется соблазнительным в качестве тер-

ритории выделять естественные макроформы поверхности Земли («речной бассейн», например «бассейн реки Амур», или «горная страна», например Алтай, или использовать административное деление, например «Тува», «Кемеровская область», при этом идентификатор административной единицы может быть сформирован на основе стандарта ISO 3166-2 или ГОСТ 7.67-2003. Эти подходы представляются непригодными вследствие нескольких факторов. Макроформы поверхности Земли во многих случаях не могут быть однозначно околтурены (а базы данных и геоинформационные системы не допускают неоднозначностей), а административные границы время от времени изменяются. Поэтому в качестве границ территорий рационально принять границы листов международной карты мира масштаба 1:1 000 000 (IWM), определенные в 1913 г. постановлением Второй международной конференции Международного географического союза и с тех пор не изменявшиеся. Идентификатором территории является четырехсимвольная аббревиатура вида NR60, где N — обозначение северного полушария Земли, R — номер широтной четырехградусной зоны, отсчитываемый от экватора, 60 — номер шестиградусной долготной зоны, отсчитываемой от меридиана 180°.

Под **местонахождением** понимается участок местности с наскальными изображениями, выделенный по геоморфологическим границам. Этими границами могут быть водораздельные линии, тальвеги водотоков первого порядка (в том числе временных), урезы воды, линии ребер рельефа (тыловые швы террас, бровки обрывов и им подобные формы). При этом мы отказываемся от использования в номенклатуре понятия «памятник», ввиду разнообразия и неопределенности трактовок этого термина. При определении границ местонахождения учитываются только топографические и геоморфологические критерии и не учитывается культурная и хронологическая принадлежность объектов наскального искусства, что позволяет в дальнейшем избежать реиндексации в случае уточнения культурной принадлежности. В базе данных местонахождение определяется пространственными координатами центра его контура (широта и долгота в географической системе координат), в геоинформационной системе — векторной линией контура. Индекс местонахождения состоит из индекса территории и порядкового номера местонахождения в пределах территории, например NR60-001. При этом последовательность присвоения номеров не важна, индекс местонахождения не заменяет названия местонахождения, но является лишь его уникальным идентификатором, привязанным одновременно к его пространственным координатам и к названиям, под которыми оно известно в литературе.

Под **изобразительной поверхностью** понимается часть скальной поверхности с наскальными изображениями, выделенная по естественным границам. Такими границами являются:

- 1) трещины с признаками смещения;
- 2) трещины с признаками раскрытия;
- 3) трещины без признаков раскрытия и смещения, проработанные механической эрозией или химическими процессами на глубину, превышающую ширину трещины;
- 4) ребра блоков отдельности;
- 5) границы криволинейных поверхностей отрыва (как правило, для неслоистых горных пород);

б) полосы сплошного разрушения (как правило, связанные с десквамацией поверхностного слоя породы в ослабленных зонах).

Термин «поверхность» в целом соответствует терминам «грань», предложенному Я.А. Шером, и «плоскость», однако представляется более точным и морфологически нейтральным, так как не всякая поверхность геометрически является «гранью» или «плоскостью». Так, частными случаями поверхности являются валуны с наскальными рисунками (характерные для местонахождений долин Амура и Уссури и ряда памятников Средней Азии) и выработанные ледником скальные поверхности местонахождений Фенноскандии (беломорские и карельские петроглифы, петроглифы Канозера). В базе данных и геоинформационной системе изобразительная поверхность определяется пространственными координатами центра его контура (широта и долгота в географической системе координат, ортометрическая высота), на крупномасштабной трехмерной карте — точкой центра и векторной линией контура. Индекс изобразительной поверхности состоит из индекса местонахождения и порядкового номера поверхности в пределах местонахождения, например NR60-001-0001, где NR60-001 — индекс местонахождения, а 0001 — номер поверхности. При этом последовательность присвоения номеров изобразительным поверхностям также не важна, так как индекс поверхности является не более чем уникальным идентификатором, связывающим изображение с его топографическим положением.

Индекс местонахождения и индекс изобразительной поверхности необходимы прежде всего для картографирования и документирования объектов наскального искусства и накопления информации в базах данных и геоинформационных системах. Внедрение таких идентификаторов не оказывает влияния на возможности исследователей по группировке местонахождений или изобразительных поверхностей по тем или иным признакам (пространственным связям, в том числе внутри местонахождений, культурной принадлежности, хронологической привязке, семантике и пр.) и изменению этой группировки в процессе изучения объектов наскального искусства.

Заключение

К настоящему времени предложенная нами система индексации была успешно применена на 15 местонахождениях наскального искусства в различных обстановках, в том числе на местонахождениях Нижнего Амура и Уссури (Сикачи-Алян-1, 2, 3, 4, 5 и 6, Шеретьево-1, 2, 3, 4, 5, Кия), Урала (Идрисовская-2), Монголии (Гачуурт, Рашаан-Хад) и внедряется на ряде местонахождений Притомья, Минусинской котловины и Алтая. Систему нельзя считать окончательно сложившейся, так как дальнейшего уточнения требуют принципы выделения и оконтуривания местонахождений и изобразительных поверхностей. Тем не менее даже в настоящем виде внедряемая система индексации показывает свою пригодность для использования при картографировании и документировании местонахождений и накопления информации об объектах наскального искусства в базах данных и геоинформационных системах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Адрианов А. В. Писаницы Енисейской губернии. Томск, 1906. Рукопись // Архив МАЭС ТГУ. 1906. Д. 55.

Бернштам А. Н. Араванские наскальные изображения и даваньская ферганская столица Эрши // Советская этнография. 1948. №4. С. 155–161.

Вяткина К. В. Шалаболинские (тесинские) наскальные изображения // Сборник МАЭ. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. Т. XII. С. 417–484.

Диков Н. Н. Наскальные загадки древней Чукотки. Петроглифы Пегтымеля. М.: Наука, 1971. 132 с.

Дэвлет М. А. Петроглифы Мугур-Саргола. М.: Наука, 1980. 271 с.

Дэвлет М. А. О методике полевого изучения наскальных изображений // КСИА. 1990. Вып. 202. С. 83–89.

Дэвлет М. А. Петроглифы Енисея. История изучения (XVIII — начало XX в.). М.: ИА РАН, 1996. 249 с.

Дэвлет М. А. Мозага-Комужап — памятник наскального искусства в зоне затопления Саянской ГЭС. М.: ИА РАН, 2009. 216 с.

Дэвлет Е. Г., Ласкин А. Р. Петроглифы Хабаровского края: результаты мониторинга последствий паводка в 2013 году на Амуре и Уссури // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43, №4. С. 94–105.

Дэвлет Е. Г., Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н. Материалы к своду петроглифов Чукотки (изображения в скоплениях I–III на Кайкуульском обрыве) // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. М.; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. С. 203–283 (Труды САИПИ. Вып. IX).

Дэвлет Е. Г., Миклашевич Е. А., Слободзян М. Б. Исследования петроглифов на р. Пегтымель в 2005 г. // Пегтымельская тетрадь. М.: ИА РАН, 2006. С. 9–13.

Заика А. Л. Методика полевых исследований петроглифов: учеб.-метод. пособие. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2006. 43 с.

Заика А. Л. Петроглифы Северной Азии: методика и результаты зимних исследований // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2013. С. 256–261.

Заика А. Л. Полевые исследования памятников наскального искусства. Топографическая съемка и индексация петроглифов // *Universum Humanitarium*. 2020. №1. С. 182–213.

Леонтьев Н. В., Панкова С. В. Петроглифы горы Георгиевской (таштыкские резные рисунки) // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская. Льнищенская. Улазы III. Сосниха. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. С. 5–27 (Труды САИПИ. Вып. X).

Мельникова Л. В., Николаев В. С., Демьянович Н. И. Шишкинская писаница. Том 1. История и методика изучения, проблемы музеефикации, описание петроглифов. Иркутск: Ин-т земной коры СО РАН, 2011. 426 с.

Миклашевич Е. А., Панкова С. В., Мухарева А. Н. Петроглифы горы Сосниха // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская. Льнищенская. Улазы III. Сосниха. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. С. 72–112 (Труды САИПИ. Вып. X).

Молодин В. И. Наскальные изображения Бии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2016. 112 с.

Окладников А. П. Писаницы около поселка Свирского на Ангаре // КСИИМК. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947. Вып. XIV. С. 22–25.

- Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура. Л. : Наука, 1971. 334 с.
- Окладников А. П. Петроглифы Верхней Лены. Л. : Наука, 1977. 324 с.
- Подольский Н. Л., Шер Я. А. К методике изучения наскальных рисунков Средней Азии // Проблема археологии Средней Азии. Л. : Издательство Академии наук СССР, 1968. С. 83–85.
- Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск : Изд-во КрГУ, 1985. 192 с.
- Равдоникас В. И. Петроглифы Онежского озера. М.; Л. : АН СССР, 1936. 213 с.
- Рогожинский А. Е. Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. Алматы : Signet Print, 2011. 342 с.
- Савинов Д. Г. Тепсейский петроглифический микрорайон и возможности его изучения // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Т. 1. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2011. С. 48–53.
- Советова О. С. Петроглифы горы Тепсей // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово : Изд-во КемГУ, 1995. С. 33–54.
- Советова О. С., Аболонкова И. В., Солодейников А. К. Документирование наскальных изображений Тепсея: история и современность // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства. М.; Кемерово : Кузбассвуиздат, 2017. С. 35–48 (Труды САИПИ. Вып. XI.)
- Солодейников А. К. Каталогизация наскальной живописи Каповой пещеры // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2011. Т. 2. С. 168–175.
- Солодейников А. К. Стратегия и тактика документирования памятников наскального искусства // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения). Кемерово : Кузбассвуиздат, 2016. С. 200–211.
- Формозов А. А. Наскальные изображения Урала и Казахстана эпохи бронзы и их семантика // Советская этнография. 1950. №3. С. 170–176.
- Хиген А. С. Опыт менеджмента крупных ландшафтов наскального искусства: Тамгалы (Казахстан), Сармишсай (Узбекистан), Гобустан (Азербайджан) с норвежской точки зрения // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2011. Т. 1. С. 39–47.
- Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М. : Наука, 1980. 328 с.
- Яценко Е. Л., Голубев С. Р., Рогожинский А. Е. База данных «Петроглифы Центральной Азии: менеджмент и консервация» // Памятники наскального искусства Центральной Азии: общественное участие, менеджмент, консервация, документация. Алматы : UNESCO, НИПИ ПМК, 2004. С. 162–168.

REFERENCES

- Adrianov A. V. The Writings of the Yenisei Province. Tomsk, 1906. Manuscript. Archive of MAES TSU. 1906. P. 55. (*In Russ.*)
- Bernshtam A. N. Aravan Rock Carvings and Davan Ferghana Capital Ershi. *Sovetskaya etnografiya = Soviet Ethnography*. 1948;4:155–161. (*In Russ.*)

Vyatkina K. V. Shalabolinsky (Tesinsky) Rock Carvings. In: Collection of MAE. Moscow; Leningrad : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1949. Vol. 12. Pp. 417–484. (*In Russ.*)

Dikov N. N. Rock Riddles of Ancient Chukotka. Petroglyphs of Pegtymel. Moscow : Nauka, 1971. 132 p. (*In Russ.*)

Devlet M. A. Petroglyphs of Mugur-Sargol. Moscow : Nauka, 1980. 271 p. (*In Russ.*)

Devlet M. A. On the Methodology of Field Study of Rock Carvings. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii = Brief Reports of the Institute of Archaeology*. 1990;202:83–89. (*In Russ.*)

Devlet M. A. Petroglyphs of the Yenisei. History of study (the 13th — early 20th centuries). Moscow : IA RAN, 1996. 249 p. (*In Russ.*)

Devlet M. A. Mozaga-Komuzhap is a Rock Art Site in the Flooding Zone of the Sayansk Hydroelectric Power Station. Moscow : IA RAN, 2009. 216 p. (*In Russ.*)

Devlet E. G., Laskin A. R. Petroglyphs of the Khabarovsk Territory: Results of Monitoring the Consequences of the Flood in 2013 on the Amur and Ussuri. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2015;43(4):94–105. (*In Russ.*)

Devlet E. G., Miklashevich E. A., Mukhareva A. N. Materials for the Collection of Petroglyphs of Chukotka (images in clusters I–III on the Kaikuul cliff). In: Fine and Technological Traditions in the Art of North and Central Asia. Moscow; Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2012. Pp. 203–283 (Proceedings of SAPAR. Issue IX). (*In Russ.*)

Devlet E. G., Miklashevich E. A., Slobodzyan M. B. Studies of Petroglyphs on the Pegtymel River in 2005. In: Pegtymel Notebook. Moscow : IA RAN, 2006. Pp. 9–13. (*In Russ.*)

Zaika A. L. Methods of Field Research of Petroglyphs: Textbook. Novosibirsk : Novosibirsk State University, 2006. Pp. 43. (*In Russ.*)

Zaika A. L. Petroglyphs of Northern Asia: Methodology and Results of Winter Research. In: Archaeology of the North of Russia: from the Iron Age to the Russian Empire. Yekaterinburg; Surgut : Magellan, 2013. Pp. 256–261. (*In Russ.*)

Zaika A. L. Field Studies of Rock Art Sites. Topographic Survey and Indexing of Petroglyphs. *Universum Humanitarium*. 2020;1:182–213. (*In Russ.*)

Leontiev N. V., Pankova S. V. Petroglyphs of Mount Georgievskaya (Tashtyk carvings). In: Rock art Monuments of the Minusinsk Basin: Georgievskaya. Linishchenskaya. Ulazy III. Sosnikha. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2012. Pp. 5–27 (Proceedings of SAPAR. Issue X). (*In Russ.*)

Melnikova L. V., Nikolaev V. S., Demyanovich N. I. Shishkinskaya Pisanitsa. Vol. 1. History and Methods of Study, Problems of Museification, Description of Petroglyphs. Irkutsk : Institut zemnoj kory SO RAN, 2011. 426 p. (*In Russ.*)

Miklashevich E. A., Pankova S. V., Mukhareva A. N. Petroglyphs of Sosnikha Mountain. In: Rock Art Monuments of the Minusinsk Basin: Georgievskaya. Linishchenskaya. Ulazy III. Sosnikha. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2012. Pp. 72–112 (Proceedings of SAPAR. Issue X). (*In Russ.*)

Molodin V. I. Petroglyphs of Biya. Novosibirsk : Izdatel'stvo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2016. 112 p. (*In Russ.*)

Okladnikov A. P. Pisanitsy near the Village of Svirsky on the Angara. In: KSIIMK. Issue XIV. Moscow; Leningrad : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1947. Pp. 22–25. (*In Russ.*)

Okladnikov A. P. Petroglyphs of the Lower Amur. Leningrad : Nauka, 1971. Pp. 334. (*In Russ.*)

Okladnikov A. P. Petroglyphs of The Upper Lena. Leningrad : Nauka, 1977. Pp. 324. (*In Russ.*)

Podolsky N. L., Sher Ya. A. To the Methodology of Studying Rock Paintings of Central Asia. In: The problem of Archaeology of Central Asia. Leningrad : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1968. Pp. 83–85. (*In Russ.*)

Pyatkin B. N., Martynov A. I. Shalabolinsky Petroglyphs. Krasnoyarsk : Izdatel'stvo Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta, 1985. 192 p. (*In Russ.*)

Ravdonikas V. I. Petroglyphs of Lake Onega. Moscow; Leningrad : AN SSSR, 1936. 213 p. (*In Russ.*)

Rogozhinsky A. E. Petroglyphs of the Archaeological Landscape of Tamgaly. Almaty : Signet Print, 2011. 342 p. (*In Russ.*)

Savinov D. G. Tepseysky Petroglyphic Microdistrict and the Possibilities of its Study. In: Rock Art in Modern Society. To the 290th Anniversary of the Scientific Discovery of the Tomsk Pisanitsa. Vol. 1. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2011. Pp. 48–53. (*In Russ.*)

Sovetova O. S. Petroglyphs of the Tepsey Mountain. In: Ancient art of Asia. Petroglyphs. Kemerovo : Izdatel'stvo Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1995. Pp. 33–54. (*In Russ.*)

Sovetova O. S., Abolonkova I. V., Solodeynikov A. K. Documenting Tepsey Rock Paintings: History and Modernity. In: Fine and Technological Traditions of Early Art Forms. Moscow; Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2017. Pp. 35–48 (Proceedings of SAPAR. Issue XI.) (*In Russ.*)

Solodeynikov A. K. Cataloguing of the Kapova Cave Rock Art. In: Rock Art in Modern Society. To the 290th Anniversary of the Scientific Discovery of the Tomsk Pisanitsa. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2011. Vol. 2. Pp. 168–175. (*In Russ.*)

Solodeynikov A. K. Strategy and Tactics of Documenting Rock Art Monuments. In: Archaeological Heritage of Siberia and Central Asia (problems of interpretation and preservation). Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2016. Pp. 200–211. (*In Russ.*)

Formozov A. A. Rock Paintings of the Urals and Kazakhstan of the Bronze Age and Their Semantics. *Sovetskaya etnografiya = Soviet Ethnography*. 1950;3:170–176. (*In Russ.*)

Higen A. S. Management Experience of Large Rock Art Landscapes: Tamgaly (Kazakhstan), Sarmishsay (Uzbekistan), Gobustan (Azerbaijan) from a Norwegian Point of View. In: Rock Art in Modern Society. To the 290th Anniversary of the Scientific Discovery of the Tomsk Pisanitsa. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2011. Vol. 1. Pp. 39–47. (*In Russ.*)

Sher Ya. A. Petroglyphs of Central and Central Asia. Moscow : Nauka, 1980. 328 p. (*In Russ.*)

Yatsenko E. L., Golubev S. R., Rogozhinsky A. E. Database “Petroglyphs of Central Asia: Management and Conservation”. In: Monuments of Rock Art of Central Asia: Public Participation, Management, Conservation, Documentation. Almaty : UNESCO, NIPI PMK, 2004. Pp. 162–168. (*In Russ.*)

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Свойский Ю. М.: идея публикации, анализ сформированной информации, написание разделов статьи.

Y. M. Svoisky: idea of publication, analysis of the formed information, writing sections of the article.

Аболонкова И. В.: сбор и систематизация материала, написание разделов статьи.

I. V. Abolonkova: collection and systematization of material, writing sections of the article.

Леванова Е. С.: написание разделов статьи, научное редактирование.

E. S. Levanova: writing sections of the article, scientific editing.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Свойский Юрий Михайлович, инженер Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; специалист Института археологии РАН, Москва, Россия.

Yuri Mikhailovich Svoisky, engineer of the HSE Institute for Oriental and Classical Studies National Research University Higher School of Economics; specialist of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Аболонкова Ирина Васильевна, кандидат исторических наук, заведующий научно-экспозиционным отделом Кузбасского музея-заповедника «Томская Писаница», Кемерово, Россия.

Irina Vasilevna Abolonkova, Candidate of Historical Sciences, Head of the Research and Exposition department of Kuzbass Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa", Kemerovo, Russia.

Леванова Елена Сергеевна, кандидат исторических наук, заведующий центром палеоискусства Института археологии РАН; доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

Elena Sergeevna Levanova, Candidate of Historical Sciences, Head of the Center of Paleoart of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

*Статья поступила в редакцию 06.10.2022;
одобрена после рецензирования 30.10.2022;
принята к публикации 02.11.2022.
The article was submitted 06.10.2022;
approved after reviewing 30.10.2022;
accepted for publication 02.11.2022.*

Научная статья / Research Article

УДК 903.24 (571.151)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-02)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ЭЛЕМЕНТАМ ТРАДИЦИОННОГО КОСТЮМА НАРОДОВ ВОСТОЧНОГО ГИНДУКУША

Яценко Сергей Александрович^{1*}, Каверин Святослав Игоревич²

¹Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
sergey_yatsenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5103-9736>

²Центр палеоэтнологических исследований, Москва, Россия;
swat.slav@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1086-0488>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. Анализируются 22 детали костюма кафиров и частично калашей Гиндукуша, которые имеют близкие аналогии у родственных древних ираноязычных народов доисламского времени. Больше всего таких аналогий имеется у индо-скифов и кушан, создавших в I в. до н.э. — I в. н.э. крупные державы поблизости. Эти народы повлияли на костюм местных индо-иранцев и, возможно, участвовали в их этнической истории. Влияние древних иранских народов, проживавших ближе к Гиндукушу, проявилось в крупных аксессуарах костюма, а также в головных уборах и прическе. Легко объяснить также нахождение сходных элементов в «мировой империи» Ахеменидов и у такого активного в раннем Средневековье народа, как согдийцы. Однако многие детали костюма отчасти изолированных обществ высокогорья с их простой сельской жизнью не нашли аналогий в парадном искусстве для элиты различных иранских народов. Важным представляется сотрудничество культурного антрополога и археолога для решения этой задачи. Предлагаются новые методики такого совместного исследования.

Ключевые слова: Гиндукуш, костюм, кафиры и калаша, аналогии в костюме, древние ираноязычные народы, влияние индо-скифов и кушан

Для цитирования: Яценко С. А., Каверин С. И. Археологические параллели элементам традиционного костюма народов Восточного Гиндукуша // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №4. С. 25–47. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-02)

ARCHAEOLOGICAL ANALOGIES TO THE TRADITIONAL COSTUME ELEMENTS IN THE EASTERN HINDUKUSH AREA

Sergey A. Yatsenko^{1*}, Sviatoslav I. Kaverin²

¹Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
sergey_yatsenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5103-9736>

²Paleoethnology Research Center, Moscow, Russia;
swat.slav@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1086-0488>

*Corresponding Author

Abstract. The article analyzes 22 details of the costume of Kafirs and partially the Kalasha of Hindukush which have close analogies among related ancient Iranian-speaking peoples of Pre-Islamic time. The Indo-Scythians and Kushans, who created large powers nearby in the 1st c. BC — 1st c. AD,

have the most of such analogies. These peoples had an impact on the clothing of the local Indo-Iranians and, probably, participated in their ethnic history. The influence of the ancient Iranian peoples, who lived closer to the Hindukush, manifested itself in large costume accessories, as well as in headdresses and hairstyles. It is also easy to explain the presence of similar elements in the “world empire” of the Achaemenids and among such an active people in the early Middle Ages as the Sogdians. However, many details of the costume of the somewhat isolated societies of the highlands with their simple rural life did not find analogies in the ceremonial art for the elite of various Iranian peoples. Collaboration between a cultural anthropologist and an archaeologist seems to be important to solve this problem. New methods of such joint research are proposed.

Key words: Hindukush, costume, Kafirs and Kalasha, costume analogies, ancient Iranian-speaking peoples, influence of Indo-Scythians and Kushans

For citation: Yatsenko S. A., Kaverin S. I. Archaeological Analogies to the Traditional Costume Elements in the Eastern Hindukush Area. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022;34(4):25–47. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-02)

Введение

Горные районы на стыке современных Афганистана, Пакистана и Индии состоят из шести горных систем высотой до 5–7 тыс. м, именуемых обобщенно Гиндукушем (с включением трех хребтов собственно Гиндукуша). Основное внимание ученых — этнологов и религиоведов в этом очень пестром этнически регионе издавна привлекали именно те сравнительно малочисленные народы, которые до самого конца XIX в. (несколько групп «афганских» кафиров) или до сегодняшнего дня (калаши Читрала) сохраняли свои политеистические верования и оригинальные бытовые традиции в окружении мусульманских обществ. Этот интерес не удивителен: последние пять веков «заповедник арийского язычества» постоянно сокращался в плане территории и населения⁴. В языковом отношении в Нуристане (Восточный Афганистан) существует группа индоиранских нуристанских языков (ранее — «кафирских»), а южнее и восточнее располагаются многочисленные группы индоарийских дардских этносов (калашей относят к их читральской или центральной группе).

Соответственно костюм народов Гиндукуша изучен весьма неравномерно. Прежде всего, более детально он исследован у бывших «афганских» кафиров — нынешних нуристанцев (Robertson, 1896, p. 505–529; Castenfeldt, Søholt, 1985, p. 44–69) и калашей на юге Читрала (Sperber, 1990; Maggi, 2004, p. 94–102). Особая область изучения — детали на доисламских деревянных мемориальных статуях обеих групп, которые были основной категорией антропоморфных изображений, к тому же весьма обильно украшенных резьбой (Edelberg, 1960; Klimburg, 2008)⁵.

Однако, как ни странно на первый взгляд, этот труднодоступный высокогорный регион имел весьма сложную и динамичную этническую, культурную и военно-полити-

⁴ Если 500 лет назад «зона язычества» на Гиндукуше простиралась с запада на восток до 800 км, то к концу XIX в. она сократилась примерно до 170 км на западном ее краю.

⁵ Такие крупные статуи у северных кафиров (mute) и калашей (gandau) ставились группами в различных местах у селения: у входа в него, у входа на кладбище, вдоль дорог, у переправ, на прилежащих обрабатываемых полях (Йеттмар, 1986, с. 139, 397, 399). Что касается малых фигурок у калашей (gundurik), то их размещали у гроба.

ческую историю и до сих пор имеет большое стратегическое значение. Начиная с первой в истории человечества «мировой империи» персидских Ахеменидов и затем — Кушанской империи и Арабского халифата на него распространялось влияние различных великих держав. Перемещались активно исламизированные ираноязычные соседи, переселялись под их давлением и смешивались и сами кафиры и центральные дарды. Отдельные группы последних при этом оказались изолированными и жившими вперемешку с чужаками. Сложности с корректным изучением костюма на этом не заканчиваются. У своих более южных (и порой близких в языковом отношении) соседей в низовьях Кунара, Читрала и Свата кафиры/нуристанцы, а также дарды — кхо и калашаи покупали и заказывали и некоторые виды одежды (халаты) и ювелирные украшения (вроде гривен и пекторалей) (см., например, Яценко, 2019, с. 47–48, рис. 18–19). В регионе по разным причинам возникали и всплески «моды» на какой-либо элемент костюма (см. историю популярности мужской шапки «паколь» и ее модификации: Vogelsang, 2006; Каверин, 2021). Столь ценимый туристами и поклонниками «этномоды» яркий женский «традиционный» костюмный комплекс калашей сформировался, как ни странно, недавно — в конце 1970-х гг. — и во многом является инновацией. При этом калашаи в более ранний период испытали немалое влияние культуры своих более многочисленных западных соседей — кафиров (носители нуристанских языков, далее без уточнения).

Все это делает изучение *истории костюма* предков нуристанцев и калашей-дардов очень непростой задачей. Фактически она находится на стадии становления и пока нередко являет собой отдельные, трудно проверяемые предположения.

Методы и материалы

При длительной работе над этим материалом мы исходили из того, что одним из выходов из такого тупика является междисциплинарный подход. Действительно, наш текст является примером тесного сотрудничества двух специалистов, занимающихся весьма разными темами: культурного антрополога, изучающего недавнюю и нынешнюю культуру народов Гиндукуша, и археолога, исследующего также древний костюм окружавших Гиндукуш иранских и отчасти тюркских народов.

Наша *рабочая гипотеза* состояла в следующем. Стоит попытаться найти в костюме нуристанцев и отчасти калашей (желательно более раннем, чем середина XX в.) близкие аналоги древним предметам одежды, особым аксессуарам и декоративным деталям костюма, которые использовались в доисламское время (до VIII–IX вв.) основными, крупными и хорошо изученными в этом плане родственными ираноязычными народами (Яценко, 2006). Это вполне корректно, поскольку основной «культурной инициативой» среди гиндукушских язычников еще в XIX в. владели именно более многочисленные и воинственные индоиранские кафиры, заметно влиявшие на дардоязычных калашей. Понятно, что при таком подходе основные аналогии древним и ранне-средневековым иранцам будут найдены именно у кафиров. Помимо генетической близости, их предки проживали ближе к первым и более тесно общались. Отчасти они сохранили, видимо, те общеиранские черты костюма, которые ретроспективно воссоздаются по обильным материалам последующей ахеменидо-скифской эпохи; се-

годня их известно не менее двенадцати (Яценко, 2006, с. 110–111; Yatsenko, 2009, fig. 1)⁶. Картина таких костюмных аналогий неизбежно будет несколько фрагментарной и мозаичной: ведь даже сравнительно неплохо изученные этнические костюмные комплексы оседлых и кочевых иранцев прошлого (кушан, индо-скифов, тохаристанцев, согдийцев, хорезмийцев, персов трех династий, скифов, сарматов) все же имеют на сегодня немалые лакуны в сериях реалистических изображений и одеяний хорошей сохранности. Само по себе наличие серии близких аналогий у двух названных этнокультурных массивов, отличающихся по времени, может толковаться двояко. Либо это заимствования из соседнего древнего иранского мира, либо же сравнительно мало изменившиеся в природном изоляте Гиндукуша еще единое наследие индоиранской общности бронзового века (последнее пока кажется менее значимым). Итак, мы попробуем изучить диахронные явления в костюме иранцев и индоиранцев, разделенные отрезком времени не менее 1300 лет, и сделаем это, прибегая к индукции (т.е. двигаясь от большого числа частных наблюдений к обобщениям).

Если источники по костюму древних иранских этносов давно в целом систематизированы и опубликованы С.А. Яценко, то этого никак не скажешь о старом костюме кафиров и калашей. Объем текстов, специально посвященных их костюму, все еще относительно невелик. Основная масса интересующего нас костюмного материала находится либо в таблицах-приложениях к различным обобщающим монографиям по культуре Гиндукуша без особых комментариев, либо (куда чаще) хранится в виде большой серии фото, реже — рисунков, а также реальных предметов одежды, обычно оцифрованных и размещенных на сайтах различных музеев, вузов, библиотек и фондов. Большая часть последних, хотя и имеется в открытом доступе, фактически не являлась пока объектом научного изучения. Немаловажны и результаты личной переписки и распросов жителей Гиндукуша или недавних мигрантов оттуда, знакомство с музейными коллекциями Кабула и ряда городов Европы, чем активно занимался С. И. Каверин.

Первым этапом нашей работы был сбор максимально большого количества визуальных материалов по старому костюму Гиндукуша (прежде всего речь идет о кафирах). Затем отбирался изобразительный материал разного художественного и технического уровня, который близко соответствовал костюмным элементам иранцев древности. В дальнейшем из него выбирались наиболее выразительные фото и рисунки, где заинтересовавшие нас элементы показаны более четко и в выигрышных ракурсах. Далее, для нас было важно распределение древних аналогий в пространстве и во времени, среди давно оседлых или ранее кочевых народов и т.п. Преобладание аналогий у определенных этносов должно получить объяснение.

В этой работе имелось еще одно затруднение. Дело в том, что старый «этнографический» костюм двух изучаемых групп и археологические параллели ему представле-

⁶ Это длинный халат "kandys" с очень длинными рукавами, носившийся внакидку (у некоторых народов — и мужчинами и женщинами); короткий кафтан типа древнеперсидского *gaunaka* и скифского *sisirna*; пелерина с богатым декором; женская юбка из разноцветных горизонтальных полос; мужские штаны с лампасами; высокий конический головной убор; наборные пояса, украшенные рядами бляшек или иным металлическим декором; золотые гривны; золотые узкие пекторали; мужские длинные чулки-ноговицы, обычно крепившиеся к поясу; полусапожки; туфли. На деле же этот список наверняка был исходно гораздо шире.

ны визуально, так сказать, в неравном положении и с различающейся степенью полноты. «Археологический» костюм, как правило, известен по изображениям, которые редко сохранились цветными (исчезновение красок на поверхности или их изначальное отсутствие). Они также, как правило, плоскостные и представлены в неких канонических для каждой традиции позах (обычно в профиль или анфас, нередко в виде головы), часто фрагментированы или деформированы; подчас нелегко уточнить их датировку (если они найдены вне археологического контекста). Кроме того, нередко многие ценные детали костюма на изображениях в той или иной мере стилизованы или немного схематичны. В соответствии с установками веризма на них всячески подчеркивались наиболее важные статусные элементы, а остальные нередко переданы обобщенно.

Будучи сильно ограниченными в возможности иллюстрировать здесь наш материал, мы дадим лишь несколько наиболее показательных «этнографических» изображений по Гиндукушу, а древние иранские образцы отразим только в сносках на легко доступные коллегам публикации. Мы также ограничимся здесь краткой характеристикой лишь 22 элементов костюма, которые имеют явные аналоги у древних соседей населения Пригиндукушья. В действительности таких элементов можно назвать больше.

Обратимся теперь к конкретным гиндукушским аналогам более древних элементов костюма доисламского иранского (и отчасти — иранизированного в пограничье) мира.

1. Распашная длинная верхняя одежда с очень длинными рукавами, носившаяся внакидку, типа древнеперсидского “kandys” (рис. 1.-1). Эти халаты у кафиров носились только мужчинами (в т.ч. переселенцами, оказавшимися в долине Читрала). Верхняя одежда именно такого облика была привлекательна для последних язычников Гиндукуша и соответствовала их предпочтениям. Эти шерстяные халаты немарких цветов практически не имели декора, нередко лишены воротника. Один из наиболее эффектных снимков — с 12 лучниками, где двое — в подобных одеждах, был сделан в 1919 г. в Читрале у восточных катэ подполковником Дэвисом⁷. Другой хороший пример — фото мужчины из той же группы, сделанное экспедицией сэра А. Стейна в 1906 г. (Stein, 1921, p. 26f, pl. 10). См. также (Lockhart, Woodthorpe, 1889, p. 319f, pl. 89). Для искусства иранского мира мы, конечно, имеем изображения богов и аристократии в парадных кандисах, обычно с богатым декором⁸. При этом у скифов, «пазырыкцев» Алтая, кушан и в сасанидском Иране кандис изображался у обоих полов, у персов времен Ахеменидов бытовал только у мужчин, а у согдийцев (предков равнинных таджиков) бытовал с I в. н.э. до арабского завоевания только у женщин. Иными словами, кандис документируется (не слишком часто) именно у тех древних иранских этносов, для которых мы имеем особенно много детализированных изображений. У равнинных таджиков у такого женского халата (паранджа) скрепляли края рукавов за спиной; борта могли украшать серебряными бляшками; обычай накидывать такой халат на голову при выходе женщины на улицу распространился только в XIX в. Однако халат типа кандиса бытовал и у горных таджичек (Сухарева, 1979, с. 92–96, рис. 3.-8; Сухарева, 1982, с. 46; ср. Майтдинова, 2004, рис. 8; рис. 64). В целом можно предполагать, что обычай ношения кан-

⁷ G. J. Davis, 1919. National Army Museum. <https://collection.nam.ac.uk/detail.php?acc=1987-05-11-67>.

⁸ (Яценко, 2006, рис. 1.-21–25; рис. 7; рис. 27.-43; рис. 36.-10–11; рис. 41; рис. 47; рис. 49.-1–2; рис. 121.-44–46; рис. 122.-3; рис. 153.-26; рис. 157.-24а; рис. 159.-32а; рис. 162.-2; рис. 188).

дуса у предков кафиров, с одной стороны, был элементом древней индоиранской традиции (см. выше), а с другой — подкреплялся длительным влиянием великих иранских империй Ахеменидов и затем Кушан и ранних Сасанидов, которые включали области Гиндукуша. Не исключено и влияние моды соседей — кхо, мунджанцев и панджшерцев.

2. Короткий мужской запахивавшийся кафтан с рукавами разной длины (от локтя до запястья), нередко расширяющимся книзу. Он изготовлялся как из козьих шкур (Afghanistan and its late Amir..., 1902, p. 13; Castenfeldt, Søholt, 1985, p. 14–15, fig. 6–7), так и из грубой шерстяной (Castenfeldt, Søholt, 1985, p. 11, fig. 3; p. 44–47, fig. 36–39) и бумажной ткани (рис. 1.-2). Такой кафтан бытовал только у тех развитых в социально-политическом отношении групп древних иранцев, которые проживали к северу (северо-западу или северо-востоку) от Гиндукуша — у кушан (мужчины), индо-скифов и хотано-саков (женщины) (Яценко, 2006, рис. 121.-48, рис. 138.-27, рис. 154.-8). Его можно предположительно считать результатом влияния в прошлом северных соседей.

3. Мужские короткие кафтаны-безрукавки из козьих шкур (Castenfeldt, Søholt, 1985, p. 16, fig. 8). Такие куртки использовались вне дома в холодную погоду и не были парадными. Видимо, именно поэтому в искусстве древних иранцев их изображений мы практически не найдем, за одним исключением из ахеменидского Ирана (Bittner, 1985, taf. 29.-1; Яценко, 2006, рис. 1.-27). На границе с кафирами их носили иногда и южные соседи — пашаи (рис. 1.-3)⁹. Подобная одежда была также типичной для мальчиков (Castenfeldt, Søholt, 1985, p. 28, fig. 21). Вязаные безрукавки (жилеты) из шерстяной пряжи (Castenfeldt, Søholt, 1985, p. 17, fig. 9) стали частью их костюма, видимо, уже в XX в.

4. Запахивание мужских и женских кафтанов налево. Древнее запахивание кафтанов и индоиранцев и иранцев на левую сторону после китайского танского влияния на согдийские и тохаристанские диаспоры в городах Поднебесной империи, постепенного перенимания китайского правого запаха тюрками первых Каганатов¹⁰ быстро перестало использоваться в Центральной Азии. У кафиров и калашей на рубеже XIX–XX вв. левосторонний запах был уже редким пережитком. Однако мы встречаем его у лиц обоих полов в материалах экспедиции, которую в 1929 г. возглавлял индийский антрополог С. Б. Гуха. См. яркий пример для восточных катэ: у супруги жреца (Jones, 1983, pl. XX) и у мужчин¹¹, а также у калашей Нуристана (южных кафиров) — вайгальцев (Jones, 1983, p. 16, fig. 8), вамаи (Jones, 1983, p. 11, fig. 3), ашкун. У жителей центральной долины Парун — васи встречается и левый (Jones, 1983, p. 74) и правый запах (Jones, 1983, p. 24, fig. 17; p. 46, fig. 38).

⁹ Illustrated London News. 16.08.1879. P. 12. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0001578/18790816/047/0012> (дата обращения: 20.09.2022).

¹⁰ Китайцы, как известно, с древности считали запахивание халатов налево противоестественным, свойственным «невежественным» иноземцам, и допускали его только для умерших (си), у которых «все должно быть наоборот». Китаизация костюма «западных варваров», собственно, начиналась именно с этого. См. о последнем на примере китайских согдийцев (Абдухоликов и др., 2021, с. 420).

¹¹ Guha B. S. Groupe d'hommes Kafir // Musée du quai Branly — Jacques Chirac : [сайт]. URL: <https://www.quaibrantly.fr/en/explore-collections/base/Work/action/show/notice/924918-groupe-dhommes-kafir> (дата обращения: 24.09.2022).

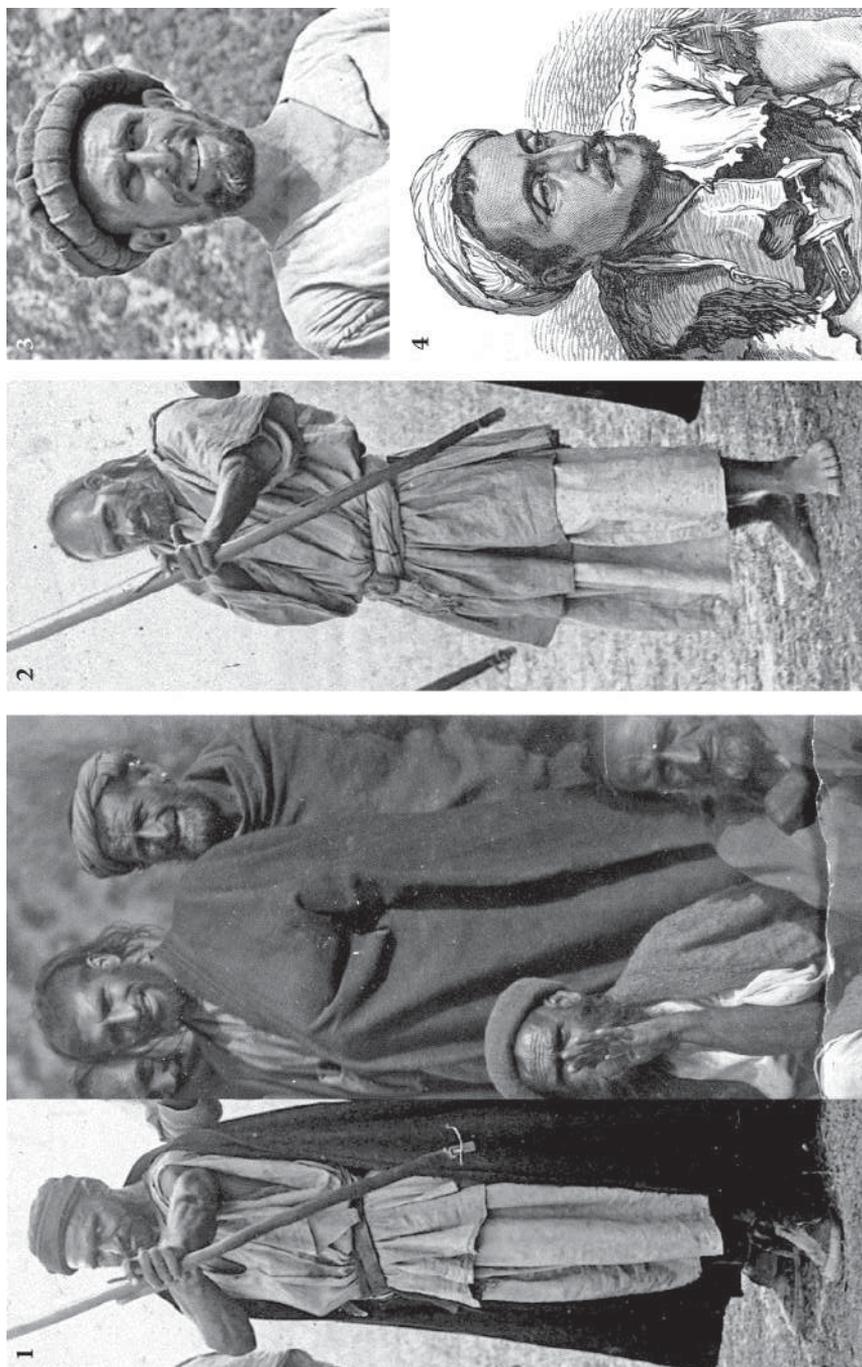

Рис. 1. Распашная одежда и рубахи: 1 — Davis G.J. photo, 1919; Lockhart, Woodthorpe, 1889; 2 — Davis G.J., 1919; 3 — Illustrated London News, 1879; 4 — Thesiger W., 1965

Fig. 1. Double-leaved coats and shirts: 1 — Davis G.J., 1919; Lockhart, Woodthorpe, 1889; 2 — Davis G.J. photo, 1919; 3 — Illustrated London News, 1879; 4 — Thesiger W., 1965

5. Мужская рубаша с воротом с разрезом слева (косоворотка). Встречалась редко, явно как пережиточный элемент, например в Бумборете, у восточных катэ¹². В древних иранских обществах этот не слишком статусно значимый элемент выделялся на изображениях очень редко. Тем не менее мы видим его у индо-скифов в Буткаре (Яценко, 2006, рис. 137.-34). Такой фасон рубахи широко распространен в Афганистане и сегодня.

6. Мужская рубаша с вырезом ворота и имитацией левого лацкана распашной одежды. Мы видим ее на одном из нуристанских фото 1957 г. известного путешественника Уилфреда Тесиджера (рис. 1.-4)¹³, долина Вайгал. Нечто подобное находим только в предарабском Согде (Пенджикент) (Древности Таджикистана..., 1985, №568; Яценко, 2006, рис. 181.-44).

7. «Запазушный» карман в верхней левой части женского платья. Мы видим его на фото у некоторых замужних женщин. Этот прямоугольный карман делался из ткани иного цвета, чем платье. Серия таких платьев документирована у женщин во время подготовки к местному празднику на одном из полевых фото Скайлера Джонса (Edelberg, Jones, 1979, fig. 116). Цветное изображение такого кармана на платье женщины из с. Нишеиграм (долина Вайгал) имеется на неопубликованном фото М. Климбурга 1976 г. (любезно предоставленном нам в 2020 г.) (рис. 2.-1): карман сделан из полосатой, преимущественно красной ткани. Единственная серия мужских парадных рубах с небольшим запазушным карманом документирована для индо-скифов — саков из Средней Азии, вторгшихся в Северную Индию и соседствовавших с Гиндукушем. Она известна на нескольких рельефах в Шахри-Бахлоле (Rosenfield, 1967, pls. 67–68; Яценко, 2006, рис. 137.-35–36, рис. 143). Женский крупный запазушный карман бытовал в VIII–IX вв. в некрополях средневековых аланов на Северном Кавказе (Доде, 2001, с. 18; илл. 5, илл. 14).

8. Нижний край наплечной одежды (изредка — коротких штанов) с серией однотипных треугольных выступов. Их число у древних иранцев на изображениях по периметру всегда кратно трем (3, 6, 12). Исходные три выступа — это, видимо, имитация древнего края наплечной одежды из двух шкур копытного (с края подола в таком случае свисали выступы от бывших хвоста и лапок) (Яценко, 2006, с. 117). Мы видим здесь на фото у одного из руководителей кафирской делегации на встрече с англичанами в Читрале в 1895 г. халат из «туземной» ткани с очень крупными сюжетными изображениями, подол которого украшают, видимо, в общей сложности, 12 небольших треугольных вырезов (Jones, 1973, p. 234). Особенно ценны два акварельных рисунка групп кафиров обоих полов около 1835–1840 гг. от художника из Лахора по имени Имам Бахш, которые иллюстрируют записки французского генерала Огюста Кура на службе у правителя сикхов Ранджита Сингха: это наиболее ранние и детализированные изображения кафиров Гиндукуша. Подол рубахи женщины на экземпляре с четырьмя

¹² Guha B.S. Homme Kafir rouge // Musée du quai Branly — Jacques Chirac. URL: <https://www.quaibrantly.fr/en/explore-collections/base/Work/action/show/notice/925063-homme-kafir-rouge> (дата обращения: 25.09.2022).

¹³ Wilfred Thesiger, 1965. Pitt Rivers Museum. — http://photographs.prm.ox.ac.uk/pages/2004_130_5231_1.html.

Рис. 2. Детали одежды: 1 – Klimburg M. photo, 1976; 2 – Musée Guimet, ca 1840; 3 – Thesiger W. photo, 1965

Fig. 2. Clothes' details: 1 – Klimburg M. photo, 1976; 2 – Musée Guimet, ca 1840; 3 – Thesiger W. photo, 1965

персонажами в парижском Музее Гиме¹⁴ и край коротких штанов мужчины экземпляра с двумя людьми в Национальной библиотеке Франции¹⁵ украшает ряд подобных выступов, но с притупленным концом (рис. 2.-2). У женщины их общее число, видимо, кратно девяти¹⁶. Точно такое же оформление подола мужской верхней рубахи известно в позднесасанидском Иране (Тревер, Луконин, 1987, табл. 33; Яценко, 2016, рис. 158.-16). Наконец, у центрального из шести юношей-беженцев на фото 1895 г. видим, что его безрукавный кафтанчик скроен из двух обычных козьих шкур так, что на подоле от каждой остаются три крупных треугольных выступа¹⁷. Такие выступы уже у иранских народов древности имитировались в ткани, причем обычно на нераспашной верхней рубахе (у сарматов, парфян, индо-скифов, хотано-саков); только у скифской аристократии такие одеяния — распашные (Яценко, 2006, рис. 27.-29, рис. 63.-24, рис. 87.-10, рис. 154.-2, рис. 158.-24). Итак, среди древних иранских этносов с такой особенностью подола были ближайшие к кафирам народы крупных империй — державы индо-скифов, Парфии, а также знаменитые в караванной торговле поздней античности хотано-саки, жившие к северо-востоку.

9. Декор на плечах или в верхней части груди мужских кафтана или халата в виде сложной фигуры, в общих чертах составляющей ромб (с «крючками» по углам) (см., например, фото 1965 г. в Паруне¹⁸) (рис. 2.-3). Для земледельческих народов Европы и Средиземноморья он многими коллегами считался древним символом плодородия (Амброз, 1965). У современных нуристанцев эта сложная фигура (рапок) заменена в быту более крупной и многоцветной фигурой уже в форме простого ромба, обычно вписанного в квадрат. Заметим, что «ромб с крючками», определяемый как «шит», помещался не только на кафтанах или куртках: сходная фигура отмечается на праздничных тканых лентах калашей Читрала, перекрещивающихся на груди, и в архитектурной резьбе по дереву у кафиров разных групп (Sperber, 1990, p. 17). У нуристанцев подобные парные фигуры представлены, например, на полевых фото Уилфреда Тесиджера и Скайлера Джонса¹⁹; см. также на куртке и штанах из долины Парун (Castenfeldt, Søholt, 1985, p. 74). Такая же система размещения двух ромбов известна нам уже на скифском кафтане-*sisirna* на каменном изваянии мужчины у с. Буторы (Яценко, 2006, рис. 28.-16).

¹⁴ Imam Bakhsh. Famille Kafir, miniature illustrant les mémoires du général Court. Company School, Lahore, vers 1835–1840. Ancienne collection du Comte Philippon. Paris, musée Guimet – musée national des Arts asiatiques. Cat. 02-010863 / BG41832. Photo © RMN-Grand Palais (MNAAG, Paris) / Thierry Ollivier. Качественное изображение приобретено С.И. Кавериним. См. также: https://art.rmngp.fr/fr/library/artworks/imam-bakhsh_famille-kafir-miniature-illustrant-les-memoires-du-general-court_gouache_papier.

¹⁵ Chasseurs Kafirs. Album "Suite de douze métiers de l'Inde". Par Imam Bakhsh et un autre peintre, engagés par le général Ventura. Company School, Lahore, vers 1837–1839. Bibliothèque nationale de France, département des Estampes et de la Photographie, Réserve ZF-201-4 (ancien Smith-Lesouëf 10603). Cat. RH 291(12). Качественное изображение приобретено С.И. Кавериним. См. также: http://expositions.bnf.fr/inde/grand/zf201_033.htm.

¹⁶ Стоит отметить, что в фольклоре кафиров неоднократно фигурирует число 18.

¹⁷ URL: <https://wellcomecollection.org/works/hc3e5z64> (дата обращения 22.09.2022).

¹⁸ W. P. Thesiger, 1965. Pitt Rivers Museum. http://photographs.prm.ox.ac.uk/pages/2004_130_4715_1.html.

¹⁹ Wilfred Thesiger, 1965. Pitt Rivers Museum. http://photographs.prm.ox.ac.uk/pages/2004_130_7414_1.html; Jones, S. 2013. 3. 729 – Photograph Collections at the Pitt Rivers Museum // Pitt Rivers Museum. URL: https://photographs.prm.ox.ac.uk/pages/2013_3_729.html (дата обращения: 20.09.2022).

У «более цивилизованных» оседлых иранских групп эту деталь, похоже, не считали нужным передавать²⁰.

10. Орнаменты мужских парадных штанов. На деревянных посмертных почетных изваяниях на фигурах мужчин у кафиров (*mute* у катэ и *dazi* у ком) нас интересуют прежде всего такие популярные вертикальные полосы орнаментов на лампасах, как сеточка, два ряда ромбов и два ряда зигзага (см., например, Edelberg, 1960, fig. 6, 26, 36, 40; см. также статуи восточных катэ в музее Пешавара²¹)²². У древних иранских народов все такие орнаменты штанов периодически встречаются. Возможно, начало популярности именно этих трех орнаментов положила первая «мировая империя» Ахеменидов, где у мужчин они надежно документируются (Яценко, 2006, рис. 2–3).

11. Женская распашная юбка из двух частично сшитых полотнищ, один конец которой нередко подтыкался вверху (рис. 3.-1). Мы располагаем их цветными изображениями. Такая юбка видна еще около 1840 г. на зарисовке семьи кафиров от Имам Бахша в Музее Гиме (см. прим. 11) (рис. 2.-2). Здесь юбка с узорами из рядов ромбов и волнистых полос сопровождается безрукавкой из той же ткани. Другая подобная распашная юбка зафиксирована в долине Вайгала в 1960 г. (Edelberg, Jones, 1979, fig. 14). Основу декора полотнищ составляют широкие полосы белого и коричневого цветов; конец одного полотнища заткнут справа. Как и в первом случае, в комплекте имеется безрукавка из той же ткани. То же видим у другой вайгальской женщины на неопубликованном фото М. Климбурга 1976 г. (рис. 2.-1); здесь цветовая гамма красно-синяя. Подобная одежда сохранилась у юной скифянки в кургане Вишневая Могила (Прилипка, Болтрик, 1991, рис. 5, рис. 7; Яценко, 2006, рис. 38–39). Она также сделана из полосатой ткани. Как наследие скифского времени в Восточной Европе можно рассматривать аналогичные предметы женской одежды у русских (понёва: Жигулина, 2018, с. 58, 150) и украинцев (запaska: Николаева, 1996, с. 72–73).

12. Ленты, перекрещивающиеся на туловище. У кафиров и калашей они были мужским атрибутом (см., например, Edelberg, 1960, fig. 41–43). Однако у кафиров известно исключение: на статуе женщины на троне, получившей за заслуги особый статус, мы тоже видим такие ленты (Newton, 1963, p. 46) (рис. 3.-1). У калашей эти ленты (*sash*) получал мальчик после обряда надевания первых штанов (около 6 лет); вдоль них крепились различные обереги — солярные розетки, бубенцы и т.п. (Sperber, 1990, p. 12–13). Такие ленты еще недавно надевались у женщин равнинных таджиков; они носили в Средней Азии арабское название *haikal*. Эти ленты у жителей Памира вполне внятно ассоциировались с антропоморфной фигурой божества-защитника (Сухарева, 1982, с. 122–123). Сходную ленту носит, например, одно из божеств юэчжей-кушан в северном Афганистане, чье изображение украшало платье юной княгини (Тилля-тепе, могила 2) (Sarianidi, 1985, fig. 80). Такие ленты известны и на женском платье индо-скифов (Яценко, 2006, рис. 138.-35). Итак, наиболее яркие примеры ношения таких скрещен-

²⁰ Позже у тюркоязычных кочевых кыпчаков / куманов / половцев на каменных статуях мы также подчас видим те же два ромба на плечах.

²¹ URL: <https://www.pakistanembassy.gr/article.php?id=288> (дата обращения: 22.09.2022).

²² Что касается близких, но меньших по размеру деревянных фигурок *kundurik*, *gundurik*, *gundik* у калашей, то на них такой узор штанов обычно не выделялся. См. (Klimburg, 2008; Sushma, 2014).

ных лент и в древности, и в недавнее время локализируются в районах, непосредственно соседствовавших с территорией Гиндукуша. При этом не будем забывать и о широком их использовании в других культурах Старого Света (например, у древних эллинов).

13. Ритуальный передник (фартук). Он, видимо, надевался мужчинами в особых случаях. Так, кафирский жрец в 1895 г. на переговорах с англичанами единственный (помимо роскошного пояса с длинными свисающими концами и особого головного убора) имеет, вероятно, длинный и широкий белый передник, выделяющийся на фоне его более темной одежды (Edelberg, Jones, 1979, fig. 25). Ритуальный передник в древности известен и у мужчин юэчжей-кушан на территории, прилегающей к Гиндукушу. Здесь у донатора в пещерном монастыре Квил-и Надир передник уже и чуть не доходит до колен (Haskin, Carl, Maumé, 1959, fig. 264). Из-за длительного пребывания предков юэчжей на границах Китая он вполне может быть связан с тогдашним китайским мужским передником «би», предназначенным для жертвоприношений (Яценко, 2006, с. 181–182). Передник, похожий на кушанский, известен у хорезмийцев предарабского времени (Яценко, 2006, рис. 202.-8). Ср. визуально близкий, свисающий верх штанов калашей Читрала (Schomberg, 1938, p. 80f).

14. Высокий конический головной убор с вертикальными «ребрами жесткости» (прикрывающими конструктивные швы) и околышем. Этот тип убора имеет несколько вариаций. На одном из фото группы мужчин 1885 г. их лидер с ритуальным топориком носит высокий и заостренный сверху убор с четырьмя «ребрами жесткости» и широким околышем (Lockhart, Woodthorpe, 1889, p. 293f, pl. 78)²³ (рис. 3.-2); близкий отмечен и у одного из «ясновидящих» (Robertson, 1896, p. 245). Сходный головной убор (его поверхность при этом покрыта рядами бляшек) изображен и у древних индо-скифов (Яценко, 2006, рис. 137.-8). Вариант его (с большим количеством вертикальных полос, видимо, символизирующих «ребра») представлен на одной из деревянных статуй калашей (Newton, 1963, p. 45; Schomberg, 1938, p. 52f), которые переняли у кафиров (катэ и ком) статусную культуру и ритуализированную, строго регламентированную традицию установки деревянных фигур. Древние близкие аналогии мужским уборам такого типа на изображениях известны у индо-скифов, кушан (и их наследников — тохаристанцев) и у согдийцев (начиная с I в. н.э.), т.е. у тех этносов, которые были соседями населения Гиндукуша (Яценко, 2006, рис. 121.-1, 7, рис. 138.-8, рис. 152.-2, рис. 180.-1, рис. 189.-7).

15. Мужская шапочка с околышем-валиком типа гиндукушской *rakol* образца XIX в. Первоначально имела форму полусферы без полей, но в XX–XXI вв. подверглась модификации. Вокруг происхождения этого головного убора велось немало споров, однако сегодня выяснена его древность в регионе (см.: Каверин, 2022). Вполне ясен и круг древних аналогий для облика убора в иранском мире. Это образцы индо-скифов и кушан (Яценко, 2006, рис. 121.-14, 16, рис. 137.-4, 9) — т.е. тех же близких к Гиндукушу влиятельных народов. В одной из индийских буддийских пещер Аджанты V — начала VII в. на стенной росписи видим похожий белый головной убор у иностранца (тохаристанца?) (Herringham, 1998, pl. XXVIII).

²³ Сканы некоторых фото (со стеклянных негативов или на бумаге) этой серии 1885 г. были приобретены С.И. Кавериным в Royal Geographical Society и British Library.

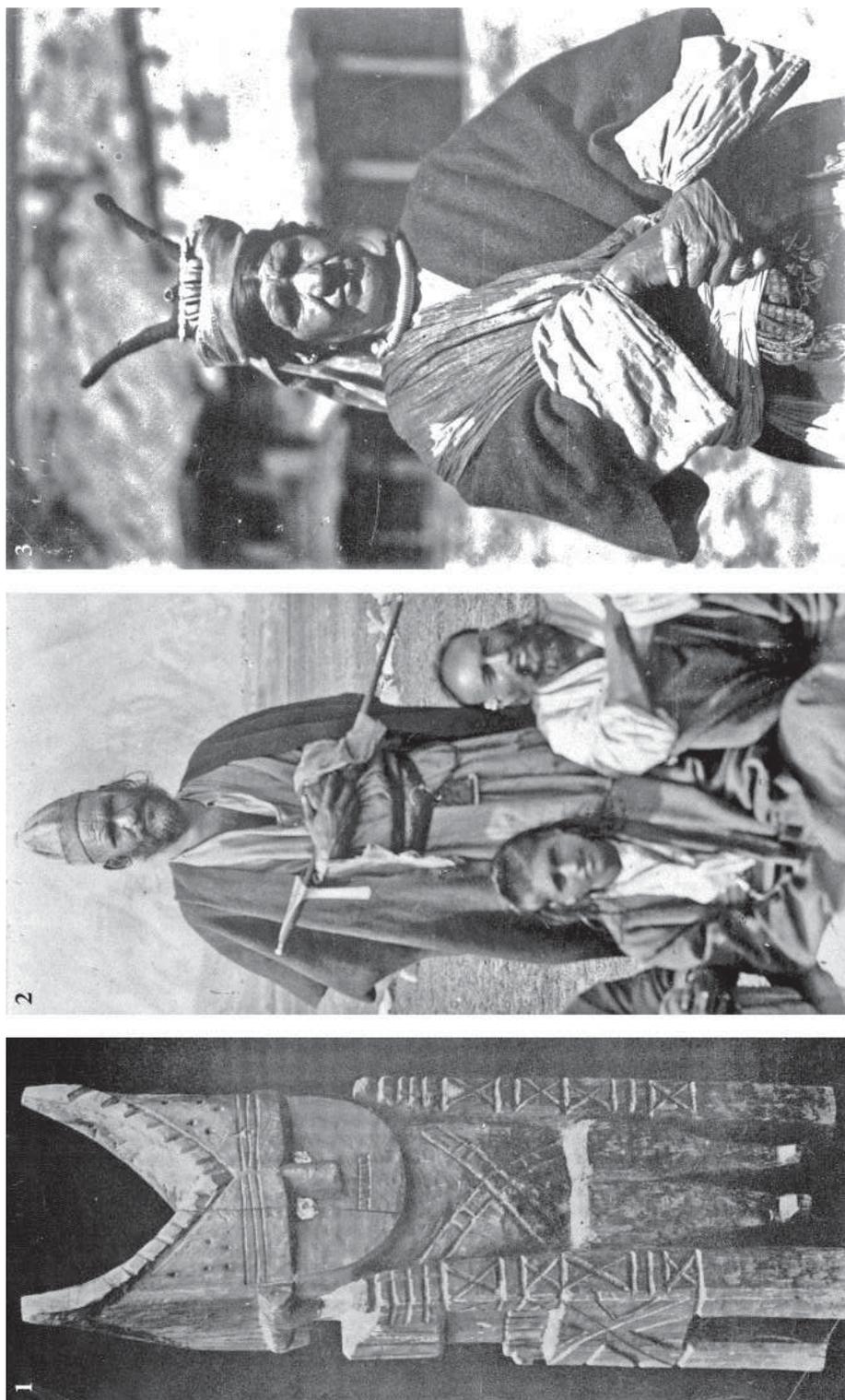

Рис. 3. Головные уборы и скрещенные ленты: 1 — Newton, 1963; 2 — Lockhart, Woodthorpe, 1889; 3 — Jones, 1983

Fig. 3. The headdresses and crossed ribbons: 1 — Newton, 1963; 2 — Lockhart, Woodthorpe, 1889; 3 — Jones, 1983

16. Женские шапочки, включающие имитацию рогов горного козла (см., например, Jones, 1983, pl. XIX). У язычников Гиндукуша горный козел — чистое и святое животное, обитающее у облаков, рядом с богами и духами, и любимое ими. Имитацию его рогов не стоит связывать напрямую с древнейшим тотемизмом. У северных кафиров (катэ, ком) обычно воспроизводились в органических материалах два стоящих почти вертикально рога козла спереди, а еще два свисали сзади (рис. 3.-3). Этот убор символически изображался спереди и на посмертных деревянных статуях «заслуженных» женщин обеих этнических групп (см., например, Edelberg, Jones, 1979, p. 31; Jones, 1983, pl. XXI), и на фигурах меньшего размера (рис. 3.-1). Судя по серии фото, это был довольно стандартный по оформлению убор с четырьмя рогами и рядом металлических деталей: с подвеской-спиралью и медальоном в лобной части, с колокольчиками — в затылочной (см. фото как отдельного экспоната: Jones, 1983, pl. XXI; Castenfeldt, Søholt, 1985, fig. 11). Для некоторых обрядов (например, во время женской пляски в честь бога войны Гиша) все присутствовавшие, видимо, надевали именно рогатые уборы (Robertson, 1896, p. 623); использовались они и в других важных случаях (Robertson, 1896, p. 527). У древних иранских или иранизированных «пазырыкцев» гор северного Алтая мы тоже встречаем плакированные золотом рога горного козла, но в иных формах. Так, на наиболее эффектных зооморфных головных уборах типа 1 у обоих полов рога козла придают коню или оленю (образуя волшебное небесное существо «буура», помощью которого еще недавно пользовались местные шаманы). А в соединенной с головным убором сложной прическе футляры для кос оформлялись в виде рогов козла (Яценко, 2006, с. 91–92, рис. 57).

Однако в обоих случаях речь идет о народах высокогорья, где горный козел был распространенным животным. В равнинных зонах его, естественно, заменял *баран* (в текстах нередко золотой), бывший в иранской традиции одним из основных воплощений даваемой людям небесной благодати (*farn*). Так, в позднесасанидском Иране на серебряном блюде с изображением уединившейся царствующей пары (Галерея Вальтерс в Балтиморе) [золотой] головной убор шахини представляет собой именно массивные, скульптурные рога барана, увенчанные плодом граната (Ghirshman, 1962, fig. 259). Имитация рогов барана в прическе и фигурок этого животного в лобной части головного убора весьма обычна, судя по этнографическим материалам равнинных таджиков и их соседей. Речь шла о символике плодовитости барана-производителя. Там «рога» делались с помощью двух свитых жгутов из ткани (Писарчик, 1979, с. 120–122).

17. Один из типов мужской прически. Спереди и, реже, с боков голова выбривалась. Сзади (на темени) сохраненную длинную и тонкую прядь могли либо оставить свободно свисающей или подчас заплетать в косичку. Такая прическа хорошо видна на одном рисунке, сделанном до исламизации (Bonvalot, 1889, p. 445) (рис. 4.-1); см. также сходную на акварелях Имам Бахша (прим. 11, 12). Древней аналогией ей является прическа на мужской мумии из кургана 5 некрополя Пазырык (Яценко, 2006, рис. 46.-15). Перед нами, видимо, один из вариантов евразийских «воинских» причесок: например, «оселедец» запорожского казачества, чуб абхазов (см. рисунок В. Верещагина «Абхазец», 1865 г.).

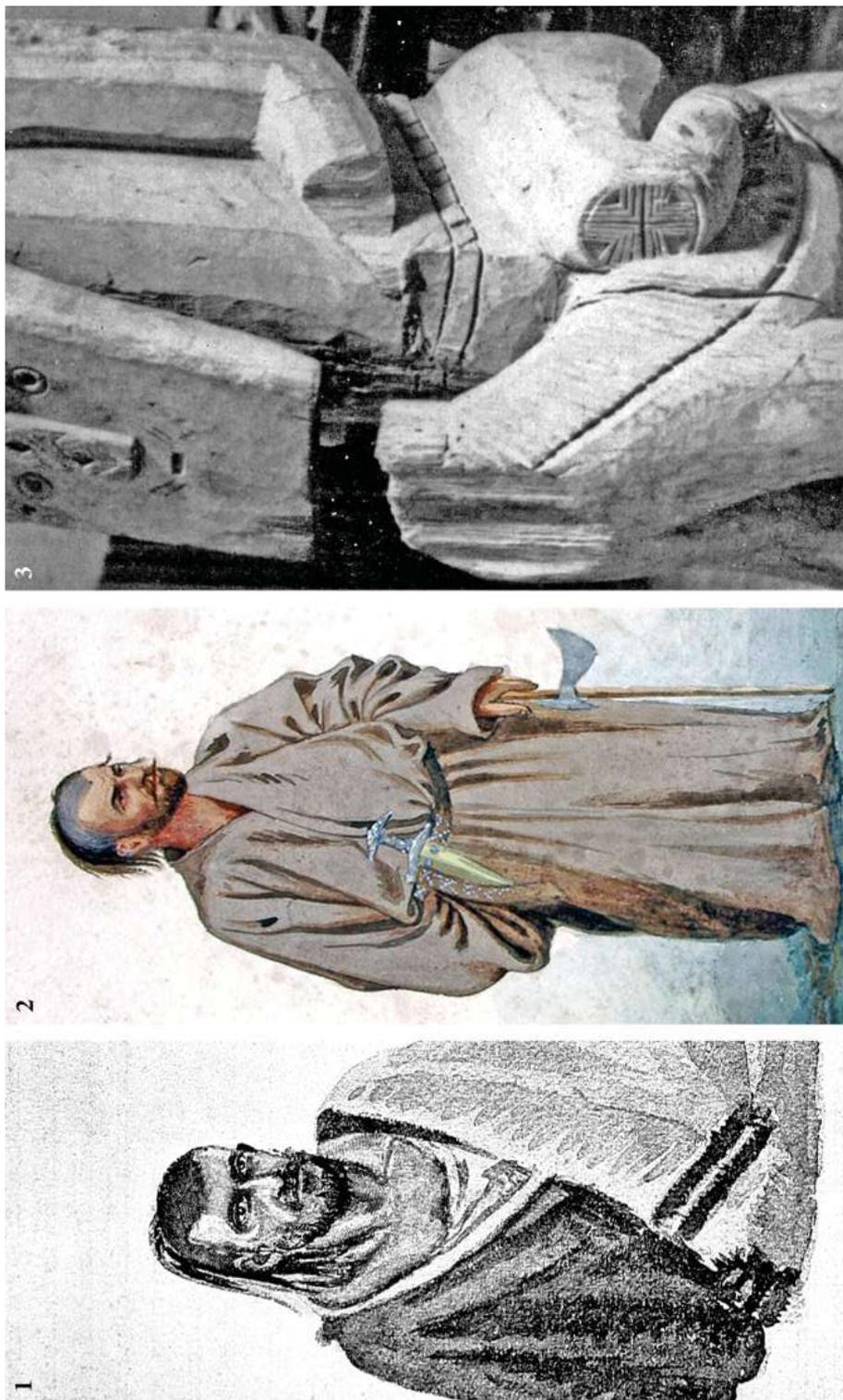

Рис. 4. Декор мужских штанов, пояса и прическа: 1 — Bonvalot, 1889; 2 — Edelberg, Jones, 1979; 3 — Edelberg, 1960

Fig. 4. The male trousers décor, belts and hairstyle: 1 — Bonvalot, 1889; 2 — Edelberg, Jones, 1979; 3 — Edelberg, 1960

18. Мужской кожаный пояс, на ремне которого передан металлическими заклепками ряд квадратиков, разделенных внутри диагоналями на четыре треугольника (Edelberg, Jones, 1979, p. 107f, pl. 101) (рис. 4.-2). Аналогичный металлический декор мужского пояса, в т.ч. переданный с помощью серии прямоугольных металлических пластинок-аппликаций, неоднократно встречен у древних кушан (Яценко, 2006, рис. 121.-75, 78).

19. Мужской тканый пояс с крупным и сложным узлом и свисающим концом. Он был, видимо, достаточно обычен в парадном костюме и отражен на многочисленных фото (см., например, Lockhart, Woodthorpe, 1889, p. 319f, pl. 89). В древнем иранском мире такой пояс мог быть, вероятно, нередко менее престижным, чем кожаный с металлическими накладками, и мы встречаем его на изображениях, пожалуй, только у индо-скифов в Шахри-Бахлоле (Яценко, 2006, рис. 137.-39).

20. Женские гетры, сделанные из пестрой (у кафиров — полосатой, в т.ч. с мелкими ромбиками или волнообразными узорами внутри полос) ткани. В Читрале они отмечены у восточных катэ ранее 1922 г. (Countries of the World, 1924, pl. 21). То же касается изображения около 1840 г. в Музее Гиме (прим. 11). Они характерны в основном для жительниц горных районов с их холодной и ветреной погодой. Однако нечто похожее видим в согдийской эпической сцене выноса из боя убитой женщины-воительницы около начала VIII в. в Пенджикенте (помещение XXXI-1) (см. фото С. А. Яценко: Абдухолиқов и др., 2021, с. 283; рис. 7.-2). Здесь подразумеваются полевые условия, а женщина изображена босой. Кафиры тоже обычно ходили босыми.

21. Гривны и пекторали. Эти уплощенные и узкие шейные украшения из серебра изредка (реже, чем однорядные гривны) документируются у кафиров обоих полов. (У соавторов имеются разногласия насчет отнесения витой гривны с 2-3 соединенными витками к пекторалиям.) У кафиров ремесленники обладали низким социальным статусом; более опытных, включая ювелиров (мастеров по серебру), именовали *jast bari* — «старший раб» (Robertson, 1896, p. 100). Иногда посредниками в изготовлении серебряных престижных аксессуаров могли выступать отселившиеся кафиры, перешедшие в ислам (Robertson, 1896, p. 540). Интересный пример — гривна/пектораль сестры (?) последнего жреца катэ (Jones, 1983, pl. XX). К калашам гривны (*gringa*, этим термином обозначали и пекторали) попадали от соседей-кафиров (Sperber, 1990, p. 43), но произведены те обычно были в долине Сват. Однако дарды верховьев Свата (кохистанцы — торвали, гаври) получали пекторали в XX в., прежде всего, от южных соседей (в среднем течении реки) — пуштунского племени юсуфзаи. Трудно сказать, что здесь было первично — запросы дардов и кафиров или пограничных пуштунов; но в любом случае эти достаточно простые по декору пекторали содержат в своем облике как минимум пять элементов, характерных именно для пекторалей персидской великой империи Ахеменидов. Показательно и отношение ряда групп центральных и восточных дардов Гиндукуша к пекторалиям как к неким сакрально значимым предметам: изображения их на надгробиях, низких креслах, сундуках для ценных вещей, в архитектурной резьбе и на поверхности утвари (Яценко, 2019, с. 48; Емельянов, Каверин, 2019, с. 71). Что касается наличия только геометрических узоров (в отличие от многих пекторалей иранских народов древности), то этот импульс отчасти мог исходить от верхушки индо-скифов (ср. такого рода пектораль на индоскифском саграпе Кастане в Матхуре: Rosenfield, 1967, pl. 5; Яценко, 2019, рис. 16.-1).

22. Наколенники на мужских штанах. Эти богато декорированные накладные детали крайне редко изображались, и не на статуях людей, а только на деревянных *божках* из Паруна (рис. 4.-3), и это показательно (Edelberg, 1960, fig. 3–4, 11, 14). Помимо приведенного на фото орнамента, использовались четырехлистник и крест с двойной обводкой. У древних сарматов наколенники известны у аристократии обоих полов, но в искусстве изображались тоже только у мужчин и в редчайших случаях (Яценко, 2006, с. 151). Учитывая центральноазиатское происхождение разных групп сарматов, немало важно их осмысление в античном Китае. Там они носились только наиболее знатными мужчинами — правителями разных рангов, что отмечалось цветом наколенников (Шицзин, 1987, с. 325, прим. 2; с. 328, прим. 3).

Результаты

Мы получили немало наблюдений о вероятных направлениях костюмных связей предков индоиранцев-кафиров и в небольшой степени — дардов-калашей. Разумеется, при изучении «археологического» костюма нас ожидали большие лакуны. Однако мы взяли для анализа материал именно по тем древним народам, у которых обнаружено много антропоморфных изображений (реже — большие серии хорошо сохранившихся одежд, как у «пазырыкцев»). У них сама редкость того или иного элемента костюма может пониматься многообразно: как сравнительно редкое их использование знатью и их бытование в основном у простолюдинов, как деталь, «неприличная» или незначительная для публичного увековечивания и как, напротив, иногда особо значимый сакральный атрибут. Однако эти и иные многочисленные условности древних изображений, выполненных в разных художественных традициях, в данном случае не кажутся принципиальным препятствием для корректной интерпретации наших наблюдений. Важен будет подсчет тесных аналогий, принадлежавших тому или иному конкретному древнему этносу, их количество, а также удаленность конкретного древнего народа (или уровень его политического могущества и культурного влияния).

Обсуждение

Наиболее точные соответствия специфическим деталям костюма кафиров мы находим *прежде всего у индо-скифов* (10 элементов, №2–3, 7–8, 12–15, 19, 21). Причину обилия именно таких сходжений понять нетрудно. Индо-скифы (часть среднеазиатских *saka*) под давлением наступавших ранее с севера юэчжей и усуней около 85 г. до н.э. во главе с царем Мауэсом продвинулись вниз по р. Инд в Пенджаб. Их держава стала непосредственным соседом (а возможно, и формальным «господином») племен Восточного Пригиндукушья. И хотя индо-скифов вскоре стали преследовать неприятности от более крупных соседей (вторжение парфян Гондофара около 20 г. до н.э. и завоевание региона кушанами к концу I в. н.э.), местные правители из индо-скифов сохранялись в Северной Индии еще при императоре Хувишке. Интересно, что многие специфические аналогии костюму самих индо-скифов известны только... у европейских скифов-сколотов V–IV вв. до н.э. Это не слишком удивляет, учитывая родину обеих группировок на территории Центральной Азии (Яценко, 2006, с. 193). *Кушаны* I–III вв. н.э. (6 элементов, №1–2, 12, 14–15, 18), которые сменили индо-скифов, находятся на втором месте по количеству специфических аналогий. Это тоже не удивительно, учитывая двухвековой контроль кушанских властей над обширными территориями Афганистана

и Индостана, явное наличие кушанских поселенцев в ряде завоеванных земель, а также то, что в афганско-среднеазиатском регионе именно кушаны создали первую большую «варварскую» империю (отличную в этом от державы Селевкидов и Греко-Бактрии), имевшую политические связи с Римом и т.п. Кушаны активно участвовали в мировой торговле и смогли обеспечить части своих подданных весьма высокий уровень жизни.

На третьем месте идут *согдийцы*, начиная со времен Кушанской империи и Кангюя (3 элемента, №6, 14, 20). Речь идет и о вхождении части их в Кушанскую империю, в Тюркские каганаты, Арабский халифат и т.п., и об их исключительной торговой и колонизационной активности на древних караванных путях. Нетрудно понять и наличие специфического сходства с костюмом *персов времен Ахеменидов* — первой «мировой империи», дотянувшейся к тому же до гор Гиндукуша (3 элемента, №2, 10, 21). Вместе с тем нам интересны два элемента сходства с единственным в списке «горным» народом — «пазырыкцами». И сам характер этих сходжений, связанный с ритуальными головными уборами и прической (№16–17), заслуживает внимания.

Можно заметить также, что более всего «вклад» древних иранских народов, проживавших ближе к Гиндукушу, проявился в крупных аксессуарах костюма, а также в головных уборах и прическе. В оформлении набедренной одежды он не прослеживается (здесь отмечены дальние этносы — кочевые или наполовину кочевые, такие, как персы при Ахеменидах), а в наплечной одежде дает лишь половину приведенных аналогий.

Заключение

Наш обзор был вынужденно ограниченным по объему и иллюстрированию многих важных моментов, а надежно документированный и яркий костюмный материал для сопоставления (как у кафиров и калашей, так и у *древних иранцев*) был в известном смысле не менее ограничен. Однако из него становится ясным, что *наибольшее влияние на костюм предков кафиров оказали два знаменитых в древности ираноязычных народа, оказавшиеся у подножья Гиндукуша и частично вошедшие в его ущелья, — индо-скифы и затем кушаны*. Не исключено также культурное влияние и ограниченное участие этих этносов в этногенезе будущих кафиров — язычников страны духов-пери, «Перистана». Немалую роль, видимо, играла и своеобразная «мода» на некоторые детали костюма соседних имперских образований. Как уже отмечалось, у кафиров частично сохранились и некоторые предполагаемые общие индоиранские элементы костюма еще эпохи бронзы: халаты типа *kandys* (1), редкое ныне запахивание кафтанов и халатов налево (4), штаны с лампасами (и вполне стандартным набором их декора, популярным еще у персов времен Ахеменидов) (10), а у их соседей — дардов и пуштунов — прослеживается оформление ряда деталей гривен и пекторалей из драгоценных металлов, свойственное еще Ахеменидской державе (21). В этой статье впервые предложены новые методики на стыке культурной антропологии, археологии и истории костюма (костюмологии), и их результативность кажется нам вполне наглядной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Абдухоликов Ф. Ф., Ртвеладзе Э. В., Бердимуродов А., Богомолов Г., Гюль Э., Ильясов Дж., Компарети М., Кулакова Л., Лурье П., Маршак Б., Торгоев А., Цветкова Т., Яценко С., Вужун С., Я. Юхань. Согдиана — сердце Шелкового пути. Книга-альбом на узбек-

ском, английском и русском языках. Ташкент : Press Info Nashiriyot uyi, Darakchi Inform Service, 2021. 544 с. (Культурное наследие Узбекистана. Т. XXXV).

Амброс А.К. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») // СА. 1965. №3. С. 14–27.

Доде З.В. Средневековый женский костюм народов Северного Кавказа. М. : Восточная литература, 2001. 136 с.

Древности Таджикистана : каталог выставки. Душанбе : Дониш, 1985. 344 с.

Емельянов А. Ю., Каверин С. И. Образ гривны в традиционном искусстве Восточного Пригиндукушья (Кохистан, Кафиристан) // Дизайн. Материалы. Технология. Вып. 2. СПб. : СПбГУ ПТД, 2019. С. 68–71.

Жигулина В. М. Русская народная одежда. Понёва и юбка. М. : Бослен, 2018. 256 с.

Йеттмар К. Религии Гиндукуша. М. : Наука, 1986. 524 с.

Каверин С. И. Паколь: происхождение и функция головного убора горцев Памиро-Гиндукушского региона : выпускная квалификационная работа. М. : РГГУ, 2021. 138 с. (Рукопись).

Майтдинова Г. История таджикского костюма. Т. II. Средневековый и традиционный костюм. Душанбе : Даръё, 2004. 251 с.

Николаева Т. История украинського костюма. Київ : Либідь, 1996. 176 с.

Писарчик А. К. Материалы к истории одежды таджиков Нурата: Старинные женские платья и головные уборы // Костюм народов Средней Азии. М. : Наука, 1979. С. 113–122.

Прилипко Я. П., Болтрик Ю. В. Опыт реконструкции скифского костюма на материалах погребения скифянки из Вишневой Могилы // Курганы Степной Скифии. Киев : Наукова думка, 1991. С. 18–33.

Сухарева О. А. Опыт анализа покровов традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии. М. : Наука, 1979. С. 77–102.

Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX — начало XX в.). М. : Наука, 1982. 142 с.

Тревер К. В., Луконин В. Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. М. : Искусство, 1987. 240 с.

Шицзин. Книга песен и гимнов. М. : Художественная литература, 1987. 352 с.

Яценко С. А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М. : Восточная литература, 2006. 664 с.

Яценко С. А. Пекторали иранских и иранизированных народов древности // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2019. №11. С. 33–72.

Afghanistan and its late Amir: with some account of Baluchistan. London; Madras : Christian Literature Society for India, 1902. 52 p.

Bittner S. Tracht und Bewaffnung des persischen Heeres zur Zeit der Achaimeniden. München : Bodem, 1985. 450 s.

Bonvalot G. Du Caucase aux Indes à travers le Pamir. Paris : Plon Nourrit, 1889. 458 p.

Castenfeldt S., Søholt H. Nuristan: Beklædning, bånd og bæltter. Århus Amtscentral for Undervisningsmidler. Højbjerg : Arhus, 1985. 77 p.

Countries of the World. No 1 / Ed. by J.A. Hammerton. London : Amalgamed Press, 1924. 724 p.

Edelberg L. Statues de bois rapportées du Kafirstan à Kabul après la conquête de cette province par l'émir Abdul Rahman en 1895–96 // *Arts asiatiques*. 1960. T. VII. Fasc. 4. P. 243–286.

Edelberg L., Jones S. *Nuristan*. Graz : Akademische Druck, 1979. 154 p.

Ghirshman R. *Iran. Parthes et Sassanides*. Paris : Gallimard, 1962. 403 p.

Guha B. C. Musée du quai Branly — Jacques Chirac, 1929 [Online source]. <https://www.quaibrantly.fr/en/explore-collections/base/Work/action/show/notice/924918-groupe-dhommes-kafir>.

Hackin J., Carl J., Maumé J. *Diverses recherches archéologiques en Afghanistan (1933–1940)*. Paris : Presses Universitaires De France, 1959 (MDEFA. T. VIII).

Herringham C. *Ajanta frescoes*. New Dehli : Aryan Book International, 1998. 120 p.

Jones S. *Dolke, pokaler og magiske søer i Nuristan* // *Kuml*. 1973. No 23. P. 231–264.

Jones S. *In Search of the Horned Head-Dress* // *Ethnologie und Geschichte: Festschrift für Karl Jettmar* / Hrsg. P. Snoy. Wiesbaden : F. Steiner, 1983. P. 343–350.

Klimburg M. *Status Culture of the Kalasha Kafirs* // *Journal of Asian Civilizations*. 2008. Vol. XXXI. Ns. 1–2. P. 168–194.

Lockhart W.S.A., Woodthorpe R. G. *Gilgit Mission 1885–86*. London : Eyre & Spottiswoode, 1889. 448 p.

Maggi W.R. *Our Women are Free. Gender and Ethnicity in the Hindukush*. Ann Arbor : Univ. of Michigan Press, 2004. 266 p.

Newton D. *Funerary Figures of the Kafirs* // *The Magazine of the American Museum of Natural History*. 1963. Vol. LXXII. P. 41–47.

Robertson G. S. *The Káfirs of the Hindu-Kush*. London : Lawrence and Bullen, 1896. 658 p.

Rosenfield J.M. *The Dynastic Arts of the Kushans*. Berkeley; Los Angeles : Univ. of California Press, 1967. 377 p.

Sarianidi V. *Bactrian Gold from the Excavations of the Tillya-Tepe Necropolis in Northern Afghanistan*. Leningrad : Aurora, 1985. 259 p.

Schomberg S. C. F. *Kafirs and Glaciers. Travels in Chitral*. London : Martin Hopkinson Ltd., 1938. 287 p.

Sperber B.G. *Kalash. Dress. Body decoration. Textile techniques*. Chitral : IInd International Hindukush Cultural Conference, 1990. 62 p.

Stein M. A. *Serindia: detailed report of archaeological explorations in Central Asia and Westernmost China*. Vol. 1. Oxford : Clarendon Press, 1921. 438 p.

Sushma J. *Making myth a reality* // *British Museum Magazine*, Spring/Summer 2014. P. 48–51.

Vogelsang W. *The Pakol, a distinctive but apparently not so very old headgear from the Indo-Iranian borderlands* // *Khil'a*. 2006. No 2. P. 149–156.

Yatsenko S. A. *The Costume of the Iranian Peoples of Classic Antiquity and the Primordial Homeland of Indo-Iranians* // *Departure from the Homeland: Indo-Europeans and Archaeology* / Ed. by M. Vander Linden, K. Jones-Bley. Washington : Institute for the Study of Man, 2009. P. 165–180 (*Journal of Indo-European Studies*. Monograph Series. No. 56).

REFERENCES

Abdulholikov F. F., Rtveladze E. V., Berdimurodov A., Bogomolov G., Gul E., Ilyasov J., Compareti M., Kulakova L., Lurie P., Marshak B., Torgoev A., Tsvetkova T., Yatsenko S., Wu-jun S., Yuhan Ya. Sogdia — The Heart of the Silk Road. Tashkent : Press Info Nashiriyot uyi, Darakchi Inform Service, 2021. 544 p. (The Cultural Legacy of Uzbekistan. T. XXXV) (*In Uzbek., English, Russ.*)

Ambroz A. K. The Early Agricultural Cultic Symbol (“Rhomb with a Hooks”). *Sovetskaya arheologiya = Soviet Archaeology*. 1965;4:14–27. (*In Russ.*)

Dode Z. V. The Medieval Female Costume of the Peoples of the Northern Caucasus. Moscow : Vostochnaya literatura, 2001. 136 p. (*In Russ.*)

The Antiquities of Tajikistan. Exhibition Catalogue. Dushanbe : Donish, 1985. 344 p. (*In Russ.*)

Emelyanov A. Yu., Kaverin S. I. Image of Torque in Traditional Art of the Eastern Hindukush Area (Kokhistan, Kafirstan). In: Design. Materials. Technologies. No 2. St. Petersburg : SPbGU PTD, 2019. Pp. 68–71. (*In Russ.*)

Zhigulina V. M. The Russian Folk Clothing. Ponyova and Yubka. Moscow : Boslen, 2018. 256 p. (*In Russ.*)

Jettmar K. Religions of Hundukush. Moscow : Nauka, 1986. 524 p. (*In Russ.*)

Kaverin S. I. Pakol: The Origin and Function of the Headdress of the Highlanders of Pamir-Hindukush Region. Master's thesis. Moscow : RGGU, 2021. 138 p. (*In Russ.*)

Maitdinova G. History of Tajik Costume. Vol. II. The Medieval and Traditional Costume. Dushanbe : Dar'yo, 2004. 251 p. (*In Russ.*)

Nikolaeva T. History of the Ukrainian Costume. Kyiv : Lybid', 1996. 176 p. (*In Ukr.*)

Pisarchik A. K. The Materials on the Clothes History of Nurata Tajiks: Old Female Dresses and Headdresses. In: Costume of the Peoples of Central Asia. Moscow : Nauka, 1979. Pp. 113–122. (*In Russ.*)

Prilipko Ya. P., Boltrik Yu. V. Reconstruction Experience of Scythian Costume Based on the Grave of Scythian Girl from Vishnyovaya Mogila. In: Barrows of the Steppe Scythia. Kiev : Naukova dumka, 1991. Pp. 18–33. (*In Russ.*)

Sukhareva O. A. Analysis Experience of the Cut of Tradition Clothes of “Tunic” Type in the Aspects of Its History of Evolution. In: Costume of the Central Asian Peoples. Moscow : Nauka, 1979. Pp. 77–102. (*In Russ.*)

Sukhareva O. A. History of the Central Asian Costume. Samarkand (the 2nd half of 19th — early 20th c.). Moscow : Nauka, 1982. 142 p. (*In Russ.*)

Treuer K. V., Lukonin V. G. The Sasanian Silver. The State Hermitage Collections. Moscow : Iskusstvo, 1987. 240 p. (*In Russ.*)

Shi Jing. The Book of Songs and Hymns. Moscow : Hudozhestvennaya literatura, 1987. 352 p. (*In Russ.*)

Yatsenko S. A. Costume of the Ancient Eurasia (the Iranian-Speaking Peoples). Moscow : Vostochnaya literatura, 2006. 664 p. (*In Russ.*)

Yatsenko S. A. Pectorals of the Iranian and Iranized People of Antiquity. *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya = Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 2019;11:33–72 (*In Russ.*)

Afghanistan and its late Amir: with Some Account of Baluchistan. London, Madras : Christian Literature Society for India, 1902. 52 p.

Bittner S. Tracht und Bewaffungung des persischen Heeres zur Zeit der Achaimeniden. München : Bodem, 1985. 450 s.

Bonvalot G. Du Caucase aux Indes à travers le Pamir. Paris : Plon Nourrit, 1889. 458 p.

Castenfeldt S., Søholt H. Nuristan: Beklædning, bånd og bæltter. Århus Amtscentral for Undervisningsmidler. Højbjerg : Arhus, 1985. 77 p.

Countries of the World. No 1 / Ed. by J.A. Hammerton. London : Amalgamed Press, 1924. 724 p.

Edelberg L. Statues de bois rapportées du Kafiristan à Kabul après la conquête de cette province par l'émir Abdul Rahman en 1895–96. *Arts asiatiques*. 1960;VII(4):243–286.

Edelberg L, Jones S. Nuristan. Graz : Academische Druck, 1979. 154 p.

Ghirshman R. Iran. Parthes et Sassanides. Paris : Gallimard, 1962. 403 p.

Guha B. C. Musée du quai Branly — Jacques Chirac, 1929 [Online source]. <https://www.quaibrantly.fr/en/explore-collections/base/Work/action/show/notice/924918-groupe-dhommes-kafir>.

Hackin J., Carl J., Maumé J. Diverses recherches archéologiques en Afghanistan (1933–1940). Paris : Presses Universitaires De France, 1959 (M DFA. T. VIII).

Herringham C. Ajanta Frescoes. New Dehli : Aryan Book International, 1998. 120 p.

Jones S. Dolke, pokaler og magiske søer i Nuristan. *Kuml*. 1973;23:231–264.

Jones S. In Search of the Horned Head-Dress. In: *Ethnologie und Geschichte: Festschrift für Karl Jettmar / Hrsg. P. Snoy*. Wiesbaden : F. Steiner, 1983. Pp. 343–350.

Klimburg M. Status Culture of the Kalasha Kafirs. *Journal of Asian Civilizations*. 2008; XXXI(1–2):168–194.

Lockhart W.S. A., Woodthorpe R.G. Gilgit Mission 1885–86. London : Eyre & Spottiswoode, 1889. 448 p.

Maggi W.R. Our Women are Free. Gender and Ethnicity in the Hindukush. Ann Arbor : Univ. of Michigan Press, 2004. 266 p.

Newton D. Funerary Figures of the Kafirs. *The Magazine of the American Museum of Natural History*. 1963;LXXII:41–47.

Robertson G. S. The Káfirs of the Hindu-Kush. London : Lawrence and Bullen, 1896. 658 p.

Rosenfield J.M. The Dynastic Arts of the Kushans. Berkeley; Los Angeles : Univ. of California Press, 1967. 377 p.

Sarianidi V. Bactrian Gold from the Excavations of the Tillya-Tepe Necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad : Aurora, 1985. 259 p.

Schomberg S. C. F. Kafirs and Glaciers. Travels in Chitral. London : Martin Hopkinson Ltd., 1938. 287 p.

Sperber B. G. Kalash. Dress. Body Decoration. Textile Techniques. Chitral : IInd International Hindukush Cultural Conference, 1990. 62 p.

Stein M. A. Serindia: Detailed Report of Archaeological Explorations in Central Asia and Westernmost China. Vol. 1. Oxford : Clarendon Press, 1921. 438 p.

Sushma J. Making Myth a Reality. *British Museum Magazine*. Spring/Summer. 2014:48–51.

Vogelsang W. The Pakol, a Distinctive but Apparently Not So Very Old Headgear from the Indo-Iranian Borderlands. *Khil'a*. 2006:2:149–156.

Yatsenko S. A. The Costume of the Iranian Peoples of Classic Antiquity and the Primordial Homeland of Indo-Iranians. In: *Departure from the Homeland: Indo-Europeans and Archaeology* / Ed. by M. Vander Linden, K. Jones-Bley. Washington : Institute for the Study of Man, 2009. Pp. 165–180 (Journal of Indo-European Studies. Monograph Series. No. 56).

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Яценко С. А.: формирование структуры статьи, археологические аналогии позднему костюму, этнографические аналогии по иранскому миру, подбор иллюстраций в печать, научное редактирование текста.

Yatsenko S. A.: formation of the structure of the article, archaeological analogies to the late costume, ethnographic analogies in the Iranian World, selection of illustrations for printing, scientific editing of the text, preparing of its part.

Каверин С. И.: использование этнографических материалов по Гиндукушу, анализ серий иллюстраций, научное редактирование текста, подготовка его части.

Kaverin S. I.: use of ethnographic materials on the Hindukush, the analysis of series of illustrations, scientific editing of the text, preparing of its part.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Яценко Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.

Sergey Aleksandrovich Yatsenko, Doctor of History, Professor, History and Theory of Culture Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Каверин Святослав Игоревич, научный сотрудник этнографического отдела Центра палеоэтнологических исследований, Москва, Россия.

Sviatoslav Igorevich Kaverin, Master of Anthropology, Research Scientist, Ethnography Department, Paleoethnology Research Center, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 28.09.2022;

одобрена после рецензирования 27.10.2022;

принята к публикации 02.11.2022.

The article was submitted 28.09.2022;

approved after reviewing 27.10.2022;

accepted for publication 02.11.2022.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научная статья / Research Article

УДК 903.02

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-03)

КИПРИНСКИЙ БОРОК (ЛЕСОСТЕПНОЙ АЛТАЙ): ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ И ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

**Александр Альбертович Казаков^{1*}, Алексей Алексеевич Тишкин²,
Павел Леонидович Рудометов³, Надежда Федоровна Степанова⁴**

¹Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия;
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
kaa-2862@mail.ru, [orcid 0000-0003-2652-2002](https://orcid.org/0000-0003-2652-2002)

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
tishkin210@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>

³Кипринская средняя школа, с. Киприно, Алтайский край, Россия;
rudometov.p@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0838-7794>

⁴Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;
nstepanova10@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4017-5641>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. На основе анализа уже опубликованных материалов и новых поступлений дана общая характеристика археологического комплекса Кипринский Борок, где выявлены различные культурно-хронологические объекты, частично отражающие материальную культуру населения Лесостепного Алтая от неолита до этнографической современности. В статье представлена характеристика фрагментов керамической посуды раннего железного века и Средневековья (каменная, староалейская, кулайская, одинцовская археологические культуры, II тыс. н.э.). С помощью технико-технологического анализа выявлена общая традиция в использовании исходного сырья (среднежелезные пластичные глины) и минеральных примесей (шамот). Для средневековой керамики отмечено небольшое количество сосудов из другого сырья, что может свидетельствовать о появлении нового населения на территории памятника. Наличие рецептов, которые отражают смешение культурных традиций в выборе минеральных примесей (шамот + дресва), сложившихся в разных ландшафтных зонах, свидетельствует о смешении населения в рассматриваемые периоды (каменная и одинцовская культуры).

Ключевые слова: Лесостепной Алтай, археологический комплекс, ранний железный век, Средневековье, керамика, историко-культурная интерпретация, технико-технологический анализ

Благодарности: исследование частично выполнено по проекту FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (Н. Ф. Степанова). Авторы благодарны К. Ю. Кирюшину за помощь при формировании анализируемого собрания находок.

Для цитирования: Казаков А. А., Тишкин А. А., Рудометов П. Л., Степанова Н. Ф. Кипринский Борок (Лесостепной Алтай): историко-культурная и технико-технологическая характеристика керамического комплекса раннего железного века и Средневековья // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №4. С. 48–65. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-03)

KIPRINSKY BOROK (FOREST-STEPPE ALTAI): HISTORICAL, CULTURAL, TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE CERAMIC COMPLEX OF EARLY IRON AGE AND MIDDLE AGES

Aleksandr A. Kazakov^{1*}, Alexey A. Tishkin², Pavel L. Rudometov³, Nadezhda F. Stepanova⁴

¹Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia;
Altai State University, Barnaul, Russia;
kaa-2862@mail.ru, [orcid 0000-0003-2652-2002](https://orcid.org/0000-0003-2652-2002)

²Altai State University, Barnaul, Russia;
tishkin210@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>

³Kiprinskaya Secondary School, Kiprino village, Altai Krai, Russia;
rudometov.p@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0838-7794>

⁴Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia
nstepanova10@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4017-5641>

*Corresponding Author

Abstract. Based on the analysis of the published materials and new findings, the archaeological complex Kiprinsky Borok has been given a general description, its various cultural and chronological objects have been identified, partially reflecting the material culture of the population of the forest-steppe Altai from the Neolithic to ethnographic modernity. The article presents the characteristics of fragments from ceramic ware of the Early Iron Age and the Middle Ages (Kamenskaya, Staroaleiskaya, Kulaiskaya, Odintsovskaya archaeological cultures, II millennium AD). With the help of technical and technological analysis, a common tradition in the use of raw materials (medium-ferruginized plastic clays) and mineral impurities (chamotte) has been revealed. For medieval ceramics, a small number of vessels from other raw materials is usually found, which may indicate the appearance of a new population in the territory of the site. The presence of recipes that reflect the mixing of cultural traditions in the choice of mineral impurities (chamotte + gruss) developed in different landscape zones indicates the mixing of the population in the periods under consideration (Kamenskaya and Odintsovskaya cultures).

Key words: forest-steppe Altai, archaeological complex, Early Iron Age, Middle Ages, ceramics, historical and cultural interpretation, technical and technological analysis

Acknowledgements: the study was partially carried out under the project FWZG-2022-0006 “Comprehensive Studies of Ancient Cultures of Siberia and Adjacent Territories: Chronology, Technologies, Adaptation and Cultural Ties” (N. F. Stepanova). The authors are grateful to K. Yu. Kiryushin for his help in forming the collection of finds under analysis.

For citation: Kazakov A. A., Tishkin A. A., Rudometov P. L., Stepanova N. F. Kiprinsky Borok (Forest-Steppe Altai): Historical, Cultural, Technical and Technological Characteristics of the Ceramic Complex of Early Iron Age and Middle Ages. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022;34(4):48–65. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-03)

Введение

История изучения памятника «Кипринский Борок» началась в XIX в. (Рудометов, 1991, с. 44). Несмотря на это общая и детальная характеристика известного археологического комплекса до настоящего времени не сделана. Имеющиеся публикации в основном посвящены введению в научный оборот отдельных групп находок. Их культурно-хронологические определения в основном осуществлялись при помощи типологического анализа (Комарова, 1956; Горбунов, Рудометов, 2003; Кирюшин, Горбунов, Семибратов, 2013; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016). Некоторые коллекции даны без существенной интерпретации (Рудометов, 1991; 1995). Накопившийся материал, который хранится в разных местах (в т.ч. в Алтайском государственном университете), позволяет приступить к первичной обобщающей характеристике рассматриваемого археологического комплекса.

Памятник расположен на крупном елбане (останце коренного берега) в пойме Оби, примерно в 800 м к северо-востоку от окраины с. Киприно Шелаболихинского района Алтайского края (рис. 1.-1). Возвышенность имеет вытянутую форму, с востока на запад ее длина составляет около 1500 м, а ширина — до 500 м. Северная сторона занята соснами, на отдельных участках имеется облепиха, а на перенесенных песках — редкая травянистая растительность. В последние годы по периметру стали интенсивно расти ивы и осины. Южная и юго-западная часть елбана разрушается ветровой эрозией.

С учетом неплохой представленности археологических материалов с территории Кипринского Борка в публикациях, в настоящей работе будут введены в научный оборот только те находки, которые не нашли отражения в предыдущих статьях. Они были переданы для изучения на кафедру археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета одним из соавторов в 2021–2022 гг. Но для общей характеристики памятника привлекался весь доступный керамический комплекс, который в данном случае может являться одним из основных культурно-хронологических индикаторов (Молодин, 2013, с. 46–48; Кожин, 1989, с. 58, 61; Боталов, Мосин, 2007, с. 12; и др.).

Все известные артефакты с рассматриваемого археологического объекта являются сборами с поверхности дюн, разрушаемых ветрами. Характер переотложенности не позволяет соотнести их с конкретными культурными слоями, которые можно наблюдать в обрывах (рис. 1.-2). Схема распределения находок по месту расположения раздувов была предложена одним из авторов статьи (выдувы №1–9) (Рудометов, 1991, с. 45). Подобная практика может рассматриваться лишь как привязка части одного из культурно-хронологических комплексов к конкретному месту его сборов, но никак не выделение отдельного самостоятельного памятника.

Рис. 1. Кипринский Борок. Месторасположение археологического комплекса на карте-схеме (1) и вид на разрушение культурного слоя (2)

Fig. 1. Kiprinsky Borok. The location of the archaeological complex on the schematic map (1) and the view of the cultural layer destruction (2)

При подготовке керамического материала к публикации возникли определенные сложности при его интерпретации. Это в основном связано с фрагментацией находок. Кроме всего, долготелее выветривание поверхности керамических черепков, воздействие перепадов температур и воды привели к невыразительности орнамента на отдельных предметах. Не удалось собрать ни одного полностью реконструируемого сосуда. Поэтому судить о полных формах разбитой посуды нет возможности. Отметим, что фрагменты керамики на разных выдувах могли принадлежать одной емкости. Встречаются обломки плоских днищ, однако они не соотносятся ни с одним из рассматриваемых ниже комплексов. Поэтому при приблизительном подсчете количества фрагментов, относящихся к различным культурно-хронологическим типам, учитывались только достаточно крупные части с хорошо выраженным орнаментом. Следует отметить, что представленные статистические выкладки являются весьма относительными, несмотря на существенное количество проанализированных собраний с данного памятника. Однако это далеко не все. Есть коллекции, которые хранятся в Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург), а также в музее Алтайского государственного педагогического университета и других учреждениях (с ними пока поработать не удалось). В Алтайском государственном университете изучались коллекции из сборов на памятнике 1976, 1982, 1983 и 2009 гг., которые осуществлялись Ю.Ф. Кирюшиным, А.Б. Шамшиным и др. Однако нет уверенности в том, что это все материалы с обозначенного памятника. Несмотря на относительность представленной выборки, в которую вошел большой массив артефактов, общая картина, представленные наблюдения и выводы могут быть достаточно информативны.

С целью получения дополнительных научных сведений был проведен технико-технологический анализ керамики раннего железного века и Средневековья.

Характеристика керамического комплекса

Керамический комплекс раннего железного века наиболее представительный (рис. 2.-1-6, 8, 9; рис. 3.-5). К нему относятся более 20 фрагментов керамических емкостей, в том числе части венчиков от 13 сосудов.

Подавляющее большинство венчиков прямые и без выраженной шейки, что позволяет говорить о преобладании баночной формы сосудов. Наличие одного венчика с хорошей профилировкой и вытянутой плавной шейкой дает возможность указать на наличие сосуда кувшиновидной формы (рис. 3.-5). Срезы венчиков в большинстве случаев округлые, встречаются горизонтальные и срезанные внутрь сосуда. Форма венчиков довольно стабильная, с небольшими вариациями.

Из орнаментальных элементов фиксируются насечки, крупнозубый гребенчатый штамп, «жемчужины», отпечаток уголка лопаточки, ямки, отпечаток конца стека и штамп подтреугольной формы. Орнаментальная композиция достаточно проста. Она преимущественно представлена одной орнаментальной строкой (возможно, подобная закономерность отмечается из-за сильной фрагментированности сосудов), а также тремя орнаментальными мотивами (горизонтальным, комбинированным и «елочкой»). В подавляющем большинстве случаев орнамент наносился на верхнюю часть сосуда одной орнаментальной строкой. Если в орнаментальной композиции присутствовали «жемчужины», то они всегда встречаются с разделителем, в качестве которо-

го выступают такие орнаментальные элементы, как ямки, отпечатки уголка лопаточки, гребенчатый штамп, отпечатки конца стека. В орнаментальной композиции больше двух элементов орнамента не встречается. По два орнаментальных элемента совмещаются только в случае наличия «жемчужин». Керамический комплекс хорошо узнаваем. По ряду вышеописанных признаков он может быть отнесен к каменной археологической культуре раннего железного века (Абдулганеев, Владимиров, 1997; Иванов, 1990, 2000; и др.), памятники которой на территории Лесостепного Алтая датируются с VI–V в. до н.э. до начала I тыс. н.э. (Фролов, Тишкин, 2019, с. 255, 272).

Поскольку Кипринский Борок расположен в контактной зоне ареалов распространения каменной и староалейской культур, вполне вероятно наличие в характеризуемом комплексе одного фрагмента староалейской керамики, так как для их разделения необходимы большие серии, которых, к сожалению, на этом рассматриваемом памятнике нет.

Керамический комплекс кулайской культуры крайне малочислен и представлен всего одним фрагментом венчика, орнаментированного гладкой «уточкой» (рис. 2.-10). Подобная слабая представленность кулайской керамики может объясняться только одной причиной — для того времени даже сезонное проживание на территории Кипринского Борка было сильно осложнено, по всей вероятности, физико-географическими факторами, о которых речь пойдет ниже. Малочисленность кулайского комплекса делает его датировку гипотетичной. Основываясь на изучении других комплексов керамики кулайской культуры с территории Лесостепного Алтая, можно указать, что такая особенность, как гладкая «уточка», характерна для фоминского этапа (Казakov, 2020a, с. 17) и может датироваться концом III — 1-й половиной IV в. (Казakov, 2020b, с. 622).

Раннее Средневековье представлено фрагментами керамической посуды наиболее позднего (акутихинского) этапа *единцовской культуры*. В не опубликованных сборах встречены 11 фрагментов венчиков от восьми сосудов (рис. 3.-1–4, 6–9). Венчики от семи емкостей профилированные, а один, возможно, прямой (из-за сильной фрагментации однозначно о профилировке фрагмента венчика говорить сложно). Это свидетельствует о значительном преобладании в этом керамическом комплексе изделий горшковидной формы. Срезы венчиков плоские, сделаны внутрь сосуда. В трех случаях они орнаментированы теми же элементами, что и тулово. В одном случае срез венчика не декорирован. Еще на одном имеется воротничок. Несмотря на то что на остальных сосудах ярко выраженного морфологически воротничка нет, орнаментация верхнего края венчика вплотную к его срезу свидетельствует о том, что воротничковые венчики в этом комплексе не являются исключением. Подобная орнаментация визуально создает эффект наличия воротничка. Из морфологических особенностей можно выделить наличие хорошо выраженного плечика на одном сосуде при переходе от венчика к тулову.

Из орнаментальных элементов встречены отпечатки гребенчатого штампа, «жемчужины» и ямки. «Жемчужины» располагаются по верхней зоне венчика. Они достаточно часто расположены относительно друг друга и имеют небольшие размеры, хотя выражены хорошо. Ямки с внутренней стороны, образовавшиеся при нанесении «жемчужника», глубокие и небольшого диаметра. Орнаментальные мотивы вполне разнообразны (горизонтальный, наклонный и зигзаг), а композиция достаточно сложная. Лишь в одном случае орнамент нанесен в две строки. На других сосудах их значитель-

но больше (до 10). Сильная фрагментированность керамики не позволяет выявить закономерности в зональности размещения орнамента. Наличие одного крупного фрагмента, на котором декор нанесен только на верхнюю часть сосуда, позволяет выдвинуть гипотезу об орнаментации только верхней трети изделий. Заметен ярко выраженный геометризм в орнаментации одной емкости. По ряду вышеописанных признаков (горшковидные формы, наличие мелкого и частого «жемчужника», плечика при переходе от венчиковой зоны к тулову, воротничковых венчиков, разнообразие орнаментальных мотивов и др.) этот комплекс можно отнести к самому позднему (акутихинскому) этапу одинцовской культуры (Казаков, 2014, с. 106), который датируется VII–VIII вв. (Казаков, 2014, с. 130). Этой же интерпретации комплекса придерживаются и другие исследователи (Кирюшин, Горбунов, Семибратов, 2013).

Комплекс эпохи Средневековья представлен по большей части изделиями. Он достаточно хорошо опубликован и интерпретирован, соотносится со сrostкинской культурой (Горбунов, Рудометов, 2003; Горбунов, Тишкин, Кунгуров, 2016) и датируется 2-й половиной VIII — XII в. н.э. (Горбунов, 2019, с. 343–345).

Материалы II тыс. н.э. (вплоть до этнографической современности) представлены керамическими фрагментами как минимум 17 сосудов (рис. 4). Венчики профилированы, что свидетельствует о горшковидной форме изделий. Срезы венчиков уплощенные, можно встретить округлые. Практически все они (за исключением одного) орнаментированы. Орнамент на срезы венчиков наносился небрежно, с большим нажимом, что отразилось на их форме — они неровные, рассеченные при нанесении орнамента. Из орнаментальных элементов встречены грубые ямки неправильной формы, крупнозубый гребенчатый штамп, пальцево-ногтевые отпечатки, отпечатки конца стека и грубые отпечатки, напоминающие гребенчатый штамп, нанесенные, возможно, зубами челюсти животного (Казаков, Гальченко, Степанова, 1994; Калинина, Устинова (Гаджиева), 1995). Сосуды украшались одним элементом, который мог сочетаться с ямками. Орнаментальная композиция проста и состоит из горизонтального и наклонного мотивов. Изредка встречается змейка. Есть сосуды без орнаментации. Многие декорированы лишь рядом ямок в верхней зоне венчика. По ряду охарактеризованных признаков данный комплекс можно соотнести с уже известной керамикой II тыс. н.э. (Кирюшин, Казаков, 1997).

Результаты технико-технологического анализа

Технико-технологический анализ выполнен в рамках историко-культурного подхода по методике, разработанной А.А. Бобринским, с помощью бинокулярных микроскопов МБС-10 и Stemi-2000-C (Бобринский, 1978, 1999; Цетлин, 2017). Основная задача работы сводилась к выделению культурных традиций в навыках отбора исходного сырья, подготовки формовочных масс, выявлению общих навыков и определению признаков смешения традиций. При изучении исходного сырья устанавливалась степень ожелезненности глин, характер содержащихся в них грубых примесей, использования одной или двух глин. Для определения степени ожелезненности глин они дополнительно нагревались в окислительной среде в муфельной печи при температуре 850 °С. Для технико-технологического анализа были представлены 27 образцов от разных сосудов, отличающихся хронологически. К раннему железному веку относятся 11 образцов (де-

вать — к каменной культуре, по одному — к староалейской и кулайской), а к Средневековью — 16 (по восемь к одинцовской культуре и II тыс. н.э.).

Каменная культура (рис. 2.-1-6, 8-9, рис. 3.-5). Все сосуды изготовлены из среднеожелезненных пластичных глин. Из естественных примесей в исходном сырье встречается бурый железняк и очень мелкий (пылевидный) песок. Исключение составляет один сосуд (рис. 2.-6), где встречены единичные включения крупного песка (до 6 мм). В двух образцах выявлены рыхлые серые включения. Зафиксированы четыре рецепта: глина + шамот + органика (4 экз.), глина + дресва + органика (1 экз.), глина ожелезненная + глина неожелезненная + дресва + органика (1 экз.), глина + дресва + шамот + органика (3 экз.). На дресву дробили камни разных пород, т.е. закономерности в выборе такого сырья для дресвы не выявлены. Частицы дресвы различаются размерами — от 1 до 2-5 мм (рис. 2.-12). Крупные частицы встречаются редко. Концентрация от 1:3-4 до 1:5-6. Шамот имеет размер частиц от 1 до 2-3 мм, как правило, около 1 мм (рис. 2.-11). Концентрация от 1:3 (рис. 2.-6) до 1:5-6. Отмечены различия по ожелезненности шамота из одного сосуда (рис. 2.-4). Часто шамот бывает из более слабоожелезненного сырья. В шамоте встречается дресва (рис. 2.-1, 8), песок, шамот (рис. 2.-1). Преобладают рецепты со смешением традиций в использовании минеральных примесей и добавлением шамота, но суммарно количество сосудов, в которых есть дресва и в которых есть шамот, близкое — 5 и 7 экз.

Староалейская культура (рис. 2.-7). Сосуд изготовлен из среднеожелезненной пластичной глины, в которую введены шамот и органика (г + ш + о). Размер частиц шамота 1 мм, изредка около 3 мм. Концентрация 1:4.

Кулайская культура (рис. 2.-10). Сосуд изготовлен из среднеожелезненной пластичной глины, в которую введены шамот и органика (г + ш + о). В сырье зафиксированы отдельные песчинки. Размер частиц шамота 1-2 мм. Концентрация 1:4. Шамот из разных сосудов, в том числе слабоожелезненный, в нем имеется песок и бурый железняк.

Одинцовская культура (рис. 3). Все восемь сосудов изготовлены из ожелезненных глин, в основном из среднеожелезненных, и в одном случае — слабоожелезненной (рис. 3.-9). Большинство глин пластичные, исключение составляют два сосуда (рис. 3.-1, 6). Из естественных примесей в исходном сырье зафиксирован мелкий кварцевый (от 0,1 мм и реже крупнее, в том числе до 1 мм) песок. Аналогичный песок иногда прослеживается и в шамоте. Бурый железняк есть в семи образцах, за исключением одного фрагмента, в котором также зафиксирован очень мелкий обломок косточки рыбы. Выявлены два рецепта: глина + шамот + органика (6 экз.) и глина + шамот + дресва + органика (рис. 3.-1, 9). В одном фрагменте (рис. 3.-1) дресвы очень мало. Видимо, частицы дресвы выпали из шамота. В другом образце концентрация дресвы 1:4-5, размер частиц около 1 мм. Шамот имеет размер от 5 до 3 мм, преимущественно 1-2. Концентрация 1:4, 1:4-5, реже иная. Шамот в формовочной массе одного сосуда часто разный, отличается по ожелезненности, в том числе есть более слабоожелезненный, иногда встречается низкопластичный. Изредка в шамоте прослеживается шамот и дресва. В одном образце выявлен отпечаток зерна-семечка. В целом в этой группе керамики зафиксировано смешение традиций в использовании минеральных примесей, что свидетельствует о контактах населения из разных ландшафтных зон.

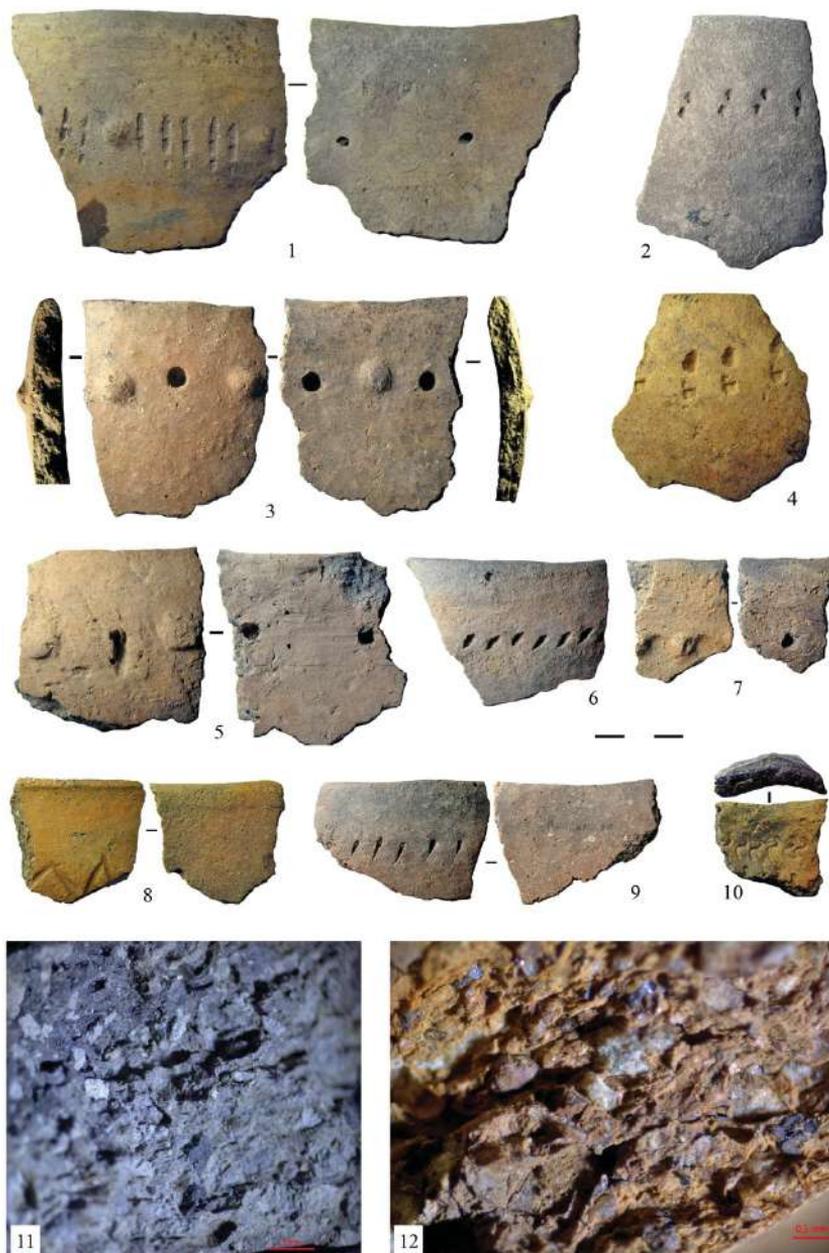

Рис. 2. Кипринский Борок. Фрагменты керамической посуды каменной (1–6, 8, 9), староалеической (7) и кулайской (10) культуры. Микрофотографии образцов с шамотом (11) и дресвой (12)

Fig. 2. Kiprinsky Borok. Fragments from the ceramic ware of the Kamenskaya (1–6, 8, 9), Staroaleiskaya (7) and Kulaiskaya (10) cultures. Micro-photographs of samples with chamotte (11) and gruss (12)

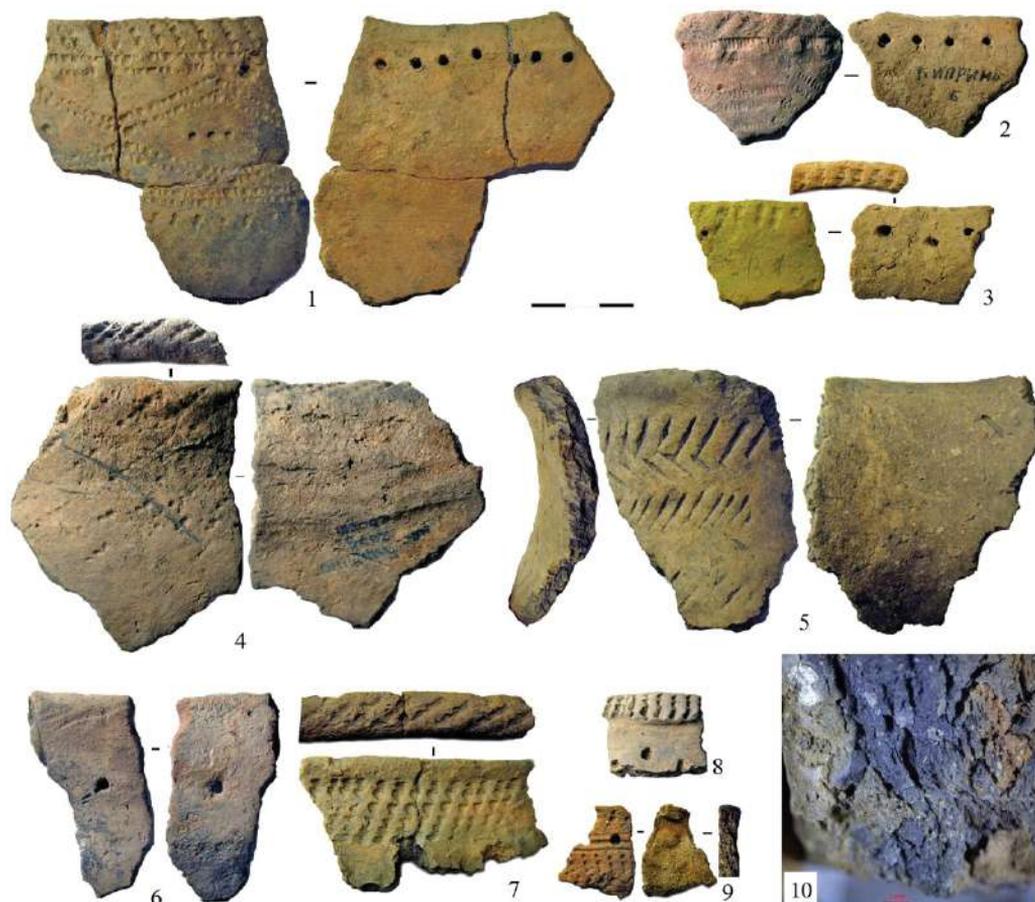

Рис. 3. Кипринский Борок. Фрагменты керамических сосудов одиновской (1–4, 6–9) и каменской (5) культур и микрофотография образца с дресвой (10)

Fig. 3. Kiprinsky Borok. Fragments from ceramic vessels of the Odintsovskaya (1–4, 6–9) and Kamenskaya (5) cultures (1-9) and a micro-photograph of a sample with gruss (10)

Керамика II тыс. н.э. К этой группе относятся восемь образцов (рис. 4). Все сосуды были изготовлены из среднежелезненных глин, которые немного различаются оттенками. Используются преимущественно пластичные глины. Исключение составляет один образец (рис. 4.-6), в котором зафиксировано значительное количество пылевидного песка. В исходном сырье встречается бурый железняк (за исключением одного случая), а также пылевидный и мелкий песок в небольшом количестве (единичные включения). Выявлен один рецепт: глина + шамот + органика. Размер частиц шамота колеблется от 1 до 6 мм. Крупные частицы встречаются достаточно часто. Концентрация шамота от 1:4 до 1:5–6. Шамот в одном сосуде различается по ожелезненности. В отдельных случаях шамот из слабожелезненного сырья. Иногда прослеживается шамот в шамоте, песок, остатки органики. От вышеперечисленных групп серия выде-

ляется незначительным количеством песчинок в исходном сырье, а шамот отличается большим размером частиц.

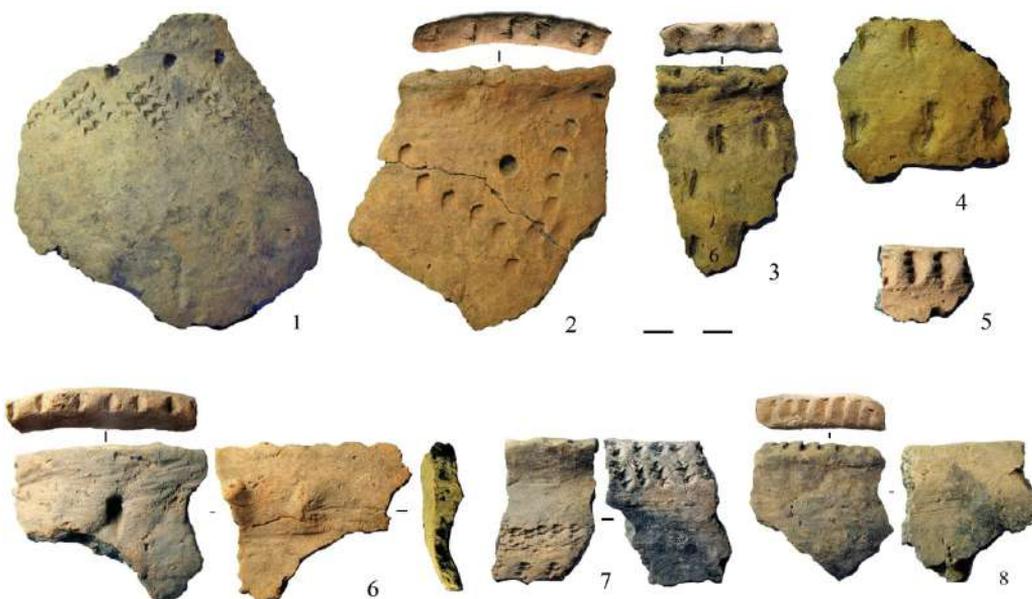

Рис. 4. Кипринский Борок. Фрагменты керамической посуды начала II тыс. н.э.

Fig. 4. Kiprinsky Borok. Fragments of ceramic ware, the beginning of the II millennium AD.

Исходное сырье и состав формовочных масс Feedstock and composition of molding masses

		Пластичность		Ожелезненность		Рецепты			
		пластичное	средне-пластичное	средне-ожезненное	слабо-ожезненное	г+ш+о	г+д+ш+о	г+д+о	г+г+д+о
Каменская	9	9		9		4	3	1	1
Староалейская	1	1		1		1			
Кулайская	1	1		1		1			
Одинцовская	8	6	2	7	1	6	2		
Керамика II тыс. н.э.	8	7	1	8		8			
	27	24	3	26	1	20	5	1	1

Подводя итог, отметим, что на памятнике в коллекциях раннего железного века и Средневековья выявлены общие традиции в использовании исходного сырья (среднеожезненные пластичные глины) и применении минеральных примесей (шамот) (табл.). Однако для одинцовской посуды и изделий II тыс. н.э. отмечено небольшое

количество керамики из другого сырья, что может свидетельствовать о появлении нового населения на памятнике. Смешение населения с разными культурными традициями в использовании минеральных примесей (шамот + дресва), сложившимися в разных ландшафтных зонах, происходит при непосредственных контактах гончаров и связано с усложнением состава населения (Бобринский, 1978, с. 89–99; Степанова, 2015; 2017). Подобные изменения в составе населения отражает керамика каменной и одинцовской культур. Для керамики каменной культуры отмечена замена дресвы на шамот. Процесс смешения у населения каменной культуры был интенсивнее, чем у одинцовского.

Заключение

Изученные материалы с Кипринского Борка способствовали выделению девяти культурно-хронологических комплексов. Не встречено находок, соотносимых с периодом развитой бронзы (андроновская культура). Практически нет материалов, позволяющих соотнести их с кулайской и ранними этапами одинцовской археологических культур. В хронологическом плане картина выглядит следующим образом (используется хронологическая схема, изложенная в первом томе «Истории Алтая» (2019)): с VII тыс. до н.э. по XVIII в. до н.э. территория Кипринского Борка была заселена; материалы XVIII–IX вв. до н.э. на памятнике не встречены; с IX по II в. до н.э. площадь возвышенности активно использовалась; свидетельств проживания людей со II в. до н.э. по VII–VIII вв. н.э. нет; с VII–VIII вв. н.э. и до настоящего времени указанный участок включен в сферу деятельности людей для различных целей.

С чем связаны достаточно длительные периоды, которые не нашли отражения на памятнике, пока сказать трудно. Можно лишь предположить, что причиной подобного положения могли являться изменения климата, когда из-за увлажнения уровень грунтовых вод повышался, а паводки были значительно выше, что приводило к затоплению елбана и делало невозможным ведение на нем хозяйственной деятельности. Следует сказать, что это лишь гипотеза, требующая дальнейшей разработки. Последние исследования по реконструкции климата на близлежащих территориях (Малый Гоньбинский Кордон) для раннего железа — раннего Средневековья делают эту гипотезу более доказательной (Барышникова и др., 2021).

Учитывая место расположения (пойменный участок, невысокое возвышение, легкие супесчаные почвы) и характер находок, можно предположить, что Кипринский Борок представляет собой место кратковременных стоянок, связанных с сезонной хозяйственной деятельностью населения, проживающего на стационарных поселениях, расположенных неподалеку на более возвышенных местах. Пойма являлась экологической нишей, позволяющей с большой эффективностью заниматься такими видами хозяйственной деятельности, как рыбная ловля и охота (Казаксов, Рудометов, 2022).

Наличие большого количества материалов, представляющих различные периоды древней и средневековой истории Алтая, делает Кипринский Борок достаточно важным комплексом, требующим дальнейшего более детального изучения. Вместе с тем в настоящее время актуальными проблемами являются вопросы охраны этого объекта культурно-исторического наследия (Казаксов, Рудометов, 2022), так как он не только продолжает разрушаться под воздействием природных факторов, но и испытыва-

ет достаточно серьезную антропогенную нагрузку. Активизация деятельности «черных копателей» также представляет опасность для существования этого памятника.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Абдулганеев М. Т., Владимиров В. Н. Типология поселений Алтая 6–2 вв. до н.э. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. 148 с.

Барышникова О. Н., Михаревич М. В., Грушин С. П., Сайберт В. О. Природные условия формирования памятника Малый Гоньбинский Кордон 2 одинцовской культуры Алтая в IV–VIII вв. н.э. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. №4 (55). С. 49–59. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-55-4-4>

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М. : Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара : Изд-во Самарского пед. ун-та, 1999. С. 5–109.

Боталов С. Г., Мосин В. С. Урало-Сибирская лесостепь в древности и средневековье (к осмыслению праугро-самодийского единства) // Финно-Угрика. 2007. №10. С. 10–72.

Горбунов В. В. Сросткинская культура // История Алтая : в 3 т. Т. I : Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та; Белгород : Константа, 2019. С. 333–345.

Горбунов В. В., Рудометов П. Л. Средневековые памятники в окрестностях с. Киприно // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XIII. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 52–57.

Горбунов В. В., Тишкин А. А., Кунгуров А. Л. Поселения сросткинской культуры на территории Лесостепного Алтая: идентификационные признаки // Известия АлтГУ. 2016. №4 (92). С. 218–229. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2016\)4-38](https://doi.org/10.14258/izvasu(2016)4-38)

Иванов Г. Е. Керамика второй половины 1 тыс. до н.э. с поселений степного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 74–78.

Иванов Г. Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района (к 200-летию с. Мамонтово). Барнаул : Алтайский полиграфический комбинат, 2000. 160 с.

История Алтая : в 3 т. Т. I : Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та; Белгород : Константа, 2019. 392 с.

Казаков А. А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2014. 152 с.

Казаков А. А. Поселение Ближние Елбаны-IV (по материалам Государственного Эрмитажа) // Теория и практика археологических исследований. 2020а. №2 (30). С. 7–23. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2020\)2\(30\).-01](https://doi.org/10.14258/tpai(2020)2(30).-01)

Казаков А. А. Комплекс фоминского этапа кулайской культуры городища Городище 3 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020б. №22(3). С. 618–625. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-618-625>

Казаков А. А., Гальченко А. В., Степанова Н. Ф. Об особенностях орнаментации средневековой керамики // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 154–155.

Казаков А. А., Рудометов П. Л. Кипринский Борок. Краткая характеристика и проблемы охраны // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2022. Вып. XXXVIII. С. 244–248. <https://doi.org/10.14258/2411-1503.2022.28.34>

Калинина И. В., Устинова (Гаджиева) Е. А. Использование челюстей животных для орнаментации древней керамики // Российская археология. 1995. №23. С. 69–83.

Кирюшин К. Ю., Горбунов В. В., Семибратов В. П. Комплекс одинцовской культуры на поселении Киприно 1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. Вып. XVII–XIX. С. 142–146.

Кирюшин Ю. Ф., Казаков А. А. Керамика первой половины 2 тыс. н.э. с археологических памятников озера Большой Иткуль // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск : Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, 1997. С. 297–303.

Кожин П. М. Значение керамики в изучении древних этнокультурных процессов // Керамика как исторический источник. Новосибирск : Наука, 1989. С. 54–70.

Комарова М. Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИА. 1956. Вып. 64. С. 93–103.

Молодин В. И. Керамика как этнокультурный индикатор в западно-сибирских общностях позднего средневековья и нового времени // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. М. : Институт археологии РАН, 2013. С. 46–48.

Рудометов П. Л. Случайные находки с Кипринского Борка // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул : БГПИ, 1991. С. 44–47.

Рудометов П. Л. Новые находки с Кипринского Борка // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Б.и., 1995. С. 21–22.

Степанова Н. Ф. Культурные традиции в выборе исходного сырья и минеральных примесей при изготовлении керамики по материалам горных, предгорных, степных и лесостепных районов Алтая // Самарский научный вестник. 2015. №4 (13). С. 90–95.

Степанова Н. Ф. Особенности исходного сырья из горных и лесостепных районов Алтая и сопредельных территорий (по материалам керамических комплексов эпохи неолита — раннего железного века) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 401–404.

Фролов Я. В., Тишкин А. А. Каменная культура // История Алтая : в 3 т. Т. I : Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та; Белгород : Константа, 2019. С. 255–272.

Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М. : Институт археологии РАН, 2012. 384 с.

REFERENCES

Abdulganeev M. T., Vladimirov V. N. Typology of Altai Settlements in the 6th–2nd Centuries BC. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1997. 148 p. (*In Russ.*).

Baryshnikova O. N., Mikharevich M. V., Grushin S. P., Saibert V. O. Natural Conditions of Formation of the Malyi Gon'binskii Kordon 2 Site of the Odintsovskaya Culture of Altai in the 4th–8th Centuries A. D. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii = Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 2021;55(4):49–59. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-55-4-4> (*In Russ.*).

Bobrinsky A. A. Pottery of Eastern Europe. Sources and Methods of Study. Moscow : Nauka, 1978. 272 p. (*In Russ.*).

Bobrinsky A. A. Pottery Technology as an Object of Historical and Cultural Studies. In: Current Problems of the Study of Ancient Pottery. Samara : Izd-vo Samarskogo ped. un-ta, 1999. Pp. 5–109. (*In Russ.*).

Botalov S. G., Mosin V. S. Ural-Siberian Forest-Steppe in Antiquity and Middle Ages (to comprehension of the Proto-Ugro-Samoyed unity). *Finno-Ugrika = Finno-Ugrika*. 2007;10:10–72. (*In Russ.*).

Gorbunov V. V. Srostkinskaya Culture. In: The story of Altai: in 3 vol. Vol. I : Ancient Epoch, Antiquities and Middle Ages. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta; Belgorod : Konstanta, 2019. Pp. 333–345. (*In Russ.*).

Gorbunov V. V., Rudometov P. L. Medieval Sites in the Vicinity of Kiprino Village. In: Preserving and Studying Cultural Heritage of Altai Territory. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2003. Vol. XIII. Pp. 52–57. (*In Russ.*).

Gorbunov V. V., Tishkin A. A., Kungurov A. L. Settlements of the Srostkindkaya Culture in the Territory of the Forest-Steppe Altai: Identification Signs. *Izvestiya AltGU = Bulletin of Altai State University*. 2016;4(92):218–229. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2016\)4-38](https://doi.org/10.14258/izvasu(2016)4-38) (*In Russ.*).

Ivanov G. E. Ceramics of the Second Half of the 1st Millennium BC from the Settlements of the Steppe Altai. In: Protection and Use of Archaeological Sites in Altai. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1990. Pp. 74–78. (*In Russ.*).

Ivanov G. E. Corpus of Historical and Cultural Monuments of the Mamontovskii District (to the 200th anniversary of Mamontovo Village). Barnaul : Altajskij poligraficheskij kombinat, 2000. 160 p. (*In Russ.*).

The story of Altai: in 3 vol. V. I: Ancient Epoch, Antiquities and Middle Ages. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta; Belgorod : Konstanta, 2019. 392 p. (*In Russ.*).

Kazakov A. A. Odintsovskaya Culture of Barnaul-Biysk Ob Region. Barnaul : Barnaul'skij juridicheskij institut MVD Rossii, 2014. 152 p. (*In Russ.*).

Kazakov A. A. The Settlement of Blizhnie Elbany-IV (based on the materials of the State Hermitage Museum). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2020a;2(30):7–23. (*In Russ.*). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2020\)2\(30\).-01](https://doi.org/10.14258/tpai(2020)2(30).-01)

Kazakov A. A. The Complex of the Fominskii Stage of the Kulaiskaya Culture of the Settlement Gorodishche 3. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Kemerovo State University*. 2020b;22(3):618–625. (*In Russ.*). <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-618-625>

Kazakov A. A., Galchenko A. V., Stepanova N. F. On Specifics of Medieval Ceramics Ornamentation. In: Paleodemography and Migration Processes in Western Siberia an Antiquity and Middle Ages. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1994. Pp. 154–155. (*In Russ.*).

Kazakov A. A., Rudometov P. L. Kiprinskii Borok. Brief Description and Problems of Protection. In: Preserving and Studying Cultural Heritage of Altai Territory. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2022. Vol. XXXVIII. Pp. 244–248. (*In Russ.*). <https://doi.org/10.14258/2411-1503.2022.28.34>

Kalinina I. V., Ustinova (Gadzhieva) E. A. Use of Animal Jawbones for Ornamentation of Ancient Ceramics. *Rossijskaya arheologiya = Russian Archaeology*. 1995;23:69–83. (*In Russ.*)

Kiryushin K. Yu., Gorbunov V. V., Semibratov V. P. Complex of Odintsovskaya Culture at the Settlement Kiprino 1. In: Preserving and Studying Cultural Heritage of Altai Territory. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2013. Vol. XVII–XIX. Pp. 142–146. (*In Russ.*)

Kiryushin Yu. F., Kazakov A. A. Ceramics of the First Half of the 2nd Millennium AD from Archaeological Sites of Lake Bolshoy Itkul. In: Topical Issues of Ancient and Medieval History of Siberia. Tomsk : Tomskij gosudarstvennyj universitet sistem upravleniya i radioelektroniki, 1997. Pp. 297–303. (*In Russ.*)

Kozhin P. M. Significance of Ceramics in Studying Ancient Ethnocultural Processes. In: Ceramics as Historical Source. Novosibirsk : Nauka, 1989. Pp. 54–70. (*In Russ.*)

Komarova M. N. Neolithic of Upper Ob Region. In: KSIA. 1956. Issue 64. Pp. 93–103. (*In Russ.*).

Molodin V. I. Ceramics as Ethnocultural Indicator in West Siberian Communities of Late Middle Ages and Modern Times. In: Modern Approaches to Studying Ancient Ceramics in Archaeology. Moscow : Institut arheologii RAN, 2013. Pp. 46–48. (*In Russ.*).

Rudometov P. L. Random Finds from Kiprinskii Borok. In: Protection and Use of Archaeological Sites in Altai. Barnaul : BGPI, 1991. Pp. 44–47. (*In Russ.*).

Rudometov P. L. New Finds from Kiprinskii Borok. In: Preserving and Studying Cultural Heritage of Altai Territory. Barnaul : B.i. 1995. Pp. 21–22. (*In Russ.*).

Stepanova N. F. Cultural Traditions in Selection of Raw Materials and Mineral Impurities in Manufacture of Ceramics Based on Materials of Mountain, Foothill, Steppe and Forest-Steppe Regions of Altai. *Samarskij nauchnyj Vestnik = Samara Scientific Bulletin*. 2015;4(13):90–95. (*In Russ.*).

Stepanova N. F. Features of Raw Materials from Mountainous and Forest–Steppe Regions of Altai and Adjacent Territories (based on the materials of ceramic complexes of the Neolithic — Early Iron Age). In: Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology in Siberia and Adjacent Territories. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2017. Vol. XXIII. Pp. 401–404. (*In Russ.*).

Frolov Ya. V., Tishkin A. A. Kamenskaya Culture. In: The story of Altai: in 3 vol. Vol. I : Ancient Epoch, Antiquities and Middle Ages. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta; Belgorod : Konstanta, 2019. Pp. 255–272. (*In Russ.*).

Tsetlin Yu. B. Ancient Ceramics. Theories and Methods of Historical and Cultural Approach. Moscow : Institut arheologii RAN, 2012. 384 p. (*In Russ.*).

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Казиков А. А.: обработка материалов, описание и культурно-хронологическая идентификация фрагментов керамики, интерпретация и обсуждение полученных результатов, написание статьи.

A. A. Kazakov: processing of materials, description and cultural-chronological identification of ceramic fragments, interpretation and discussion of the obtained results, writing the article.

Тишкин А. А.: идея публикации, формирование структуры работы, обсуждение результатов, научное редактирование текста.

A. A. Tishkin: the idea of the publication, formation of the article structure, discussion of the results, scientific editing of the text.

Рудометов П. Л.: сбор материалов, формирование коллекции и первичная ее обработка, общая характеристика и предоставление фотоснимка памятника, участие в обсуждении полученных результатов.

P. L. Rudometov: collection of materials, formation of the collection and its primary processing, general characteristics and the photograph of the site, participation in the discussion of the obtained results.

Степанова Н. Ф.: выполнение технико-технологического анализа керамики, проведение фотосъемки образцов (в т.ч. микрофотосъемки), формирование и обсуждение полученных результатов, оформление иллюстраций и написание статьи.

N. F. Stepanova: performing technical and technological analysis of ceramics, photographing samples (including micro-photography), forming and discussing the obtained results, making illustrations and writing the article.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Казakov Александр Альбертович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии Барнаульского юридического институт МВД России, Барнаул, Россия; докторант Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Aleksandr Albertovich Kazakov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History and Philosophy of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia; doctoral student of the Altai State University, Barnaul, Russia.

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Alexey Alexeevich Tishkin, Doctor of History, Professor, Head of Department of Archaeology, Ethnography and Museology Altai State University, Barnaul, Russia.

Рудометов Павел Леонидович, учитель Кипринской средней школы, с. Киприно, Алтайский край, Россия.

Pavel Leonidovich Rudometov, Teacher, Kiprinskaya Secondary School, Kiprino Village, Altai Krai, Russia.

Степанова Надежда Федоровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия.

Nadezhda Fyodorovna Stepanova, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Barnaul Laboratory of Archaeology and Ethnography of Southern Siberia, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia.

*Статья поступила в редакцию 29.10.2022;
одобрена после рецензирования 21.11.2022;
принята к публикации 01.12.2022.
The article was submitted 29.10.2022;
approved after reviewing 21.11.2022;
accepted for publication 01.12.2022.*

Научная статья / Research Article

УДК 903.2(571.1)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-04](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-04)

ОРУДИЯ НА ПЛАСТИНАХ ПОСЕЛЕНИЯ ПАВЛОВКА-I (ЮГ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

Кирилл Юрьевич Кирюшин^{1*}, Юрий Федорович Кирюшин²

^{1,2}Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

¹kirill-kirushin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3122-1423>

²yf-kiryushin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5474-3502>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. Цель публикации — ввести в научный оборот коллекцию каменных орудий на пластинах, обнаруженных на поселении Павловка-I (Угловский район Алтайского края).

Коллекция каменных артефактов, хранящаяся в Алтайском государственном университете, насчитывает 8851 экз. Орудия на пластинах составляют 1244 экз. Это наиболее представительная категория в составе орудийного набора исследуемой коллекции.

Особенностью каменной индустрии Павловки-I является представительная серия геометрических микролитов и пластин с асимметричной торцевой выемкой. В составе каменных индустрий поселенческих комплексов неолита и энеолита Алтая подобные артефакты представлены единичными экземплярами и не составляют сколько-нибудь статистически значимых серий.

В работе делается вывод, что основной массив каменных артефактов поселения Павловка-I относится к раннему неолиту.

Ключевые слова: поселение, неолит, орудия на пластинах, геометрический микролит, пластины с асимметричной торцевой выемкой

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект 21-59-93002 «Распространение микропластинчатой технологии расщепления в регионах шелкового пути»).

Для цитирования: Кирюшин К. Ю., Кирюшин Ю. Ф. Орудия на пластинах поселения Павловка-I (юг Западной Сибири) // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №4. С. 66–87. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-04](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-04).

TOOLS ON THE PLATES FROM THE PAVLOVKA-I SETTLEMENT (SOUTHERN WESTERN SIBERIA)

Kirill Yu. Kiryushin^{1*}, Yuri F. Kiryushin²

^{1,2}Altai State University, Barnaul, Russia

¹kirill-kirushin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3122-1423>

²yf-kiryushin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5474-3502>

*Corresponding Author

Abstract. The purpose of the publication is to introduce into scientific circulation a collection of stone tools on plates found at the settlement of Pavlovka-I (Uglovsky district of the Altai Territory).

The collection of stone artifacts kept at the Altai State University has 8851 items. The tools on the plates are 1244 pieces. This is the most representative category in the tool kit of the studied collection.

A feature of the stone industry of Pavlovka-I is a representative series of geometric microliths and plates with an asymmetric end notch. In the composition of the stone industries of the settlement complexes of the Neolithic and Eneolithic of Altai, such artifacts are represented by single specimens and do not constitute any statistically significant series.

The paper concludes that the main array of stone artifacts of the Pavlovka-I settlement belongs to the early Neolithic.

Key words: settlement, Neolithic, tools on plates, geometric microlith, “horned” plates

Acknowledgments: the study was financially supported by the Russian Science Foundation (project 21-59-93002 “Distribution of Microplate Splitting Technology in the Silk Road Regions”).

For citation: Kiryushin K. Yu., Kiryushin Yu. F. Tools on the Plates from the Pavlovka-I Settlement (Southern Western Siberia). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022;34(4):66–87. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-04](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-04).

Введение

Эпоха неолита до настоящего времени является наименее изученным периодом в древней истории Алтайского края. И если в изучении погребальных комплексов этого времени наметились положительные тенденции (Кирюшин и др., 2021), то в исследовании поселенческих комплексов положительной динамики не наблюдается. Коллекции керамики и каменных артефактов эпохи неолита представлены либо сборами с разрушенных памятников (Кирюшин, 2002, с. 5), либо нестратифицированными материалами, полученными при исследовании памятников более поздних эпох (Вальков, Сайберт, Алексеева, 2021, с. 67).

В 1979 г. учителем Павловской средней школы Н. П. Нудных, были проведены сборы подъемного материала на одной из разрушенных ветрами дюн у сел Павловка и Алексеевка. В том же году к исследованиям подключился А. Б. Шамшин, который обнаружил еще одно поселение. В 1980 и 1982 гг. Ю. Ф. Кирюшиным было обнаружено еще 19 памятников Павловского археологического микрорайона (Кирюшин, Клюкин, 1985, с. 75–79). Сборы подъемного материала с перерывами продолжались до начала XXI в. До настоящего времени коллекции памятников у сел Павловка и Алексеевка не введены в научный оборот в полном объеме. Наиболее ярким памятником этого археологического микрорайона является поселение Павловка-I. Часть материалов памятника, собранных в 1979–1982 гг., уже введена в научный оборот (Кирюшин, Кунгурова, 1984). В Алтайском государственном университете хранятся коллекции керамики и каменных артефактов, собранные на памятнике уже после выхода вышеупомянутой статьи. Данная публикация преследует цель введения в научный оборот в полном объеме информации об орудиях на пластинах поселения Павловка-I.

Материалы и методы

Классификация каменных орудий поселения Павловка-I основана на имеющихся разработках по созданию списка морфологических разновидностей находок — тип-листа (Медведев, 1981; Деревянко, Маркин, Васильев, 1994; Кирюшин, Нохрина, Петрин, 1993; Семибратов, 2000; и др.). Подобная методика обработки коллекций каменных артефактов показала свою эффективность при работе с материалами многослойного поселения Тыткескень-2 в Горном Алтае (Кирюшин К. Ю., Кирюшин Ю. Ф., 2008) и поселений Пестряково Озеро и Рубцовское в Степном Алтае (Тишкин, Кирюшин, Шмидт,

2018; Кирюшин К. Ю., Кирюшин Ю. Ф., 2021а, б). Единые методы исследования показали свою эффективность при изучении поселенческих комплексов мезолита-энеолита Алтая.

Характеристика анализируемых материалов

Анализируемая коллекция каменных артефактов поселения Павловка-I насчитывает 8851 экз. (приложение 1), в том числе продукты первичного расщепления — 292 экз. (3,3%), орудийный набор — 2226 экз. (25,15%), отходы производства — 6331 экз. (71,53%) и изделия неутилитарного назначения (фрагмент плитки с орнаментом и гальки с царапинами) — 2 экз. (0,02%).

Предметом данного исследования являются 1344 экз. орудий на пластинах (приложение 2), которые представлены ретушированными пластинами, скребками, остриями, резцами, резчиками, наконечниками стрел, пластинами с асимметричной торцевой выемкой, геометрическими микролитами и усеченными пластинами.

Пластины с ретушью — 459 экз. (34,15% от орудий на пластинах), среди которых 262 экз. — мелкие пластины (ширина до 0,7 см), средние (от 0,7 см до 1,5 см) — 195 экз. Крупные пластины (свыше 1,5 см) представлены двумя экземплярами. Среди пластин с ретушью 13 экз. — полные пластины (рис. 1.-2-6), 270 экз. — медиальные фрагменты (рис. 1.-10-20), 126 экз. — проксимальные (рис. 1.-21-26) и дистальные фрагменты — 50 экз. (рис. 1.-33-36). Все полные пластины с ретушью имеют длину менее 3 см. Среди усеченных пластин с ретушью два медиальных фрагмента, четыре проксимальных и шесть дистальных имеют размеры от 3 до 6 см в длину. Стоит отметить в исследуемой коллекции, что среди 57 полных пластин без вторичной обработки 31 — мелкого (рис. 1.-1) и 26 — среднего размера (приложение 3), из них 49 — длиной менее 3 см и восемь — от 3 до 6 см (приложение 4), а крупные пластины (длиной более 6 см) отсутствуют.

Односторонней вентральной ретушью обработано 89 пластин (приложение 5), из них две полные, 46 медиальных фрагментов, 25 проксимальных (рис. 1.-23) и 16 дистальных. Это наиболее распространенный вид вторичной обработки пластин. На втором месте — ретушь по двум краям с вентральной стороны: 80 пластин, из них 47 медиальных фрагментов (рис. 1.-13-14), 32 проксимальных (рис. 1.-21) и один дистальный (рис. 1.-36) (приложение 5).

Односторонней дорсальной ретушью обработаны 74 пластины (приложение 5), из них три полные (рис. 1.-5), 43 медиальных фрагмента, 16 проксимальных и 12 дистальных (рис. 1.-35). Ретушью по двум краям с дорсальной стороны обработано 38 пластин (приложение 5), из них две полные (рис. 1.-5, б), 18 медиальных фрагментов (рис. 1.-15), 11 проксимальных и семь дистальных (рис. 1.-33-34).

Противолежащей (альтернативной) ретушью оформлено 38 пластин (приложение 5): одна полная (рис. 1.-2), 22 медиальных фрагмента (рис. 1.-18), 11 проксимальных (рис. 1.-25) и четыре дистальных.

Двусторонняя ретушь по одному краю выполнена на 13 пластинах (приложение 5), из них восемь медиальных фрагментов, четыре проксимальных и один дистальный. Двусторонняя ретушь по двум краям выполнена на пяти пластинах, из них три медиальных фрагмента и два проксимальных.

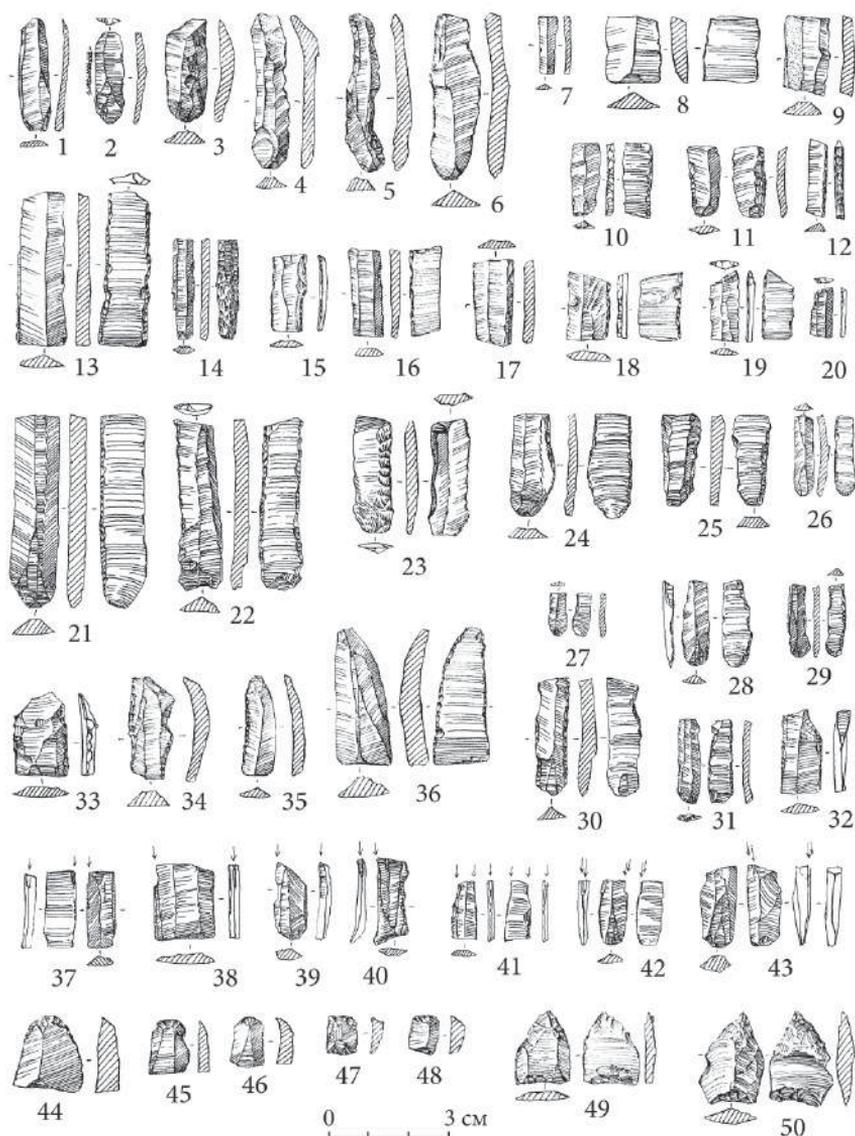

Рис. 1. Поселение Павловка-I (1–50 – камень): 1 – полная пластина без ретуши; 2–6 – полная пластина с ретушью; 7–9 – медиальные фрагменты пластин без ретуши; 10–20 – медиальные фрагменты пластин с ретушью; 21–26 – проксимальные фрагменты пластин с ретушью; 27–32 – резчики; 33–36 – дистальные фрагменты пластин с ретушью; 37–43 – ретцы; 44–48 – скребки; 49–50 – наконечники стрел (рисунок А.Л. Кунгурова)

Fig. 1. Pavlovka-I settlement (1–50 – stone): 1 – full plate without retouching; 2–6 – full plate with retouching; 7–9 – medial fragments of plates without retouching; 10–20 – retouched medial fragments of plates; 21–26 – proximal fragments of retouched plates; 27–32 – carvers; 33–36 – distal fragments of retouched plates; 37–43 – incisors; 44–48 – scrapers; 49–50 – arrowheads (drawing by A.L. Kungurov)

Двусторонняя ретушь по одному краю при односторонней вентральной по другому встречена на 14 пластинах, из них восемь медиальных фрагментов и шесть проксимальных (рис. 1.-22). Двусторонняя ретушь по одному краю при односторонней дорсальной по другому встречена на 13 пластинах, из них одна полная пластина, четыре медиальных фрагмента, четыре проксимальных (рис. 1.-24) и четыре дистальных.

В коллекции широко представлены пластины с подработанным торцом — 71 изделие (приложение 5). Торец чаще всего подрабатывался модифицирующей крутой (рис. 1.-20) или очень крутой (рис. 1.-10, 19) дорсальной ретушью. В нескольких случаях, как, например, у полной пластины, использовалась полукрутая ретушь (рис. 1.-3), или стелющаяся вентральная (рис. 1.-16, 26), или полукрутая вентральная, единично встречается двусторонняя (рис. 1.-11).

Кроме подработки торца, у пяти пластин оба края обработаны дорсальной ретушью, у 17 — двусторонней вентральной, 16 — односторонней вентральной, 9 — односторонней дорсальной, трех — противоположащей (альтернативной), трех — двусторонней по одному краю при односторонней вентральной по другому, одной — двусторонней по одному краю при односторонней дорсальной по другому, одной — двусторонней по двум краям, у пяти притуплена спинка (приложение 5).

Пластины с притупленной спинкой — 28 экз., из них 25 медиальных фрагментов (рис. 1.-12) и три проксимальных (приложение 5). Как отмечалось выше, у пяти из них подработан торец, а у одного изделия вторая сторона обработана вентральной ретушью (приложение 5).

У одной полной пластины выполнен анкош с дорсальной стороны.

Подавляющая часть пластин обработана краевой ретушью (рис. 1.-21), в небольшом количестве встречены образцы с захватывающей ретушью (рис. 1.-23), единично встречены фрагменты с ретушью, покрывающей всю поверхность изделия (рис. 1.-14). Подавляющая часть пластин обработана линейной ретушью (рис. 1.-21), в небольшом количестве встречены образцы с модифицирующей (рис. 1.-5).

Резчики — 13 экз. (рис. 1.-27–32). Девять резчиков выполнены на мелких пластинах, четыре — на средних. Рабочая кромка у всех выполнена модифицирующей, крутой или полукрутой мелкой ретушью.

Резцы — 56 экз. (рис. 1.-37–43); 46 из них изготовлены на мелких пластинах (рис. 1.-37, 41–42), десять — на средних (рис. 1.-36–37, 39–40). Десять выполнены на проксимальных фрагментах (рис. 1.-39, 42–43), 13 — на дистальных (рис. 1.-40), остальные — на медиальных (рис. 1.-37–38, 41); 49 резцов угловых (рис. 1.-37–40), три двойных ординарных (рис. 1.-41), три многофасеточных (рис. 1.-42–43), один двойной альтернативный.

Скребки — 7 экз. (рис. 1.-44–48), четыре из них выполнены на мелких пластинах, остальные — на средних. Рабочая кромка у всех выполнена модифицирующей полукрутой мелкой ретушью.

Наконечники стрел — 5 экз. Представлены двумя полными изделиями (рис. 1.-49–50) и тремя фрагментами насада. Все выполнены на средних пластинах (рис. 1.-49–50). У полных наконечников двусторонней модифицирующей ретушью оформлены острие и насад.

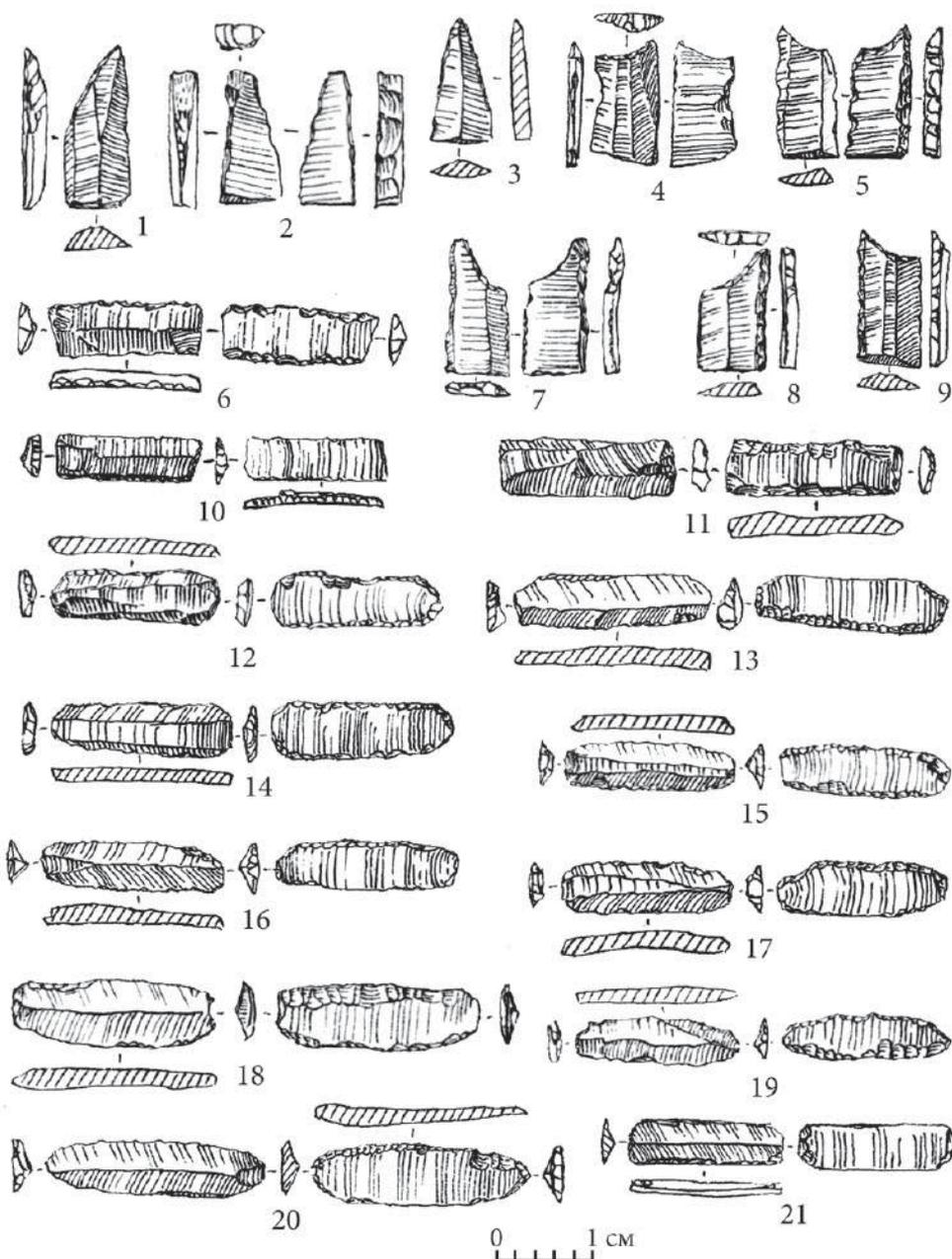

Рис. 2. Поселение Павловка-I (1-21 – камень): 1-3 – остря; 4-5, 7-9 – пластины с асимметричной торцевой выемкой; 6, 10-21 – геометрические микролиты (рисунок А.Л. Кунгурова)

Fig. 2. Pavlovka-I settlement (1-21 – stone): 1-3 – points; 4-5, 7-9 – “horned” plates; 6, 10-21 – geometric microliths (drawing by A.L. Kungurov)

На пластинах изготовлено 13 острий (рис. 2.-1-3). Девять на мелких пластинах, четыре — на средних. Десять острий типичные асимметричные (рис. 2.-1-2), три — типичные симметричные (рис. 2.-3). Все оформлены мелкой крутой или вертикальной дорсальной ретушью (рис. 2.-1-3).

Пластины с асимметричной торцевой выемкой представлены шестью экземплярами. Особенностью данного типа изделий является асимметричная выемка на торце орудия, оформленная крутой либо вертикальной дорсальной ретушью (рис. 2.-4-5, 7-9). В коллекции присутствует одно полное изделие, у которого второй торец обработан вертикальной ретушью (рис. 2.-7). Все остальные представлены фрагментами орудий. У одного из изделий вентральной прерывистой ретушью обработана одна из сторон (рис. 2.-4). Еще у одного мелкой крутой модифицирующей вентральной ретушью оформлен один край, а второй подработан мелкой полукрутой прерывистой вентральной (рис. 2.-5). У двух изделий мелкой крутой модифицирующей вентральной ретушью оформлен один край (рис. 2.-7). У двух изделий мелкой крутой модифицирующей дорсальной ретушью оформлен один край (рис. 2.-8-9).

Геометрические микролиты — 18 экз., все выполнены на пластинах мелкого размера (рис. 2.-6, 10-21). Представлены тремя параллелограммами (рис. 2.-6, 10-11) и 15 изделиями неправильной эллипсоидной формы (рис. 2.-12-21).

Все параллелограммы выполнены на медиальных фрагментах пластин (рис. 2.-6, 10-11). У двух торцы подработаны вертикальной ретушью с дорсальной стороны (рис. 2.-6, 10), у третьего один торец — вертикальной ретушью с дорсальной стороны, другой — полукрутой двусторонней (рис. 2.-11). У двух изделий оба края обработаны полукрутой вентральной ретушью (рис. 2.-6, 11), у одного обработан только один край крутой дорсальной (рис. 2.-10).

Тринадцать изделий неправильной эллипсоидной формы выполнены на проксимальных фрагментах пластин (рис. 2.-12, 14-20) и два — на медиальных (рис. 2.-13, 21). У всех микролитов на проксимальных фрагментах прямой профиль, ударный бугорок или небольших размеров, слабовыраженный или подработан вентральной плоской ретушью (рис. 2.-12, 14-20), а другой торец оформлен крутой или вертикальной модифицирующей ретушью. У выполненных на медиальных фрагментах торцы изделий оформлены плоской мелкой вентральной ретушью (рис. 2.-13, 21). Кромки изделий в основном обработаны мелкой вентральной ретушью по двум краям (рис. 2.-12, 14-15, 19). В коллекции присутствуют изделия, кромки которых обработаны двусторонней по одному краю и вентральной по другому (рис. 2.-17), двусторонней по двум краям (рис. 2.-13, 18), с одной стороны с вентральной стороны (рис. 2.-20), с двух сторон с дорсальной стороны (рис. 2.-21).

В группу орудий включены усеченные пластины — 772 экз. (57,44% от орудий на пластинах), из них 493 медиальных фрагмента, имеющих правильную огранку и прямой профиль (рис. 1.-7-9), 156 проксимальных и 123 дистальных фрагмента. У медиальных фрагментов вторичная обработка осуществлялась двусторонней фрагментацией, у проксимальных и дистальных фрагментов — односторонней. У проксимальных фрагментов слабо выраженный ударный бугорок занимает незначительную часть фрагмента пластины. Большинство дистальных фрагментов имеют практически прямой профиль.

Обсуждение представленных материалов

Как уже отмечалось выше, коллекция каменных артефактов поселения Павловка-I, полученных в результате произведенных сборов, насчитывает 8851 экз. (приложение 1). Это наиболее представительная в количественном отношении коллекция каменных артефактов эпохи неолита, собранная на территории Алтайского края, в которой представлены все основные категории (продукты первичного расщепления, орудия, отходы производства и изделия неутилитарного назначения). Каменные артефакты представлены самыми разнообразными находками: утюжком, наковальней, на которой происходило расщепление изотропных пород, отбойниками и ретушерами, разнообразными абразивами, рубящими, режущими и метательными орудиями, нуклеусами и сколами с них, орудиями на отщепах и пластинах. Можно констатировать, что имеющиеся материалы дают исчерпывающее представление о каменной индустрии памятника и несомненно заслуживают пристального изучения.

В публикации 1984 г. было отмечено, что типология инвентаря позволяет датировать основную часть каменного инвентаря Павловки-I финальным мезолитом — ранним неолитом (Киришин, Кунгурова, 1984, с. 34). В статье отмечалось, что для памятника характерна высокоразвитая техника расщепления камня, совершенные для данного времени типы орудий. В работе также констатировалось, что «павловская индустрия» является расцветом пластинчатой техники, характерной для позднемезолитического периода (Киришин, Кунгурова, 1984, с. 34). Отмечались особенности памятника, такие как отсутствие наконечников стрел на пластинах, единичность геометрических микролитов, наличие группы вкладышей с притупленным краем, большое количество резцов и резчиков (Киришин, Кунгурова, 1984, с. 34).

С момента выхода статьи, посвященной анализу каменной индустрии поселения Павловка-I, прошло почти 40 лет, и за эти годы расширились возможности для определения места рассматриваемых материалов в кругу синхронных памятников Алтая, таким образом, появляется возможность уточнить и детализировать выдвинутые ранее предположения.

В рассматриваемой коллекции орудия на пластинах — 1344 экз. (60,38% в орудийном наборе памятника) — наиболее представительная в количественном отношении группа орудий (приложение 2). Традиционно считается, что соотношение орудий на отщепах и пластинах в составе каменной индустрии является значимым хронологическим маркером. Сравнение исследуемой коллекции с материалами поселенческих комплексов неолита и энеолита Горного и Степного Алтая позволяет уточнить выдвинутые ранее предположения об абсолютной и относительной хронологии каменной индустрии поселения Павловка-I.

На поселении Тыткескень-2 в Горном Алтае орудия на пластинах в материалах восьмого культурного горизонта (эпоха мезолита) составляют 82,39%, в неолитических горизонтах — от 82,78% (горизонт 7 — ранний неолит) до 68,73% (горизонт 4А — развитый — поздний неолит), в энеолитических — от 60,18% (горизонт 3 жилище 1) до 50% (горизонт 3) (Киришин К.Ю., Киришин Ю.Ф., 2008). На поселении эпохи неолита Рубцовское (коллекция, хранящаяся в АлтГУ) орудия на пластинах составляют 41,76% орудийного набора (Тишкин, Киришин, Шмидт, 2018, с. 70, табл. 1), в коллекции краевед-

ческого музея г. Рубцовска — 42,2% (Кирюшин, Онников, Тишкин, 2020, с. 161, табл. 2). В составе орудийного набора поселения эпохи энеолита Пестряково Озеро в Кулундинской степи орудия на пластинах составляют 22,97% (Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2021а, с. 28, приложение 2).

Представляется, что в данном случае сравнение количественных показателей с материалами поселения Тыткескень-2 может быть не совсем корректным. Тыткескень-2 находится рядом с источниками сырья, и это находит отражение в составе каменной индустрии и орудийного набора. В данном конкретном случае более важным является сравнение общих тенденций — в материалах поселения Тыткескень-2 наиболее высокий процент орудий на пластинах в раннеэнеолитическом седьмом горизонте. По сравнению с материалами поселенческих комплексов Степного Алтая (Рубцовское и Пестряково Озеро), которые также находятся на значительном удалении от источников сырья, в материалах поселения Павловка-I процент орудий на пластинах значительно выше (в 1,5 раза по сравнению с поселением Рубцовское и почти в 3 раза по сравнению с поселением Пестряково Озеро). Видимо, эти различия связаны с более ранним возрастом рассматриваемых материалов.

Как неоднократно отмечалось исследователями, размеры пластин являются важным хронологическим маркером (Кирюшин К. Ю., Кирюшин Ю. Ф., 2008, с. 88). Большая часть пластин поселения Павловка-I представлена обломками, поэтому их деление производилось по следующим параметрам: мелкие (ширина менее 0,7 см), средние (от 0,8 до 1,5 см), крупные (более 1,5 см). При анализе длины пластины разделены на три группы: длиной менее 3 см, от 3 до 6 и более 6 см. Для более подробной характеристики размеров пластин подготовлены таблицы (приложения 4 и 5), куда включены полные пластины без ретуши, орудия на пластинах и отходы производства (проксимальные и дистальные фрагменты пластин).

В рассматриваемой коллекции отсутствуют пластины длиной более 6 см (приложение 4), а широкие пластины представлены двумя фрагментами с ретушью (одним медиальным и одним проксимальным) (приложение 3).

На поселении Тыткескень-2 в Горном Алтае соотношение мелких, средних и крупных пластин в материалах восьмого культурного горизонта (эпоха мезолита) составляет соответственно 69,35%, 28,88% и 1,78%, в неолитических горизонтах варьирует от 72,32%, 27,3% и 0,38% (горизонт 7 — ранний неолит) до 56,23%, 34,06% и 9,71% (горизонт 4 — поздний — финальный неолит), в энеолитических — от 50,89%, 41,83% и 7,28% (горизонт 3 жилище 1) до 30,11%, 63,44% и 6,45% (горизонт 3) (Кирюшин К. Ю., Кирюшин Ю. Ф., 2008). В материалах поселения Рубцовское большая часть пластин 527 экз. (63,27%) среднего размера, мелкие — 297 экз. (35,65%) и крупные — 9 экз. (1,08%) (Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2018, табл. 4). В коллекциях поселения Пестряково Озеро большая часть пластин, 136 экз. (76,4%), — среднего размера, мелкие — 36 экз. (20,22%) и крупные — 6 экз. (3,37%) (Кирюшин К. Ю., Кирюшин Ю. Ф., 2021б, табл. 1).

В рассматриваемой коллекции большая часть пластин, 1200 экз. (61,26%), — мелкого размера, средние — 739 экз. (37,72%) и крупные — 2 экз. (0,1%) (приложение 3). Преобладание в рассматриваемой коллекции пластин мелкого размера является серьез-

ным аргументом в пользу раннеолитического возраста основной части каменных артефактов поселения Павловка-I.

В материалах финального мезолита поселения Тьткескень-2 (горизонт 8) встречено девять приемов вторичной обработки пластин, седьмого горизонта (ранний неолит) — 16, шестого горизонта (ранний неолит) — 18 (Кирыюшин К. Ю., Кирыюшин Ю. Ф., 2008, с. 84). По мнению исследователей, в раннем неолите по сравнению с мезолитом становятся гораздо богаче, разнообразнее приемы вторичной обработки (Зайберт, 1992, с. 99). В исследуемой коллекции поселения Павловка-I встречено 24 вида вторичной обработки пластин (приложение 5). Это также свидетельствует о раннеолитическом возрасте рассматриваемой коллекции.

Как уже отмечалось выше, в исследуемой коллекции широко представлены пластины с подработкой торца — 71 экз. (рис. 1.-19–20, 26) и пластины с притупленной спинкой — 22 экз. (рис. 1.-12), встречены три изделия с подработкой двух торцов, отнесенные к геометрическим микролитам (рис. 2.-6, 10, 11), и пять наконечников стрел на пластинах (рис. 1.-49–50). Подобные изделия встречаются в горизонтах раннего неолита поселения Тьткескень-2 (горизонты 7 и 6), но абсолютно неизвестны в материалах мезолитических комплексов Средней Катуни (Кирыюшин К. Ю., Кирыюшин Ю. Ф., 2008, с. 84).

В исследуемой коллекции наиболее интересны и выразительны пластины с асимметричной торцевой выемкой (рис. 2.-4–5, 7–9), геометрические микролиты прямоугольной или трапециевидной формы, имеющие подработку с двух торцов (рис. 2.-6, 10–11), и геометрические микролиты неправильной эллипсоидной формы (рис. 2.-6, 12–21). Пластины с асимметричной торцевой выемкой «подправленные чаще всего притупляющей ретушью с выделенным шипом на торце» поселения Павловка-I уже являлись предметом исследования (Кунгурова, 1987, с. 57, рис. 1.-9–12).

Судя по опубликованным материалам, еще одно такое изделие обнаружено на поселении Перешеечное 6 (Гульбище), которое находится на оз. Горькое-Перешеечное (Новогорьевский р-н Алтайского края) (Кирыюшин, Клюкин, 1985, рис. 11.-14). Опубликованный экземпляр изделия аналогичен обнаруженным на поселении Павловка-I (Кирыюшин, Клюкин, 1985, рис. 11.-14). Практически идентичные изделия обнаружены на поселении Гусятник-2, которое находится на южном берегу оз. Горькое (Новичихинский район Алтайского края) (Шмидт, Смирнова, 2007, рис. 2.-20–21). Как отмечают исследователи, это «гарпунные вкладыши» (разновидность скошенных острий или изделий с асимметричной торцевой выемкой) (Шмидт, Смирнова, 2007, с. 69).

В коллекции имеются «геометрические микролиты» — пластины с ретушью, подработанные с двух торцов (рис. 2.-6, 10–11). В материалах поселения Тьткескень-2 «геометрические микролиты» — прямоугольники и параллелограммы встречены во всех неолитических горизонтах (Кирыюшин К. Ю., Кирыюшин Ю. Ф., 2008, с. 84). Подобные изделия довольно широко представлены в неолитических комплексах Средней Азии: могильник Тумек-Кичиджик (Виноградов, 1986, рис. 8.-5–7), на стоянках дарьясайского типа (Виноградов, 1981, с. 120), на памятниках развитого неолита Кызылкумов (Виноградов, 1981, с. 129), на поселении Усть-Нарым в Восточном Казахстане (Коробкова, 1969, с. 170). Стоит отметить, что в материалах поселенческих комплексов мезолита Средней Катуни подобные находки неизвестны (Кирыюшин К. Ю., Кирыюшин Ю. Ф., 2008, с. 84).

Геометрические микролиты неправильной эллипсоидной формы (рис. 2.-6, 12–21) — во многом определяют специфику каменной индустрии поселения Павловка-I. Практически идентичные изделия обнаружены на поселении Новенькое-20 (Локтевский район Алтайского края) (Кирюшин, Ключин, 1985, рис. 18.-17, 18). Подработка двух торцов ретушью позволяет отнести эти изделия к категории геометрических микролитов. Это одно из проявлений «геометризма», очень своеобразное и выразительное. С чем связана подобная технология, не совсем понятно. Можно предположить, что таким образом максимально экономно использовалось каменное сырье. Проксимальный фрагмент пластины подрабатывался ретушью таким образом, что не требовалось фрагментации пластины с целью удаления ударного бугорка. При таком подходе в отходы производства уходила только очень незначительная часть дистального фрагмента пластины. При этом для экономии каменного сырья не требовалось придавать «дистальному» торцу изделия округлую форму.

Скорее всего, получение изделия подобной морфологии связано с какими-то культурными, культурно-хронологическими или культурно-технологическими традициями. Возникает устойчивое ощущение, что сходство основных метрических показателей (ширина пластин, радиусы окружностей) геометрических микролитов неправильной эллипсоидной формы и пластин с асимметричной торцевой выемкой неслучайно. Не исключено, что и те и другие являлись вкладышами одних и тех же орудий. Возможно, трасологическое исследование артефактов подтвердит или опровергнет выдвинутое предположение.

Заключение

Материалы поселения Павловка-I выделяются на фоне памятников неолита и энеолита Алтая. Исследуемая коллекция отличается от поселенческих комплексов мезолита, неолита и энеолита Алтая разнообразием приемов вторичной обработки пластин, большим количеством пластин с подработкой торца и с притупленной спинкой, наличием пластин с асимметричной торцевой выемкой, геометрических микролитов прямоугольной или трапециевидной формы и геометрических микролитов неправильной эллипсоидной формы.

Особенно выделяется в составе рассматриваемой коллекции категория геометрических микролитов неправильной эллипсоидной формы. Подобные находки на территории Степного Алтая представлены единичными экземплярами. Насколько распространена эта культурная традиция (а скорее всего, культурно-хронологическая традиция), еще предстоит выяснить.

В собранных на поселении Павловка-I коллекциях присутствуют фрагменты энеолитической керамики, и не исключено, что какая-то часть каменных изделий может датироваться этим временем. Несмотря на эти обстоятельства можно сделать вывод, что основной массив каменных артефактов памятника относится к эпохе раннего неолита.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Вальков И. А., Сайберт В. О., Алексеева В. Е. Результаты полевых исследований поселения Фирсово-15 в 2020 году // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). Барнаул : АлтГПУ, 2021. №16. С. 66–71.

Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М. : Наука, 1981. 173 с.

Виноградов А. В. Неолитический могильник Тумек-Кичиджик // Древнейшее население низовий Амударьи. ТХЭ. Т. XV. М. : Наука, 1986. С. 7–78.

Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А. Палеолитоведение: Введение и основы. Новосибирск : Наука, 1994. 288 с.

Зайберт В. Ф. Атбасарская культура. Екатеринбург : УрО РАН, 1992. 221 с.

Кирюшин К. Ю., Кирюшин Ю. Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. 336 с.

Кирюшин К. Ю., Кирюшин Ю. Ф. Орудия на отщепках и шлифованные изделия поселения Пестряково Озеро (юг Западной Сибири) // Теория и практика археологических исследований. 2021а. Т. 33, №4. С. 9–29.

Кирюшин К. Ю., Кирюшин Ю. Ф. Продукты первичного расщепления и орудия на пластинах поселения Пестряково Озеро (юг Западной Сибири) // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021б. С. 95–102.

Кирюшин К. Ю., Кирюшин Ю. Ф., Солодовников К. Н., Фролов Я. В., Шмидт А. В. Результаты радиоуглеродного датирования ранних погребений Фирсовского археологического микрорайона (Барнаульское Приобье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49, №3. С. 21–28.

Кирюшин К. Ю., Онников А. В., Тишкин А. А. Орудия на отщепках поселения Рубцовское (из собрания краеведческого музея г. Рубцовска) // Теория и практика археологических исследований. 2020. Т. 30, №2. С. 159–171.

Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.

Кирюшин Ю. Ф., Ключин Г. А. Памятники неолита и бронзы Юго-Западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 73–117.

Кирюшин Ю. Ф., Кунгурова Н. Ю. О результатах изучения каменной индустрии поселения Павловка I // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1984. С. 25–40.

Кирюшин Ю. Ф., Нохрина Т. И., Петрин В. Т. Методика обработки коллекций каменного инвентаря неолитического уровня. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. 65 с.

Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. Л. : Наука, 1969. 216 с. (МИА. №158).

Кунгурова Н. Ю. Развитие каменной индустрии в неолите Юго-Западного Алтая // Археологические исследования на Алтае. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1987. С. 55–66.

Медведев Г. И. К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря палеолитических и мезолитических ансамблей Восточной Сибири // Описание и анализ археологических источников. Иркутск : Иркутский государственный университет им. А. А. Жданова, 1981. С. 16–33.

Семибратов В. П. Раннеголоценовые комплексы среднего течения р. Катунь : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2000. 24 с.

Тишкин А. А., Кирюшин К. Ю., Шмидт А. В. Техника первичного расщепления камня на поселении Рубцовское (юг Западной Сибири) // Теория и практика археологических исследований. 2018. Т. 21, №1. С. 68–88.

Шмидт А. В., Смирнова Л. Н. Неолитический комплекс поселения Гусятник-2 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XVI. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 67–75.

REFERENCES

Valkov I. A., Saibert V. O., Alekseeva V. E. Results of Field Studies of the Firsovo-15 Settlement in 2020. In: Field Studies in the Upper Priob'ye, Priirtyshye and Altai (Archaeology, Ethnography, Oral History and Museology). Barnaul : AltGPU, 2021. №16. Pp. 66–71. (*In Russ.*)

Vinogradov A. V. Ancient Hunters and Fishermen of the Central Asian Interfluves. Moscow : Nauka, 1981. 173 p. (*In Russ.*)

Vinogradov A. V. Neolithic Cemetery Tumek-Kichijik. In: The Ancient Population of the Lower Amu Darya. TCE. Vol. XV. Moscow : Nauka, 1986. Pp. 7–78. (*In Russ.*)

Derevyanko A. P., Markin S. V., Vasiliev S. A. Paleolithic Studies: Introduction and Fundamentals. Novosibirsk : Nauka, 1994. 288 p. (*In Russ.*)

Zaibert V. F. Atbasar Culture. Yekaterinburg : UrO RAN, 1992. 221 p. (*In Russ.*)

Kiryushin K. Yu., Kiryushin Yu. F. Cultural-chronological Complexes of the Settlement Titkesken-2 (Results of 1988–1994). Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2008. 336 p. (*In Russ.*)

Kiryushin K. Yu., Kiryushin Yu. F. Tools on Splinters and Polished Articles from the Pestryakovo Lake Settlement (South of Western Siberia). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2021a;33(4):9–29. (*In Russ.*)

Kiryushin K. Yu., Kiryushin Yu. F. Primary Cleavage Products and Tools on Plates of the Pestryakovo Lake settlement (South of Western Siberia). In: Archaeology of Northern and Central Asia: New Discoveries and Results of Interdisciplinary Research. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2021b. Pp. 95–102. (*In Russ.*)

Kiryushin K. Yu., Kiryushin Yu. F., Solodovnikov K. N., Frolov Ya. V., Schmidt A. V. The Results of Radiocarbon Dating of the Early Burials of Firsovsky Archaeological Microdistrict (Barnaulian Priob'ye). *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2021;49(3):21–28. (*In Russ.*)

Kiryushin K. Yu., Onnikov A. V., Tishkin A. A. Instruments on Splinters of the Rubtsovskoye Settlement (from the collection of the Rubtsovsk local history museum). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2020;30(2):159–171. (*In Russ.*)

Kiryushin Yu. F. Eneolith and Early Bronze Age in the South of Western Siberia. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2002. 294 p. (*In Russ.*)

Kiryushin Yu. F., Klukin G. A. Neolithic and Bronze Age Sites of Southwestern Altai. In: Altai in the Stone and Early Metal Ages. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1985. Pp. 73–117. (*In Russ.*)

Kiryushin Yu. F., Kungurova N. Yu. About the Study Results of Pavlovka I Settlement Stone Industry. In: Archaeology and Ethnography of South Siberia. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1984. Pp. 25–40. (*In Russ.*)

Kiryushin Yu. F., Nohrina T. I., Petrin V. T. Methods of Processing Collections of Neolithic Stone Tools. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1993. 65 p. (*In Russ.*)

Korobkova G. F. Tools and Economy of Neolithic Tribes of Central Asia. Leningrad : Nauka, 1969. 216 p. (MIA. №158). (*In Russ.*)

Kungurova N. Yu. The Development of Stone Industry in the Neolithic of Southwestern Altai. In: Archaeological Research in Altai. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1987. Pp. 55–66. (*In Russ.*)

Medvedev G. I. To the Problem of Morphological Analysis of Stone Tools of Paleolithic and Mesolithic Ensembles of Eastern Siberia. In: Description and Analysis of Archaeological Sources. Irkutsk : Irkutskij gosudarstvennyj universitet im. A. A. Zhdanova, 1981. Pp. 16–33. (*In Russ.*)

Semibratov V. P. Early Holocene Complexes of the Middle Stream of the Katun River : Synopsis of the Dissert. ... Candidate of Sciences. Barnaul, 2000. 24 c. (*In Russ.*)

Tishkin A. A., Kiryushin K. Yu., Schmidt A. V. Technique of Primary Stone Splitting at the Rubtsovskoe Settlement (south of Western Siberia). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2018;21(1):68–88. (*In Russ.*)

Schmidt A. V., Smirnova L. N. Neolithic Complex of the Gusyatnik-2 Settlement. In: Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai. Vol. XVI. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2007. Pp. 67–75. (*In Russ.*)

Приложение 1

Состав каменной индустрии поселения Павловка-I

Appendix 1

Composition of the Stone Industry of the Pavlovka-I Settlement

Виды изделий	Количество	%
Первичное расщепление	292	3,30
1. Преформы	6	0,07
2. Пренуклеусы	8	0,09
3. Нуклеусы	40	0,45
4. Обломки нуклеусов	2	0,02
5. Технические сколы с нуклеусов	236	2,67
Орудийный набор	2226	25,15
1. Орудия на пластинах	1344	15,18
2. Орудия на технических сколах с нуклеусов	19	0,21
3. Орудия на отщепях	800	9,04
4. Орудия на сланцевых плитках	6	0,07
5. Орудия для обработки камня	37	0,42
6. Шлифованные изделия	20	0,23
Отходы производства	6331	71,53
1. Осколки	259	2,93
2. Отщепы	4630	52,31
<i>первичные</i>	50	0,56
<i>вторичные</i>	32	0,36
<i>обычные</i>	4548	51,38
3. Чешуйки	818	9,24
4. Фрагменты пластин	582	6,58
<i>проксимальные фрагменты</i>	305	3,45
<i>дистальные фрагменты</i>	277	3,13
5. Сколы со шлифованных изделий	42	0,47
<i>мелкие</i>	40	0,45
<i>средние</i>	2	0,02
Изделия неутилитарного назначения	2	0,02
Итого:	8851	100

Приложение 2

Орудийный набор каменной индустрии поселения Павловка-I

Appendix 2

Tool Kit for the Stone Industry of the Pavlovka-I Settlement

Виды изделий	Количество	%
Орудия на пластинах	1344	60,38
1. Пластины с ретушью	459	20,62
2. Острия	13	0,58
3. Резцы	56	2,52
4. Наконечники стрел	5	0,22
5. Резчики	13	0,58
6. Скребки	7	0,31
7. Проколки	1	0,04
8. Геометрические микролиты	18	0,81
9. Усеченные пластины	772	34,68
Орудия на технических сколах с нуклеусов	19	0,85
Орудия на отщепях	800	35,94
1. Скребки	504	22,64
2. Скобели	35	1,57
3. Резцы	24	1,08
4. Скребла	1	0,04
5. Острия	8	0,36
6. Проколки	15	0,67
7. Отщепы с ретушью	137	6,15
8. Долотовидные орудия	3	0,13
9. Наконечники стрел	52	2,34
10. Комбинированные орудия	2	0,09
11. Бифасы	6	0,27
12. Унифасы	1	0,04
13. Обломки орудий	12	0,54
Орудия на сланцевых плитках	6	0,27
1. С округлым рабочим краем	2	0,09
2. С прямым рабочим краем	4	0,18

Виды изделий	Количество	%
Орудия для обработки камня	37	1,66
1. Абразивы	29	1,30
2. Отбойники и ретушеры	7	0,31
3. Наковальни	1	0,04
Шлифованные изделия	20	0,90
Итого:	2226	100

Приложение 3

Размеры пластин (ширина) поселения Павловка-I

Appendix 3

Dimensions of plates (width) of the Pavlovka-I settlement

Виды изделий	Ширина, см						Итого:	
	<0,7		0,8–15		>15			
	количе- ство	%	количе- ство	%	количе- ство	%	количе- ство	%
Полные пластины без ретуши	31	1,58	26	1,33		0,00	57	2,91
Орудия на пластинах	824	42,06	500	25,52	2	0,10	1344	68,61
Пластины с ретушью	262	13,37	195	9,95	2	0,10	459	23,43
<i>полные пластины</i>	5	0,26	7	0,36		0,00	12	0,61
<i>медиальные фрагменты</i>	174	8,88	97	4,95	1	0,05	272	13,88
<i>проксимальные фрагменты</i>	73	3,73	52	2,65	1	0,05	126	6,43
<i>дистальные фрагменты</i>	10	0,51	39	1,99		0,00	49	2,50
Острия	9	0,46	4	0,20		0,00	13	0,66
Резцы	46	2,35	10	0,51		0,00	56	2,86
Наконечники стрел		0,00	5	0,26		0,00	5	0,26
Резчики	9	0,46	4	0,20		0,00	13	0,66
Скретки	4	0,20	3	0,15		0,00	7	0,36
Проколки		0,00	1	0,05		0,00	1	0,05
Геометрические микролиты	15	0,77	3	0,15		0,00	18	0,92
Усеченные пластины	494	25,22	278	14,19	0	0,00	772	39,41
<i>Медиальные фрагменты</i>	306	15,62	187	9,55		0,00	493	25,17
<i>Проксимальные фрагменты</i>	110	5,62	46	2,35		0,00	156	7,96
<i>Дистальные фрагменты</i>	78	3,98	45	2,30		0,00	123	6,28
Отходы производства	345	17,61	213	10,87	0	0,00	558	28,48
<i>Проксимальные фрагменты</i>	180	9,19	125	6,38		0,00	305	15,57
<i>Дистальные фрагменты</i>	165	8,42	88	4,49		0,00	253	12,91
Итого:	1200	61,26	739	37,72	2	0,10	1959	100

Приложение 4

Размеры пластин (длина) поселения Павловка-I

Appendix 4

Dimensions of plates (length) of the Pavlovka-I settlement

Виды изделий	Длина, см				Итого:	
	<3		3–6			
	количе- ство	%	количе- ство	%	количе- ство	%
Полные пластины без ретуши	49	2,50	8	0,41	57	2,91
Орудия на пластинах	1324	67,59	20	1,02	1344	68,61
Пластины с ретушью	447	22,82	12	0,61	459	23,43
<i>полные пластины</i>	12	0,61		0,00	12	0,61
<i>медиальные фрагменты</i>	270	13,78	2	0,10	272	13,88
<i>проксимальные фрагменты</i>	122	6,23	4	0,20	126	6,43
<i>дистальные фрагменты</i>	43	2,19	6	0,31	49	2,50
Острия	11	0,56	2	0,10	13	0,66
Резцы	55	2,81	1	0,05	56	2,86
Наконечники стрел	5	0,26		0,00	5	0,26
Резчики	12	0,61	1	0,05	13	0,66
Скребки	7	0,36		0,00	7	0,36
Проколки	1	0,05		0,00	1	0,05
Геометрические микролиты	18	0,92		0,00	18	0,92
Усеченные пластины	768	39,20	4	0,20	772	39,41
<i>медиальные фрагменты</i>	492	25,11	1	0,05	493	25,17
<i>проксимальные фрагменты</i>	153	7,81	3	0,15	156	7,96
<i>дистальные фрагменты</i>	123	6,28		0,00	123	6,28
Отходы производства	557	28,43	1	0,05	558	28,48
<i>проксимальные фрагменты</i>	305	15,57		0,00	305	15,57
<i>дистальные фрагменты</i>	252	12,86	1	0,05	253	12,91
Итого:	1930	98,52	29	1,48	1959	100

Приложение 5

Пластины с ретушью (локализация ретуши) поселения Павловка-I

Appendix 5

Plates with retouching (localization of retouching) of the Pavlovka-I settlement

Локализация ретуши	Полные пластины		Медиальные фрагменты		Проксимальные фрагменты		Дистальные фрагменты		Итого:	
	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%
1. По одному краю с дорсальной стороны	3	0,65	43	9,37	16	3,49	12	2,61	74	16,12
2. По двум краям с дорсальной стороны	2	0,44	18	3,92	11	2,40	7	1,53	38	8,28
3. По одному краю с центральной стороны	2	0,44	46	10,02	25	5,45	16	3,49	89	19,39
4. По двум краям с центральной стороны		0,00	47	10,24	32	6,97	1	0,22	80	17,43
5. Противоположная (альтер.)	1	0,22	22	4,79	11	2,40	4	0,87	38	8,28
6. Двусторонняя по одному краю при односторонней вентральной по другому		0,00	8	1,74	6	1,31		0,00	14	3,05
7. Двусторонняя по одному краю при односторонней дорсальной по другому	1	0,22	4	0,87	4	0,87	4	0,87	13	2,83
8. Двусторонняя по одному краю		0,00	8	1,74	4	0,87	1	0,22	13	2,83
9. Двусторонняя по двум краям		0,00	3	0,65	2	0,44		0,00	5	1,09
10. По двум краям с дорсальной стороны и с торца	1	0,22	2	0,44		0,00	2	0,44	5	1,09
11. По двум краям с центральной стороны и с торца		0,00	13	2,83	4	0,87		0,00	17	3,70
12. По одному краю с вентральной стороны и с торца		0,00	13	2,83	3	0,65		0,00	16	3,49
13. По одному краю с дорсальной стороны и с торца	1	0,22	6	1,31	2	0,44		0,00	9	1,96
14. Альтернативная и с торца		0,00	1	0,22	2	0,44		0,00	3	0,65
15. Двусторонняя по одному краю при односторонней вентральной по другому и с торца	1	0,22	2	0,44		0,00		0,00	3	0,65
16. Двусторонняя по одному краю при односторонней дорсальной по другому и с торца		0,00	1	0,22		0,00		0,00	1	0,22

Локализация ретуши	Полные пластины		Медиальные фрагменты		Проксимальные фрагменты		Дистальные фрагменты		Итого:	
	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%
17. Двусторонняя по двум краям и с торца		0,00		0,00	1	0,22		0,00	1	0,22
18. Притупленная спинка и с торца		0,00	5	1,09		0,00		0,00	5	1,09
19. По одному краю с вентральной стороны и с двух торцов		0,00	2	0,44		0,00		0,00	2	0,44
20. По двум краям с вентральной стороны и с двух торцов		0,00	1	0,22		0,00		0,00	1	0,22
21. На торце	0	0,00	5	1,09		0,00	3	0,65	8	1,74
22. Притупленная спинка	0	0,00	19	4,14	3	0,65		0,00	22	4,79
23. Притупленная спинка и с вентральной стороны	0	0,00	1	0,22		0,00		0,00	1	0,22
24. Анкош с дорсальной стороны	1	0,22		0,00		0,00		0,00	1	0,22
Итого	13	2,83	270	58,82	126	27,45	50	10,89	459	100

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Кирышин К. Ю.: идея публикации, формирование структуры статьи, анализ сформированной информации, подготовка иллюстраций.

K. Yu. Kiryushin: the idea of publication, the formation of the structure of the article, the analysis of the generated information, the preparation of illustrations.

Кирышин Ю. Ф.: предоставление информации о проведенных сборах и обнаруженном материале, обсуждение полученных результатов, научное редактирование текста.

Yu. F. Kiryushin: providing information about the collections carried out and the material discovered, discussion of the results obtained, scientific editing of the text.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Кирышин Кирилл Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры рекреационной географии, сервиса туризма и гостеприимства Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Kirill Yurievich Kiryushin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Recreational Geography, Tourism, Service and Hospitality, Altai State University, Barnaul, Russia.

Кирышин Юрий Федорович, доктор исторических наук, почетный профессор Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Yuri Fedorovich Kiryushin, Doctor of Historical Sciences, Honorary Professor of Altai State University, Barnaul, Russia.

*Статья поступила в редакцию 27.10.2022;
одобрена после рецензирования 16.11.2022;
принята к публикации 01.12.2022.
The article was submitted 27.10.2022;
approved after reviewing 16.11.2022;
accepted for publication 01.12.2022.*

Научная статья / Research Article

УДК 903.6

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-05](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-05)

РАННЕТЮРКСКАЯ ОГРАДКА ИЗ ЮГО-ВОСТОЧНОГО АЛТАЯ

Юрий Тапасович Мамадаков¹, Николай Николаевич Серегин^{2*}

¹ООО Научный центр «Наследие Сибири», Барнаул, Россия;
utm54@yandex.ru

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
nikolay-seregin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

Резюме. В статье представлены результаты изучения материалов, полученных в ходе раскопок раннетюркской оградки на памятнике Чичке-І. Данный разновременный археологический комплекс, расположенный в 13 км к юго-западу от с. Курай Кош-Агачского района Республики Алтай, исследовался в 1982–1983 гг. Онгудайским отрядом Алтайской археологической экспедиции Алтайского государственного университета. Одним из исследованных объектов стала оградка 159, находившаяся в северо-восточной части памятника. В ходе раскопок установлено, что основой данного сооружения являлась четырехугольная ограда, стороны которой состояли из 18 установленных вертикально плит. В центральной части объекта на глубине 0,35 м от дневной поверхности обнаружены железные удила, стремя, ножик с остатками деревянной рукояти и кость животного. Анализ зафиксированных конструкций и немногочисленного сопроводительного инвентаря позволил датировать оградку концом V — VI в., с возможным сужением указанной хронологии до рамок 1-й половины VI в. Материалы, полученные в ходе раскопок данного объекта, расширяют круг памятников начального этапа в истории тюрков Центральной Азии, а также дополняют довольно фрагментарные пока сведения об особенностях обрядовой практики и материальной культуры кочевников обозначенного периода.

Ключевые слова: Алтай, раннетюркское время, оградка, конское снаряжение, хронология, археологический комплекс

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект №20-78-10037 «Ранние тюрки Центральной Азии: междисциплинарное историко-археологическое исследование»).

Для цитирования: Мамадаков Ю. Т., Серегин Н. Н. Раннетюркская оградка из Юго-Восточного Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №4. С. 88–100. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-05](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-05)

EARLY TURKIC ENCLOSURE FROM THE SOUTH-EASTERN ALTAI

Yuri T. Mamadakov¹, Nikolai N. Seregin^{2*}

¹ООО Scientific Center "Heritage of Siberia", Barnaul, Russia;
utm54@yandex.ru

²Altai State University, Barnaul, Russia;
nikolay-seregin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

Abstract. The article presents the results of the study of the materials obtained during excavations of the early Turkic enclosure at the Chichke-I site. This multi-temporal archaeological complex, located 13 km southwest of the Kurai village of the Kosh-Agach district of the Altai Republic, studied in 1982–1983 by the Ongudai detachment of the Altai archaeological expedition of Altai State University.

Enclosure 159, located in the northeastern part of the site, was one of the studied objects. During the excavations it was found out that the basis of this structure is a quadrangular enclosure, the sides of which consisted of 18 vertically installed slabs. In the central part of the object, at a depth of 0.35 m from the surface, an iron bit, a stirrup, a knife with the remains of a wooden handle, and an animal bone were found. An analysis of the fixed structures and a few accompanying inventory made it possible to date the enclosure to the end of the 5th — 6th centuries AD, with a possible narrowing of the indicated chronology to the framework of the first half of the 6th century AD. The materials obtained during the excavations of this object expand the range of sites of the initial stage in the history of the Turks of Central Asia, and also supplement the still rather fragmentary information about the features of the ritual practice and material culture of the nomads of the indicated period.

Key words: Altai, early Turkic period, enclosure, horse equipment, chronology, archaeological complex

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation (project No. 20-78-10037 “Early Turks of Central Asia: Interdisciplinary Historical and Archaeological Research”).

For citation: Mamadakov Yu. T., Seregin N. N. Early Turkic Enclosure from the South-Eastern Altai. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022;34(4):88–100. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-05](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-05)

Введение

Раннетюркское время обоснованно рассматривается как один из ключевых периодов в истории Центральной Азии, определивший специфику этногенетических процессов в данном регионе на несколько последующих столетий. В середине I тыс. н.э. происходило формирование общности кочевников, ставших основателями крупнейших кочевых империй и объединивших различные группы племен. Большое значение для детализации этих сложных явлений, весьма фрагментарно представленных в письменных источниках, имеют результаты раскопок археологических комплексов.

К настоящему времени объем имеющихся археологических материалов раннетюркского времени остается весьма ограниченным. Отчасти это связано со сложностью обнаружения объектов данного периода, которые далеко не всегда отличаются какими-либо яркими конструктивными характеристиками и к тому же нередко сильно задернованы. Другим фактором, затрудняющим интенсификацию процессов расширения источниковой базы, является сохраняющееся неоднозначное отношение к археологическим раскопкам со стороны некоторой части населения Республики Алтай — региона, наиболее значимого для исследования памятников начальных этапов в истории тюрков. В том числе поэтому особую важность имеет обращение к полученным ранее материалам, по разным причинам не введенным в научный оборот и остающимся за рамками внимания специалистов.

Настоящая статья посвящена публикации и культурно-хронологической интерпретации результатов раскопок раннетюркской оградки, исследованной на площади разновременного памятника Чичке-I в Юго-Восточном Алтае.

Характеристика источников

Археологический комплекс Чичке-I находится в одноименном урочище, в 13 км к юго-западу от с. Курай Кош-Агачского района Республики Алтай (рис. 1.-А). Данный памятник был открыт и зафиксирован экспедицией под руководством Ю. Ф. Кирюши-

на в 1980 г. в ходе обследования территории, попадающей в зону строительства систем мелиорации. Комплекс, насчитывающий свыше 180 объектов, расположен вдоль склона гор, вытянутых с востока на запад. Большая часть фиксируемых визуально сооружений представлена округлыми каменными насыпями диаметром от 2 до 20 м и высотой от 0,2 до 1,0 м, а также гораздо менее многочисленными кольцами из валунов и четырехугольными оградками из плит. Некоторые из объектов имеют следы ограбления.

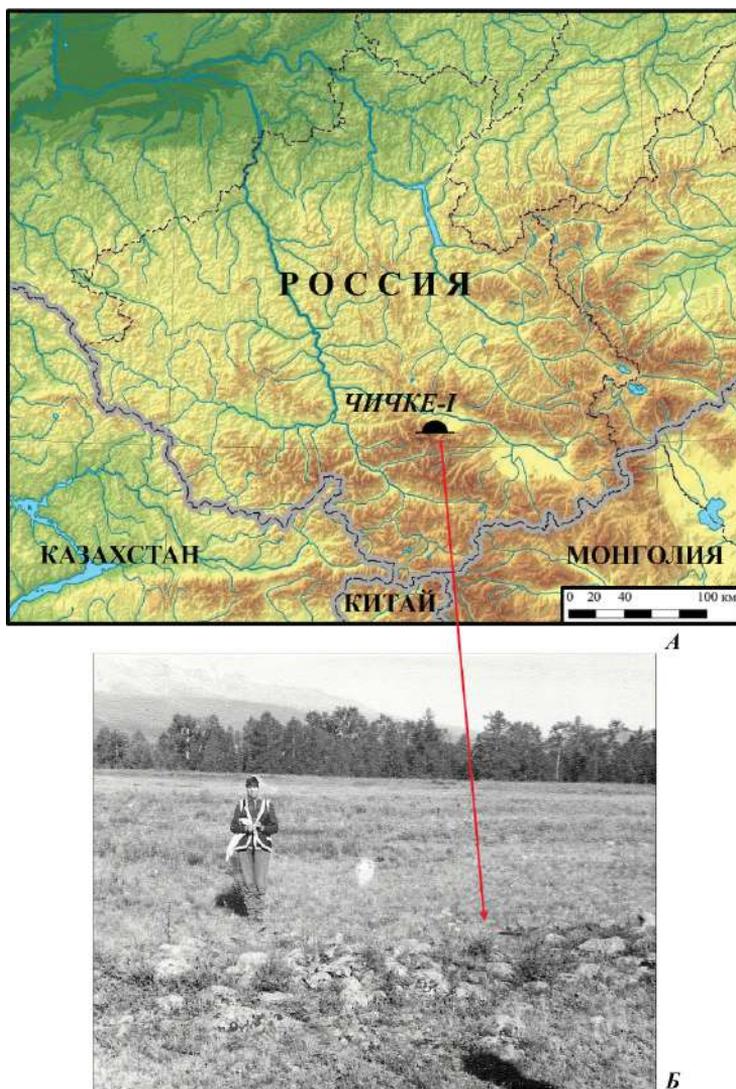

Рис. 1. Карта-схема расположения комплекса Чичке-1 (А) и вид наземной конструкции оградки №159 до раскопок (Б)

Fig. 1. Map-scheme of the location of the Chichke-I complex (A) and a view of the ground structure of enclosure №159 before excavations (B)

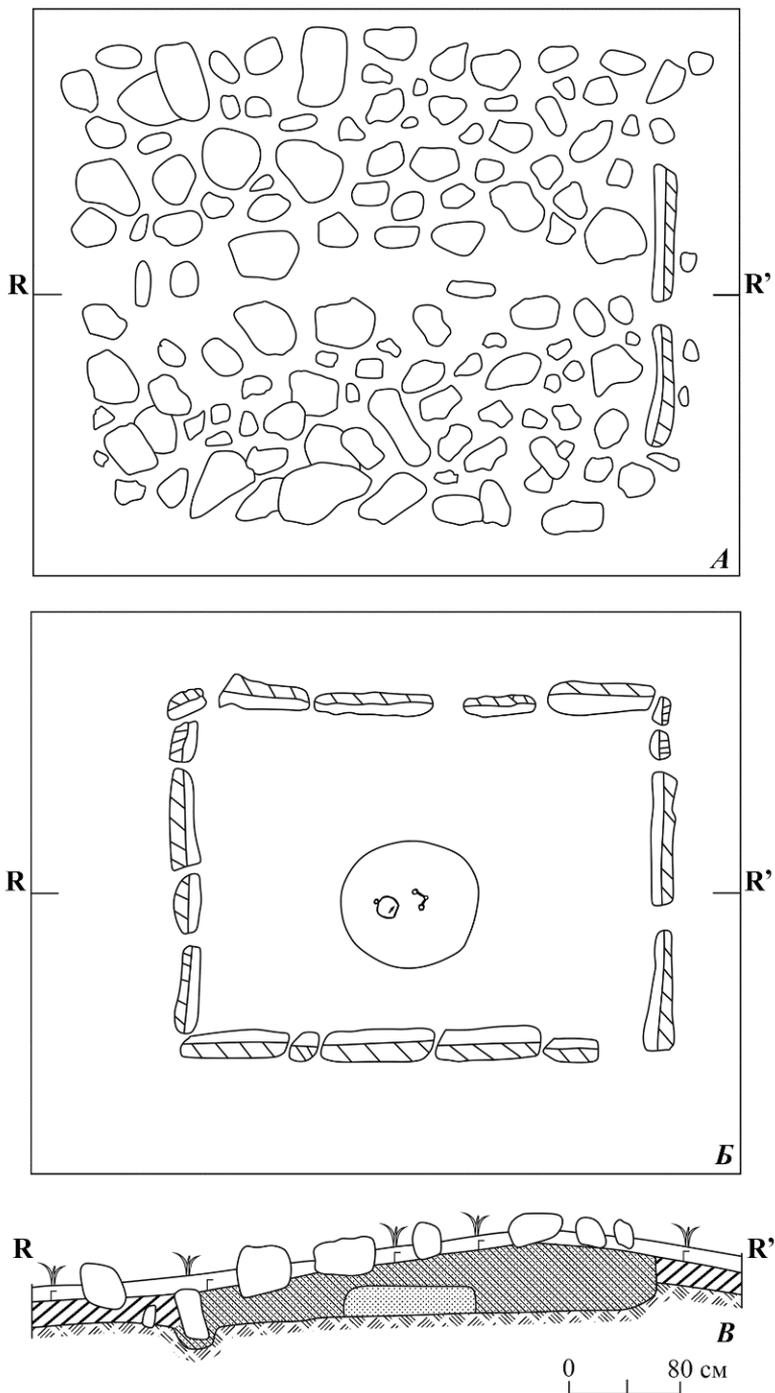

Рис. 2. Чичке-І, оградка №159. Планы и разрез объекта
 Fig. 2. Chichke-I, enclosure №159. Plans and section of the object

Рис. 3. Находки в центральной части оградки №159 комплекса Чичке-1
Fig. 3. Finds in the central part of enclosure №159 of the Chichke-I complex

Первые раскопки на памятнике Чичке-1 проведены Онгудайским отрядом Алтайской археологической экспедиции Алтайского государственного университета под руководством одного из авторов статьи летом 1982 г. (Мамадаков, 1984, с. 216). К этому времени комплекс уже находился в аварийном состоянии в связи с прокладкой мелиоративных каналов, проходящих прямо через объекты или рядом с ними. В следующем 1983 г. работы в данной местности были продолжены (Мамадаков, 1985, с. 224; Мамадаков и др., 1999, рис. 1–6). Всего на комплексе Чичке-1 раскопаны свыше 15 объектов, которые, судя по полученным материалам, относятся к двум хронологическим периодам — скифо-сакскому времени и раннему Средневековью.

Оградка №159 представляет собой единственное сооружение, исследованное в северо-восточной части комплекса Чичке-1. До раскопок объект фиксировался в виде небольшого всхолмления, сложенного из рваных камней (рис. 1.-Б). Для изучения данной конструкции заложен раскоп (5,0×4,0 м). После снятия насыпи выявлена четырехугольная ограда размерами 3,52×2,66 м, стороны которой состояли из 18 установленных вертикально плит (рис. 2). Их средний размер составил 0,52×0,34×0,18 м. В центральной части ограды на глубине 0,35 м от дневной поверхности обнаружены железные удила, стремя и ножик с остатками деревянной рукояти, а также кость животного (рис. 3).

Несмотря на фрагментарность полученных материалов, имеющихся сведений достаточно для установления культурной и хронологической принадлежности раскопанного объекта.

Анализ и интерпретация материалов

На территории Юго-Восточного Алтая известно довольно большое количество археологических комплексов раннесредневековых тюрок, часть из которых демонстри-

рует начальные этапы в развитии данной общности (Евтюхова, Киселев, 1941; Могильников, Елин, 1983; Кубарев, 1985; Соенов, Эбель, 1996; Кубарев, 2007; и др.). Оградка 159 комплекса Чичке-1 относится к объектам, традиционно рассматриваемым как «поминальные» памятники.

Публикуемый объект демонстрирует одну из наиболее распространенных групп тюркских оградок, представляющих собой одиночные четырехугольные сооружения, стенки которых возведены из установленных на ребро каменных плит. Судя по материалам, полученным в ходе раскопок в разных частях Центральной Азии, а также за пределами данного региона, подобные комплексы возводились на протяжении всей 2-й половины I тыс. н.э. (Грач, 1961; Кубарев, 1984; Серегин, Шелепова, 2015; и др.).

Некоторое значение для определения хронологии публикуемой оградки имеет конструкция ее основы. При исследовании данного объекта выявлено сооружение в виде многоплитового ящика, т.е. стенки устроены из двух и более плит. Отмечено, что такие оградки характерны в большей степени для «поминальных» комплексов, возведенных не позднее периода существования Первого Тюркского каганата (Войтов, 1996, с. 61, 70). Подобные многоплитовые конструкции разных размеров выявлены в ходе раскопок целого ряда памятников на Алтае и в соседних регионах. Очевидно, что обозначенная характеристика оградок не выступает четким хронологическим маркером. Еще более относительным признаком является отсутствие у оградки изваяния — как известно, нередко такие довольно хорошо заметные объекты разрушались или уносились с мест первоначальной локализации, о чем свидетельствуют в том числе коллекции раннесредневековых скульптур в музеях.

Основой для датировки оградки №159 комплекса Чичке-1 выступают обнаруженные изделия. Наиболее показательным элементом немногочисленного предметного комплекса является железное стремя (рис. 4.-1; 5.-1). Общие размеры предмета: высота — 15,6 см, наибольшая ширина — 14,25 см. Ушко стремени петельчатое, заметно приплюснутое, выполненное путем наложения друг на друга концов железного прута с последующей их проковкой. Высота ушка — 2,5 см, ширина — 3,4 см. Образованное отверстие для стременного ремня имеет подтреугольную форму, высота его составляет 1,6 см, ширина — 1,4 см. Дужки изделия в сечении округлые. Их толщина — до 1,1 см. Подножка стремени плоская, прямая. В тех местах, где подножка соединяется с дужками, они как бы формируют края ребра жесткости, но при этом нервюра отсутствует. Ширина подножки — 2,3 см, толщина — до 0,5 см.

Публикуемое изделие относится к немногочисленной пока группе наиболее ранних пластинчатых стремян. Важно отметить, что практически все подобные находки происходят из объектов, относящихся к начальному этапу в развитии культуры ранне-средневековых тюрков и раскопанных на территории Алтая. Примерами таких предметов являются изделия из комплексов Кара-Коба-1 (Могильников, 1994, рис. 2.-1) (рис. 5.-2) и Усть-Карасу (Серегин, Васютин, 2019, рис. 6.-2) (рис. 5.-3). Ключевыми характеристиками ранних стремян являются вертикально вытянутая либо чуть приплюснутая петля; прямая, узкая и плоская подножка; вытянутые очертания проема, образуемого дужками. Начальная эволюция подобных изделий нашла отражение в появлении ребра жесткости (нервюры) на подножке, а также, вероятно, в большей приплюснутости

петли, что отчасти демонстрирует находка из комплекса Кызыл-Таш (Соенов, Эбель, 1996, рис. 1.-3) (рис. 5.-4). За пределами Алтая известно небольшое количество ранних петельчатых стремян, которые отличаются по ряду показателей, что, возможно, отражает их более позднюю датировку (Скобелев, 2000, рис. X.-3; Серегин, 2009, рис. 1-2).

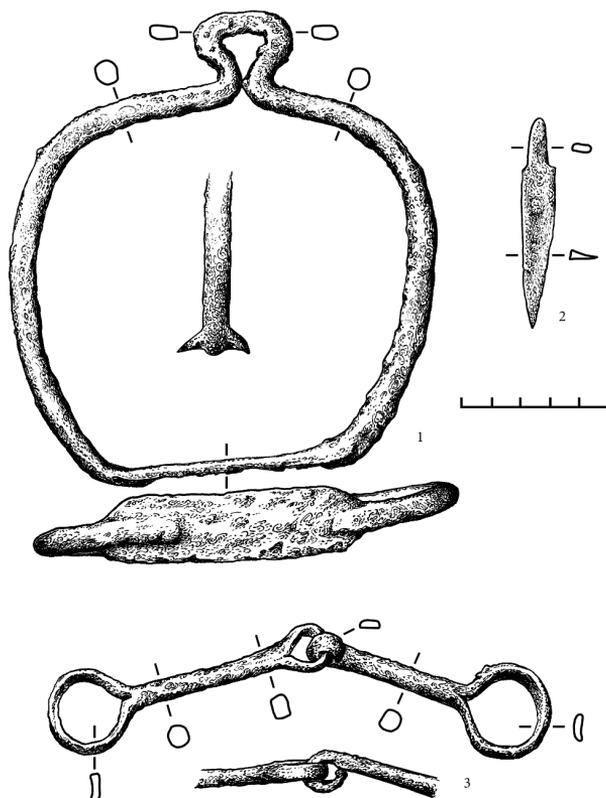

Рис. 4. Предметы инвентаря из оградки №159 комплекса Чичке-І. Рисунок выполнен И.А. Чудилиным

Fig. 4. Artifacts from enclosure №159 of the Chichke-I complex. The drawing was made by I.A. Chudilin

Материалы раскопок оградки комплекса Чичке-І подтверждают отмеченную ранее тенденцию — практически во всех случаях в памятниках начального этапа культуры тюрок на Алтае обнаружено по одному стремяни (Могильников, 1994, рис. 2.-1; 7.-1; 13.-2-3; 14.-2; Соенов, Эбель, 1996, рис. 1.-3; Серегин, Васютин, 2021, рис. 52; 56; 61; 167.-2; и др.). Судя по всему, преимущественная фиксация подобной традиции в памятниках этого времени обусловлена сохранением практики использования стремян в качестве подножки, что связано с особенностями первоначального использования данной категории изделий как приспособления для посадки на лошадь. Показательно, что данное явление, сохранившись на Алтае (Кирюшин и др., 1998, рис. 4.-7; Соенов и др., 2009, рис.

7; и др.), во 2-й половине VI — 1-й половине VII в. получило распространение и на сопредельных территориях (Тува, Минусинская котловина, Средняя Азия), очевидно демонстрируя распространение тюрок в рамках создания и расширения Первого каганата (Киселев, 1929, табл. V.-12; Спришевский, 1951, рис. 3.-2; Трифонов, 1971, рис. 5; Поселянин, Киргинеков, Тараканов, 1999, рис. 16.-19, 22; 17.-12; Худяков, 1999, рис. 3; Килуновская и др., 2017, рис. 57; и др.).

Рис. 5. Петельчатые стремена из раннетюркских оградок Алтая: 1 — Чичке-І; 2 — Кара-Коба-І; 3 — Усть-Карасу; 4 — Кызыл-Таш. Фото Н.Н. Серегина

Fig. 5. Looped stirrups from the early Turkic enclosures of Altai: 1 — Chichke-I; 2 — Kara-Koba-I; 3 — Ust-Karasu; 4 — Kyzyl-Tash. Photo by N.N. Seregin

В целом стремя из памятника Чичке-І, наряду с другими подобными предметами, иллюстрирует масштабные процессы, связанные с формированием на Алтае общности раннесредневековых тюрок. С учетом сочетания хронологически показательных

характеристик изделия рассматриваемая находка может быть уверенно датирована в рамках конца V — VI в.

Другим элементом конского снаряжения, обнаруженным в ходе раскопок оградки 159 комплекса Чичке-I, являются железные удила (рис. 4.-3). Они имеют звенья с гладкими стержнями, кольчатыми внешними окончаниями округлой формы и кольчато-крюковым соединением. Подобные изделия неоднократно зафиксированы в ходе раскопок раннетюркских оградок в разных частях Алтая (Гаврилова, 1965, табл. IV.-7; Могильников, 1994, рис. 13.-1; Горбунов, Тишкин, 2013, рис. 16; и др.). Такие предметы не являются узко датирующими, однако, судя по имеющимся материалам, они более характерны для материальной культуры населения региона во 2-й половине V — VII в.

Небольшой железный нож (рис. 4.-2), в ходе раскопок обнаруженный уложенным в проем стремени, относится к черешковым однолезвийным изделиям с прямой спинкой. Общая длина предмета — 7,2 см. При переходе к черешку имеется выступ с обеих сторон. Схожие изделия, с учетом различной степени сохранности, а также некоторых нюансов оформления, обнаружены при исследовании ряда «поминальных» комплексов раннесредневековых тюрок (Илюшин, 2000, рис. V.-12; Соенов и др., 2009, рис. 6.-3; Серегин, Васютин, 2021, рис. 70; и др.).

Таким образом, учитывая ключевые характеристики конструкции оградки, а также время бытования обнаруженных находок, время сооружения публикуемого объекта можно определить рамками конца V — VI в.

Заключение

Материалы, полученные в ходе раскопок памятника Чичке-I, расширяют круг памятников начального этапа в истории тюрок Центральной Азии, а также дополняют довольно фрагментарные пока сведения об особенностях обрядовой практики и материальной культуры кочевников обозначенного периода. Судя по имеющимся данным, оградка №159 является наиболее ранним из тюркских объектов Юго-Восточного Алтая. В целом хронология этого комплекса определяется концом V — VI в., с возможным сужением указанной датировки до рамок 1-й половины VI в. Важно отметить, что оградка из местности Кызыл-Таш, рассматриваемая в качестве эпонимной для раннего этапа археологической культуры тюрок (Горбунов, Тишкин, 2002) и расположенная в сравнительной близости, с учетом типологически показательных характеристик обнаруженного в ней стремени (главным образом, выраженное ребро жесткости у подножки), очевидно, сооружена несколько позднее.

В заключение обратим внимание на дальнейшие перспективы проведения системных работ на памятнике Чичке-I. Данный комплекс включает и другие раскопанные сооружения тюркского периода, которые планируется представить в отдельной публикации, а также значительное количество неизученных объектов, потенциально весьма информативных для реконструкции различных аспектов истории кочевников Алтая середины — 2-й половины I тыс. н.э. Важность проведения полевых исследований определяется в том числе возможностью получения качественных материалов для радиоуглеродного датирования комплексов раннетюркского времени, хронология которых до сих пор остается дискуссионной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М. : Изд-во ГМВ, 1996. 152 с.

Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л. : Наука, 1965. 146 с.

Горбунов В. В., Тишкин А. А. О территории формирования тюркского этноса // Тюркские народы. Тобольск; Омск : ОмГПУ, 2002. С. 43–46.

Горбунов В. В., Тишкин А. А. Тюркские оградки памятника Яломан-VII (Центральный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2013. Вып. 2 (8). С. 82–99.

Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М. : Изд-во вост. лит-ры, 1961. 94 с.

Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды Государственного исторического музея. 1941. Вып. 16. С. 75–117.

Илюшин А. М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск : НГУ, 2000. С. 157–169.

Килуновская М. Е., Боковенко Н. А., Лазаревская Н. А., Садыков Т. Р., Семенов Вл. А., Смирнов Н. Ю. Исследования археологических памятников в урочище Бай-Булун в 2015 г. (Тувинская археологическая экспедиция ИИМК РАН) // Бюллетень ИИМК РАН. 2017. №6. С. 151–182.

Кирюшин Ю. Ф., Горбунов В. В., Степанова Н. Ф., Тишкин А. А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескень-VI // Древности Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1998. №3. С. 165–175.

Киселев С. В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник гос. музея им. Н. М. Мартянова в г. Минусинске. 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 1–162.

Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск : Наука, 1984. 230 с.

Кубарев В. Д. Древнетюркские кенотафы Боротала // Древние культуры Монголии. Новосибирск : Наука, 1985. С. 136–148.

Кубарев Г. В. Новые данные о древнетюркских оградках Алтая // Средневековая археология евразийских степей. Казань : Институт истории АН РТ, 2007. Т. I. С. 50–59.

Мамадаков Ю. Т. Работы в Горном Алтае // Археологические открытия 1982 года. М : Наука, 1984. С. 216–217.

Мамадаков Ю. Т. Раскопки памятников Горного Алтая // Археологические открытия 1983 года. М. : Наука, 1985. С. 223–224.

Мамадаков Ю. Т., Марсадалов Л. С., Кирюшин Ю. Ф., Шамшин А. Б., Демин М. А. Исследования в урочище Чичке на юго-востоке Алтая // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1999. №4. С. 111–123.

Могильников В. А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 94–116.

Могильников В. А., Елин В. Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 127–153.

Поселянин А. И., Киргиников Э. Н., Тараканов В. В. Исследование средневекового могильника Белый Яр-II // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск : НГУ, 1999. Вып. 2. С. 88–116.

Серегин Н. Н. Ранние стремена из коллекции С.И. Руденко // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. Вып. 5. С. 172–177.

Серегин Н. Н., Васютин С. А. Тюркские «поминальные» объекты комплекса Усть-Карасу (Центральный Алтай): по материалам раскопок А.С. Васютина // Поволжская археология. 2019. №2 (28). С. 32–46.

Серегин Н. Н., Васютин С. А. Раннетюркские археологические комплексы Центрального и Восточного Алтая (по материалам исследований А. С. Васютина). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. 296 с.

Серегин Н. Н., Шелепова Е. В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул : Азбука, 2015. 168 с.

Скобелев С. Г. Древнетюркские оградки могильника Кек-Оба // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск : НГУ, 2000. С. 86–105.

Соенов В. И., Трифанова С. В., Константинов Н. А., Штанакова Е. А. Раскопки средневековых объектов на могильнике Бике-III // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2009. Вып. 1–2. С. 74–95.

Соенов В. И., Эбель А. В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. №3. С. 115–118.

Спришевский В. И. Погребение с конем середины I тыс. н.э., обнаруженное около обсерватории Улугбека // Труды Музея истории народов Узбекистана. 1951. Вып. 1. С. 33–42.

Трифонов Ю. И. Древнетюркская археология Тувы // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1971. Вып. 15. С. 112–122.

Худяков Ю. С. Древнетюркское погребение на могильнике Терен-Кель // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. №3. С. 21–26.

REFERENCE

Vojtov V. E. The Ancient Turkic Pantheon and the Model of the Universe in the Cult-Commemorative Sites of Mongolia in the 6th–8th Centuries. Moscow : Izd-vo GMV, 1996. 152 p. (*In Russ.*)

Gavrilova A. A. Kudyrga Burial Ground as a Source on the History of the Altai Tribes. Moscow; Leningrad : Nauka, 1965. 146 p. (*In Russ.*)

Gorbunov V. V., Tishkin A. A. On the Territory of the Formation of the Turkic Ethnos. In: Turkic Peoples. Tobol'sk; Omsk : OmGPU, 2002. Pp. 43–46. (*In Russ.*)

Gorbunov V. V., Tishkin A. A. Turkic Fences of the Yaloman-VII Site (Central Altai). *Teorija i praktika arheologičeskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2013;2(8):82–99. (*In Russ.*)

Grach A. D. Ancient Turkic Statues of Tuva. Moscow : Izd-vo vost. lit-ry, 1961. 94 p. (*In Russ.*)

Evtjuhova L. A., Kiselev S. V. Report on the Work of the Sayano-Altai Archaeological Expedition in 1935. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja = Proceedings of the State Historical Museum*. 1941;16:75–117. (In Russ.)

Iljushin A. M. Burial Ground Kudyrge and Questions of Ancient Turkic History of Sayano-Altai. In: *The Sites of Ancient Turkic culture in the Sayano-Altai and Central Asia*. Novosibirsk : NGU, 2000. Pp. 157–169. (In Russ.)

Kilunovskaja M. E., Bokovenko N. A., Lazarevskaja N. A., Sadykov T. R., Semenov V. I., Smirnov N. Ju. Studies of Archaeological Sites in the Bai-Bulun Tract in 2015 (Tuva archaeological expedition of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences). *Bjulleten' IIMK RAN = Bulletin of IIMC RAS*. 2017;6:151–182. (In Russ.)

Kirjushin Ju. F., Gorbunov V. V., Stepanova N. F., Tishkin A. A. Ancient Turkic Mounds of the Tytkesken-VI Burial Ground. *Drevnosti Altaja = Antiquities of Altai*. 1998;3:165–175. (In Russ.)

Kiselev S. V. Materials of the Archaeological Expedition to the Minusinsk Territory in 1928. *Ezhegodnik gos. muzeja im. N. M. Mart'janova v g. Minusinske = Yearbook of the State Museum named after N.M. Martyanov in Minusinsk*. 1929;2:1–162. (In Russ.)

Kubarev V. D. Ancient Turkic Statues of Altai. Novosibirsk : Nauka, 1984. 230 p. (In Russ.)

Kubarev V. D. Ancient Turkic Cenotaphs of Borotal. In: *Ancient Cultures of Mongolia*. Novosibirsk : Nauka, 1985. Pp. 136–148. (In Russ.)

Kubarev G. V. New Data on the Ancient Turkic Enclosures of Altai. In: *Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes*. Kazan' : Institut istorii AN RT, 2007. Issue I. Pp. 50–59. (In Russ.)

Mamadakov Ju. T. Works in Mountainous Altai. In: *Archaeological Discoveries in 1982*. Moscow : Nauka, 1984. Pp. 216–217. (In Russ.)

Mamadakov Ju. T. Excavations of the Sites of Mountainous Altai. In: *Archaeological Discoveries in 1983*. Moscow : Nauka, 1985. Pp. 223–224. (In Russ.)

Mamadakov Ju. T., Marsadolov L. S., Kirjushin Ju. F., Shamshin A. B., Demin M. A. Research in the Chichke Tract in the Southeast of Altai *Drevnosti Altaja = Antiquities of Altai*. 1999;4:111–123. (In Russ.)

Mogil'nikov V. A. Cult Ring Fences and Burial Mounds of Kara-Koba-I. In: *Archaeological and Folklore Sources on the History of Altai*. Gorno-Altajsk : GANIIIYaL, 1994. Pp. 94–116. (In Russ.)

Mogil'nikov V. A., Elin V. N. Mounds of Taldura. In: *Archaeological Research in Mountainous Altai in 1980–1982*. Gorno-Altajsk : GANIIIYaL, 1983. Pp. 127–153. (In Russ.)

Poseljanin A. I., Kirginekov Je. N., Tarakanov V. V. Study of the Medieval Burial Ground Bely Yar-II. In: *Eurasia: Cultural Heritage of Ancient Civilizations*. Novosibirsk : NGU, 1999. Issue 2. Pp. 88–116. (In Russ.)

Seregin N. N. Early Stirrups from the Collection of S. I. Rudenko. In: *Theory and Practice of Archaeological Research*. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2009. Issue 5. Pp. 172–177. (In Russ.)

Seregin N. N., Vasjutin S. A. Turkic “Funeral” Objects of the Ust-Karasu Complex (Central Altai): Based on the Materials of Excavations by A. S. Vasyutin. *Povolzhskaya arheologiya = Volga Archaeology*. 2019;2(28):32–46. (In Russ.)

Seregin N. N., Vasjutin S. A. Early Turkic Archaeological Complexes of the Central and Eastern Altai (based on the research materials of A. S. Vasyutin). Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2021. 296 p. (*In Russ.*)

Seregin N. N., Shelepova E. V. Turkic Ritual Complexes of Altai (the 2nd half of the 1st millennium AD): Systematization, Analysis, Interpretation. Barnaul : Azbuka, 2015. 168 p. (*In Russ.*)

Skobelev S. G. Ancient Turkic Enclosures of the Kek-Oba Burial Ground. In: Monuments of Ancient Turkic Culture in the Sayano-Altai and Central Asia. Novosibirsk : NGU, 2000. Pp. 86–105. (*In Russ.*)

Soenov V. I., Trifanova S. V., Konstantinov N. A., Shtanakova E. A. Excavations of Medieval Objects at the Bike-III Burial Ground. In: Antiquities of Siberia and Central Asia. Gorno-Altajsk : GAGU, 2009. Issue 1–2. Pp. 74–95. (*In Russ.*)

Soenov V. I., Jebel' A. V. New Materials from Altai Fences. *Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanities in Siberia*. 1996;3:115–118. (*In Russ.*)

Sprishevskij V. I. A Burial with a Horse from the Middle of the 1st Millennium AD, Discovered near the Ulugbek Observatory. *Trudy Muzeja istorii narodov Uzbekistana = Proceedings of the Museum of the History of the Peoples of Uzbekistan*. 1951;1:33–42. (*In Russ.*)

Trifonov Ju. I. Ancient Turkic Archaeology of Tuva. *Uchenye zapiski TNIIYaLI = Scientific notes of TNIIYaLI*. 1971;15:112–122. (*In Russ.*)

Hudjakov Ju. S. Ancient Turkic Burial at the Teren-Kel Burial Ground. *Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanities in Siberia*. 1999;3:21–26. (*In Russ.*)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мамадаков Юрий Тапасович, кандидат исторических наук, директор ООО Научный центр «Наследие Сибири», Барнаул, Россия.

Yury Tapasovich Mamadakov, Candidate of Historical Sciences, Director of Scientific Center “Heritage of Siberia”, Barnaul, Russia.

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Nikolai Nikolaevich Seregin, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology of the Altai State University, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию 26.09.2022;

одобрена после рецензирования 17.10.2022;

принята к публикации 02.11.2022.

The article was submitted 26.09.2022;

approved after reviewing 17.10.2022;

accepted for publication 02.11.2022.

Научная статья / Research Article

УДК 902.62

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-06](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-06)

ДАТИРОВКА ЖЕЛЕЗНЫХ ПРЯЖЕК, НАКЛАДОК И КРЮЧКОВ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ИЗ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОСТОЛОПОВСКОГО СЕЛИЩА В ТАТАРСТАНЕ)

Константин Александрович Руденко

Казанский государственный институт культуры, Казань, Россия;
murzha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4067-9287>

Резюме. В статье рассматриваются железные пряжки, накладки на ремень и крючки из раскопок Остолоповского селища в Татарстане. Оно существовало в XI–XII вв. Селище было одним из поселений в центральной части Волжской Булгарии, расположенном на пути из центра государства на реку Каму, являвшуюся важнейшей торговой магистралью Булгарии. Селище исследовалось в 1969 и 1997–2013 гг. Оно отличается уникальной стратиграфией, которая связана с особенностями функционирования селища. Существовало это поселение недолго — с конца X в. до 2-й половины XII в. Расцвет поселения приходился на 2-ю половину XI — 1-ю половину XII в. При раскопках было найдено 40 экземпляров железных пряжек, накладок и крючков. Особенность этих артефактов состоит в том, что они были сделаны по образцам, попавшим к булгарам из Южной Сибири. Прототипами им были изделия аскизской археологической культуры. Такие находки являются типичными для булгарских археологических памятников домонгольского времени. Кроме того, булгарские копии аскизских оригиналов распространились и за границы Волжской Булгарии. Они встречаются у средневековых марийцев, удмуртов, пермян, мордвы. Поэтому выяснение времени бытования таких изделий очень важно для датировки археологических материалов всего Волго-Камского региона. Хорошо датированные слои Остолоповского селища позволяют это сделать. Анализ находок показал, что они начинают встречаться в третьем стратиграфическом слое, который датируется не ранее середины — 2-й половины XI в. В нем найдено немного предметов от пояса с железной пряжкой и накладками, украшавшими его. Большее количество находок происходит со второго слоя, который формировался с рубежа XI–XII вв. и до 2-й трети XII в. Они отличаются улучшенным дизайном форм, включавшим также украшение поверхности орнаментами и, возможно, инкрустацией серебром. В верхнем горизонте второго слоя находки этого типа уже не встречаются. Таким образом, период использования булгарских дериватов аскизских изделий на Остолоповском селище — это 2-я половина XI — 2-я треть XII в. По данным стратиграфии наибольшее использование таких артефактов было в 1-й половине XII в.

Ключевые слова: Волжская Булгария, Средневековье, волжские булгары, железные пряжки, железные накладки, аскизская археологическая культура, средневековая археология Южной Сибири, стратиграфия, Остолоповское селище

Для цитирования: Руденко К. А. Датировка железных пряжек, накладок и крючков эпохи Средневековья из Среднего Поволжья (по материалам Остолоповского селища в Татарстане) // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №4. С. 101–116. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-06](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-06)

DATING OF THE IRON BUCKLES, PLAQUES ON THE BELT AND HOOKS OF THE MIDDLE AGES PERIOD FROM THE MIDDLE VOLGA REGION (BASED ON THE MATERIALS OF THE OSTOLOPOVO SETTLEMENT IN TATARSTAN)

Konstantin A. Rudenko

Kazan State Institute of Culture, Kazan, Russia;
murziha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4067-9287>

Abstract. The article deals with iron buckles, plaques on the belt and hooks from the excavations of the Ostolopovo settlement in Tatarstan. It existed in the 11th — 12th centuries. The Ostolopovo settlement was one of the settlements in the central part of the Volga Bulgaria, located on the way from the center of the state to the Kama River, which was the most important trade route of Bulgaria. The settlement was investigated in 1969 and 1997–2013. It is distinguished by a unique stratigraphy, which is associated with the peculiarities of the functioning of the settlement. This settlement existed for a short time — from the end of the 10th century to the second half of the 12th century. The heyday of the settlement fell on the second half of the 11th — the first half of the 12th century. During the excavations, 40 iron buckles, plaques on the belt and hooks were found. The peculiarity of these artifacts was that they were made according to samples that came to the Bulgars from Southern Siberia. Their prototypes were items of the Askiz archaeological culture. Such finds are typical for the Bulgar archaeological sites of the pre-Mongol period. In addition, Bulgar copies of Askiz originals spread beyond the borders of Volga Bulgaria. They are found among the medieval Mari, Udmurts, Permians, Mordovians. Therefore, finding out the time of existence of such items is very important for dating the archaeological materials of the entire Volga-Kama region. Well-dated layers of the Ostolopovsky settlement allow this to be done. The analysis of the finds showed that they begin to occur in the third stratigraphic layer, which dates back to no earlier than the middle — second half of the 11th century. It contained a few items from a belt with an iron buckle and plaques on the belt that adorned it. Most of the finds come from the second layer, which was formed from the turn of the 11th–12th centuries until the second third of the 12th century. They are notable for their improved form design, which also included decoration of the surface with ornaments and possibly silver inlay. Finds of this type are no longer found in the upper horizon of the second layer. Thus, the period of the use of the Bulgar derivatives of Askiz products in the Ostolopovo settlement is the second half of the 11th — the second third of the 12th century. According to stratigraphy, the greatest use of such artifacts was in the first half of the 12th century.

Key words: Volga Bulgaria, Middle Ages, Volga Bulgars, iron buckles, iron plaques on the belt, Askiz archaeological culture, medieval archaeology of Southern Siberia, stratigraphy, Ostolopovo settlement

For citation: Rudenko K. A. Dating of the Iron Buckles, Plaques on the Belt and Hooks of the Middle Ages Period from the Middle Volga Region (based on the Materials of the Ostolopovo Settlement in Tatarstan). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022;34(4):101–116. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-06](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-06)

Введение
Детали и украшения пояса, как и конской сбруи, сделанные из железа, — характерная черта древностей XI–XIII вв. Евразии. Достаточно широко они распространились в это время в Восточной Европе, включая Волжскую Булгарию. В по-

следней часть из них имеет южносибирские истоки, связанные с материалами аскизской культуры (Руденко, 2001). В регионе известны как оригинальные аскизские изделия, так и их производные (Белорыбкин, 2001, с. 160–172, рис. 98–104). Дериваты аскизских изделий бытовали у болгар с середины XI в. и до 2-й половины XII столетия, когда они постепенно стали выходить из обращения. В этот период данные артефакты встречаются и за пределами болгарских земель. Они известны у средневековых марийцев, удмуртов, пермяков, а также в Древней Руси (Руденко, 2001, с. 63–66; 2022, с. 175, 176; Шполянский, 2019, с. 227–245). При этом они не использовались кочевниками Восточной Европы, в том числе номадами Предуралья в XI–XII вв. (Гарустович, 2009, с. 197–212). Единичные исключения, как, например, Азнаевские курганы в Башкирии, не меняют общей картины (Гарустович, Иванов, 2019, с. 95–104; Руденко, 2022, с. 175).

Популярность железной гарнитуры в Волжской Булгарии вполне объяснима — в XI в. они стали частью бытового костюма, потеснив пояса, украшенные накладками из цветного металла. Поскольку вещи в болгарских мусульманских захоронениях не встречаются, получить представление о том, как выглядел пояс с железными накладками, можно по находкам из языческих захоронений соседей болгар. Особенно интересны погребения из могильников северных удмуртов XI–XIII вв., в частности Кузьминского (Иванова, 1992). Судя по этим данным, пояс (как правило, мужской) изготавливался из нескольких отрезков кожи шириной около двух сантиметров, соединенных железными кольцами диаметром 3–3,5 см. Украшался он железными накладками типов Б-16, Б-18, Б-19 или Б-1в, з (Руденко, 2001, с. 213, 214, табл. 7), как, например, в погр. 76 и 121 Кузьминского могильника (Иванова, 1992, рис. 38.-7, 8; 53.-3). В Азнаевских курганах помимо этих типов артефактов были встречены также накладки типов В-2 и Б-4 и Б-5 со стержневидными привесками (Руденко, 2001, с. 213, 214, табл. 7; 8).

Процесс распространения и какое-то время доминирования поясов с железной гарнитурой у болгар может быть объяснен и тем, что оригинальные аскизские изделия, попавшие к болгарам, часть которых имела серебряную, а возможно, и золотую плакировку, стали объектом подражания и копирования. Цвет железа, из которых изготавливались болгарские дериваты, ассоциировался с серебром, которым покрывались аскизские изделия. Кроме того, болгары делали такие предметы объемными, что в какой-то мере воспроизводило внешний вид серебряных накладок на парадных поясах восточного происхождения.

С болгарских памятников, в том числе Остолоповского селища, известны оригинальные (аскизские) предметы, например накладки и застёжки с серебряной плакировкой (рис. 1), обнаруженные в подъемном материале в 1983–1987 и 2004 гг. (Руденко, 2021, с. 73). Кроме того, были выявлены места изготовления болгарских реплик и дериватов аскизских изделий (Руденко, 2022, с. 167, 170–174). В Волжской Булгарии массово производились копии оригинальных изделий, более простые по дизайну, с местными художественными особенностями (Руденко, 2001, с. 68, 210, табл.5: 19–22).

Распространение болгарских дериватов аскизских изделий — явление культурно-хронологического порядка. Пояса с железными накладками были частью бытового костюма, отсюда их широкое распространение на болгарских памятниках XI–XII вв. По данным автора на 2020 г. накладки и пряжки рассматриваемой категории встречены

на 23 болгарских селищах и 17 городищах, функционировавших в этот период (Руденко, 2001, с. 92, рис. 6). Широкое распространение имели железные детали легкой уздечки с подвижным соединением ремней оголовья и ряд других предметов.

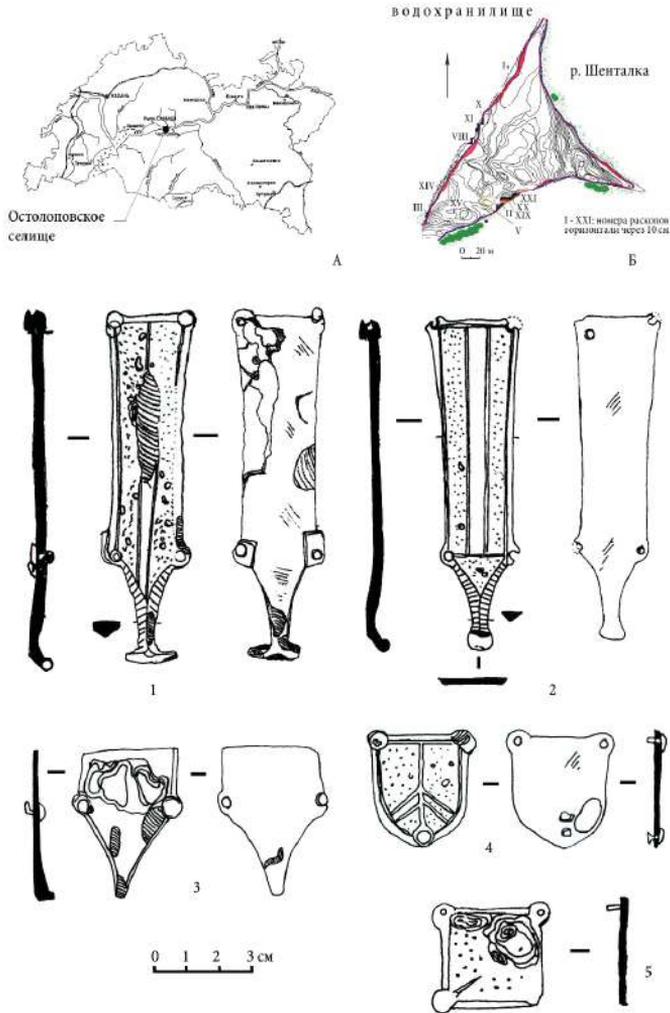

Рис. 1. Остолоповское селище. Аскизские железные изделия с серебряной плакировкой.

Подъемный материал: 1 – коллекция МА ИА АН РТ; 2 – коллекция БГИАМЗ; 3–5 – коллекция НМ РТ. Сборы Е.П. Казакова (1), М.М. Кавеева (2), К.А. Руденко (3–5). А – расположение Остолоповского селища на территории Республики Татарстан; Б – план Остолоповского селища. Съемка К.А. Руденко

Fig. 1. Ostolopovo settlement. Askiz ironware with silver plating. lifting material: 1 – collection of MA IA AS RT; 2 – BGIAMZ collection; 3–5 – NM RT collection. Finds of E.P. Kazakova (1), M. M. Kaveeva (2), K.A. Rudenko (3–5). A – the location of the Ostolopovo settlement on the territory of the Republic of Tatarstan; B – plan of the Ostolopovo settlement. Shooting K. A. Rudenko

Для значительной части болгарских поселений, существовавших в домонгольский период, железные украшения пояса и детали конской упряжи являются типичными. К сожалению, до недавнего времени исследователи на них обращали мало внимания, что можно заметить по публикациям материалов раскопок болгарских памятников, где эти артефакты упоминаются очень редко. Сказывалась плохая сохранность многих железных изделий из раскопок, которая приводила к потере или искажению первоначальной формы. Кроме того, до появления в начале XXI в. обобщающих работ по этой категории поделок их трудно было атрибутировать и датировать.

Проведенные нами в конце 1990-х гг. анализ и картографирование находок аскизского круга показали их широкое распространение на памятниках домонгольского времени. Привлечение данных из раскопок, как и находок из датированных погребальных комплексов Волго-Камья, позволило уточнить датировку этих изделий — 2-я половина домонгольского периода, т.е. XI — начало XIII в. (Руденко, 2001, с. 71–76, 92, рис. 6, №32–41; 2022, с. 178).

За два десятилетия, прошедших после введения в научный оборот этих артефактов, накопился новый материал, прежде всего раскопочный, который существенно дополнил имеющиеся сведения об ассортименте таких предметов, а также дал возможность уточнить ряд сюжетов, касавшихся прежде всего датировки и типологического развития этих артефактов. В данной статье мы исследуем особенности бытования дериватов аскизских изделий в Волжской Булгарии, а также динамику их распространения, опираясь на стратиграфические условия залегания их на тех археологических памятниках, которые изучались раскопками в начале XXI в.

Материалы и методы исследования

Как уже отмечалось, значительная часть имеющейся коллекции интересующих нас находок, вошедших в обобщающий свод (Руденко, 2001), происходит из подъемного материала. Их можно датировать, помимо аналогий, общим периодом функционирования поселения, определяемым по совокупности времени бытования найденных на нем поделок (Казаков, 1991, с. 18–22). Наиболее изученные селища в приустьевой части Камы, как правило, однослойные и были исследованы во 2-й половине XX в. малыми площадями (Казаков, 1991, с. 27, 28, 30). Это не дает возможности проанализировать особенности бытования таких поделок на каждом селище в отдельности. На поселениях со сложной стратиграфией и длительным временем существования нередко эти артефакты находятся в переотложенном состоянии в поздних слоях, как, например, на Джукетаусском археологическом комплексе (Набиуллин, 1996, с. 103, рис. 8.-6).

Для решения поставленной задачи наиболее перспективны стационарно исследованные многослойные болгарские селища, существовавшие в относительно небольшой хронологический промежуток времени — в пределах 100–150 лет. На сегодняшний день их известно немного. Это расположенные в нижнем течении Камы Остолоповское, Мурзихинское и Алексеевское-VI селища. Материалы раскопок последних двух поселений полностью опубликованы; данные по стратиграфии Остолоповского селища изложены в отдельной статье (Руденко, 2012, с. 150, 151, табл. 1; 2015, с. 235, 297, рис. 6.-2, 5, 7; 48.-2; 86.-2, 14, 42; 2017, с. 296–319).

Наиболее детальную стратиграфическую картину дает Остолоповское селище, где средневековые отложения, которые сформировались в конце X — 1-й половине XII в.,

делятся на несколько слоев, датированных разнообразными артефактами, в том числе монетами и монетовидными изделиями, а также данными по C^{14} (Руденко, 2017, с. 308, 313, рис. 2). Ценны данные из раскопок других булгарских памятников, особенно если у них небольшой хронологический интервал существования или если исследователем выделены четкие стратиграфические датированные слои. Так, дериваты аскизских изделий выявлены при раскопках Кирменского городища в Восточном Предкамье, небольшой культурный слой которого, судя по комплексу находок, датируется XI–XII вв. Аналогичные материалы встречены, но в виде единичных находок, на Чаллыном-II селище (раскоп XIV), в отложениях XI–XII вв. (Нигамаев, 2005, с. 53, 60, 71, рис. 100.-1, 2, 4–14, 20, 21; 131.-7, 8). Железные колчаные крючки и шарнирная пряжка обнаружены на раскопе XX Билярского городища в слое XI–XII вв. и в отложениях XII в. раскопов XV, XVI (Халиков, Шарифуллин, 1976, с. 90, рис. 48.-3; Кокорина, 1983, с. 64, рис. 3.-19, 22). Интересный набор железных накладок опубликован в статье по раскопкам Бальмерского-V селища (Валиев, Степанов, 2021, с. 36, рис. 8.-4–7).

В данном исследовании мы будем опираться на находки из раскопок Остолоповского селища, составляющие достаточно представительную выборку, с учетом условий их обнаружения, в первую очередь глубины залегания в определенном стратиграфическом слое и соответствующих ему по дневному уровню объектов.

Остолоповское селище расположено в Алексеевском районе Татарстана на мысу надлуговой террасы левого берега р. Шенталки, левого притока Камы; ограниченном с трех сторон речными пойменными долинами, а с напольной — глубокой сухой ложбиной, оставшейся от старицы Шенталки. Селище, открытое в 1960 г., исследовалось в 1969 г. Т.А. Хлебниковой и с 1997 по 2017 г. — автором. Памятник интенсивно разрушается Куйбышевским (Жигулевским) водохранилищем. С 1955 до 2022 г. площадь его, по данным Т.А. Хлебниковой, изначально составлявшая более 150 000 кв. м, сократилась почти в 6 раз — до 25 000 кв. м. Охранно-спасательными исследованиями, которые проводились, в конце XX — 1-м десятилетии XXI в., удалось охватить 4,2% от сохранившейся территории селища, что составило около 1050 кв. м (Руденко, 2019, с. 95, 96, прим. 3). Исходя из задач охранно-спасательных исследований, с 1997 по 2004 г. основные раскопы располагали в северной, наиболее разрушающейся части поселения (раскопы I, III–XII, XIV), а с 2004 и до 2013 г., когда ситуация с размывом береговой полосы здесь стабилизировалась, исследования были перенесены в южную часть останца (раскопы II, XVI–XXII) (рис. 1.-Б).

Раскопки в первый и второй периоды велись сплошной площадью, что позволило получить полноценные данные о планиграфии поселения и истории накопления культурного слоя в исследуемых частях памятника. В 2017 г. из-за активизации абразионных процессов на северном побережье селища здесь были возобновлены охранные работы (раскоп XXIII). Раскопками в северной части поселения была изучена периферия усадьбы, большая часть которой была размыта водохранилищем в 1980–1990-х гг. Ей было дано условное наименование «Северной». В южной части селища исследовалась центральная часть большой усадьбы, названной «Южной».

Наличие естественных границ этого поселения способствовало интенсивному накоплению культурных остатков достаточно большой мощности и их стратификации,

особенно там, где функционировали жилые и хозяйственные постройки. Примечательно и то, что после запустения поселения в конце XII в. здесь жизнь не возобновлялась. Вплоть до недавнего времени эта местность использовалась для сенокоса и выпаса скота. Все это создало благоприятные условия для хорошей сохранности культурных отложений, объектов и стратиграфии. Мощность культурного слоя на селище в среднем составляет вне сооружений 55–65 см.

Стратиграфическая шкала Остолоповского селища, разработанная Т. А. Хлебниковой по данным раскопа «А» (64 кв. м), была дополнена К. А. Руденко по материалам исследований 1997–2017 гг. (Хлебникова, 1974, с. 59; Руденко, 2003, с. 133; 2017, с. 299). В настоящее время на селище выделено пять слоев: первый — дерн и поддерновый слой XX — начала XXI в. Второй — темно-серая супесь; третий — серая и светло-серая рыхлая супесь. Третий слой делится на ранний и поздний, отличающиеся друг от друга плотностью и включениями. Слои четвертый — серо-бурая супесь, связанный с начальным этапом освоения территории. Пятый слой — погребенный чернозем. Материк — коричневатый суглинок. История формирования культурного слоя с учетом стратиграфии, дневных уровней построек и глубин залеганий индивидуальных находок на раскопах III–VII была реконструирована для усадьбы «Северная» (Руденко, 2003, с. 132–136).

По материалам раскопок и подъемному материалу памятник датируется XI–XII вв. (Руденко, 2021, с. 75). Стратиграфические слои здесь формировались с рубежа X–XI вв. (слой IV), далее на протяжении XI — начала XII в. (слой III) и в XII в. (слой II); верхний горизонт слоя II — период запустения. Слои I соответствует современной эпохе: XX и начала XXI в. (Руденко, 2017, с. 299–307).

Полученные результаты

Найденные в культурном слое и объектах Остолоповского селища изделия (40 экз.) представлены железными пряжками, накладками на ремень и крючками (рис. 2; 3; 4). Рассмотрим их по пластам выборки культурного слоя. Всего пластов было три, по 25–27 см каждый; без учета дерна, который снимался предварительно, и погребенной почвы, где находки отсутствовали.

На первом пласте исследования культурного слоя, соответствующего слою II стратиграфической шкалы селища, в слое темно-серой и серой супеси были найдено 14 предметов (35% от общего числа находок в культурном слое и объектах; рис. 2). Это пряжки двух разновидностей, поясные накладки нескольких типов, крючки одного типа и один фрагментированный предмет. Пряжки — цельнорамчатая с луковичевидной рамкой (рис. 2.-5) типа Б-6²⁴ и шарнирная, с массивным щитком и подвижной луковичевидной рамкой, типа В-1 (рис. 2.-1, 2). Накладки: прямоугольной формы с килевидным окончанием и объемным щитком типа Б-16а (рис. 2.-3, 4), с плоским щитком типов Б-1г и Б-3в (рис. 2.-6, 8), накладки с привеской, шарнирные, типов Б-4 и Б-5 (рис. 2.-13, 14), а также разновидности типов В-2 и Г-4, причем одна из них была орнаментирована (рис. 2.-7, 9). Практически все находки с этого пласта происходят с территории усадьбы «Южная», часть которой была изучена раскопами XVII–XXII в 2005–2013 гг. Рамка от накладки была зафиксирована в слое светлого пестроцвета, являвшемся верхним заполнением котлова-

²⁴ Типология дается по: (Руденко, 2001, с. 212–215, табл. 6–9).

на одного из жилищ этой усадьбы (Руденко, 2009, с. 309, рис. 5.-1). В аналогичных условиях, но в темно-серой супеси, отложившейся над котлованом жилой постройки, была найдена рамка от пряжки В-1, а также деформированная железная поделка (рис. 2.-2, 10) (Руденко, 2009, с. 322, 339, рис. 15.-3). В мусорном сбросе — рыхлой светло-серой супеси (раскоп XXII, уч. 7), заполнившей небольшую западину на дневной поверхности, была найдена орнаментированная накладка (рис. 2.-7). Интересны двухшпильковые крючки (рис. 2.-11, 12) с объемным щитком и колечком в верхней петельке.

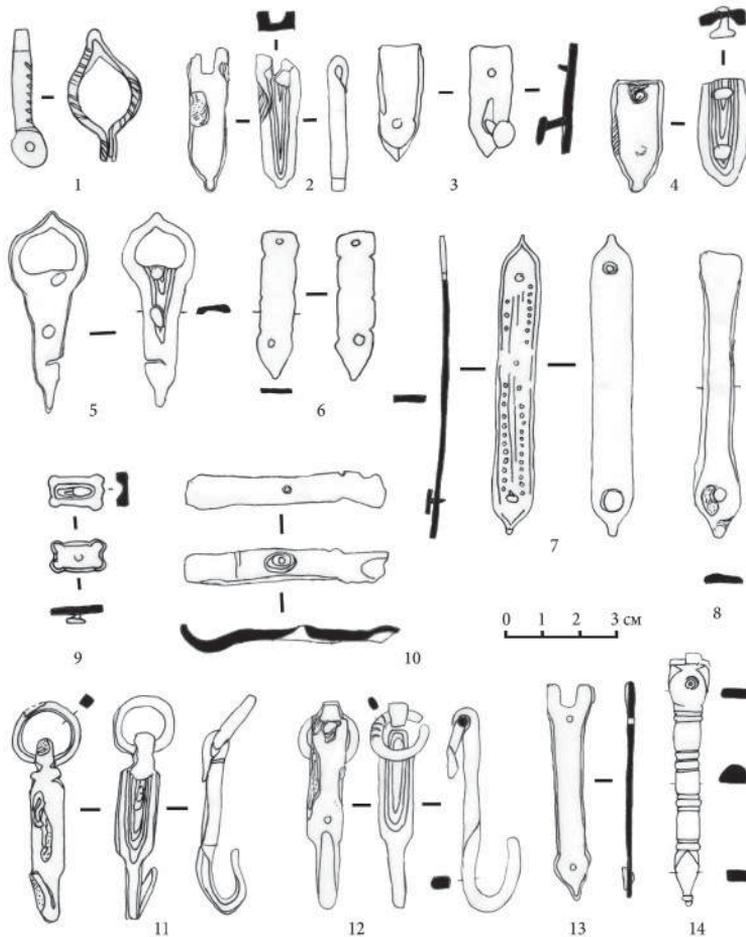

Рис. 2. Остолоповское селище. Железные изделия. Раскопки К.А. Руденко 1997–2017 гг. Находки с первого пласта: 1 – XXII-23; 2 – XVIII-4; 3 – XVII-Д/6; 4 – XXI-А"/02; 5 – VIII-8; 6 – XXII-20; 7 – XXII-7; 8 – XVII-А/2; 9 – XXI-11; 10 – XVIII-11; 11 – XX-9; 12 – XXI-А/02; 13 – II-1; 14 – XVII-Б/2

Fig. 2. Ostolopovo settlement. Iron products. Excavations by K.A. Rudenko 1997–2017 Finds from the first layer: 1 – XXII-23; 2 – XVIII-4; 3 – XVII-D/6; 4 – XXI-A"/02; 5 – VIII-8; 6 – XXII-20; 7 – XXII-7; 8 – XVII-A/2; 9 – XXI-11; 10 – XVIII-11; 11 – XX-9; 12 – XXI-A/02; 13 – II-1; 14 – XVII-B/2

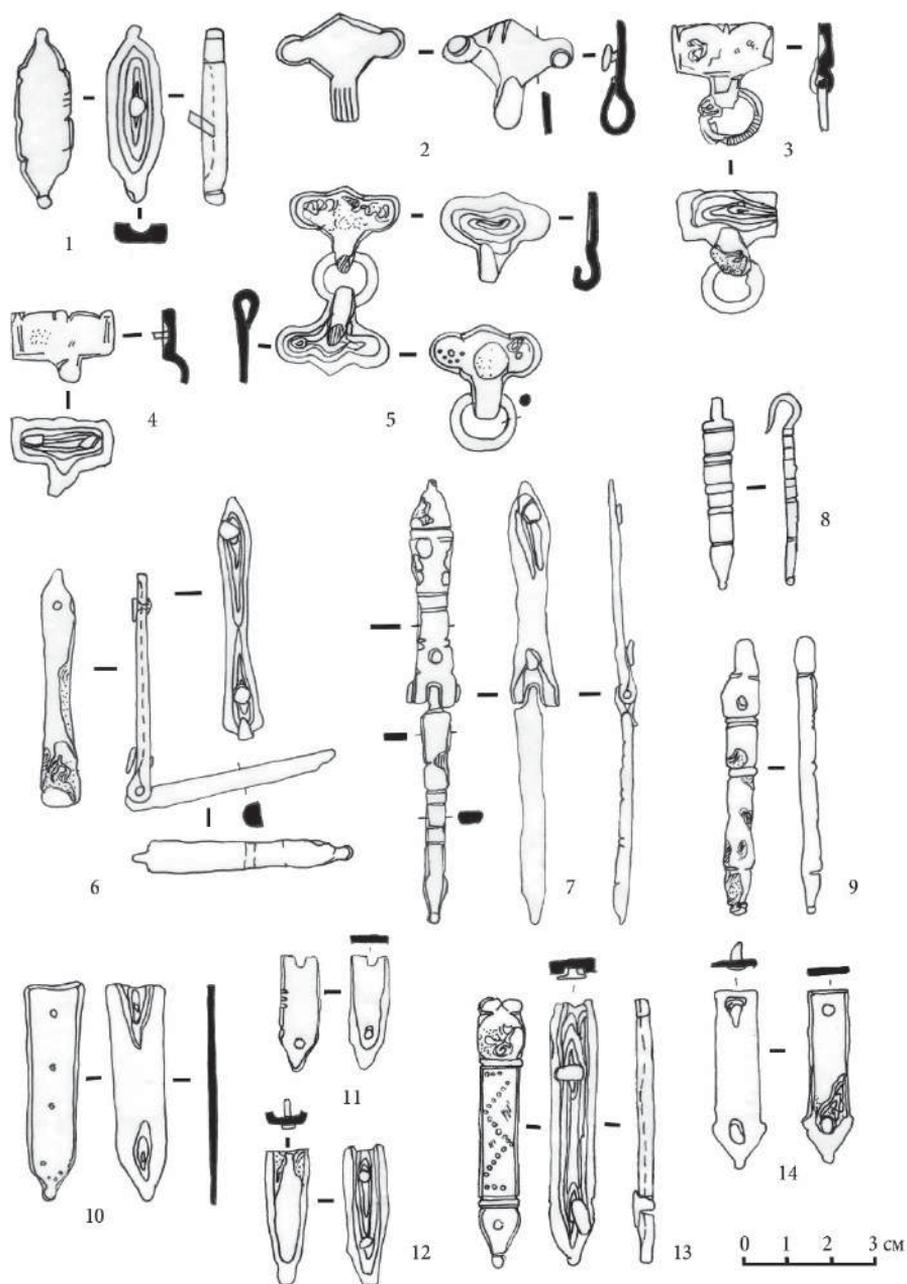

Рис. 3. Остолоповское селище. Железные изделия. Раскопки К.А. Руденко 1997–2017 гг. Находки со второго пласта: 1 – XXII-10; 2 – XXII-3; 3 – XVII-A/5; 4 – XX-21; 5 – XXI-5; 6 – XIX-17; 7 – XVII-D/6; 8 – XXI-3; 9 – XVII-A/6; 10 – XX-7; 11 – XIX-10; 12 – XIX-16; 13 – XX-21; 14 – XIX-6

Fig. 3. Ostolopovo settlement. Iron products. Excavations by K.A. Rudenko 1997–2017 Finds from the second layer: 1 – XXII-10; 2 – XXII-3; 3 – XVII-A/5; 4 – XX-21; 5 – XXI-5; 6 – XIX-17; 7 – XVII-D/6; 8 – XXI-3; 9 – XVII-A/6; 10 – XX-7; 11 – XIX-10; 12 – XIX-16; 13 – XX-21; 14 – XIX-6

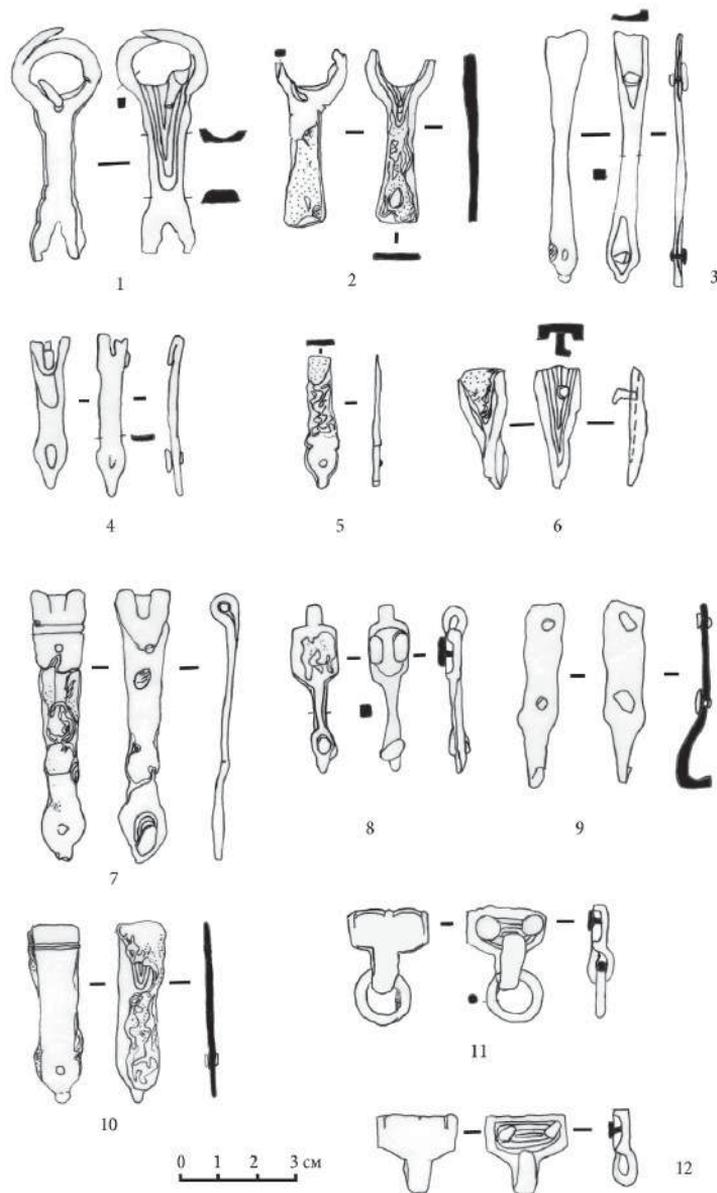

Рис. 4. Остолоповское селище. Железные изделия. Раскопки К.А. Руденко 1997–2017 гг. Находки с третьего пласта (1–6) и сооружений (7–12): 1 – XXI-2; 2 – XX-7; 3 – XVIII-15; 4 – XXII-8; 5 – XXI-2; 6 – XX-2; 7 – яма 2б (XVII), выб. 3; 8 – соор. 1 (XI), выб. 1; 9 – яма 2 (XI), выб. 3; 10 – яма 1 (IV), выб. 1; 11 – соор. 1 (XXIII), выб. 1; 12 – соор. 1 (XXIII), выб. 1

Fig. 4. Ostolopovo settlement. Iron products. Excavations by K.A. Rudenko 1997–2017. Finds from the third layer (1–6) and structures (7–12): 1 – XXI-2; 2 – XX-7; 3 – XVIII-15; 4 – XXII-8; 5 – XXI-2; 6 – XX-2; 7 – pit 2b (XVII), selection 3; 8 – structure 1 (XI), sample 1; 9 – pit 2 (XI), sample 3; 10 – pit 1 (IV), sample 1; 11 – structure 1 (XXIII), sample 1; 12 – structure 1 (XXIII), sample 1

Исключение составила цельнорамчатая пряжка (рис. 2.-3), найденная на уровне первого пласта раскопа VIII, который пришелся на периферию усадьбы «Северная». Она представляет более раннюю типологическую форму этих изделий по отношению к шарнирным (Руденко, 2001, с. 210, табл. 5.-11).

Второй пласт вскрытия культурного слоя (рис. 3), который соответствует нижнему горизонту слоя II и слою III позднему (далее: слой IIIп), дал такое же количество находок, как и первый пласт (14 экз.; 35%). Он демонстрирует аналогичный предыдущему набор артефактов, за исключением пряжек. Все рассматриваемые поделки этого пласта происходят с территории усадьбы «Южная» и были обнаружены в серой и светло-серой супеси (Руденко, 2009а, с. 12). Накладки, помимо уже встречавшихся на уровне первого пласта, представлены также другими — объемными вытянутыми, со шлемовидными окончаниями изделиями, типа Б-2 (рис. 3.-1), прямоугольными с фигурной верхней кромкой и с кольцами-привесками, типа Б-18в (рис. 3.-3), а также поделками ромбической формы с соединительным кольцом, типа Б-19в (рис. 3.-2, 5). Одна из поделок (рис. 3.-3) зафиксирована в скоплении известняковых камней, образовавшемся при разрушении или разборке очага, вместе с бытовыми изделиями (уч. А/5, раскопа XVII).

Более разнообразны по размеру и оформлению шарнирные со стержневидными привесками накладки типов Б-4 и Б-5 (рис. 3.-6–9). Одна из них (рис. 3.-6) найдена на границе второго и третьего пластов. Плоские прямоугольные накладки типа Б-1г (рис. 3.-10, 11) несколько меньше тех, что встречались ранее, хотя есть объемные изделия, типа Б-16а (рис. 3.-12), одинаковые по размерам с аналогичными изделиями с предыдущего пласта. При этом последняя из находок находилась в отложениях светло-серой супеси с включениями пестроцветных пятен и линз обожженной глины, связанной с западиной на уч. 16 раскопа XIX (Руденко, 2009а, с. 11, рис. 22), образовавшейся в период накопления слоя II.

Практически все изделия этого пласта имеют характерный для дериватов аскизских изделий декор: насечки, рельефные перетяжки, чеканные точечные композиции на плоскостях (рис. 3.-7–9, 13). У некоторых из них оригинальный дизайн, как, например, у накладки типа Б-2в из раскопа XX (рис. 3.-13). На накладках из раскопов XX и XXI (рис. 3.-4, 5) были сделаны углубления на лицевой стороне изделия — скорее всего, для плакировки.

На третьем пласте изучались отложения слоя IIIп. Все немногочисленные находки (6 экз.; 15%) связаны с усадьбой «Южная». В основном они зафиксированы на площади раскопов XX–XXII, причем некоторые артефакты происходят с одного участка (рис. 4.-1, 5). На этом уровне обнаружены цельнорамчатые пряжки двух типов: Б-2 (рис. 4.-2) и местный вариант типа Б-5 (рис. 4.-1); накладки: прямоугольная вытянутая типа Б-1г (рис. 4.-3), обнаруженная в верхнем заполнении ямы 1 раскопа XVIII (Руденко, 2009, с. 332, рис. 7.-1), и шарнирная (сохранился щиток) типа Б-5 (рис. 4.-4). Отметим плоскую накладку типа Б-1а (рис. 4.-5).

Из пяти сооружений на раскопах IV, XVII, XXI, XXIII происходит шесть предметов (15% от общего числа находок таких изделий). Один из объектов — яма 1 (IV)²⁵ из ко-

²⁵ Сначала идет порядковый номер объекта, арабской цифрой, а далее, в круглых скобках латинскими буквами — номер раскопа.

торой происходит накладка типа Б-3а (рис. 4.-10), относится к усадьбе «Северная», остальные — к усадьбе «Южная». Накладка на усадьбе «Северная» обнаружена при зачистке после первой выборки заполнения хозяйственной ямы, в светло-серой рыхлой, с охристым оттенком супеси, слабо насыщенной находками. Объект датируется 1-й половиной XII в. (Руденко, 2003, с. 133, табл.). На первой выборке котлована постройки на раскопе XXIII были найдены две накладки с петлей и колечками-привесками типа Б-18в (рис. 4.-11, 12). Они были в мусорном сбросе, который завершил заполнение котлована (Руденко, 2019, с. 97). Также ко вторичному заполнению ямы 1 (XXI) относится накладка типа Б-15в, форма которой сильно нарушена коррозией (рис. 4.-8), и крючок на пластине из ямы 2 (XXI). Из ямы 26 (XVII) происходит рамка от шарнирной пряжки, разновидности типа В-2 (рис. 4.-7) на третьей выборке. Этот артефакт, судя по местонахождению (у стенки котлована), выявленный под завалом обрушившихся деревянных конструкций, относится к финальной части функционирования сооружения, т.е. к самому началу XII в. (Руденко, 2009, с. 322).

Дневной уровень всех объектов — во II и IIIп слоях, датированных 2-й половиной XI — XII в. Это ямы 1 (IV) и 26 (XVII); причем первая функционировала не ранее конца XI в. Аналогично датирована постройка 1 (XXIII), дневной уровень которой зафиксирован в слое III, причем железные накладки были обнаружены в верхнем горизонте заполнения (рыхлая серая супесь), который сформировался в начале XII в. (Руденко, 2012, с. 140, табл. 1; 2019, с. 99, 100). Концом XI — 1-й половиной XII в. могут быть датированы ямы 1 (XXI) и 2 (XXI).

В целом рассматриваемые находки сосредоточены в слое II и слое IIIп, на первом и втором пластах выборки культурного слоя, составляя равные по количеству группы (по 34% от общего числа находок из раскопок в каждом пласте). В сооружениях практически все рассматриваемые изделия зафиксированы во вторичном, сбросовом заполнении в верхней части, попали они туда в период начала формирования слоя II (второй пласт).

Обсуждение

Количественное расхождение находок на раскопах северного и южного побережья останца связано с тем, что в первом случае раскопками была охвачена периферия усадьбы «Северная». В подъемном материале из разрушенного культурного слоя в этой части селища происходит несколько десятков изделий этого вида²⁶. Значительная часть находок из разрушенного культурного слоя идентична рассмотренным выше артефактам из раскопок (Руденко, 2021, с. 72, рис. 4.-1, 2, 7–9, 12, 17, 18).

Предметы из культурного слоя усадьбы «Южная» были обнаружены в слое II и слое IIIп. Они датируются соответственно: 1-й — 2-й третью XII в. и 2-й половиной XI — началом XII в. (слой IIIп) (Руденко, 2017, с. 299–302). Эти даты подтверждаются стратифицированными находками аналогичных поделок из раскопок на Мурзихинском и Алексеевском-VI селищах (Руденко, 2015, с. 21, 77, 235, рис. 6.-5; 10; 11.-13, 14; 86.-2, 14, 42).

Все рассмотренные в данной статье находки являются болгарскими дериватами аскизских изделий и изготавливались в одном из ремесленных центров Волжской Бул-

²⁶ Они будут рассмотрены в отдельной статье.

гарию во 2-й половине XI — 1-й половине XII в. Они имеют многочисленные аналогии как в подъемном материале из разрушенного культурного слоя Остолоповского селища, так и на других болгарских поселениях домонгольского времени.

На самом Остолоповском селище изделия данного вида не изготавливали. Также привозными были и пояса с аскизскими накладками и крючками-застежками с серебряной плакировкой (рис. 1.-1-5). Такого же типа крючки-застежки были найдены на Золотаревском поселении в Пензенской области (Белорыбкин, 2001, с. 165, рис. 100.-20; 2003, с. 430, рис. 14.-3). Разновидности застежек этого типа имеются в материалах аскизской культуры (Кызласов, 1983, с. 110, табл. XXII.-16, 17).

Заключение

Подводя итог исследованию, можно утверждать, что рассмотренные в статье находки появляются в слое IIIп (пласт 3), т.е. не ранее второй половины XI в. В этот период на селище использовались пояса с цельнорамчатыми пряжками, украшенные плоскими прямоугольными накладками с килевидным окончанием и небольшими накладками с плоским щитком и со стержневидной привеской (рис. 4.-1, 2, 4, 5). Не исключено, что часть найденных артефактов относилась к одному поясу, поскольку два из них были найдены на одном участке и практически на одной глубине (рис. 4.-1, 5).

С рубежа XI–XII вв., с начала формирования слоя II, и особенно в 1-й половине XII в. (нижний горизонт слоя II) ассортимент железных украшений пояса становится разнообразнее, меняется и их внешний вид: они становятся заметно массивнее и несколько больше по размеру, хотя плоские изделия (рис. 3.-10, 11, 14) использовались по-прежнему. Некоторые изделия имеют оригинальный дизайн и тонкую художественную отделку, включающую чеканные геометрические орнаменты и, возможно, плакировку серебром (рис. 3.-4, 7, 13). Дополняют эту картину шарнирные пряжки с луковичевидной рамкой, которые зафиксированы в том же слое II, но чуть выше уровнем. Кроме того, здесь появляются накладки малого размера (рис. 2.-9). Примечательно, что накладки плоские и объемные встречаются синхронно, более того, имеются накладки одного типа: Б-16а, одна из которых плоская, другая — объемная (рис. 2.-3, 4). В целом все находки являлись украшениями пояса. Со вторым слоем связана и большая часть находок в сооружениях, поскольку они находились в верхнем горизонте заполнения их котлованов. Поскольку поселение прекратило свое существование к концу XII в., верхний хронологический рубеж бытования рассматриваемых предметов можно определить 2-й третью XII в.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что большая часть изделий аскизского круга из раскопов Остолоповского селища бытовала с конца XI и до 2-й трети XII в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Белорыбкин Г. Н. Золотаревское поселение. СПб. : ИИМК РАН, 2001. 190 с.

Белорыбкин Г. Н. Новые материалы Золотаревского поселения // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза : Изд-во ПГПУ, 2003. С. 410–432.

Валиев Р. Р., Степанов Р. А. Балымерское селище V: итоги исследований 2019 г. // Археология Евразийских Степей. 2021. №3. С. 24–42. doi: 10.24852/2587-6112.2021.3.24-42

Гарустович Г. Н. Бакалинский курганный могильник начала II тыс. н.э. в Башкортостане // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Казань : Фэн, 2009. С. 197–212.

Гарустович Г. Н., Иванов В. А. Азнаевский-II курганный могильник XIII века в лесостепной зоне Южного Урала // Уфимский археологический вестник. 2019. Вып. 10. С. 95–104.

Иванова М. Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск : Изд-во УИИЯЛ УрО РАН, 1992. 184 с.

Казаков Е. П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань : Тат. кн. изд-во, 1991. 176 с.

Кокорина Н. А. Гончарные горны Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань : ИЯЛИ КФАН СССР, 1983. С. 50–69.

Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М. : Наука, 1983. 128 с. (Свод археологических источников. Вып. ЕЗ-18).

Набиуллин Н. Г. Раскопки в ремесленном районе Джукетау (по материалам раскопа V 1994 г.) // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань : Мастер-Лайн, 1996. С. 101–126.

Нигамаев А. З. Болгарские города Предкамья. Алабуга, Кирмень, Чаллы: своеобразие материальной культуры населения. Казань : Изд-во Казанск. ун-та, 2005. 228 с.

Руденко К. А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье: исследование и каталог. Казань : Заман, 2001. 256 с.

Руденко К. А. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии: исследование и каталог. Казань : Заман, 2003. 512 с.

Руденко К. А. К вопросу о болгарских жилищах домонгольского времени (по материалам Остолоповского селища в Алексеевском районе РТ) // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Казань : Фэн, 2009. С. 309–352.

Руденко К. А. Отчет об археологических исследованиях в Татарстане в 2008 г. Казань, 2009а // АИА РАН. Ф. 1. Р-1, №44189. 46 с., 117 илл., 3 табл.

Руденко К. А. О некоторых итогах исследования Остолоповского селища в Алексеевском районе Республики Татарстан // Поволжская археология. 2012. №2. С. 123–145.

Руденко К. А. Исследования VI Алексеевского и Мурзихинского селищ в Татарстане в 1992–1996 гг. Казань : ИД «Казанская недвижимость», 2015. 400 с.

Руденко К. А. Стратиграфия Остолоповского селища XI–XII вв. в Алексеевском районе Татарстана // Археология Евразийских степей. 2017. №1. С. 296–319.

Руденко К. А. Новые данные о болгарских жилищах домонгольского времени (по материалам Остолоповского селища в Татарстане // Археология Евразийских степей. 2019. №6. С. 95–110. doi: 10.244.11/2587-6112-2019-00082

Руденко К. А. К вопросу о датировке Остолоповского селища в Татарстане // Археология Евразийских Степей. 2021. №3. С. 65–79. doi: 10.24852/2587-6112.2021.3.65.79

Руденко К. А. Об особенностях материальной культуры народов Среднего Поволжья и Предуралья в XI–XII вв. (аскизский круг древностей) // Пензенский археологический сборник. Вып. 5. Пенза : Институт регионального развития Пензенской области, 2022. С. 163–190.

Халиков А. Х., Шарифуллин Р. Ф. Караван-сарай древнего Биляра // Исследования Великого города. М. : Наука, 1976. С. 75–100.

Хлебникова Т. А. Некоторые итоги исследования булгарских памятников нижнего Прикамья // Советская археология. 1974. №1. С. 58–68.

Шполянский С. В. Накладки из черного металла со средневековых памятников Суздальского Ополя // Археология Подмосковья. Вып. 15. М. : ИА РАН, 2019. С. 227–245. doi: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-272-8.227-245

REFERENCES

Belorybkin G. N. Zolotarevka Settlement. St. Petersburg : IIMK RAN, 2001. 190 p. (*In Russ.*)

Belorybkin G. N. New Materials of the Zolotarevka Settlement. In: Archaeology of the East European Forest-Steppe.. Penza : Izd-vo PGPU, 2003. Pp. 410–432. (*In Russ.*)

Valiev R. R., Stepanov R. A. Balymer Settlement V: Results of Research in 2019. *Arheologiya Evrazijskih Stepej = Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2021;3:24–42. (*In Russ.*). doi:10.24852/2587-6112.2021.3.24-42

Garustovich G. N. Bakalino Barrow Burial Ground of the Beginning of the 2nd Millennium AD in Bashkortostan. In: Middle Volga and Southern Urals: Man and Nature in Antiquity. Kazan : Fen, 2009. Pp. 197–212. (*In Russ.*)

Garustovich G. N., Ivanov V. A. Aznaevo-II Burial Mound of the 13th Century in the Forest-Steppe Zone of the Southern Urals. *Ufimskij arkeologicheskij vestnik = Ufa Archaeological Bulletin*. 2019;10:95–104. (*In Russ.*)

Ivanova M. G. Funeral Sites of the Northern Udmurts of the 11th–13th Centuries. Izhevsk : Izd-vo UIIYaL URO RAN, 1992. 184 p. (*In Russ.*)

Kazakov E. P. Bulgar Village of the 10th–13th Centuries in the Lower Reaches of the Kama. Kazan : Tatarskoe knizhnoe izd-vo, 1991. 176 p. (*In Russ.*)

Kokorina N. A. Pottery Forges of the Bilyar Hillfort. In: Medieval Archaeological Sites of Tataria. Kazan : IYaLI KFAN SSSR., 1983. Pp. 50–69. (*In Russ.*)

Kyzlasov I. L. Askiz Culture of Southern Siberia in the 10th–14th Centuries. Moscow : Nauka, 1983. 128 p. (Collection of archaeological sources. Issue E3-18). (*In Russ.*)

Nabiullin N. G. Excavations in the Handicraft District of Dzhuketau (based on materials from excavation V, 1994). In: Problems of Ancient and Medieval Archaeology of the Volga-Kama Region. Kazan : Master-Layn, 1996. Pp. 101–126. (*In Russ.*)

Nigamaev A. Z. Bulgarian Cities of the Kama Region. Alabuga, Kirmen, Chally: the Originality of the Material Culture of the Population. Kazan : Izd-vo Kazanskogo universiteta, 2005. 228 p. (*In Russ.*)

Rudenko K. A. The Turkic World and the Volga-Kamie in the 6th–14th Centuries. Products of the Askiz Circle in the Middle Volga Tegion. Research and Catalogue. Kazan : Zaman, 2001. 256 p. (*In Russ.*)

Rudenko K. A. Iron Arrowheads in the 8th–15th Centuries from the Volga Bulgaria. Research and Catalogue. Kazan : Zaman, 2003. 512 p. (*In Russ.*)

Rudenko K. A. To the Question of the Bulgar Dwellings of the Pre-Mongolian Time (based on the materials of the Ostolopovo settlement in the Alekseevo region of the Republic of Ta-

tarstan). In: *The Middle Volga and the Southern Urals: Man and Nature in Antiquity*. Kazan : Fen, 2009. Pp. 309–352. (*In Russ.*)

Rudenko K. A. Report on Archaeological Research in Tatarstan in 2008. Kazan, 2009a. In: *Archive of IA RAS. F-1. R-1. No. 44189*. 46 p., 117 il., 3 tab. (*In Russ.*)

Rudenko K. A. Results of the Study of the Ostolopovo Settlement in the Alekseevskiy District of the Republic of Tatarstan. *Povolzhskaya arheologiya = The Volga River Region Archaeology*. 2012;2:123–145. (*In Russ.*)

Rudenko K. A. Studies of VI Alekseevskiy and Murzikha Settlements in Tatarstan in 1992–1996. Kazan : ID “Kazanskaya nedvizhimost”, 2015. 400 p. (*In Russ.*)

Rudenko K. A. Stratigraphy of the Ostolopovo Settlement in the 11th–12th Centuries in the Alekseevsky Region of Tatarstan. *Arheologiya Evrazijskih Stepej = Archeology of the Eurasian steppes*. 2017;1:296–319. (*In Russ.*)

Rudenko K. A. New Data on the Bulgar Dwellings of the Pre-Mongol Period (based on the materials of the Ostolopovo settlement in Tatarstan. *Arheologiya Evrazijskih Stepej = Archeology of the Eurasian steppes*. 2019;6:95–110. (*In Russ.*). doi: 10.244.11/2587-6112-2019 -00082

Rudenko K. A. On the Question of Dating the Ostolopovo Settlement in Tatarstan. *Arheologiya Evrazijskih Stepej = Archeology of the Eurasian steppes*. 2021;3:65–79. (*In Russ.*). doi: 10.24852/2587-6112.2021.3.65.79

Rudenko K. A. On the Features of the Material Culture of the Peoples of the Middle Volga and Cis-Urals in the 11th–12th Centuries. (Askiz Circle of Sntiquities). In: *Penza Archaeological Collection. Issue 5*. Penza : Institut regional'nogo razvitiya Penzenskoj oblasti, 2022. Pp. 163–190. (*In Russ.*)

Khalikov A. Kh., Sharifullin R. F. Caravanserai of Ancient Bilyar. In: *Research of the Great City*. Moscow : Nauka, 1976. Pp. 75–100. (*In Russ.*)

Khlebnikova T. A. Some Results of the Study of the Bulgar Sites of the Lower Kama Region. *Sovetskaya arheologiya = Soviet Archaeology*. 1974;1:58–68. (*In Russ.*)

Shpolyansky S. V. Ferrous Metal Overlays from Medieval Sites of the Suzdal Opole. In: *Archaeology of the Moscow Region. Issue 15*. Moscow : IA RAN, 2019. Pp. 227–245. (*In Russ.*). doi: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-272-8.227-245

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор Казанского государственного института культуры, Казань, Россия.

Konstantin Aleksandrovich Rudenko, Doctor of History, Professor, Kazan State Institute of Culture, Professor, Kazan, Russia.

*Статья поступила в редакцию 26.06.2022;
одобрена после рецензирования 17.10.2022;
принята к публикации 02.11.2022.
The article was submitted 26.06.2022;
approved after reviewing 17.10.2022;
accepted for publication 02.11.2022.*

Научная статья / Research Article

УДК 903.42:902.697(571.54)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-07](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-07)

ЛЮДИ И ВУЛКАНЫ ОКИНСКОГО ПЛОСКОГОРЬЯ В ДРЕВНОСТИ: ВЛИЯНИЕ ВУЛКАНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ВЫБОР МЕСТ ОРГАНИЗАЦИИ ПОСЕЛЕНИЙ

Василий Иванович Ташак

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия;
tvi1960@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1891-9915>*

Резюме. Окинское плоскогорье находится в Саянской горной системе на западе Республики Бурятия. В позднем плейстоцене эта территория подвергалась воздействию локальных ледников, которые развивались по долинам рек. Ледники играли важную роль в стратегии освоения человеком территории Окинского плоскогорья, на протяжении больших промежутков времени делая недоступными многочисленные долины притоков реки Ока — главной водной артерии Окинского плоскогорья. Начиная с финала плейстоцена и на протяжении большей части голоцена в верховьях Жоболока (приток Оки) активизировалась вулканическая деятельность. Излитые лавовые потоки выдвинулись в долину Оки и перекрыли реку, создав природную плотину. В результате выше плотины сформировалось обширное подпрудное палеозеро. После того как природная обстановка стабилизировалась, берега палеозера активно осваиваются в период голоценового оптимума. Здесь селились люди, чья материальная культура находит множество аналогий среди археологических материалов Приангарья. В 2021 г. в местности Зун Номто-Гол выявлена серия стоянок эпохи неолита. В ходе изучения этих стоянок установлена периодичность и последовательность освоения берегов древнего озера. Также установлен факт постепенного снижения уровня подпрудного озера на раннем этапе его существования (эпоха неолита по археологической периодизации). Позднее уровень воды в озере резко сократился, и множество древних стоянок оказалось высоко над водой, что привело к прекращению освоения обитаемых ранее площадей.

Ключевые слова: археология, неолит, археологические материалы, Восточный Саян, Окинское плоскогорье, вулканическая деятельность, подпрудное озеро

Благодарности: работа выполнена в рамках НИР ИМБТ СО РАН (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства» №121031000241-1). Полевые исследования 2021 г., в ходе которых получены археологические материалы, вошедшие в статью, проводились благодаря финансовой поддержке Группы компаний Бест — руководитель Г. К. Рыков, и компании АН Инвест — руководитель А. Н. Недбаев. Автор выражает глубокую благодарность директору Орликской средней школы Шарастепанову Б. Д., а также ученикам и учителям школы, при участии которых в полевых исследованиях получены археологические материалы, освещенные в данной статье.

Для цитирования: Ташак В.И. Люди и вулканы Окинского плоскогорья в древности: влияние вулканической деятельности на выбор мест организации поселений // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №4. С. 117–136. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-07](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-07)

PEOPLE AND VOLCANOES OF THE OKA PLATEAU IN ANCIENT TIMES: THE INFLUENCE OF VOLCANIC ACTIVITY ON THE CHOICE OF SETTLEMENT SITES

Vasily I. Tashak

*Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Science, Ulan-Ude, Russia;
tvi1960@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1891-9915>*

Abstract. The Oka Plateau is situated in the Sayan Mountain System on the West of the Buriatia Republic. In the Late Pleistocene, this territory was influenced by local glaciers which were developed along the rivers' valleys. . Glaciers played an important role in the strategy of human development of the territory of the Oka Plateau, for long periods of time making inaccessible the numerous valleys of the tributaries of the Oka River, the main water artery of the Oka Plateau. Starting from the end of the Pleistocene and throughout most of the Holocene, volcanic activity intensified in the upper reaches of the Zhubolok (a tributary of the Oka). The poured lava flows advanced into the Oka valley and blocked the river, creating a natural dam. As a result, a vast dammed paleolake was formed above the dam. After the natural situation stabilized, the shores of the paleolake were actively developed during the Holocene optimum. It was the settlement of the people whose material culture finds many analogies among the archaeological materials of the Angara region. In 2021, a series of Neolithic sites were discovered in the area of Zun Nomto-Gol. During the study of these sites, the frequency and sequence of development of the shores of the ancient lake were established. The fact of a gradual decrease in the level of the dammed lake at an early stage of its existence (the Neolithic era according to archaeological periodization) has also been established. Later, the water level in the lake decreased dramatically and many ancient sites turned out to be high above the water, which led to the cessation of the development of previously inhabited areas.

Key words: archaeology, Neolithic, archaeological materials, Eastern Sayan, Oka Plateau, volcanic activity, dammed lake

Acknowledgements: this article was carried out within the framework of the state task (project "Historical Space of the Mongolian World: Archaeological Cultures, Societies and States", №121031000241-1). The Field works of 2021, yielded materials included in this article, were carried out thanks to the financial support of the Best Group of Companies - the head of G. K. Rykov and the company AN Invest, head A. N. Nedbaev. The author is grateful to the Principle of the Orlik High School B. D. Sharastepanov, the students, and the teachers for their participation in the fieldwork, during which used archaeological materials were obtained.

For citation: Tashak V. I. People and Volcanoes of the Oka Plateau in Ancient Times: the Influence of Volcanic Activity on the Choice of Settlement Sites. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022;34(4):117–136. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-07](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-07)

Введение

В рамках административного районирования Окинское плоскогорье находится в центре Окинского района Республики Бурятия, по территории одного из крупнейших в Бурятии. Однако в районе наименьшая численность населения, что вызвано в немалой степени его географическим положением на крайнем западе Бурятии в Саянской горной системе между двух крупных хребтов: Восточный Саян и Боль-

шой Саян. Хребты, смыкаясь на юго-востоке и на северо-западе от Окинского плоскогорья, делали очень сложным доступ на эту территорию. Такая ситуация повлияла на заселенность района, отсюда и крайне низкая степень изученности территории в археологическом плане.

Первые сведения о древностях Окинского плоскогорья, которое тогда входило в состав Иркутской губернии, были опубликованы еще в 1867 г. по результатам экспедиции П. А. Кропоткина, который работал в этих краях в 1865 г. Но эти сведения были отрывочными, поскольку изучение археологии не было основной целью экспедиции (Кропоткин, 1867, с. 57). Достигнув Окинского караула — казачьего поста с небольшим поселением на берегу реки Ока (Аха), в районе современного села Саяны, и осмотрев водопад в устье небольшой протоки Жомболока (Зуун Булака), Кропоткин направился в верховья этой реки, к застывшим вулканам. В это время он и сделал беглое описание двух археологических объектов — наскальных рисунков на утесе Монгольжин и каменных выкладок округлой или овальной формы. Каменные выкладки находились вблизи караула, а наскальные рисунки — в пяти километрах западнее. Упомянув каменные выкладки, Кропоткин решил, что это остатки древних жилищ (Кропоткин, 1867, с. 57).

Эту позицию решил проверить П. А. Ровинский, который, работая в 1869 и 1870 гг. в Тункинской долине, совершил короткую поездку к Окинскому караулу. Им были раскопаны две каменные кладки. Каких-либо археологических материалов и следов жилищ под этими кладками П. А. Ровинский (1871, с. 38, 39) не обнаружил, что опровергло мнение П. А. Кропоткина. После работ П. А. Ровинского на территории Окинского плоскогорья нет сведений о каких-либо раскопочных работах в этих местах на протяжении всего XX в. Только в 2004 г. был поставлен разведочный шурф в долине р. Сенца, в окрестностях улуса Шаснур (Аржанников и др., 2010). Все остальные археологические исследования были единичными и сводились к сбору разрозненных и разновременных подъемных материалов, на основании которых давались приблизительные хронологические оценки в отношении археологических местонахождений. Большинство артефактов из подъемных сборов были отнесены к эпохе неолита на основе морфологии и типологии. Среди находок артефакты постнеолитического времени были представлены в значительно меньшем количестве. Детализация в области хронологии и тем более характера освоения территории Окинского плоскогорья в древности на основании имеющихся материалов и данных была невозможна.

Систематические исследования археологии Окинского плоскогорья начинаются с 2018 г. (Ташак, 2019). В результате этих исследований выявлены новые археологические местонахождения, на многих из них зафиксированы уровни залегания археологических материалов в стратиграфических слоях и даны предварительные оценки по их хронологии (Ташак, 2021). Получены первые результаты по планиграфии древних поселений (Ташак, 2022). Одним из интересных результатов новейших исследований стало выявление связи между изменениями среды обитания человека, вызванными не только долгосрочными климатическими процессами, но и катастрофическими природными процессами.

В данной статье предлагается к рассмотрению влияние вулканической деятельности, происходившей на территории Окинского плоскогорья в финальном плейстоцене

и на протяжении значительной части голоцена, на выбор мест для организации стоянок древним населением на примере археологических местонахождений в местности Зун Номто-Гол.

Объекты исследования

Местность Зун Номто-Гол расположена на левом берегу реки Ока, в центральной части Окинской впадины (рис. 1), простирающейся от устьевых частей долин Сенцы и Жомболока до входа реки Ока в горные теснины Восточного Саяна и до устьевой части долины реки Улзыта (Выркин, 2018; Выркин, Масютина, 2017). Всего в местности Зун Номто-Гол выделено пять археологических местонахождений стояночного типа. Все местонахождения получили наименования Зун Номто-Гол с порядковыми обозначениями: Зун Номто-Гол-1–5 (рис. 2). Рассматриваемые археологические местонахождения расположены на высоте 30–35 м над уровнем реки, занимая террасовидный уступ над рекой, сформированный лавовыми потоками и частично перекрытый речными отложениями. Над террасовидной поверхностью, перекрытой речными отложениями, возвышается верхний край лавовой поверхности, который в виде уступа высотой 4–6 м нависает над нижним террасовидным уступом. С северной стороны, где река образует крутую излучину, местность с археологическими объектами ограничена отвесным обрывом к реке высотой 30–40 м. С восточной стороны участок с древними стоянками ограничен крутым склоном высотой до 25–30 м, который с южной стороны снова переходит в отвесную стену высотой 30–35 м.

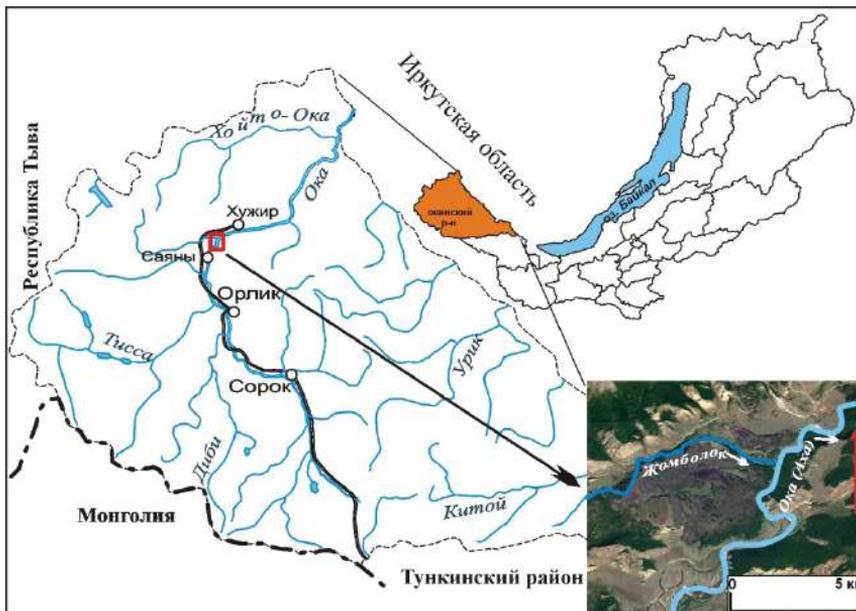

Рис. 1. Схема расположения участка исследования на карте Окинского района Республики Бурятия

Fig. 1. The area under investigation location layout on the map of the Oka district of the Republic of Buryatia

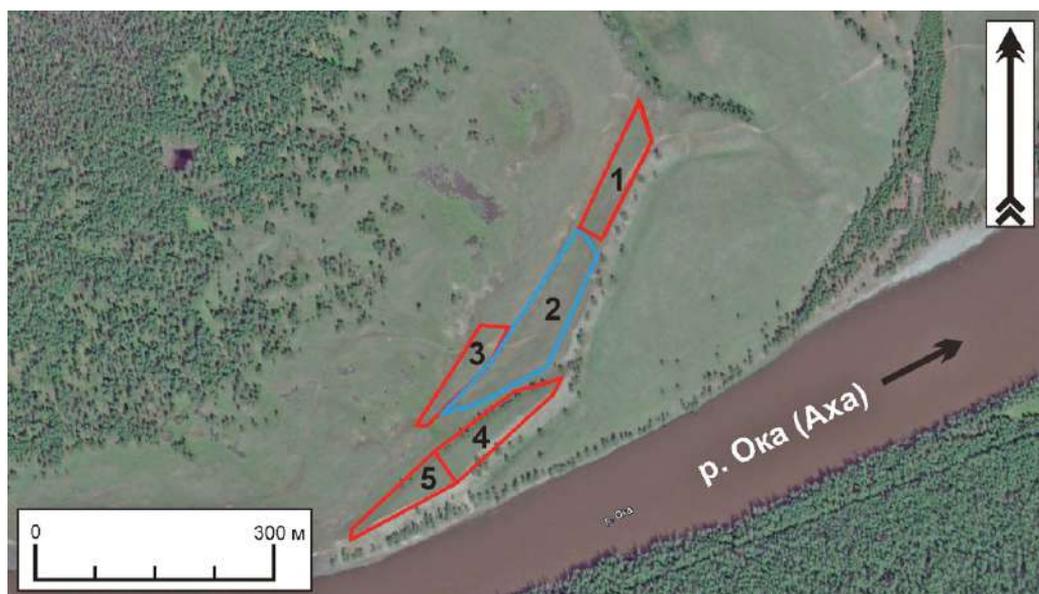

Рис. 2. Общая схема расположения археологических местонахождений в местности Зун Номто-Гол: 1 – Зун Номто-Гол-1; 2 – Зун Номто-Гол-2; 3 – Зун Номто-Гол-3; 4 – Зун Номто-Гол-4; 5 – Зун Номто-Гол-5

Fig. 2. General layout of archaeological sites in the area of Zun Nomto-Gol: 1 – Zun Nomto-Gol-1; 2 – Zun Nomto-Gol-2; 3 – Zun Nomto-Gol-3; 4 – Zun Nomto-Gol-4; 5 – Zun Nomto-Gol-5

Древняя стоянка **Зун Номто-Гол-1** расположена в северной части исследованной площади (рис. 2). Площадь местонахождения четко ограничена с трех сторон: с севера и востока местонахождение ограничивается крутым обрывистым склоном высотой до 30–35 м; с запада она ограничена длинным базальтовым утесом, протянувшимся с севера–северо-востока на юг–юго-запад, перекрытым слоем рыхлых отложений небольшой мощности. Общая высота уступа 4–6 м. Площадь между крутым склоном и утесом предстает в виде террасы шириной до 35 м, эта терраса и является основной площадью археологического местонахождения. На юге границей археологического памятника выбрана северная граница обширного конуса выноса, образованного смывом рыхлых отложений с поверхности лавового (базальтового) плато на участке разрыва в базальтовом утесе.

В шурфе, поставленном на площади этого местонахождения, на контакте первого и второго литологических слоев обнаружены: один проксимальный фрагмент мелкого отщепы; и два очень мелких (микро) обломка керамики. По мелким обломкам керамики и мелкому фрагменту отщепы невозможно определить их культурную принадлежность и хронологическую позицию.

Археологическое местонахождение Зун Номто-Гол-2 находится в 5,3 км на север-северо-восток от села Саяны, на левобережье реки Ока (Аха), на той же террасовидной поверхности, что и Зун Номто-Гол-1, располагаясь южнее него. Высота располо-

жения памятника от 35 до 40 м над уровнем реки. Основная площадь древней стоянки связана с обширным конусом выноса, сформированным смывом рыхлых отложений, на участках разрушения базальтового утеса, с верхнего уровня лавового плато, возвышающегося над террасовой поверхностью на 4–6 м (см. рис. 2). Указанный конус выноса широко распространился у подножия верхнего базальтового утеса (уступ верхнего уровня лавового плато). Зун Номто-Гол-2, как и Зун Номто-Гол-1, расположенный севернее, протянулся по линии С–СВ — 3–ЮЗ на 290 м, при максимальной ширине 60 м.

В ходе разведочных работ на местонахождении было поставлено три разведочных шурфа. В шурфе №6 зафиксирована следующая стратиграфическая ситуация (рис. 3).

1 — дерн — супесь пылеватая коричневого цвета. Мощность 3–5 см.

2 — супесь серо-белого цвета, лессовидная. Отложения этого слоя — выраженный результат одномоментного смыва основных отложений, залегающих на поверхности застывшего лавового потока (в тех местах, где такие покровные отложения есть), под уступом которого расположена стоянка Зун-Номто-Гол-2. Мощность 4–7 см.

3 — супесь темно-коричневая в верхней части и постепенно светлеющая до красновато-коричневого цвета в нижней части. В этом слое обнаружены археологические материалы. Мощность 10–15 см.

4 — супесь сильно опесчаненная, пылеватая. Цвет бледно-коричневый (палевый). В профиле западной стенки наблюдается прерывистость слоя. Мощность слоя 4–18 см.

5 — супесь пылеватая, лессовидная, карбонатизированная, из-за чего цвет слоя палево-белесый. В профилях восточной и западной стенок наблюдается два крупных песчано-иловатых прослоя. Местами наблюдаются прослои мелкозернистого песка серого цвета. Мощность 30–40 см.

6 — песок мелкозернистый, горизонтально слоистый. Цвет бледно-серый. В кровле слоя проходят два песчано-иловатых прослоя, подобных прослоям в слое 5. Мощность слоя 20–32 см.

7 — галечно-щебнисто-песчаная толща, характерная для руслового аллювия. Видимая мощность 10–18 см.

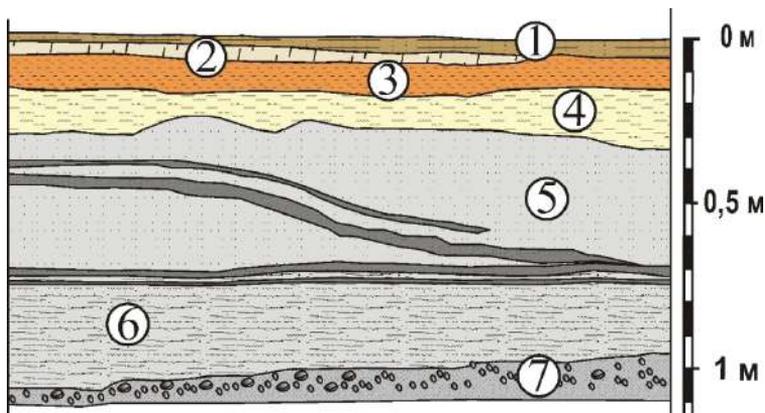

Рис. 3. Зун Номто-Гол-2, стратиграфия шурфа №6 (фрагмент восточной стенки)

Fig. 3. Zun Nomto-Gol-2, stratigraphy of pit No. 6 (fragment of the eastern profile)

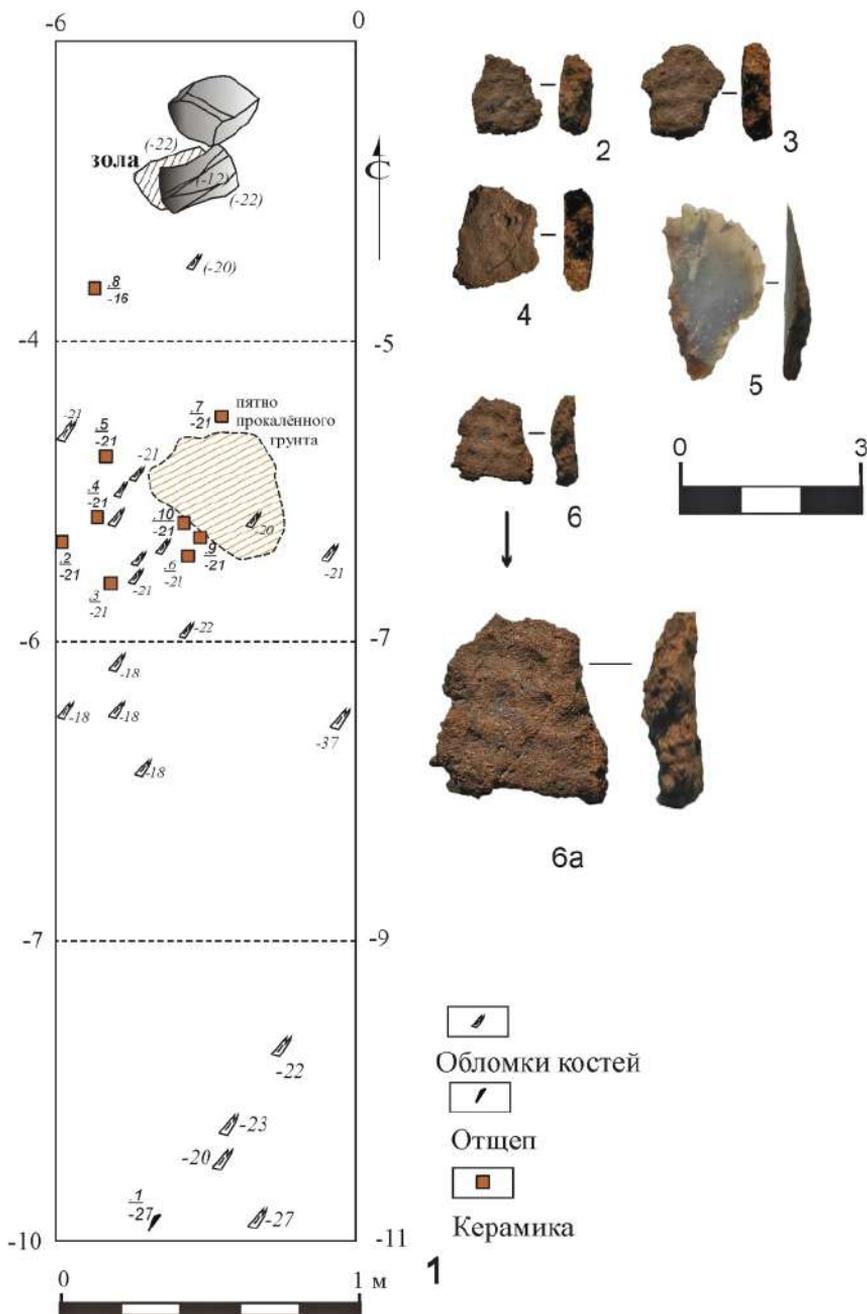

Рис. 4. Зун Номто-Гол-2: 1 – план культурного горизонта в шурфе № 6; 2–4 – фрагменты керамики; 5 – отщеп; 6 – фрагмент керамики, 6а – тот же фрагмент (увеличено)

Fig. 4. Zun Nomto-Gol-2: 1 – spatial organization of the cultural horizon in pit No. 6; 2–4 – fragments of the pottery; 5 – flake; 6 – fragment of the pottery, 6a – the same fragment (enlarged)

В шурфе зафиксировано пятно прокаленного грунта, которое не сопровождалось золой и углями. Небольшое скопление золы было обнаружено в одном метре севернее пятна прокала, под базальтовым скальным обломком (рис. 4.-1). Вероятно, это выбросы золы при очистке кострища, от которого осталось только пятно прокаленного грунта мощностью 4 см. Большинство археологических материалов из шурфа (всего 10 находок) оказалась сосредоточенными рядом с пятном прокала. Большинство находок — это мелкие фрагменты керамики — 9 экз. и один мелкий первичный отщеп (рис. 4.-5). Все фрагменты керамики несут на внешней поверхности следы сетки-плетенки — технического декора (рис. 4.-2-4, 6, ба). Такая керамика характерна для раннего и среднего неолита Восточной Сибири. При этом следы сетки-плетенки сильно заглажены и на некоторых фрагментах едва просматриваются.

В следующем шурфе (№7), поставленном на этом местонахождении, археологические материалы зафиксированы во втором литологическом слое, который залегает под дерном и представлен супесью коричневого цвета с легким красноватым оттенком. Следует заметить, что здесь культурный горизонт в среднем и нижнем уровнях слоя прослеживается четко с небольшим перепадом высот для отдельных артефактов, в пределах 5 см по всей площади шурфа (2 кв. м). Среди находок каменные артефакты — 16 экз., представлены отщепами (рис. 5.-1-3) и мелкими обломками костей животных. Целые отщепы единичны, всего 2 экз. На одном из целых отщепов двухсторонней ретушью оформлено тесловидное орудие (рис. 5.-4).

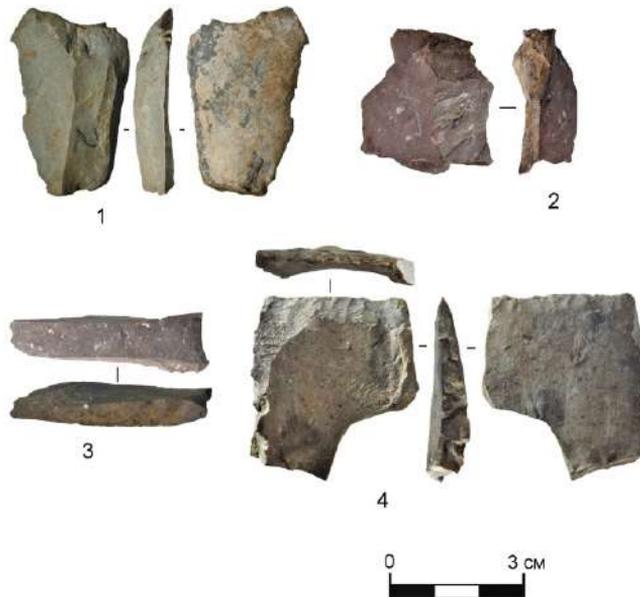

Рис. 5. Зун Номто-Гол-2. Археологические материалы из шурфа №7: 1-3 — отщепы и обломки отщепов; 4 — тесловидное изделие на отщепе

Fig. 5. Zun Nomto-Gol-2. Archaeological materials from the pit No. 7: 1-3 — flakes and fragments of flakes; 4 — the adze made of flake

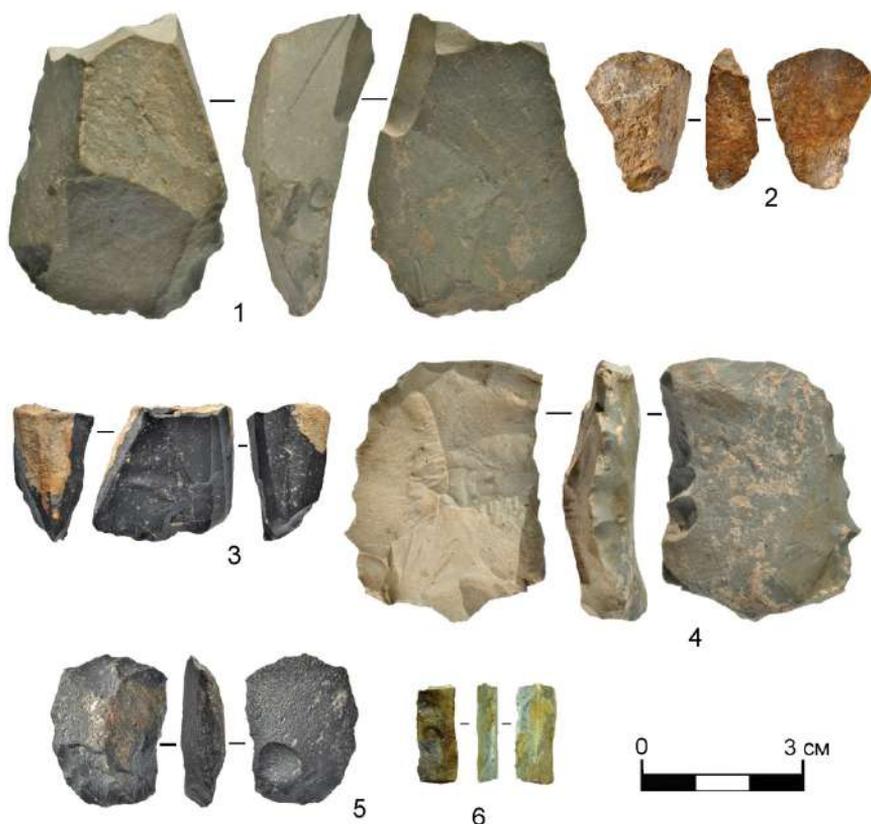

Рис. 6. Зун Номто-Гол-3, археологические материалы: 1 – заготовка клиновидного нуклеуса на массивном отщепе; 2, 5 – концевые скребки; 3 – клиновидный двухфронтальный нуклеус; 4 – отщеп с ретушью; 6 – фрагмент пластинки

Fig. 6. Zun Nomto-Gol-3, archaeological materials: 1 – a wedge-shaped core blank on a massive flake; 2, 5 – end scrapers; 3 – a wedge-shaped bifrontal core; 4 – a flake with retouching; 6 – a fragment of a bladelet

Археологическое местонахождение Зун Номто-Гол-3 расположено в 5,3 км на север–северо-восток от села Саяны, на левобережье реки Ока (Аха), в местности Зун Номто-Гол (рис. 2). Высота расположения памятника 40 м над уровнем реки и 4–5 м над местонахождением Зун Номто-Гол-2. Местонахождение расположено на восточном краю поверхности лавового плато, которое уступом обрывается к террасовидной поверхности со стоянками Зун Номто-Гол-1 и Зун Номто-Гол -2. На стоянке Зун Номто-Гол-3 часть рыхлых отложений смыта до скальной лавовой поверхности. Это привело к частичному повреждению культурного горизонта. На этом местонахождении производились подъемные сборы археологических материалов. Каменные артефакты, собранные на местонахождении, представлены несколькими мелкими отщепами, а также шестью различными изделиями и заготовками. Среди них одна заготовка клиновидного нуклеуса с намеченным скалыванием микропластины (рис. 6.-1) и один кли-

новидный одноплощадочный двухфронтальный нуклеус для микропластин (рис. 6.-3). Орудия представлены двумя концевыми микроскрёбками на коротких отщепках (рис. 6.-2, 5), одним крупным отщепом с крутой вентральной ретушью (рис. 6.-4) и одним медиальным фрагментом пластинки с дорсальной микроретушью по краю (рис. 6.-6).

Археологические местонахождения Зун Номто-Гол-4 и Зун Номто-Гол-5 расположены в 5,2 км на север–северо-восток от села Саяны, на левобережье реки Ока (Аха), в местности Зун Номто-Гол (рис. 2). Около 30 м выше уровня реки имеется обширная ровная площадка, на которой расположены два местонахождения. Этот участок четко выделяется на местности как ровная и протяженная с северо-востока на юго-запад (общая протяженность 330 м, при максимальной ширине 35 м) площадка. Вся площадь, занятая двумя археологическими местонахождениями, напоминает протяженный прибрежный речной остров с плоской поверхностью, но находящийся на 30 м выше уровня реки. От верхнего уровня лавового уступа «остров» отделен прогибом, тальвег которого ниже поверхности «острова» до двух метров. Этим же прогибом территория Зун Номто-Гола-4 отделена от Зун Номто-Гола-2, который прислонен к лавовому уступу. Весь «остров» был разделен на две части — Зун Номто-Гол-4 и Зун Номто-Гол-5 в силу его большой протяженности. Здесь было поставлено несколько археологических шурфов, в двух из которых выявлена типичная для Зун Номто-Гола-4 и Зун Номто-Гола-5 стратиграфическая ситуация.

В шурфе под номером 10 стратиграфия представлена следующим образом (рис. 7).

1 — супесь с большим содержанием мелкозернистого песка, цвет коричневый, темно-коричневый. Верхняя часть слоя (2–4 см) слегка задернована. Мощность 5–15 см.

2 — галечно-гравийно-песчаная толща. В кровле толщи песок перемешан с супесью из слоя 2. По наблюдениям по краю крутого обрывистого слоя мощность галечно-гравийно-песчаной толщи превышает на данном участке 1,5 м. В толще с валунами и галечником присутствуют обломки вулканической лавы разной степени окатанности, указывающие на то, что сама толща формировалась при наличии вулканических утесов.

Археологические материалы фиксируются в поддерновом слое и на поверхности галечно-гравийно-песчаной толщи, начиная с глубины 5–7 см и до 20 см. Всего в шурфах найдено 27 каменных артефактов. Из них наиболее показательна заготовка клиновидного нуклеуса с подготовленной ударной площадкой и оформленным клином. Аналогичная заготовка была найдена на поверхности Зун Номто-Гола-2, у подножия лавового уступа, которая упала сюда сверху, где расположена стоянка Зун Номто-Гол-3. Такие нуклеусы служили для получения пластинок и микропластинок. Среди находок также представлены дистальная половина микропластинки и один обломок дистальной части пластинки. В составе находок также две колотые гальки. Одна из них — крупная продолговатая галька с поперечным сколом на широком конце. Второй предмет из этой группы — массивный скол с галечной коркой. Все остальные находки из двух шурфов — это отходы первичного расщепления, мелкие отщепы и угловатые сколы.

Дополняет находки из шурфов небольшое количество подъемных материалов, среди которых несколько микропластинок и пластинок, мелкий клиновидный нуклеус для микропластин, фронтальный скол с клиновидного нуклеуса и округлый микроскрёбок.

Рис. 7. Зун Номто-Гол-4, шурф № 10, поставленный на поверхности древнего прибрежного острова, сложенного речным галечником

Fig. 7. Zone Nomto-Gol-4, pit No. 10, placed on the surface of an ancient coastal island, composed of river pebbles

Обсуждение

Все определяемые артефакты из местонахождений Зун Номто-Гола типичны для неолитических памятников Приангарья и сопредельных территорий. Как указывалось ранее, фрагменты тонкостенной керамики со следами сетки-плетенки на внешней поверхности, обнаруженные в шурфе Зун Номто-Гола-2, типичны для раннего и развитого неолита Приангарья и Забайкалья (Бердников, 2013; Бердников, Лохов, 2013; Горюнова, Новиков, Вебер, 2014). Однотипные заготовки клиновидных нуклеусов из шурфа Зун Номто-Гола-4 и с поверхности Зун Номто-Гола-2 и -3 также встречаются в ранне-неолитических комплексах Прибайкалья и Забайкалья (Инешин, Тетенькин, 2010, с. 209–211; Куклина, Стерхова, Игумнова, 2007) и находят аналогии среди находок из шурфа в окрестностях улуса Шаснур поставленного в 2004 г. в ходе совместных исследований сотрудников Института земной коры СО РАН и Иркутского технического университета (Аржанников и др., 2010). Улус Шаснур, где на сегодняшний день выявлена серия стоянок каменного века (Ташак, 2019), расположен в долине реки Сенца, в 16 км на юго-запад от Зун Номто-Гола. Можно предполагать, что именно в это время, в эпоху раннего неолита, функционировали стоянки в местности Зун Номто-Гол.

Особый интерес вызывает расположение исследовавшихся стоянок на террасовидных уступах, образованных в лавовых отложениях, поверхность которых возвышается на 30–35 м над уровнем реки. Интерес вызван тем, что сами лавовые поля, сформировавшиеся в долине Жомболока и выдвинувшиеся в долину Оки, в геологическом плане молодые. Первоначально вулканическая активность в верховьях Жомболока датирова-

лась в основном голоценовым временем (Обручев, Лурье, 1954; Адамович, Гросвальд, Зоненшайн, 1959). В дальнейшем появились данные, позволяющие обоснованно датировать начало вулканической деятельности жомболокских вулканов финалом плейстоцена (Arzhannikov et al., 2016). В ходе одного из новейших исследований вулканизма в Восточном Саяне и определения возраста Жомболокского лавового поля была получена серия радиоуглеродных и дендрохронологических дат. Некоторые даты позволяют установить время первого перекрытия лавой долины Оки и начала формирования подпрудного озера. В частности, радиоуглеродный возраст органических материалов из слоя, погребенного между лавой и галечно-валунной толщей, в юго-западном крыле лавовых потоков, разлившихся в долине Оки, составил 11460 ± 45 л.н. Для подтверждения этого возраста был проведен радиоуглеродный анализ ракушек улиток семейства «янтарки», полученных из озерных отложений, перекрывших толщу лавы при образовании подпорного водоема. Возраст указанных ракушек составил 11550 ± 45 л.н. покровных озерных отложений (Аржанников и др., 2017, с. 32–36). Указанные даты маркируют время наиболее раннего появления здесь лавовых потоков, выдвинувшихся из долины Жомболока. Следовательно, ранее указанной даты люди не могли заселить поверхность лавовых полей. Кроме определения хронологических границ появления древних стоянок, расположенных высоко над рекой, по кромке лавовых полей, остаются вопросы о том, что делало привлекательным для людей древности эти места и каким образом происходило освоение локальной территории. Ответы на эти вопросы тесно связаны с рассмотрением влияния вулканической деятельности в долине Хи-Гол (верховья Жомболока) на ландшафтную обстановку в Окинской впадине.

Фиксируемые в настоящее время застывшие лавовые потоки показывают их максимальное продвижение. В 4 км севернее Зун Номто-Гола лавовые потоки пересекли русло реки Ока и залили значительную часть низины в обширном урочище Обота на правом берегу Оки. Общая мощность лавовых отложений и галечно-валунных отложений, перекрытых лавой, составила около 30 м в устьевой части Жомболока. Севернее, по мере продвижения к урочищу Обота, толщина застывшей лавы и подстилающих ее валунно-галечных отложений сокращается. Урочище Номто-Гол и урочище Обота, расположенные на правом берегу Оки, разделены гористым отрогом, выдвинутым в долину Оки от основного массива Окинского плоскогорья. Этот отрог скалистым утесом упирается в правый берег, и именно здесь рекой образована крутая излучина при обходе скалистого утеса и всего отрога (рис. 8.-1). В финале плейстоцена основной поток лавы вышел именно к этому утесу и, перекрыв реку, образовал естественную плотину (запруду) высотой до 50 м от современного уровня реки, что затем привело к образованию подпрудного (плотинного) озера. Впервые песчано-алевритовые отложения этого озера были выделены исследователями Института земной коры СО РАН (Аржанников и др., 2013; Аржанников и др., 2015, с. 1924, 1925).

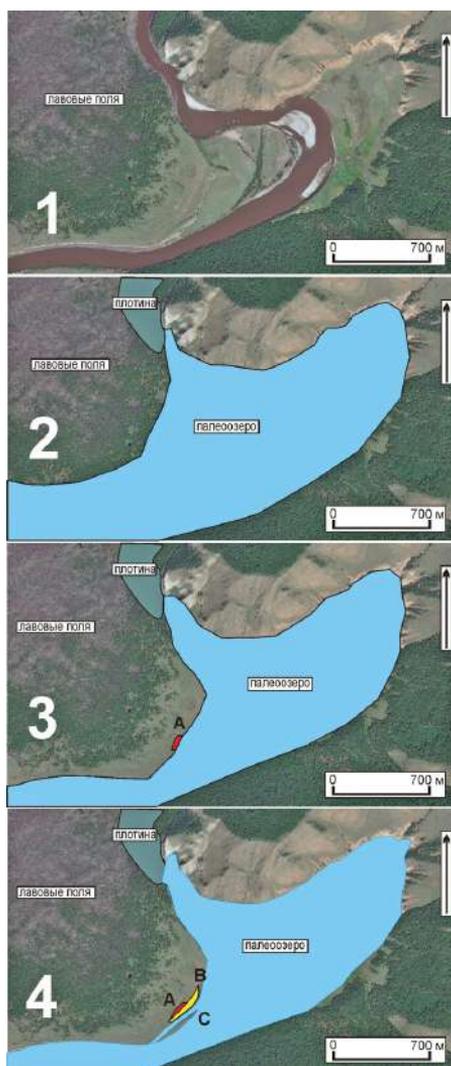

Рис. 8. Эволюция палеоозера в долине реки Ока. Северная часть палеоозера: 1 — современная ситуация на рассматриваемом участке в долине р. Ока; 2 — образование палеоозера после создания лавовой плотины в долине Оки; 3 — этап понижения уровня воды в палеоозере и начало освоения береговой полосы людьми (А); 4 — следующий этап понижения уровня воды в палеоозере, освоение человеком участка под базальтовым утесом (В) и прибрежного острова (С)

Fig. 8. Evolution of the paleolake in the Oka River valley. The northern part of the paleolake: 1 — the current situation at the considered area in the valley of the Oka River; 2 — the formation of the paleolake after the creation of a lava dam in the Oka River valley; 3 — the stage of a lowering the water level in the paleolake and the beginning of the peopling the coastal strip (A); 4 — the next stage of the lowering the water level in the paleolake, peopling the area under the basalt cliff (B) and the coastal island (C)

Судя по нашим наблюдениям, уровень подпрудного палеозера превышал 30 м и перекрывал основные площади лавовых полей, расположенных вблизи левого берега Оки, южнее устья Жомболока (рис. 8.-2). Плотины высотой около 50 м над современным уровнем реки позволила сформироваться озеру, а в дальнейшем излишки воды стали низвергаться вниз в виде водопада или в виде каскада, подобного тому, который сейчас можно наблюдать в приустьевой части Сайлага (левобережный приток Оки). Со временем русло реки в теле плотины углубилось, и верхний уровень лавового поля освободился от воды в результате падения ее уровня в палеозере. Данный процесс прослеживается по песчано-алевритовым отложениям, перекрывшим лавовую поверхность. Во многих местах мощность этих отложений не превышает 50 см, а также есть обширные участки с голой базальтовой поверхностью. Судя по тому, что археологические материалы на стоянке Зун Номто-Гол-3 залегают под дерном и в кровле песчано-алевритового слоя, заселение древней береговой полосы началось сразу после понижения уровня палеозера (рис. 8.-3). Процесс понижения уровня воды на первом этапе происходил постепенно, с выступанием берегового скалистого обрыва, который сейчас предстает как 4–6-метровый протяженный утес, нависающий над нижним террасовидным уступом. Постепенно под указанным утесом сформировалась протока между самим утесом и продолговатым прибрежным островом с плоской поверхностью (рис. 8.-4). На этом острове выделено два археологических местонахождения: Зун Номто-Гол-4 и 5. Исходя из того, что большинство артефактов в шурфах, поставленных на палеоострове, залегают непосредственно на галечной поверхности, следует полагать, что большая часть его поверхности была каменистой, с небольшими участками кустарниковой и травянистой растительности. Такие острова наблюдаются и в настоящее время, но значительно ниже древней береговой кромки (рис. 8.-1). При большой воде в реке такие острова периодически затапливаются. Вероятно, такой процесс имел место и в древности. Вместе с понижением уровня воды и образованием прибрежного острова вдоль берегового утеса стал формироваться широкий конус выноса в результате смыва с верхнего уровня лавового плато песчано-алевритовых отложений на участке разрыва в прибрежном утесе. Именно этот конус выноса становится основной территорией обитания (Зун Номто-Гол-2), здесь зафиксированы остатки кострища, керамика, каменные орудия и пр. Интересно отметить такую деталь: в шурфе № 5, поставленном на южной границе древней стоянки, там, где вода протоки омывала берег, обнаружены только многочисленные битые кости животных, рассеянные вертикально и горизонтально в песчано-иловатых отложениях. Данный факт позволяет прийти к выводу, что кухонные отходы выбрасывались в прибрежную воду. На площади самой стоянки обломки костей малочисленные и мелкие. С этой территории обитания люди переходили через протоку на остров, который являлся доступным и близким источником каменного сырья для изготовления необходимого инструментария. Об этом можно судить по обилию отходов расщепления каменного сырья в шурфах на Зун Номто-Голе-4 (на острове).

Прибрежный остров и прибрежные участки, расположенные под верхним утесом, были обширнее, чем в настоящее время. Об этом можно судить по тому, что в самой южной части исследованного участка, там, где русло древней протоки резко обрывается и стена базальтового утеса, возвышающаяся на 4–6 м над древней протокой, обнажается

полностью и предстает в виде 30-метрового обрыва к реке, зафиксированы остатки зоны обитания в виде каменных артефактов в верхней части обрывистого берега. Вероятно, следующим этапом развития прибрежной полосы палеоозера становится катастрофический прорыв плотины и резкое понижение уровня воды, что привело к обрушению части прибрежной полосы, в том числе прибрежных зон обитания и самой базальтовой стены.

В предложенном анализе развития природной обстановки и приспособления к ней древнего населения дан вариант последовательного и линейного развития ситуации. Вполне возможно, что такая линейность нарушалась. Например, в шурфе №7, который поставлен на площади стоянки Зун Номто-Гол-2, культурный горизонт с многочисленными каменными артефактами залегает сразу под дерном, что согласуется с залеганием материалов на остальных местонахождениях. В настоящее время ведется работа по исследованию хронологии местонахождений в местностях Зун Номто-Гол и Номто-Гол, по предварительным данным, возраст культурного горизонта Зун Номто-Гола-2 более 7 тыс. радиоуглеродных лет. При этом на глубине около 1,5 м от культурного горизонта обнаружено несколько обломков костей крупных животных, залегающих компактной группой. Важно отметить, что это кости от разных животных и с выраженными следами их разбивания каменными орудиями. Исходя из этого, можно предположить, что имел место этап, когда произошел быстрый сброс воды, обнаживший поверхность под верхним базальтовым утесом на глубину не менее 1,5 м от современной поверхности древней протоки. Именно на такой минимальной глубине фиксируется погребенный галечник руслового аллювия на участке шурфа №6 (Зун Номто-Гол-2). Вероятно, в это время происходит первое освоение площади под верхним базальтовым утесом. Далее происходит повторное поднятие уровня воды в палеоозере, создавшее береговую конфигурацию с прибрежным островом и протокой, охарактеризованную ранее.

Повторное повышение уровня воды в палеоозере более чем вероятно, поскольку на протяжении почти всего голоцена вулканы в верховьях Жомболока сохраняли активность (Ivanov et al., 2011; Аржанников и др., 2017; Arzhannikov et al., 2016) и лавовые потоки различной генерации достигали долины Оки. После резкого спада уровня воды в палеоозере, обнажившего базальтовые утесы на всю их высоту, люди перестали селиться на рассмотренной территории.

Заключение

Согласно новейшим данным, освоение Окинского плоскогорья человеком начинается, как минимум, во второй половине верхнего палеолита (Ташак, 2021), но начало массового освоения данной территории приходится на голоценовый оптимум. В это время сюда проникает население из Приангарья, что подтверждается археологическими материалами (Ташак, 2022) и анализом редких наскальных рисунков в долине Оки (Ташак, 2020). Освоение человеком в конце плейстоцена и в начале голоцена центральной части Саянских гор сопровождалось необходимостью приспособливаться не только к самому горному ландшафту, но и постоянно изменяющейся ландшафтной обстановке. Такие изменения были вызваны рядом факторов. Наиболее существенными факторами для Окинского плоскогорья были деградация горно-долинных ледников, господствовавших здесь в позднем плейстоцене (Гросвальд, 1965; Олюнин, 1965; Аржанников и др., 2015), и активизация вулканической деятельности.

Анализ ландшафтных изменений в долине Оки, вызванных активностью вулканов в верховьях Жомболока (долина Хи-Гол), показывает, что неолитическое население Окинского плоскогорья умело приспособлялось к этим изменениям, активно осваивая освобожденные от ледников речные долины. С другой стороны, выявление древних границ таких объектов, как палеоозеро в долине Оки, позволяет выделить оптимальные зоны поиска древних стоянок, функционировавших по его берегам в эпоху неолита. В частности, на правобережье Оки, напротив исследовавшихся стоянок, в местности Номто-Гол обнаружены каменные артефакты. Артефакты найдены на большом удалении от берега и на высоте, сопоставимой с высотой расположения стоянок в Зун Номто-Голе. Если исходить из результатов работы, такое расположение стоянок должно маркировать древнюю береговую линию палеоозера. Учитывая наличие донных отложений по затопленным днищам прибрежных распадков, можно рассматривать как перспективное направление поиск плейстоценовых стоянок под этими отложениями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Адамович А. Ф., Гросвальд М. Г., Зоненшайн Л. П. Новые данные о вулканах Кропоткина и Перетолчина // *Материалы по региональной геологии*. Вып. 5. М. : Госгеолтехиздат, 1959. С. 79–90.

Аржанников С. Г., Инешин Е. М., Аржанникова А. В., Снопков С. В. Палеогеографическая обстановка обитания человека в долинах рек Окинского плоскогорья в Восточном Саяне (на примере долины р. Сенца) // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2010. Вып. 8. С. 291–302.

Аржанников С. Г., Иванов А. В., Аржанникова А. В., Демонтерова Е. И. Долина вулканов в Восточном Саяне // *Наука из первых рук*. 2013. №5–6 (53–54). С. 66–83.

Аржанников С. Г., Броше Р., Жоливе М., Аржанникова А. В. К вопросу о позднеплейстоценовом оледенении юга Восточного Саяна и выделении конечных морен MIS 2 на основе бериллиевого датирования (^{10}Be) ледниковых комплексов // *Геология и геофизика*. 2015. Т. 56. №11. С. 1917–1933.

Аржанников С. Г., Иванов А. В., Аржанникова А. В., Демонтерова Е. И., Жоливе М., Воронин В. И., Буянтуев В. А., Осколков В. А. Возраст Жомболокского лавового поля (Восточный Саян) по дендрохронологическим и радиоуглеродным данным // *Геология и геофизика*. 2017. Т. 58, №1. С. 27–47.

Бердников И. М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // *Известия Иркутского государственного университета*. Серия : Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. №1(2). С. 203–229.

Бердников И. М., Лохов Д. Н. Сетчатая керамика аплинского типа // *Известия Иркутского государственного университета*. Серия : Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. №2(3). С. 72–83.

Выркин В. Б. Рельеф и экзогенные процессы Окинской котловины (Восточный Саян) // *Известия Иркутского государственного университета*. Серия : Науки о Земле. 2018. Т. 23. С. 43–50. DOI <https://doi.org/10.26516/2073-3402.2018.23.43>

Выркин В. Б., Масютина Ю. А. Геоморфологическое районирование Окинского плоскогорья (Восточный Саян) // Известия Иркутского государственного университета. Серия : Науки о Земле. 2017. Т. 19. С. 32–47.

Горюнова О. И., Новиков А. Г., Вебер А. В. Ранненеолитический комплекс V нижнего культурного слоя поселения Саган-Заба II на Байкале: планиграфия и датировка // Известия Иркутского государственного университета. Серия : Геoархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 8. С. 45–62.

Гросвальд М. Г. Развитие рельефа Саяно-Тувинского нагорья. М. : Наука, 1965. 167 с.

Инешин Е. М., Тетенькин А. В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири. Местонахождение Большой Якорь. Новосибирск : Наука, 2010. 270 с.

Кропоткин П. А. Поездка в Окинский караул // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Книжки IX и X. Иркутск : Типография Окружного штаба, 1867. С. 1–94.

Куклина С. Л., Стерхова И. В., Игумнова Е. С. Особенности строения отложений геoархеологического объекта Уст-Хайта // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геoэкология, этнология и антропология. Иркутск : Оттиск, 2007. Т. 1. С. 333–339.

Обручев С. В., Лурье М. Л. Вулканы Кропоткина и Перетолчина в Восточном Саяне // Труды лаборатории вулканологии. Вып. 8. М. : Изд-во АН СССР, 1954. С. 210–225.

Олюнин В. Н. Неотектоника и оледенение Восточного Саяна. М. : Наука, 1965. 127 с.

Ровинский П. А. О поездке на Тунку и на Оку до Окинського караула // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск : Изд-во типографии Сеницына, 1871. С. 31–52.

Ташак В. И. Каменный век Окинського района Республики Бурятия: изученность и перспективы // Вестник БНЦ СО РАН. 2019. №3 (35). С. 28–46. DOI 10.31554/2222-9175-2019-35-10-28-34

Ташак В. И. Новые исследования наскальных рисунков Окинського плато // Вестник БНЦ СО РАН. 2020. №4 (40). С. 9–17. DOI 10.31554/2222-9175-2020-40-9-17

Ташак В. И. Перспективы исследований древнейших этапов заселения человеком территории Окинського плоскогорья (Восточный Саян) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17, №4. С. 9–19. DOI 10.21285/2415-8739-2021-4-9-19

Ташак В. И. Неолит Окинського плоскогорья: местонахождения Тропа Кропоткина-1, -2, -3 // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18, №1. С. 15–33. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-15-33>

Arzhannikov S. G., Ivanov A. V., Arzhannikova A. V., Demonterova E. I., Jolivet M., Buyantuev V. A., Oskolkov V. A., Voronin V. I. The most recent (682–792 CE) volcanic eruption in the Jombolok lava field, East Sayan, Central Asia triggered exodus of Mongolian pre-Chinggis Khaan tribes (778–786 CE) // Journal of Asian Earth Sciences. 2016. 125. P. 87–99.

Ivanov A. V., Arzhannikov S. G., Demonterova E. I., Arzhannikova A. V., Orlova L. A. Jom-Bolok Holocene volcanic field in the East Sayan Mts., Siberia, Russia: structure, style of eruptions, magma compositions, and radiocarbon dating // Bulletin of Volcanology. 2011. V. 73. P. 1279–1294. DOI: 10.1007/s00445-011-0485-9

REFERENCES

Adamovich A. F., Grosvald M. G., Zonenshain L. P. New Data on Kropotkin and Peretolchin Volcanoes. In: Materials on Regional Geology. Issue 5. Moscow : Gosgeoltehisdat, 1959. Pp. 79–90. (In Russ.)

Arzhannikov S. G., Ineshin E. M., Arzhannikova A. V., Snopkov S. V. Paleogeography Conditions of Human Habitation in the Valleys of the Oka Plateau in the Eastern Sayan Mountains (on the example of the Sentsa River valley). *Izvestiya Laboratorii drevnih tehnologij = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2010;8:291–302. (In Russ.)

Arzhannikov S. G., Ivanov A. V., Arzhannikova A. V., Demonterova E. I. Valley of Volcanoes in the Eastern Sayan. *Nauka iz pervykh ruk = Science First Hand*. 2013;5–6(53–54):66–83. (In Russ.)

Arzhannikov S. G., Braucher R., Jolivet M., Arzhannikova A. V. Late Pleistocene Glaciations in Southern East Sayan and Detection of MIS 2 Terminal Moraines Based on Beryllium (Be10) Dating of Glacier Complexes. *Geologiya i geofizika = Geology and Geophysics*. 2015;56(11):1509–1521. (In Russ.)

Arzhannikov S. G., Ivanov A. V., Arzhannikova A. V., Demonterova E. I., Jolivet M., Voronin V. I., Buyantuev V. A., and Oskolkov V. A. Age of the Jombolok lava field (East Sayan Mts.): Evidence from Dendrochronology and Radiocarbon Dating. *Geologiya i geofizika = Geology and Geophysics*. 2015;58(1):20–36. (In Russ.)

Berdnikov I. M. Key Aspects of Historical and Cultural Procedures in Southern Part of Middle Siberia during the Neolithic (Based on pottery complexes). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya = Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2013;1(2):203–229. (In Russ.)

Berdnikov I. M., Lokhov D. N. The Aplin Type of Net-impressed Pottery. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya = Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2013;2(3):72–83. (In Russ.)

Vyrkin V. B. Relief and Exogenous Processes on the Okinskaya Depression (Eastern Sayan). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Nauki o zemle = Bulletin of Irkutsk state university. Series : Earth sciences*. 2018;23:43–50. (In Russ.)

Vyrkin V. B., Masyutina Yu. A. Geomorphological Regionalization of Okinskoe Highland (Eastern Sayan). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Nauki o zemle = Bulletin of Irkutsk state university. Series : Earth sciences*. 2017;19:32–47. (In Russ.)

Goriunova O. I., Novikov A. G., Weber A. W. Early Neolithic Complex of V (lower) Cultural Layer of Settlement Sagan-Zaba II on Lake Baikal: Planigraphy and Dating. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya = Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2014;8:45–62. (In Russ.)

Grosvald M. G. Development of relief in the Sayan-Tuva highland. Moscow : Nauka, 1965. 167 p. (In Russ.)

Ineshin E. M., Teten'kin A. V. Human and environment in the North of Baikalian Suberia in Late Pleistocene. Archaeological site Bol'shoi Yakor'. Novosibirsk : Nauka, 2010. 270 p. (*In Russ.*)

Kropotkin P. A. The Travel to the Oka Guard Fort. In: Notes of the Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society. Books IX and X. Irkutsk : Tipografiya Okruzhnogo shtaba, 1867. Pp. 1–94. (*In Russ.*)

Kuklina S. L., Sterhova I. V., Igumnova E. S. Special Characteristics of the Geoarchaeological Site Ust'-Haita Sediment Structure. In: The northern Eurasia in Anthropogenic Period: human, paleotechnologies, geocology, ethnology and anthropology. Irkutsk : Ottisk, 2007. Vol. 1. Pp. 333–339.

Obruchev C. V., Lur'e M. L. Kropotkin and Peretolchin Volcanoes in Eastern Sayan. In: Proceedings of the Laboratory of the Volcanology. M. : Izd-vo AN SSSR, 1954. Vol. 8. Pp. 210–225. (*In Russ.*)

Olyunin V. N. Neotectonics and Glaciation of the Eastern Sayan. Moscow : Nauka, 1965. 127 p. (*In Russ.*)

Rovinskij P. A. About the Travel to Tunka and Oka as Far as Oka Guard Fort. In: Notes of the Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society. Irkutsk : Izd-vo tipografii Sinicyna, 1871. Pp. 31–52. (*In Russ.*)

Tashak V. I. Stone Age of the Oka Area of the Republic of Buryatia: Study and Prospects. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN = The Bulletin of the Buryat Scientific Center of the SB RAS*. 2019;3(35):28–46. (*In Russ.*) DOI: 10.31554/2222-9175-2019-35-10-28-34

Tashak V. I. New Studies of the Rock Arts in the Oka Plateau. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN = The Bulletin of the Buryat Scientific Center of the SB RAS*. 2020;4(40):9–17. (*In Russ.*) DOI: 10.31554/2222-9175-2020-40-9-17

Tashak V. I. Prospects of Researching the Oldest Stages of Human Settlement on the Oka Plateau Territory (Eastern Sayan). *Izvestiya Laboratorii drevnih tehnologij = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2021;17(4):9–19. (*In Russ.*) DOI: 10.21285/2415-8739-2021-4-9-19

Tashak V. I. Neolithic of the Oka Plateau: the Sites Tropa Kropotkina -1, -2, -3 *Izvestiya Laboratorii drevnih tehnologij = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2022;18(1):15–33. (*In Russ.*) DOI: 10.21285/2415-8739-2022-1-15-33

Arzhannikov S. G., Ivanov A. V., Arzhannikova A. V., Demonterova E. I., Jolivet M., Buyantuev V. A., Oskolkov V. A., Voronin V. I. The Most Recent (682–792 CE) Volcanic Eruption in the Jombolok Lava Feld, East Sayan, Central Asia Triggered Exodus of Mongolian Pre-Chinggis Khaan Tribes (778–786 CE). *Journal of Asian Earth Sciences*. 2016;125:87–99.

Ivanov A. V., Arzhannikov S. G., Demonterova E. I., Arzhannikova A. V., Orlova L. A. Jom-Bolok Holocene Volcanic field in the East Sayan Mts., Siberia, Russia: Structure, Style of Eruptions, Magma Compositions, and Radiocarbon Dating. *Bulletin of Volcanology*. 2011;73:1279–1294. DOI: 10.1007/s00445-011-0485-9

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ташак Василий Иванович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия.

Vasily Ivanovich Tashak, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia.

*Статья поступила в редакцию 11.09.2022;
одобрена после рецензирования 30.10.2022;
принята к публикации 02.11.2022.
The article was submitted 11.09.2022;
approved after reviewing 30.10.2022;
accepted for publication 02.11.2022.*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО- НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Научная статья / Research Article

УДК 903.01/.09

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-08)

СООТНОШЕНИЕ СОСТАВА МЕТАЛЛА И ПАТИНЫ В БРОНЗОВЫХ ЗАКЛЕПКАХ КОЖАНОГО СОСУДА ИЗ КИЧИГИНО-I

Иван Александрович Блинов¹, Александр Дмитриевич Таиров^{2*}

¹Уральский федеральный научный центр минералогии
и геоэкологии УрО РАН, Миасс, Россия;

ivan_a_blinov@mail.ru, <https://orcid.org/00000-0001-7397-4760>

²Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия;

tairov55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8575-0430>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. В ходе работы исследованы бронзовые заклепки кожного сосуда из могильника Кичигино-I. Данные изделия имеют маленький размер и интенсивно корродированы, что делает невозможным их зачистку до металла. Исследование патинированной поверхности проводилось методом рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) патины и реликтового металла растровой электронной микроскопией (РЭМ). Результаты анализа показали, что заклепки изготовлены из мышьяково-оловянных бронз с примесью свинца. Пatina качественно соответствует составу исходного металла, но имеет различия, определяемые соотношением ее компонентов. Различия количественных соотношений не превышают 100% относительных, характер изменений предсказать невозможно. Они могут происходить в сторону как увеличения, так и уменьшения содержания каждого из второстепенных компонентов (мышьяка, олова) в патине. Сопоставление результатов РФА и РЭМ показало, что РФА с определенной точностью отражает состав исходного металла с систематическим завышением содержания свинца, олова, мышьяка.

Ключевые слова: Южное Зауралье, ранние кочевники, рентгенофлуоресцентный анализ, пatina, растровая электронная микроскопия

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект №21-18-00576, <https://rscf.ru/project/21-18-00576/>).

Для цитирования: Блинов И. А., Таиров А. Д. Соотношение состава металла и патины в бронзовых заклепках кожного сосуда из Кичигино-I // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №4. С. 137–147. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-08)

CORRELATION OF THE COMPOSITION OF METAL AND PATINA IN BRONZE RIVETS OF A LEATHER VESSEL FROM KICHIGINO-I

Ivan A. Blinov¹, Aleksandr D. Tairov^{2*}

¹South Urals Federal Research Center of Mineralogy and Geoecology UB RAS, Miass, Russia; ivan_a_blinov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7397-4760>

²South Ural State University, Chelyabinsk, Russia; tairov55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8575-0430>

*Corresponding Author

Abstract. The paper investigates bronze rivets of a leather vessel from the burial ground of Kichigino-I. These products of a small size are intensively corroded, which makes it impossible to strip them down to metal. The study of the patinated surface was carried out by X-ray fluorescence analysis (XRF) of patina and relic metal by scanning electron microscopy (SEM). The results of the analysis showed that the rivets were made of arsenic-tin bronzes with an admixture of lead. The patina qualitatively corresponds to the composition of the original metal, but has differences determined by the ratio of its components. Differences in quantitative ratios do not exceed 100% relative, the nature of the changes cannot be predicted. They can change both in the direction of increasing and decreasing the content of each of the minor components (arsenic, tin) in the patina. Comparison of the results of XRD and SEM showed that XRD reflects the composition of the parent metal with a certain accuracy, with a systematic overestimation of the contents of lead, tin, and arsenic.

Key words: Southern Trans-Urals, Early Nomads, X-ray fluorescence analysis, patina, scanning electron microscopy

Acknowledgements: the work was carried out with financial support from the Russian Science Foundation (project No. 21-18-00576, <https://rscf.ru/project/21-18-00576/>).

For citation: Blinov I. A., Tairov A. D. Correlation of the Composition of Metal and Patina in Bronze Rivets of a Leather Vessel from Kichigino-I. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022;34(4):137–147. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-08)

Введение

Исследование цветного металла археологических предметов важно для понимания технологий и направлений взаимодействий древних обществ. Практика показывает, что предметы на основе медных сплавов покрыты слоем патины разной толщины, плотности и состава. Патина, состоящая из солей и оксидов металлов, искажает результаты анализа состава самого металла. Для получения данных о нем перед проведением анализа необходимо зачищать поверхность металлического изделия от окислов. Однако это не всегда возможно по нескольким причинам. Дело в том, что значительные коллекции древних артефактов хранятся в музеях, при этом практически не допускаются какие-либо манипуляции, связанные с изменением их целостности. В том числе и снятие патины для подготовки предмета к анализу. Другим ограничением является интенсивное корродирование предмета до такой степени, что металл теряет свою целостность и сохраняется только в виде редких реликтов размером менее 1 мм.

Бронзовые изделия, покрытые патиной, имеют тот же самый качественный состав, что и исходный металл, из которого они сделаны. Обычно патинирование ведет к завышению определяемого содержания примесей в 1,5–2 раза (Блинов, Таиров, Юминов, 2017; Блинов, Таиров, 2018), а в более толстой патине — в 3–5 раз (Черных, Луньков, 2009, с. 82). «Проведенные исследования показали, что практически всегда в окисленной зоне изделия происходит увеличение содержания олова (Sn), сурьмы (Sb), мышьяка (As), железа (Fe) и, в меньшей степени, цинка (Zn). Содержание свинца (Pb) изменяется слабо, а серебро (Ag) проявляет себя неустойчиво» (Черных, Луньков, 2016, с. 250).

Исследование состава металла и патины наконечников стрел с поселения Боровое-III (Верхнее Приобье) показало, что в патине по сравнению с металлом происходит уменьшение в процентном отношении количества меди (Cu) в 1,1–1,4 раза, иногда до 1,9 раза. Одновременно в патине, по сравнению с металлом, возрастает количество олова (Sn) — в 1,2–2,9 раза, редко в 4,2 раза, мышьяка (As) — в 1,0–2,0 раза, реже до 2,8 раза, свинца (Pb) — в 1,0–2,0 раза, иногда в 3,9 раза, сурьмы (Sb) — в 1,3–1,8 раза, редко в 2,3 раза (Тишкин, Кунгуров, Лихачева, 2014).

Материалы и методы

Для исследования нами были выбраны три бронзовые заклепки кожного сосуда из погребения 2-й половины VII в. до н.э. в могильной яме 1 кургана №5 некрополя Кичигино-I. Сосуд находился слева от головы погребенного, рядом с ним найдены фрагменты деревянной чаши, край которой украшали две обкладки в форме стилизованной головы хищной птицы, изготовленные из толстой золотой фольги (рис. 1) (Таиров, 2015, с. 302, 312). Материалы погребения хранятся в музее «Народы и технологии Урала» Южно-Уральского государственного университета. Заклепки (НВМ-6, инв. №Р1 41К1-5) цилиндрической формы длиной 3,8–4,7 мм и диаметром 2,0–2,4 мм (рис. 2). Их состав сначала был исследован неразрушающим рентгенофлуоресцентным анализом (РФА). Спектральное разрешение 220 эВ. Метод анализирует поверхность изделия и позволяет определять элементы тяжелее титана (Ti). Таким образом, на незащищенных поверхностях игнорируются такие элементы, как водород (H), углерод (C), кислород (O), сера (S) и хлор (Cl), которые связываются с металлом при его окислении. При анализе исследуемый предмет должен закрывать окно детектора площадью около 1 см². Исследования проведены на приборе Innov Xa, режим Process Analytical, время экспозиции 30 с. Чувствительность прибора составляет 0.1%.

Затем заклепки разрезались поперек и срезами монтировались в шашку эпоксидной смолы. Полученный препарат механически полировали и для исследования напыляли углеродом. Последующие исследования проводились на растровом электронном микроскопе (РЭМ) Tescan Vega 3 sbu, оснащенном энергодисперсионным спектрометром (ЭДС) Oxford Instruments X-act. Время набора спектра 120 с, ускоряющее напряжение 20 кВ. Спектральное разрешение 114 эВ. Спектрометр позволяет определять элементы тяжелее бора (B), однако из-за углеродного напыления количественное определение углерода невозможно. Поэтому весь углерод исключается из анализа. Обработка спектров проводилась с помощью программы Inca, которая позволяет редактировать количество анализируемых элементов, в частности, исключать из анализа.

Рис. 1. Положение кожного сосуда с бронзовыми заклепками при раскопках могильника

Fig. 1. Position of a leather vessel with bronze rivets during the excavation of the burial ground

Рис. 2. Заклепки, извлеченные из кожного сосуда

Fig. 2. Rivets removed from a leather vessel

При обработке результатов использованы концентрации, выраженные в абсолютных процентах, показывающие концентрации компонентов. Далее абсолютные процен-

ты в тексте не упоминаются. Соотношение и изменение измеренных значений концентраций по сравнению с какими-либо базовыми значениями выражено в процентах относительных. Для избегания путаницы при обсуждении изменения концентрации указывается, что проценты относительные.

Результаты

Размеры заклепок не позволяют полностью закрыть окно детектора РФА, однако по данным анализа сумма близка к 100%, что дает основания полагать об удовлетворительных условиях набора спектра. По данным РФА заклепки изготовлены из оловянно-мышьяково-свинцовых бронз (Cu+Sn+As+Pb). Содержание меди в патине трех проанализированных заклепок колеблется в пределах 69.6–88.3 мас.%, олова — 6.0–25.5 мас.%, мышьяка — 2.7–4.1 мас.%, свинца — 0.7–2.0 мас.% (табл. 1) (Блинов, Таиров, 2021, с. 152–153).

Таблица 1

Состав заклепок по данным РФА, мас.%

Tab. 1

Composition of rivets according to XRF data, wt.%

Номер пробы	Cu	Pb	As	Sn	Fe	Сумма
НВМ-6а	77.8	0.7	4.1	16.6	0.8	100.0
НВМ-6б	88.3	2.0	3.2	6.0	0.5	100.0
НВМ-6в	69.6	0.8	2.7	25.5	0.8	99.3

Исследования на РЭМ показали, что в заклепках сохраняются частицы реликтового металла. Патина интенсивно развита в межзерновом пространстве. Зерна металла изолированы веществом патины. Размер реликтовых зерен металла не превышает 100 мкм (рис. 3). Реликтовый металл не в полной мере отражает состав исходного металла, из которого было изготовлено изделие, так как коррозия происходит неравномерно. В первую очередь окисляются менее устойчивые фазы, предохраняя от окисления соседние зерна. Как правило, эти фазы имеют другой состав и при коррозии они утрачиваются безвозвратно.

Исходный металл представлен мышьяково-оловянными бронзами (Cu+As+Sn), содержание мышьяка варьирует в пределах 0.58–1.80 мас.%, а содержание олова — 0.73–5.43% (табл. 2). При этом металл не однороден, что, возможно, связано с ликвацией в исходных изделиях.

Патина не однородна. По данным, полученным на РЭМ, она состоит преимущественно из куприта с примесями или микроростками кислородных соединений мышьяка и олова с индивидуализированными выделениями серебра (Ag), сульфата свинца — англезита и соединений висмута (Bi) и свинца. Куприт и англезит диагностированы по количественному анализу РЭМ с ЭДС. Куприт как оксид меди с атомным соотношением Cu:O, близким к 2:1, англезит — по наличию на спектре характеристических линий Pb, S, O и соотношению, соответствующему PbSO₄.

Основная масса патины, представленная преимущественно купритом, не однородна по составу (табл. 3). По данным точечных ЭДС анализов содержание As_2O_5 не регулярно и достигает 6.95%, SnO_2 — 30.02%, отмечены также редко встречаемые примеси Sb_2O_3 , PbO , SiO_2 , SO_4 и Cl . Куприт, как правило, химически чистый, его кристаллическая решетка не позволяет включать примеси Sn , As и др. Однако в данной ситуации РЭМ не разрешает других минералов-вростков, содержащих эти элементы. В связи с этим анализы условно считаются купритом.

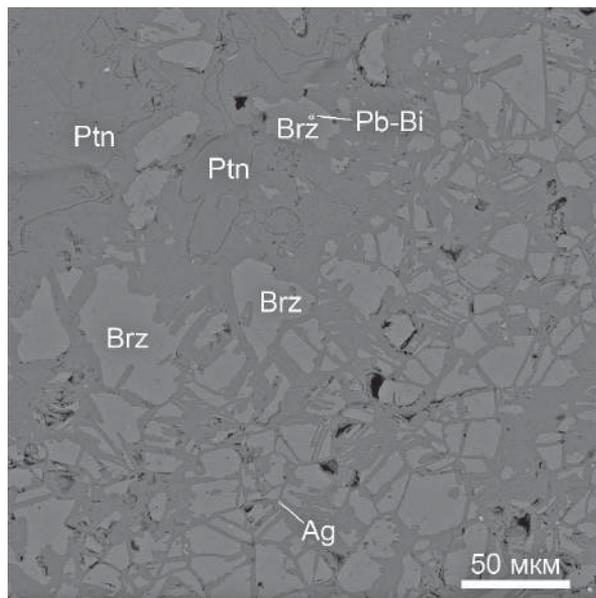

Рис. 3. Типичное строение интенсивно корродированной бронзовой заклепки: Ag — металлическое серебро; Pb–Bi — сплав свинца и висмута; Brz — реликты As-Sn-бронзы; Ptn — патина

Fig. 3. Typical structure of a heavily corroded bronze rivet: Ag — metallic silver; Pb–Bi — an alloy of lead and bismuth; Brz — relics of As-Sn-bronze; Ptn — patina

Таблица 2

Состав реликтового металла заклепок, мас. %

Tab. 2

The composition of the relic metal of rivets, wt. %

Заклепка	Анализ	Cu	As	Sn	Сумма
НВМ-6а	21799i	96.05	1.80	2.17	100.02
НВМ-6а	21799d	96.52	1.36	1.92	99.8
НВМ-6б	21800d	98.51	1.21	0.73	100.44
НВМ-6в	21801e	94.64	0.58	5.43	100.65

Англезит образует небольшие выделения размером 2–5 мкм, реже до 10–15 мкм. Обособленные выделения встречаются только в заклепке НВМ-66. Сплав свинца и висмута (Pb+Bi) встречается крайне редко, он образует капли размером до 1–3 мкм, которые отмечены в реликтах зерен бронзы. Капли этого сплава также являются реликтовыми металлическими фазами. Крайне редко встречаются также зерна металлического серебра размером до 1–2 мкм, которые образуются по периферии реликтовых зерен бронзы среди куприта. Зерна металлического серебра формируются при окислении меди и перераспределении серебра. Серебро, как более устойчивый к окислению металл, накапливается в самородном виде.

Таблица 3

Состав патины минеральных фаз. Результаты точечного анализа, мас.%

Tab. 3

The composition mineral phases of the patina. Point analysis results, wt.%

Заклепка	Анализ	SiO ₂	SO ₃	Cl	Cu ₂ O	As ₂ O ₃	SnO ₂	Sb ₂ O ₃	PbO	Сумма	Примечание
НВМ-6а	21799b				94.31	1.6	3.92			99.83	Куприт
НВМ-6а	21799с				92.27	1.34	5.72			99.32	Куприт
НВМ-6а	21799g	1.11			61.54	6.95	30.02		0.71	100.35	Оксид меди
НВМ-6а	21799g'	1.2			53.76	3.6	27.15	0.81	0.53	87.04	Смесь оксидов, карбонат?
НВМ-6а	21799h				100.17					100.17	Куприт
НВМ-66	21800b	0.4	0.3	0.51	91.7	0.68			0.45	94.04	Оксиды, карбонаты меди?
НВМ-66	21800с				99.18	0.73				99.91	Куприт
НВМ-66	21800е		25.83						74.17	100	Англезит
НВМ-6в	21801d				97.14		3.71			100.84	Куприт

Однако точечные ЭДС анализы не дают представительной картины для сопоставления состава реликтового металла и патины, а также результатов РЭМ-ЭДС и РФА. Из-за малого количества имеющегося вещества проведение химического анализа заклепок затруднено, поэтому на РЭМ с ЭДС были набраны и рассчитаны спектры по растру, т.е. с площади около 1 мм². В анализируемую область входили как реликтовый металл, так и патина. Для сопоставления с данными РФА набранные спектры были рассчитаны с наличием легких элементов (ЛЭ), атомный номер которых меньше титана, и с исключением таковых из анализов.

Растровые анализы показали, что содержание легких элементов около 10% (9.18–11.3%), содержание мышьяка в заклепках НВМ-6а и НВМ-6в около 1%, а в заклепке НВМ-66 не определяется (табл. 4). Содержание олова различно, минимальная его концентрация отмечена в заклепке НВМ-66 — 0.70–0.79%, а максимальное в заклепке НВМ-6в — 7.78–8.93%. Исключение легких элементов «увеличивает» определяемые концентрации второстепенных компонентов (мышьяка, олова) на 12–22% относительных, или приблизительно на 0.1 мас.% для As и 0.1–1% мас. для Sn.

Таблица 4

Состав заклепок по спектрам, набранных по растру, мас.%

Tab. 4

The composition of the rivets by colors typed according to the raster, wt.%

Заклепка	Анализ	O	Si	S	Cl	Cu	As	Sn	Сумма	Примечание
НВМ-6а	21799а	8.99			0.19	87.07	1.01	2.73	100	По растру
НВМ-6а	21799а					95.75	1.19	3.06	100	По растру, ЛЭ исключены
НВМ-6б	21800а	9.69		0.11	0.36	89.15		0.7	100	По растру
НВМ-6б	21800а					99.21		0.79	100	По растру, ЛЭ исключены
НВМ-6в	21801а	10.82	0.18	0.3		79.99	0.93	7.78	100	По растру
НВМ-6в	21801а					89.94	1.13	8.93	100	По растру, ЛЭ исключены

Обсуждение

В целом наблюдается различие между составом исходного металла и патины. Соотношение точечных ЭДС анализов и растровых (при исключении легких элементов) показывает, что измеренные концентрации изменяются неравномерно. Так, в НВМ-6а в патине по сравнению с металлом содержание мышьяка уменьшается с 1.36–1.80 мас.% до 1.19 мас.%, что соответствует уменьшению на 10–30% относительных. В то же время содержание олова увеличивалось приблизительно на 1 мас.% абсолютный, с 1.92–2.17 до 3.06 мас.%, что составляет увеличение на 40–60% относительных процентов. В заклепке НВМ-6в в патине происходит увеличение концентрации и мышьяка на относительные 90%, и олова — на 60%. В то же время в заклепке НВМ-6б и по результатам точечных ЭДС анализов, и по данным растровых исследований отмечается полное отсутствие мышьяка в патине, а в металле мышьяка — 1.21 мас.%. Определяемое содержание олова в патине возрастает на относительных 10%.

Прямое сопоставление данных РФА и РЭМ с ЭДС не совсем корректно, поскольку РФА анализирует поверхность патинированного изделия, а РЭМ с ЭДС — поверхность среза, т.е. центральную часть изделия. Кроме того, патина развивается неравномерно и разрушает в первую очередь богатое оловом и мышьяком межзерновое пространство, что обедняет оставшийся металл легирующими компонентами. Всегда стоит помнить, что реликтовый металл в таких ситуациях не полностью соответствует исходному. Кроме этого, сопоставление разных анализов также несет в себе некоторую погрешность метода. Тем не менее сопоставление показывает, что в целом РФА правильно определяет качественный состав за исключением привнесенного из почв железа (Fe). Содержание висмута и серебра в исходном металле было ниже предела обнаружения для обоих методов. Свинец при растровых анализах на РЭМ с ЭДС не обнаруживается, но, похоже, он накапливается во внешней зоне патинированной заклепки. Разница в содержании мышьяка и олова между РФА и РЭМ с ЭДС отличается в сторону увеличения. По сравнению металла по данным ЭДС и патины по данным РФА в патине содержание мышьяка увеличено в 2.3–4.7 раза, а содержание олова — в 4.7–8.2 раза.

Заключение

Реликтовый металл интенсивно корродированных предметов, скорее всего, не соответствует истинному составу исходного металла, так как легированный металл часто не однороден, разные части сплава имеют разную устойчивость к коррозии. Исследования реликтов металла показали, что заклепки изготовлены из мышьяково-оловянной бронзы с примесью свинца — металла, сходного по качественному составу, но отличающегося по количественному соотношению компонентов. Если сравнивать результаты внутри метода РЭМ с ЭДС, то наблюдается незначительное изменение состава патины относительно металла. Эти изменения вызваны множеством факторов, которые не всегда возможно учесть, и могут происходить как в сторону увеличения, так и уменьшения содержания каждого из второстепенных компонентов (мышьяка, олова) в патине. Характер изменений соотношения не превышает относительных 100%. В то же время по непонятным причинам в патине заклепки НВМ-66 методом РЭМ с ЭДС совсем не обнаруживается мышьяк, ни в точечных анализах, ни при анализе по растру.

При сопоставлении состава металла, исследованного РЭМ с ЭДС, и внешней каймы патины, исследованной РФА, определяется привнос во внешнюю кайму железа, а также существенное накопление свинца. Содержание мышьяка и олова увеличивается неравномерно. Накопление олова во внешней кайме происходит более активно, нежели мышьяка. В целом результат РФА с определенной точностью отражает состав исходного металла с систематическим завышением легирующих компонентов — свинца, олова, мышьяка. Степень завышения для каждого элемента и каждого изделия может варьировать, и сложно предсказать, какова будет величина в каждом конкретном случае. В то же время анализ РФА по патинированной поверхности с определенной долей точности дает информацию о составе медных сплавов. Применение таких анализов, на наш взгляд, оправдано там, где по тем или иным причинам не возможно удаление слоя патины. При этом исследователь должен понимать, каким методом и с какой поверхности были проведены измерения, и с осторожностью подходить к полученным данным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Блинов И. А., Таиров А. Д. Состав бронз поселения Шибаетово из подъемных сборов сезона 2017 г. // *Геоархеология и археологическая минералогия* — 2018. Миасс : Институт минералогии УрО РАН, 2018. С. 152–155.

Блинов И. А., Таиров А. Д. Состав бронзовых изделий невоенного назначения могильника Кичигино I // *Геоархеология и археологическая минералогия* — 2021. Миасс; Челябинск : Изд-во ЮУрГГПУ, 2021. С. 150–155.

Блинов И. А., Таиров А. Д., Юминов А. М. Влияние способа чистки бронзовых изделий на результаты анализа РФА (на примере поясных обоев из кургана 5 могильника Кичигино I в Южном Зауралье) // *Геоархеология и археологическая минералогия* — 2017. Миасс : Институт минералогии УрО РАН. 2017. С. 181–184.

Таиров А. Д. Комплекс раннесакского времени кургана 5 могильника Кичигино I в Южном Зауралье // *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии*. Алматы : НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 300–319.

Тишкин А. А., Кунгуров А. Л., Лихачева О. С. Рентгенофлуоресцентный анализ металлических наконечников стрел аржано-майэмирского времени с поселения Боровое-III (Верхнее Приобье) // Теория и практика археологических исследований. 2014. Т. 10, №2. С. 96–111.

Черных Е. Н., Луньков В. Ю. Методика рентгено-флуоресцентного анализа меди и бронзы в лаборатории Института археологии // Аналитические исследования лаборатории естественно-научных методов. Вып. 1. М. : ИА РАН, 2009. С. 78–83.

Черных Е. Н., Луньков В. Ю. Рентгено-флуоресцентный метод анализа химического состава древних изделий из цветных металлов // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников). М. : ИА РАН, 2016. С. 244–251.

REFERENCES

Blinov I. A., Tairov A. D. The Composition of the Bronzes of the Shibaev Settlement from the Survey Samples Season 2017. In: Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy — 2018. Miass : Institut mineralogii UrO RAN, 2018. Pp. 152–155. (*In Russ.*)

Blinov I. A., Tairov A. D. Composition of Non-Military Bronze Items of the Kichigino I Site. In: Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy – 2021. Miass; Chelyabinsk : Izd-vo YuUrGGPU, 2021. Pp. 150–155 (*In Russ.*)

Blinov I. A., Tairov A. D., Yuminov A. M. Influence of the Method of Cleaning Bronze Items on the Results of XRF Analysis (on the Example of Belt Clips from Mound 5 of the Kichigino I Burial Ground in the Southern Trans-Urals). In: Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy — 2017. Miass : Institut mineralogii UrO RAN, 2018. Pp. 181–184. (*In Russ.*)

Tairov A. D. Early Saka Time Complex of Kurgan 5 of the Kichigino I Burial Ground in the Southern Trans-Urals. In: Saka Culture of Saryarka in the Context of Studying Ethno-Socio-Cultural Processes of Steppe Eurasia. Almaty : NITsIA «Begazi-Tasmola», 2015. Pp. 300–319. (*In Russ.*)

Tishkin A. A., Kungurov A. L., Likhacheva O. S. X-ray Fluorescence Analysis of Metal Arrowheads of the Arzhan-Mayemir Period from the Borovoe-III Settlement (Upper Ob Region). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2014;10(2):96–111. (*In Russ.*)

Chernykh E. N., Lunkov V. Yu. Method of X-ray Fluorescence Analysis of Copper and Bronze in the Laboratory of the Institute of Archaeology. In: Analytical Research of the Laboratory of Natural Science Methods. Issue 1. Moscow : IA RAN, 2009. Pp. 78–83. (*In Russ.*)

Chernykh E. N., Lunkov V. Yu. X-ray Fluorescence Method for Analyzing the Chemical Composition of Ancient Non-Ferrous Metal Products. In: Interdisciplinary Integration in Archaeology (Based on Lectures for Graduate Students and Young Scientists). Moscow : IA RAN, 2016. Pp. 244–251. (*In Russ.*)

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Блинов И. А.: идея публикации, формирование структуры статьи, проведение анализов и их интерпретация.

I. A. Blinov: the idea of publication, the formation of the structure of the article, the conduct of analyzes and their interpretation.

Таиров А. Д.: предоставление информации о раскопках и обнаруженных артефактах, описание археологического контекста, фотосъемка, научное редактирование текста.

A. D. Tairov: providing information about excavations and discovered artifacts, describing the archaeological context, photography, scientific editing of the text

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Блинов Иван Александрович, кандидат геолого-минералогических наук, научный сотрудник лаборатории минералогии рудогенеза Южно-Уральского федерального научного центра минералогии и геоэкологии Уральского отделения Российской академии наук, Миасс, Россия.

Ivan Aleksandrovich Blinov, Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Researcher, Laboratory of Mineralogy of Ore Genesis, Science South Urals Research Center of Mineralogy and Geoecology of the Urals Branch of the Russian Academy of Sciences, Miass, Russia.

Таиров Александр Дмитриевич, доктор исторических наук, директор Научно-образовательного центра евразийских исследований, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия.

Aleksandr Dmitrievich Tairov, Doctor of Sciences (History), Director of the Scientific and Educational Center Eurasian Studies, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 08.06.2022;

одобрена после рецензирования 27.10.2022;

принята к публикации 02.11.2022.

The article was submitted 08.06.2022;

approved after reviewing 27.10.2022;

accepted for publication 02.11.2022.

Research Article / Научная статья

УДК 902.035:903.27

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-09](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-09)

IMAGERY OF THE KURTEKE ROCK-SHELTER (EASTERN PAMIR)

Lydia V. Zotkina^{*1}, Nuritdin N. Sayfulloev²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;
lidiazotkina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1912-3882>

²A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography
at the National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan;
sayfulloev.nuritdin@gmail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8540-2145>

^{*}Corresponding Author

Abstract. The Kurteke rock-shelter images in the Eastern Pamirs were discovered in 1958. Later, in 1960, V.A. Ranov studied the paintings as well as the archaeological layers. After a significant break, the fieldwork at the site was resumed in 2018 and 2019. Integrated interdisciplinary research led by S.V. Shneider clarifies the chronology of the stratified Kurteke site, the paleoenvironmental features of the region and provides new data on the time of human occupation of the Eastern Pamir. Earlier, as part of general studies on this site, we published new findings on the rock paintings presented on the two walls of the rock-shelter. This article focuses on generalization of currently available data on Kurteke murals.

V.A. Ranov noted that the state of preservation of the images is extremely poor: most of them are not identifiable and look like blurring red mineral pigment. DStretch color filtering treatment allowed us to clarify some contours and details of the images, necessary for further interpretation. It is worth noting that some of the pigment spots visible without processing acquired clearer contours. The other part of spots neither in the field, nor on the photos without color filtration was not even recorded. Moreover, after treatment it is difficult to correlate the majority of paintings with concrete imagery and to find parallels to them.

Key words: Eastern Pamir, Kurteke rock-shelter, rock art, painted images, rock art recording, DStretch

Acknowledgments: the study is funded by RFBR project №20-09-00387 “Rock Art of the Eastern Pamirs: Chronology, Attribution, Context”.

For citation: Zotkina L. V., Sayfulloev N. N. Imagery of the Kurteke Rock-Shelter (Eastern Pamir). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022;34(4):148–162. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-09](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-09)

ИЗОБРАЖЕНИЯ НАВЕСА КУРТЕКЕ (ВОСТОЧНЫЙ ПАМИР)

Лидия Викторовна Зоткина^{1*}, Нуритдин Назурлоевич Сайфулоев²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;
lidiazotkina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1912-3882>

²Институт истории, археологии и этнографии
им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, Душанбе, Таджикистан;
sayfulloev.nuritdin@gmail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8540-2145>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. Наскальные изображения навеса Куртеке на Восточном Памире открыты в 1958 г. Позже в 1960 г., рисунки, как и археологические слои, были изучены В.А. Рановым. После значительного перерыва полевые работы на памятнике были возобновлены в 2018 и 2019 гг. Комплексные междисциплинарные исследования под руководством С.В. Шнайдер позволили уточнить хронологию стратифицированной стоянки Куртеке, особенности окружающей среды в этом регионе и получить новые данные о времени заселения Восточного Памира. В рамках обобщающих работ по этому памятнику ранее были опубликованы в том числе и новые данные о наскальных изображениях, представленных на двух стенках навеса. Эта статья посвящена обобщению имеющихся на настоящий момент сведений о наскальных рисунках Куртеке.

В.А. Ранов отмечал, что состояние сохранности изображений крайне слабое: большая часть из них не определимы и выглядят как размытые пятна красной минеральной краски. Обработка с помощью метода цветовой фильтрации DStretch позволила уточнить некоторые контуры и детали изображений, необходимые для последующей интерпретации образов. Стоит отметить, что часть фиксировавшихся без обработки пятен пигмента приобрела более четкие контуры. Другая часть пятен ни в полевых условиях, ни на фотографиях без цветовой фильтрации даже не фиксировалась. И после обработки большинство росписей сложно соотнести с конкретными образами и тем более найти им аналогии.

Ключевые слова: Восточный Памир, навес Куртеке, наскальное искусство, крашенные изображения, документирование наскальных изображений, DStretch

Благодарности: работа выполнена при поддержке РФФИ, проект №20-09-00387 «Наскальная живопись Восточного Памира: хронология, атрибуция, контекст».

Для цитирования: Зоткина Л. В., Сайфулоев Н. Н. Изображения навеса Куртеке (Восточный Памир) // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №4. С. 148–162. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-09](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-09)

Introduction

Today there are only a few known sites of rock art in the Eastern Pamir. The majority of them are represented by painted images of mostly very poor state of preservation (Madian, Shakarak, Shakhty II, Zhukov's cave, Naizatash) (Zotkina, Bobomulloev et al., 2022). The most famous rock art site in the region today is the Shakhty rock shelter (Ranov, 1961; Zotkina, Bobomulloev et al., 2022, p. 62–64; Zotkina, Abolonkova, Kurbanov et al., 2022; Zotkina, Malikov, Shnaider et al., 2022). Kurteke rock art site can be considered the second most important in the region. It is located 40 km southeast from Murgab village and only couple kilometers from the Shakhty rock-shelter at an absolute altitude of 3980 m a.s.l. (Fig. 1, 2).

The shelter is formed by small niche in the rock outcrop of about 100 m long and 15–20 m high in the Kurteke valley. In 1958 S.S. Ikonnikov one of the members of the Pamir expedition headed by V. A. Ranov (2016, p. 54) reported new discovery of murals fragments not far

from the Shakhty rock-shelter. The site was studied by V.A. Ranov in 1960, it was initially called Nautaka and later renamed to Kurteke²⁷.

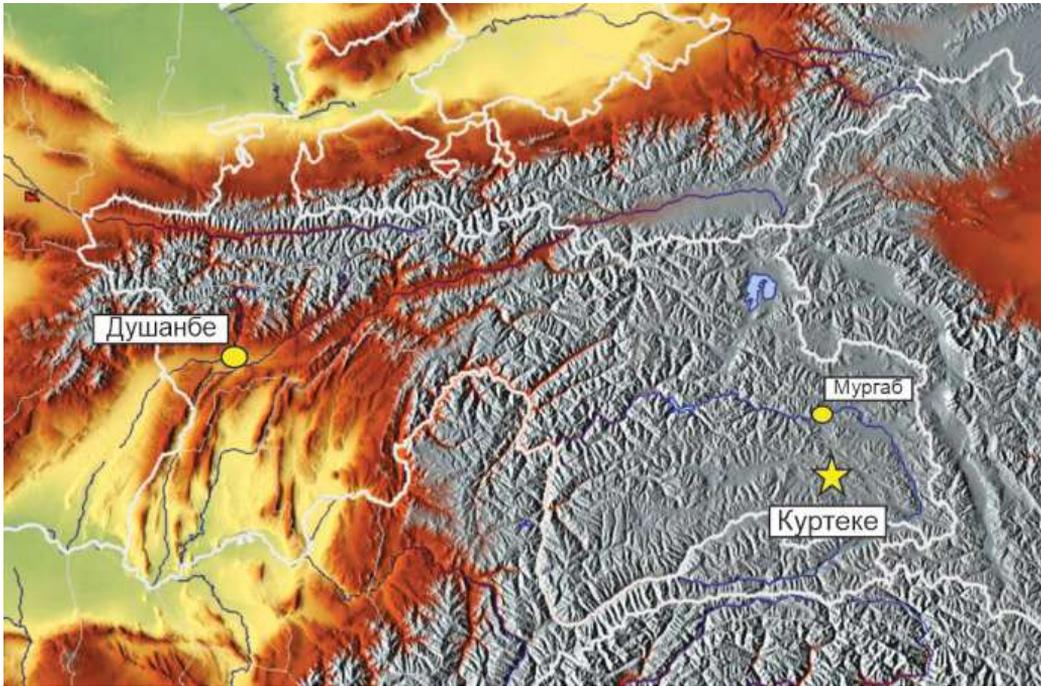

Fig. 1. Location of the Kurteke rock-shelter

Рис. 1. Расположение скального навеса Куртеке

During the excavations V.A. Ranov discovered two archaeological layers with lithic industries and fire-places. The first layer was attributed to the Late Bronze age on the basis of typical ceramics for this period, bronze arrow-heads and some lithic artifacts; the second layer was referred to Neolithic and Chalcolithic periods based on the typical microlithic industry (Ranov, 1962). New findings from a multidisciplinary study of the Kurteke site precise radiocarbon age of the layers and provide new data on the human activities and paleoenvironmental conditions (Shnaider et al., 2021; Shnaider et al., in press).

The fragments of rock paintings were carefully documented and studied (Ranov, 1964). V.A. Ranov noticed two hues of red pigment, burgundy and brick shade. He divided into groups the murals fragments of northern and eastern walls of the shelter.

On the northern wall the researcher identified two anthropomorphic figures with their hands raised. These images were described as stylized and schematic thus parallels could be found all around the world from Neolithic to the Bronze age at least (Ranov, 2016, p. 56; Zotkina, Abolonkova, Alysher kyzy et al., 2022, p. 213, fig. 7). The images on the eastern wall are

²⁷ From the diary of the head of the Pamir expedition, V.A. Ranov, 1960. Storage place is A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography at the National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan.

worse preserved. V. A. Ranov (2016, p. 56) described them as concentrations of wavy and straight lines and avoided any interpretation because of ambiguous outlines.

The studies of recent years made it possible to reveal by DStretch processing some figures which we considered previously as reddish spots or images with unclear contours. The most of new data of the Kurteke figures have been published as part of more general studies (Zotkina, Bobomulloev et al., 2022, p. 64–65, fig. 2; Shnaider et al., 2021, p. 288, fig. 3). Hence this paper focuses specifically on systematization of the Kurteke rock art which is represented by very few preserved evidences of ancient artistic activity.

Fig. 2. Overall view of the Kurteke rock outcrop from the Shakhty rock-shelter. The white arrow shows location of the Kurteke site

Рис. 2. Общий вид на скальное обнажение Куртеке из грота Шахты. Белая стрелка показывает расположение памятника Куртеке

Methods

The photographs of the Kurteke murals were made in 2019 by Nikon D750 camera equipped with Nikkor AF-S 60 mm f/2.8G ED Micro and Nikkor AF-S 105 mm f/2.8G IF-ED VR Micro lenses. Photographic recording was made at different scales (from general view to details) and at different lighting conditions (natural daylight and flash). The documenting procedure was described in details in previous papers focused on the field-work results (Zotkina, Bobomulloev et al., 2022, p. 62; Shnaider et al., 2021, p. 287).

To enhance the contrast and refine the contours of images the authors used DStretch — a method based on color filtering of photographs, namely, enhancing channels of different color spaces (Harman, 2015).

Materials

Following V. A. Ranov, we distinguish two main panels with rock imagery on the Kurteke rock-shelter. They are located directly above the excavation area and they are adjacent to each other (Fig. 3).

There are three graphic elements on the first frontal panel (northern wall) most likely representing a single composition (Fig. 3.-3;4). To the right of the first panel there is a second one which contains four other paintings (Fig. 3.-3; 5).

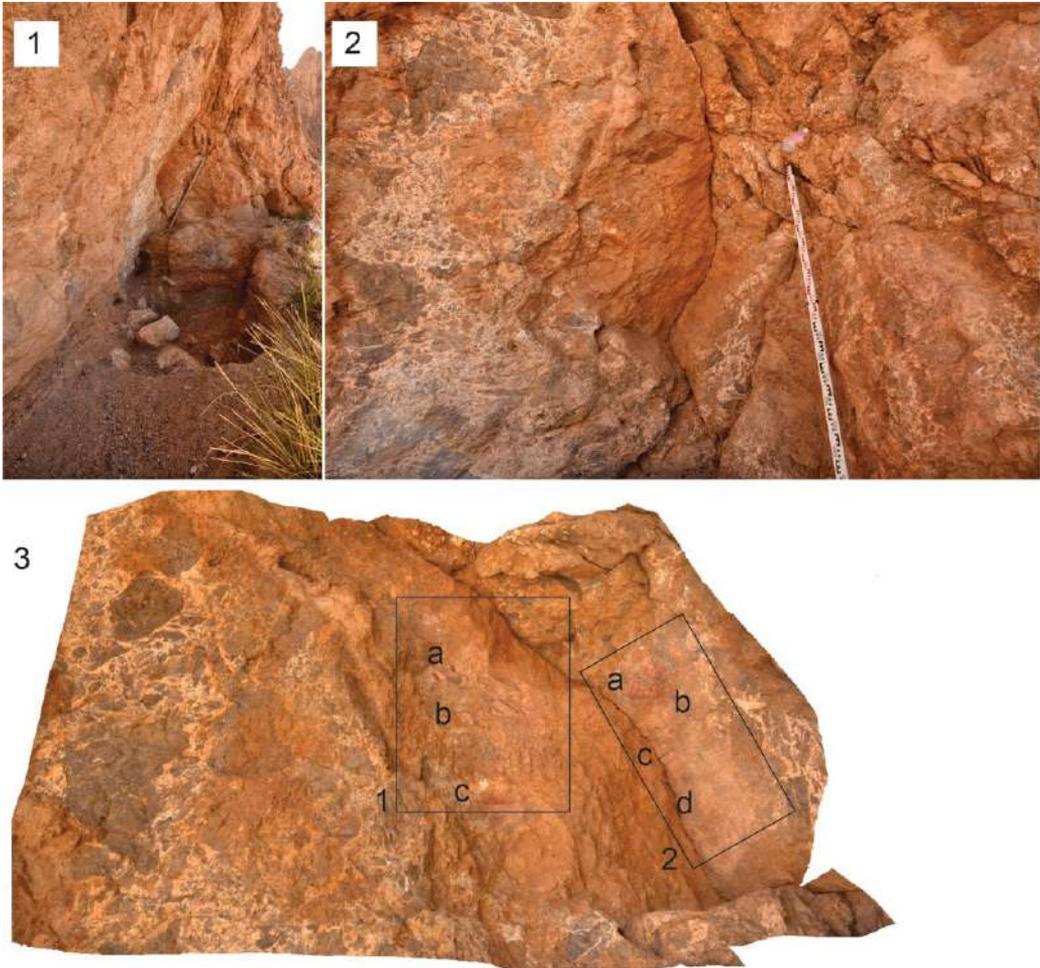

Fig. 3. Overall view of the Kurteke site: 1 – excavation are; 2 – overall view of two adjacent panels with painted images; 3 – 3D-model of the main panels with identified areas of rock paintings

Рис. 3. Общий вид на памятник Куртеке: 1 – вид на раскоп; 2 – общий вид на две прилегающие друг к другу плоскости; 3 – 3D-модель с указанием расположения наскальных изображений

Results

DStretch-treatment of the photographs reveals some outlines which can be considered as figures and geometric motifs. And here we present some results of this kind of processing and interpretations of recognizable figures.

An uppermost graphic element on the first panel represents finger-prints (Fig. 3.-3a; 4). Some of them look like someone tried to wipe the pigment off his finger on the rock surface (indicated by an arrow on the Figure 4b).

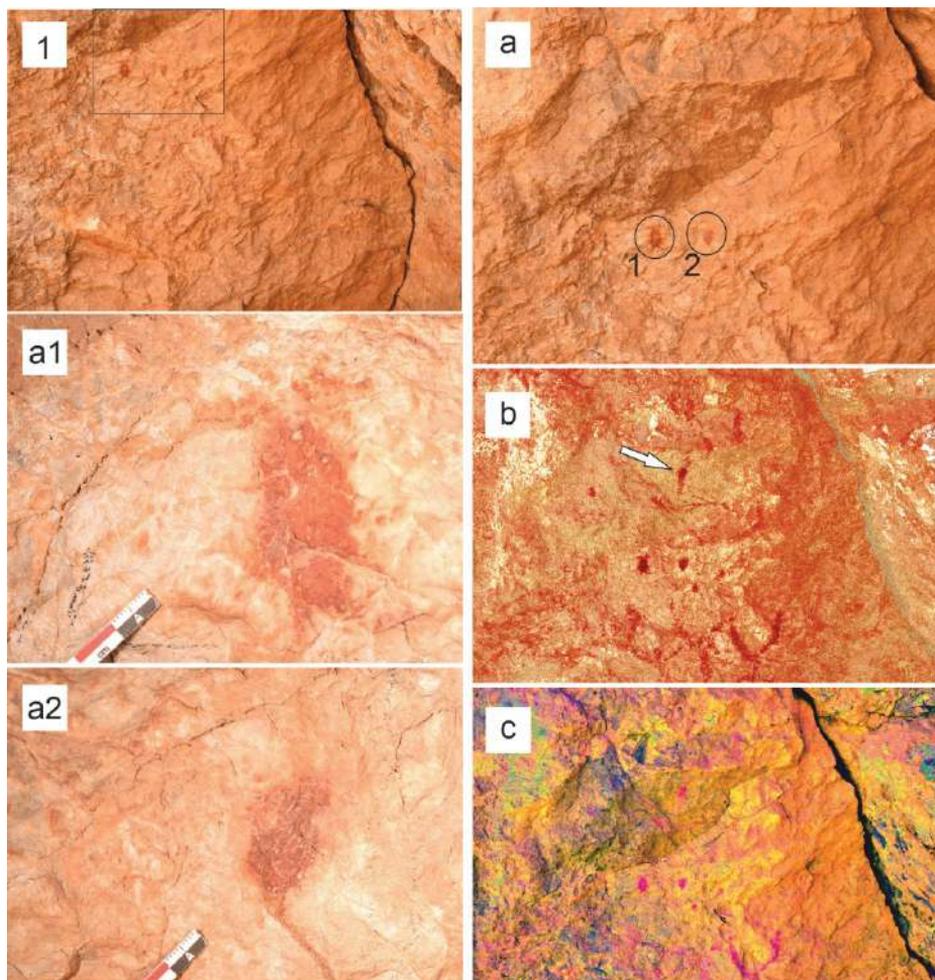

Fig. 4. The uppermost graphic elements from the first panel (northern wall): 1 – overall view on the panel with indicated location of finger prints; a – the upper part of the panel; b, c – the same photo treated with DStretch; a1 and a2 – close-up of finger prints

Рис. 4. Графические элементы в верхней части первой плоскости (северная стенка): 1 – общий вид на плоскость с указанием расположения отпечатков пальцев; а – верхняя часть плоскости; b, c – та же фотография, обработанная при помощи DStretch; а1, а2 – крупный план двух отпечатков пальцев

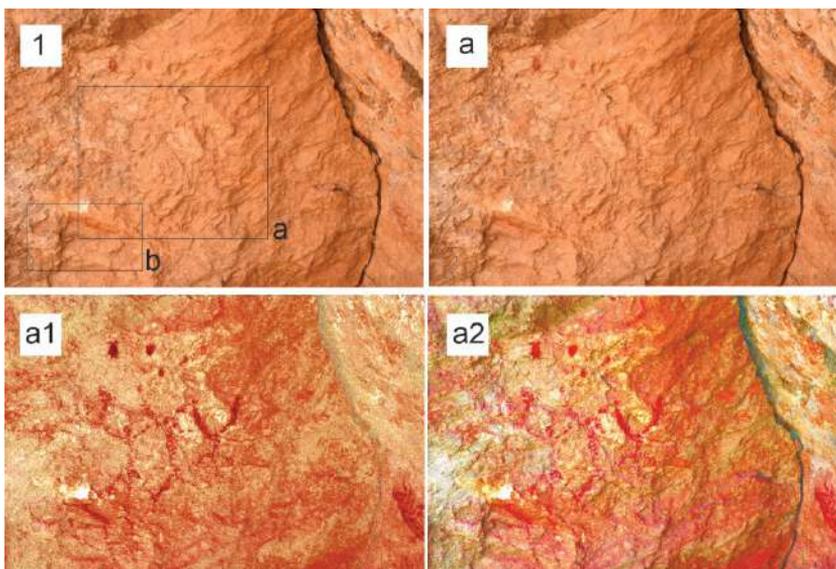

Fig. 5.1. The middle part of the first panel: 1 – overall view; a – three anthropomorphic figures; a1 – a2 – photos treated with DStretch

Рис. 5.1. Средняя часть первой плоскости: 1 – общий вид; а – три антропоморфные фигуры; а1–а2 – фотографии, обработанные DStretch

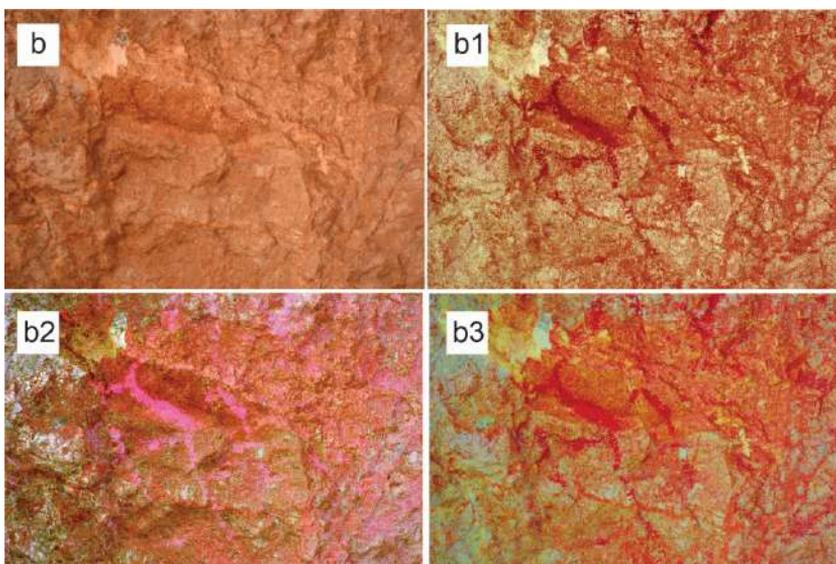

Fig. 5.2. The middle part of the first panel: b – unidentified painted lines; b1–b3 – photos treated with DStretch

Рис. 5.2. Средняя часть первой плоскости: b – неопределимые крашенные линии; b1–b3 – фотографии, обработанные DStretch

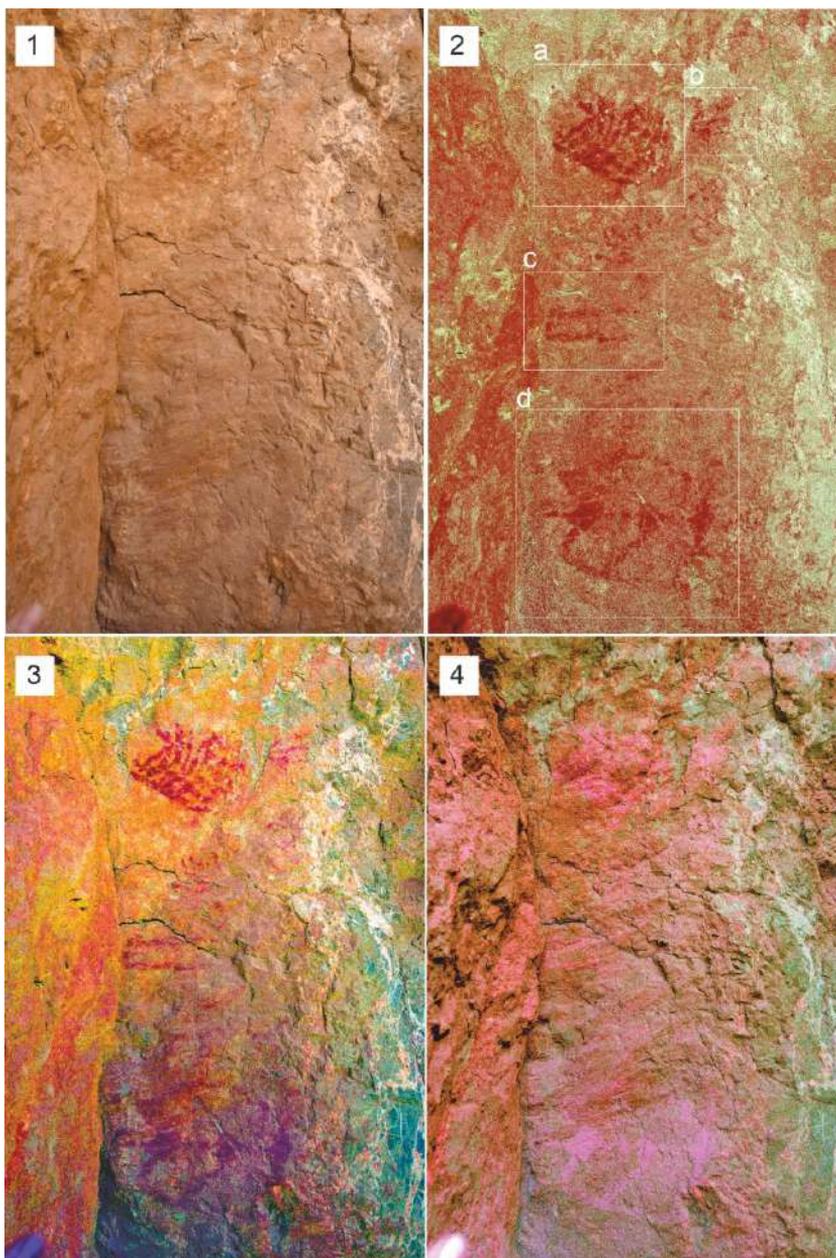

Fig. 6. The second (eastern wall): 1 – overall view of the panel; 2 – location of the paintings; 2–4 – the same photo treated with DStretch

Рис. 6. Вторая плоскость (восточная стенка): 1 – общий вид; 2 – расположение рисунков; 2–4 – первая фотография, обработанная при помощи DStretch

On the same panel V.A. Ranov (2016, p. 55, fig. 4) recorded two anthropomorphic figures co called “dancing humans”. Treated photographs show more details and as we can see there

are three anthropomorphic figures (Fig. 5.1 a, a1, a2). Probably the mentioned finger prints are related to these images.

Directly underneath we distinguished several painted lines that have not previously been published and that are hard to interpret (Fig. 5.2 b, b1–b3). Probably they are not completely preserved. It cannot be excluded that all these graphic elements formed a single composition on the northern panel.

The second panel is a relatively narrow surface (Fig. 3.-3; 6). It includes at least four motifs which outlines are more or less distinguishable. As we can see on untreated photographs the pigment looks faded with natural daylight and only the biggest figures with the highest number of details and therefore with the highest pigment saturation are considered as painted motifs (Fig. 6). On the treated photographs much more graphic elements are revealed. Here we mention only four paintings but on the overall view (Fig. 6.-2–4) between a and c areas there are probably remains of almost lost painted image or some details corresponding to other figures.

As mentioned above, V.A. Ranov discovered wavy and straight lines concentration at the upper part of the panel. This motif looks different after treatment; this is some kind of geometric grid pattern (Fig. 7.1 a, a1–a3).

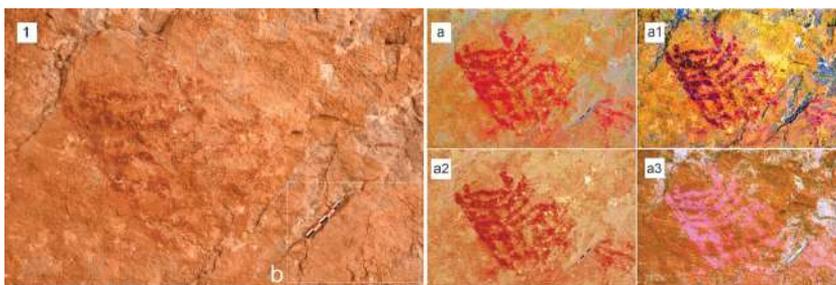

Fig. 7.1. Upper part of the second panel:

1 – overall view; a, a1–a3 – the same photo treated with DStretch

Рис. 7.1. Верхняя часть второй плоскости:

1 – общий вид; а, а1–а3 – первая фотография, обработанная при помощи DStretch

To the right of the motif there is a small zoomorphic figure oriented to the left, it is probably a goat with corn (Fig. 7.2). Unfortunately the state of preservation is not good enough for reliable interpretation. It could be a fragment of the previous geometric grid pattern as well.

Down below there is a graphic element probably representing a U-shape geometric motif (Fig. 8). As the most of the previous paintings this one is not well preserved. It looks like its right part was damaged.

And finally, the last motif located in the lower part of the second panel is some kind of geometric sign. Inside of sub-oval outline there are partitions, it reminds a wheel (Fig. 9). After DStretch treatment we consider that it could be a geometric symbol, probably, an element of sophisticated ornament without direct parallels known today.

It should be noted that the surface on this section of the second panel is not modified. This area looks as if it has been abraded. However, a similar relief is found on the panels of Pamir limestone in its natural form.

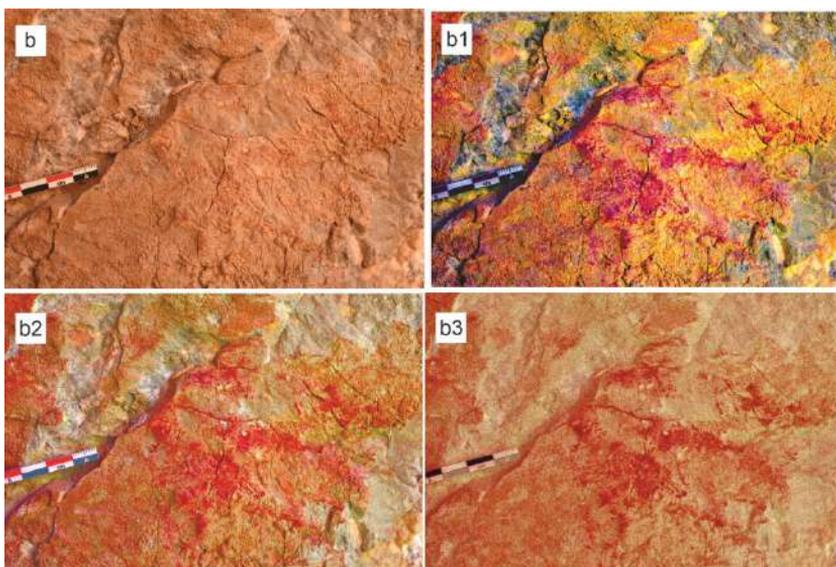

Fig. 7.2. Upper part of the second panel: b – close up of zoomorphic figure;
b1–b3 – the same photo treated with DStretch

Рис. 7.2. Верхняя часть второй плоскости: b – крупный план зооморфного изображения;
b1–b3 – первая фотография, обработанная при помощи DStretch

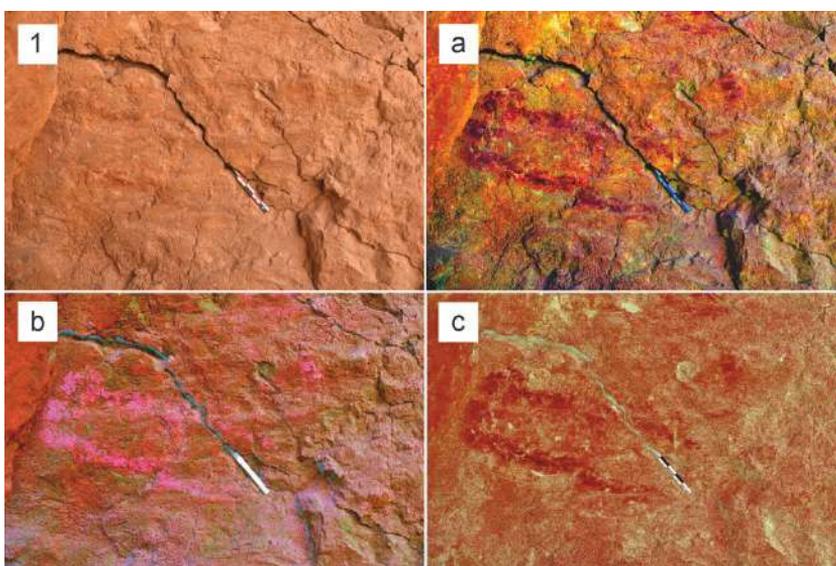

Fig. 8. Middle part of the second panel: 1 – close up of U-shape motif;
a–c – the same photo treated with DStretch

Рис. 8. Средняя часть второй плоскости: 1 – крупный план зооморфного изображения;
a–c – первая фотография, обработанная при помощи DStretch

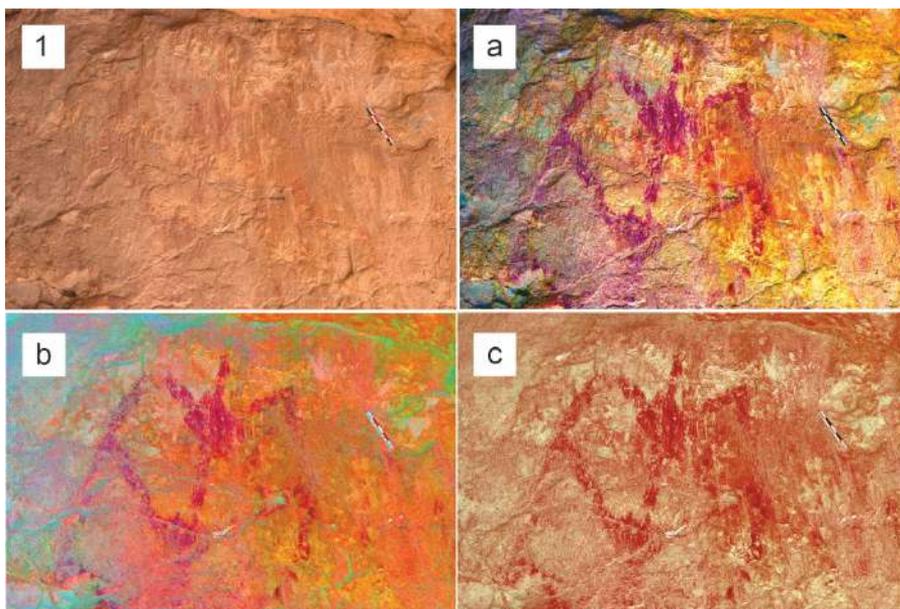

Fig. 9. Middle part of the second panel: 1 – close up of wheel-like geometric symbol; a–c – the same photo treated with DStretch

Рис. 9. Нижняя часть второй плоскости: 1 – крупный план геометрического символа, напоминающего колесо; а–с – первая фотография, обработанная при помощи DStretch

Discussion

The study of the Kurteke murals shows that most part of them are very poorly preserved and even for the motifs with relatively clear outlines it is not always possible to identify an image content. Another difficulty is that often Kurteke's paintings were made on a quite irregular surface. As a result, the pigment did not always lay down exactly as the artist wanted it to. It is not obvious if it was the issue of uneven relief or of the posterior exfoliation. Therefore, in this case it is necessary to be extremely careful with the interpretation, because the original contours of the images could be quite different.

Nevertheless, we identified several motifs: three anthropomorphic figures with finger prints above, U-shape motif, grid-like and wheel-like symbols zoomorphic figure (probably goat). Some unidentified painted lines were found as well.

Three anthropomorphic figures with finger prints above are represented on the first panel (Fig. 4 and 5.1). Grid-like and wheel-like symbols and zoomorphic figure (probably goat) are found on the second one (Fig. 7–9). Applied on quite irregular surface and poorly preserved the painted lines of the motif represented on the Figure 5.2 it reminds the contours of wheel-like sign (Fig. 9).

As for parallels, it has long been believed that the closest parallel to the Kurteke anthropomorphic figures is Ak-Chunkur site in Kyrgyzstan (Formosov, 1969, p. 80–81; Mosolova, 1987). However V.A. Ranov (2016, p. 56–57) expressed some doubts on that point, suggesting

that Ak-Chunkur's paintings was of a younger age. This parallel was based mostly on the content of images (anthropomorphic figures) and on mineral pigment application in both cases. These arguments cannot even be considered as auxiliary today (Zotkina, Abolonkova, Alisher kyzy et al., 2022).

The identification of new images at the Kurteke rock art site let us look for other parallels. For example, the DStrech treatment of the Skakhty rock-shelter composition revealed three anthropomorphic figures with raised hands. These images are schematic and stylized too (Zotkina, Abolonkova, Kurbanov et al., 2022, fig. 2.-1). It could be the closest parallel in the region. However, we believe that typological features of the Kurteke "dancing humans" are too universal and schematic for reliable assertion of the parallels.

The wheel-like and grid-like symbols can have parallels in a wider context. Wheels images and symbols are found within the Pamirs (Akjilga site in Eastern Pamir; Vybistadara and Lyangar in Western Pamir), and much wider, in Near East and Central Asia from the Bronze Age (see for example: Kovaleva, 2011, p. 49–53, fig. 2, 22; Novgorodova, 1984, p. 59–70; Ranov, 2016, p. 64, fig. 27, 83, 102, 105, 121, 138, 147). The second geometric symbol reminds a grid with a complex internal structure. We do not know any direct parallels to this motif in the region. However, numerous grid variations can be found in the world's rock art. It is one of universal motifs not strictly tied to a specific period.

Conclusion

It is not discovery that the results of color filtration treatment provide new insights at rock art sites. This study shows how ideas about the content of rock art imagery can change when this approach is applied to a long-known site. It highlights the value of rock art re-documenting.

We believe that there are examples of Bronze Age representations among the Kurteke rock art. Nevertheless, the possibility of the earlier age of some figures cannot be ruled out as well.

REFERENCES

Zotkina L. V., Abolonkova I. V., Alisher kyzy S., Sayfulloev N. N. Eastern Pamir Rock Art: Analogies and Concepts about the Age of These Images. *Stratum Plus*. 2022;2:203–218. (In Russ.) <https://doi.org/10.55086/sp222203218>

Zotkina L. V., Abolonkova I. V., Kurbanov R. N., Malikov D. G., Marchenko D. V., Shnaidner S. V., Sayfulloev N. N. Rock Art and Life in the Shakhty Rock-Shelter (Eastern Pamir). *Ural'skij istoricheskij vestnik = Ural Historical Journal*. 2022;77(4): 6–17. (In Russ.) <https://doi.org/10.55086/sp222203218>

Zotkina L. V., Bobomulloev B. S., Solodeynikov A. K., Abolonkova I. V., Shnayder S. V., Sayfulloev N. N. New Data on the Rock Paintings of Eastern Pamir. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Novosibirsk State University*. 2022;21(3):60–72. (In Russ.) <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2022-21-3-60-72>

Kovaleva O. S. Late Bronze Age Rock Art in the Minusinsk Basin. Novosibirsk : Izd-vo Inta arheologii i etnografii SO RAN, 2011. 160 p.

Mosolova L. M. The Most Ancient Anthropomorphic Depictions of Kyrgyzstan. In: *Anthropomorphic Figurines: Prehistoric Art*. Novosibirsk : Nauka, 1987. Pp. 216–223. (In Russ.)

Novgorodova E. A. World of Mongolian Petroglyphs. Moscow : Nauka, 1984. 168 p. (In Russ.)

Ranov V. A. Stone Age Paintings in the Shakhty Rock Shelter. *Sovetskaya etnografiya = Soviet Ethnography*. 1961;6:70–81. (In Russ.)

Ranov V. A. Excavation of Primitive-Communal System Sites in Eastern Pamir. *Arheologicheskie raboty v Tadjikistane = Archaeological Works in Tajikistan*. 1962;8:6–26. (In Russ.)

Ranov V. A. Traces of Scribes in the Canopy of Kurteke. *Izvestiya Vserossijskogo geograficheskogo obshchestva = Proceedings of the All-Russian Geographical Society*. 1964;96(1):67–69. (In Russ.)

Ranov V. A. Running on the Rocks: Rock Paintings of the Pamirs. Dushanbe : Donish, 2016. 412 p. (In Russ.)

Formozov A. A. Essays on Primitive Art. Rock Images and Stone Sculptures from the Stone and Bronze Ages in the USSR. Moscow : Nauka, 1969. 255 p. (In Russ.)

Shnaider S. V., Ashastina K. A., Alisher kyzy S., Sayfullaev N., Zakabluk G. A., Chernonosov A. A., Spengler R., Zotkina L. V. The Results of the Complex Study of the Kurteke Site (Eastern Pamir). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2021;33(4):284–286. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2021\)33\(4\).-16](https://doi.org/10.14258/tpai(2021)33(4).-16)

Harman J. Using DStretch for Rock Art Recording. *International Newsletter on Rock Art*. 2015(72):24–30.

Shnaider S. V., Zhilich S. V., Zotkina L. V., Ashastina K. A., Taylor W. T. T., Alisher kyzy S., Sayfullaev N., Koval V. V., Baranov S. V., Chernonosov A. A., Orlando L., Spengler R. Occupation of Central Asian High-Lands: New Evidence from Kurteke Rock-Shelter, Eastern Pamir. *Journal of Archaeological research in Asia*. In press.

Zotkina L. V., Malikov D. G., Shnaider S. V., Sayfulloyev N. N., Kolobova K. A. Boar or Bear? Rock Art of the Shakhty Rock Shelter (Eastern Pamir). *Journal of Archaeological research in Asia*. 2022(32):100415. <https://doi.org/10.1016/j.ara.2022.100415>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Зоткина Л. В., Аболонкова И. В., Алишер кызы С., Сайфуллоев Н. Н. Наскальное искусство Восточного Памира: аналогии и концепции о возрасте рисунков // *Stratum Plus*. 2022. №2. С. 203–218. <https://doi.org/10.55086/sp222203218>

Зоткина Л. В., Аболонкова И. В., Курбанов Р. Н., Маликов Д. Г., Марченко Д. В., Шнайдер С. В., Сайфуллоев Н. Н. Живопись и жизнь в гроте Шахты (Восточный Памир) // *Уральский исторический вестник*. 2022. Т. 77(4). С. 6–17. <https://doi.org/10.55086/sp222203218>

Зоткина Л. В., Бобомуллоев Б. С., Солодейников А. К., Аболонкова И. В., Шнайдер С. В., Сайфуллоев Н. Н. Новые данные о наскальном искусстве Восточного Памира // *Вестник Новосибирского государственного университета*. 2022. Т. 21(3). С. 60–72. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2022-21-3-60-72>

Ковалева О. С. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. 160 с.

Мосолова Л. М. Древнейшие изображения Киргизии // *Антропоморфные изображения. Первобытное искусство*. Новосибирск : Наука, 1987. С. 216–223.

Новгородова Э. А. Мир петроглифов Монголии. М. : Наука, 1984. 168 с.

Ранов В. А. Рисунки каменного века в гроте Шахты // Советская этнография. 1961. Вып. 6. С. 70–81.

Ранов В. А. Раскопки памятников первобытно-общинного строя на Восточном Памире в 1960 году // Археологические работы в Таджикистане. 1962. Вып. 8. С. 6–26.

Ранов В. А. Следы писаниц в навесе Куртеке // Известия Всероссийского географического общества. 1964. Т. 96(1). С. 67–69.

Ранов В. А. Бегущие по скалам: наскальные рисунки Памира. Душанбе : Дониш, 2016. 412 с.

Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М. : Наука, 1969. 255 с.

Шнайдер С. В., Ашастина К. А., Алишер кызы С., Сайфуллаев Н., Закаблук Г. А., Чернонос А. А., Спенглер Р., Зоткина Л. В. Результаты комплексного исследования памятника Куртеке (Восточный Памир) // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33(4). С. 284–286. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2021\)33\(4\)-16](https://doi.org/10.14258/tpai(2021)33(4)-16)

Harman J. Using DStretch for Rock Art Recording // International Newsletter on Rock Art. 2015. Vol. 72. P. 24–30.

Shnaider S. V., Zhilich S. V., Zotkina L. V., Ashastina K. A., Taylor W. T. T., Alisher kyzy S., Sayfullaev N., Koval V. V., Baranov S. V., Chernonosov A. A., Orlando L., Spengler R. Occupation of Central Asian High-Lands: new evidence from Kurteke rock-shelter, Eastern Pamir // Journal of Archaeological research in Asia. In press.

Zotkina L. V., Malikov D. G., Shnaider S. V., Sayfulloyev N. N., Kolobova K. A. Boar or Bear? Rock Art of the Shakhty Rock Shelter (Eastern Pamir). Journal of Archaeological research in Asia. 2022. Vol. 32. 100415. <https://doi.org/10.1016/j.ara.2022.100415>

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS / ВКЛАД АВТОРОВ

L. V. Zotkina: archival research, material processing, writing sections of the article, scientific editing.

Зоткина Л. В.: проведение архивных изысканий, обработка материала, написание разделов статьи, научное редактирование.

N. N. Sayfulloev: collection of material, providing access to archival materials.

Сайфулоев Н. Н.: сбор материала, обеспечение доступа к архивным материалам.

There is no conflict of interest / Конфликт интересов отсутствует.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS / ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Nuritdin Nazurloyevich Sayfulloev, Candidate of Historical Sciences, Head of the Archaeology Department of A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan.

Сайфулоев Нуритдин Назурлоевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Республики Таджикистан, Душанбе, Таджикистан.

Lydia Viktorovna Zotkina, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Archaeology and Ethnography, Novosibirsk, Russia.

Зоткина Лидия Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия.

*The article was submitted 09.11.2022;
approved after reviewing 19.11.2022;
accepted for publication 01.12.2022.*

*Статья поступила в редакцию 09.11.2022;
одобрена после рецензирования 19.11.2022;
принята к публикации 01.12.2022.*

Научная статья / Research Article

УДК 903.05(574.4)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-10)

ОБРАЗ ТЮРКСКОГО КАГАНА В ТОРЕВТИКЕ МАЛЫХ ФОРМ (ПО МАТЕРИАЛАМ КУЛЬТОВО-ПОМИНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ЕЛЕКЕ САЗЫ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ)

Зайнолла Самашев

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан;
archaeology_kz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7171-3003>

Резюме. Статья посвящена анализу предварительных результатов при изучении материалов, полученных в ходе раскопок культово-поминального (мемориального) комплекса Елеке сазы в Восточном Казахстане. Дается характеристика зафиксированных каменных сооружений и обнаруженных предметов материальной культуры. Основное внимание уделено образу тюркского кагана, запечатленного на изделиях, относящихся к торевтике (художественному металлу малых форм). Сделан вывод, что Елекесазинский комплекс был сооружен на месте сожжения тела умершего «удельного» кагана, который принадлежал, по-видимому, к младшей ветви «золотой» династии Ашина. Ставка этого правителя могла находиться неподалеку, в северных предгорьях Тарбагатая. Дальнейшие археологические исследования позволят дополнить и уточнить намеченную историко-культурную и социально-политическую реконструкцию.

Ключевые слова: Восточный Казахстан, раннее Средневековье, культово-поминальный комплекс, тюркский каган, торевтика

Благодарности: работа выполнена в рамках проекта МОН РК: AP09260487 «Древнетюркский культурный комплекс Восточного Казахстана: истоки и трансформация».

Для цитирования: Самашев З. Образ тюркского кагана в торевтике малых форм (по материалам культово-поминального комплекса Елеке сазы в Восточном Казахстане) // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №4. С. 163–190. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-10)

THE IMAGE OF THE TURKIC KAGHAN IN SMALL FORMS TOREUTICS (BASED ON MATERIALS OF THE CULT-MEMORIAL YELEKE SAZY COMPLEX IN EASTERN KAZAKHSTAN)

Zainolla Samashev

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan;
archaeology_kz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7171-3003>

Abstract. This article is devoted to the analysis of the preliminary results of the study of materials obtained during the excavations of the cult-memorial (memorial) complex Eleke sazy in Eastern Kazakhstan. The characteristic of the recorded stone constructions and found objects of material culture is given. The basic attention is given to the image of Turkic Kaganate embodied in the products concerning toreutics (art metal of small forms). It is concluded that Yelekesazin complex was built

on the place where a body of the dead “appanage” Khaganate, who apparently belonged to a younger branch of “golden” Ashin dynasty, was burnt. The headquarters of this ruler could be nearby in the northern foothills of Tarbagatai. Further archaeological research will allow supplementing and clarifying the outlined historical, cultural and socio-political reconstruction.

Key words: Eastern Kazakhstan, Early Middle Ages, cult-memorial complex, Turkic Kagan, toreutics

Acknowledgements: this work was carried out under the Ministry of Education and Science of Kazakhstan Project: AP09260487 “The Ancient Turkic Cultural Complex of Eastern Kazakhstan: Origins and Transformation”.

For citation: Samashev S. The Image of the Turkic Kagan in Small Forms Toreutics (Based on Materials of the Cult-Memorial Yeleke Sazy Complex in Eastern Kazakhstan). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022;34(4):163–190. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-10)

Введение

Культово-мемориальный комплекс, о пойдёт котором речь в статье, расположен в Тарбагатайском районе Восточно-Казахстанской области (Республика Казахстан), в 95 км к югу–юго-западу от пос. Аксуат, на третьей надпойменной террасе правого берега р. Каргыба, на восточном участке могильного поля Елеке сазы. Его географические координаты: N — 47° 19' 48.21"; E — 082° 08' 10.37". Обнаружение такого памятника на территории Тарбагатая отражает определенные этносоциокультурные процессы в Азии, которые были связаны с выходом на историческую арену тюрков, с их духовно-мировоззренческими и религиозно-философскими ориентирами и многоплановыми контактами в пространстве.

Елекесазинский *корык* мог формироваться еще в хуннуско-сяньбийский период или даже намного раньше (в раннесакское время), а сам *барык* — в северных пределах *Он ок эли* с политическим центром в Суябе (Чуйская долина) в VII–VIII вв. и позже. Он сопоставим с «каганско-княжескими» культово-мемориальными памятниками, обнаруженными в Монголии на Орхоне. Наиболее известные возникли в период существования Второго Тюркского каганата (в честь Кюльтегина в 731 г., Бильге кагана в 734 г. и др.), когда империя находилась в военно-политических этнокультурных отношениях с Танским Китаем, что не исключало факторов взаимопроникновения и взаимных (но не односторонних) культурных заимствований. Наибольшее сходство Елекесазинский комплекс обнаруживает с памятником на горе Шивээт улаан в Центральной Монголии, возведенным предположительно в 693 г. в честь основателя Второй Тюркской империи Елтерис-кагана (Самашев и др., 2016), хотя некоторые исследователи дают ему другое обозначение (Малов, 1959, с. 7).

Стоит отметить, что некоторые элементы конструкции, зафиксированной в Восточном Казахстане, отличаются от сооружений «классических» барыков. У них, например, отсутствуют лабиринты-коридоры. Однако зафиксировано большое количество скульптурных изображений представителей различных социальных групп общества. Имеются также зооморфные и полиморфные статуи с охранительными и иными символическими функциями. Считается, что такие комплексы символизируют структуру государственного устройства, в которой каган занимал важнейшее место. Данная статья является продолжением ранее обозначенной темы (Самашев, Айткали, Толегенов, 2022) с привлечением новых и дополнительных аналитических материалов.

Результаты исследований мемориального комплекса

Общая длина исследуемого археологического комплекса, вытянутого с востока на запад, составляет 90 м, а максимальная ширина — 50,9 м. По своим параметрам он ненамного уступает шивээтулаанскому или хошоцайдамским памятникам, которые близки по структуре и функциональному назначению. К примеру, комплекс Бильге кагана имеет параметры 90×60 м, Кюльтегина — 82,4×48 м, Шивээт улаана — 107×45 м и др.

На дне конструкции зафиксирована овальной формы каменная ограда со следами сильного прокала, заполненная золой и камнями. В пределах ограды и по периметру dna храма обнаружено большое количество предметов, о которых речь пойдет ниже. Следы огня в виде зольных пятен и прокалов отмечались практически на всех открытых участках dna храма.

Памятник очень важен для исследования религиозно-идеологических явлений и технико-технологических решений в тюркской архитектуре. Сравнительно-историческое изучение структуры елекесазинского комплекса позволит определить его место в системе памятников, возникновение которых тесно связано с этнокультурными и этнополитическими событиями в Центральной Азии в период раннего Средневековья (Самашев, Айткали, Толегенов, 2022, с. 22).

Известно, что принцип возведения многокомпонентных комплексов восходит к кочевникам раннесакского времени, когда грандиозные курганы элиты общества состояли из центрального наземного сооружения с погребальной камерой внутри и примыкающего к ней с восточной стороны коридора-дромоса. Существенное различие заключается в том, что сакские погребальные памятники внешне составляли единый монолит пирамидальной (или сферической) формы. Елекесазинский комплекс представляет собой двуединое каменно-земляное сооружение в виде храма (квадратного в плане формы центрального элемента) и примыкавшего к нему с восточной стороны сложносоставного «коридора»-лабиринта (рис. 1.-1). Оба компонента комплекса обнесены земляными (с лессово-щебеночно-грунтовым составом) валами, которые, примыкая друг к другу, создают единый ансамбль, обеспечивая ему структурную целостность (и сакральность). Основным элементом культово-поминального комплекса является грандиозный каменный храм, возведенный на прямоугольной платформе и обнесенный почти квадратной формы грунтовым валом. Сама форма храма напоминает (в нынешнем состоянии) усеченную пирамиду с четырьмя (или более) гранями, но за счет развала выглядела как округлое сооружение. На поверхности конструкции просматривалось воронкообразное углубление и слабые контуры прямоугольного сооружения.

Основная масса строительного материала храма — колотые и речные камни. Причем в панцирном слое существенно преобладают разноцветные окатанные камни, что придает сооружению особый колорит. В процессе послойного снятия «панцирного покрытия» и развала камней на поверхности храма, вдоль верхних краев его восточной и южной стен, были зафиксированы следы однорядных кладок из сланцевых плит. На боковых участках сооружения также просматривались следы горизонтальных системных кладок. Данные элементы служили ориентиром для выявления общей конструкции и архитектурных особенностей храмовой постройки. Исследование храма еще не завершено, поэтому возможны существенные коррективы по архитектурно-строительному облику сооружения.

Рис. 1. Елеке сазы: 1 – культово-поминальный комплекс (храм и лабиринт-коридор) в процессе изучения; 2 – каменная ограда с остатками сожжения, золы и различными вещами; 3 – лабиринт-коридор с многоугольным помещением

Fig. 1. Yeleke sazy: 1 – cult-memorial complex (temple and labyrinth-corridor) in the process of study; 2 – stone fence with remains of burning, ashes and various things; 3 – labyrinth-corridor with polygonal room

Культово-ритуальный комплекс возведен на плотно утрамбованных лессовых (впережку с мелкими камнями) площадках, которые имели подпрямоугольные в плане формы и заметно возвышались на огороженной поверхности рельефа. Остатки внешних и внутренних ворот фиксировались на участках вала. В «классических» крупных каганско-княжеских культово-мемориальных комплексах на Орхоне и в Центральной Монголии возле входных ворот устанавливались (под влиянием буддийских учений) фигуры хранителей от злых духов — полиморфных мифологических существ, напоподобие волко-драконов и др. В нашем случае таковых нет, что может косвенно указывать на более архаичный архитектурно-планировочный облик елекесазинского комплекса. Сами ворота и момент перехода внутрь через них имели, несомненно, ритуально-семантическое значение.

На центральном участке дна храма выявлена ограда овально-вытянутой формы, возведенная из крупных блоков камней (рис. 1.-2). Внутри каменной ограды прослеживались слои золы светло-серого оттенка и прокаленные пятна грунта впережку с камнями и большим количеством металлических предметов. Следы огня в виде темных пятен и светло-коричневых прокаленных полос фиксировались практически на всех открытых в 2021 г. участках дна храма (работы еще продолжаются). Наличие специальной постройки в виде каменной ограды, возведенной на самом дне храма, следы обжига, мощные слои золы впережку с речными камнями и нахождение престижных вещей (из золота, серебра и железа) внутри нее, а также некоторые другие косвенные данные явно указывают на то, что там совершали священный обряд сожжения тела «улетевшего» «удельного» кагана из рода ашинидов.

Вторым оригинальным компонентом конструкции комплекса на Елеке сазы, отличающим его от известных памятников подобного рода, является лабиринт, который расположен на самом восточном участке платформы, напротив внешних ворот (рис. 1.-3). Узкий лабиринт, через который паломники проходили в основное святилище (только по одному), являлся неким нововведением в обряде перехода, или это неизвестные нам особенности ритуалистики у раннесредневековых тюрок.

Между лабиринтом и коридором с сужающимся концом находится многоугольное помещение со сквозным проходом. Внутри него фиксировалось несколько блоков — фрагментов упавших стен.

В центре многоугольного помещения находилась прямоугольная площадка из сланцевых плит, на которой предположительно была установлена каменная статуя кагана (рис. 2.-1-3), которая была найдена несколько лет назад, но в перемещенном состоянии. Она выполнена в каноническом стиле для каганских изваяний, происходящих преимущественно из Северной Монголии и других территорий расселения средневековых тюркских народов. Внутри многоугольника фиксировались мелкие остатки кальцинированных костей и древесного угля и золы. В юго-восточном углу прямоугольной каменной площадки был найден глиняный кувшин станковой работы, с ручкой, с горизонтальными рельефными орнаментальными полосками (рис. 2.-4). Кувшин происходил, по-видимому, из какой-то южной оседло-земледельческой периферии *Он ок эли*.

Вероятно, помещение играло ключевую роль при проведении каких-то ритуально-обрядовых действий, связанных с поклонением статуе кагана и очищением огнем.

После совершения предписанных ритуально-обрядовых действий внутри данного помещения паломники двигались дальше к основному храму через резко сужающийся каменный «коридор» из сланцевых плит — последнее звено трехчастного сооружения единого «каганско-княжеского» комплекса на Елеке сазы. Западный конец коридора как бы прорезает грунтовый вал вокруг храма и вплотную подходит к подножью храма. Коридор, как и вышеописанный лабиринт, имеет плиточную заставку. Такое конструктивное решение, как резкое сужение коридора у подножья основного храма, видимо, связано с тем, что в храм паломники должны были входить только по одному. Высота коридора-лабиринта, по-видимому, не превышала уровень человеческого пояса, и не исключено, что над ним был навес на деревянной основе.

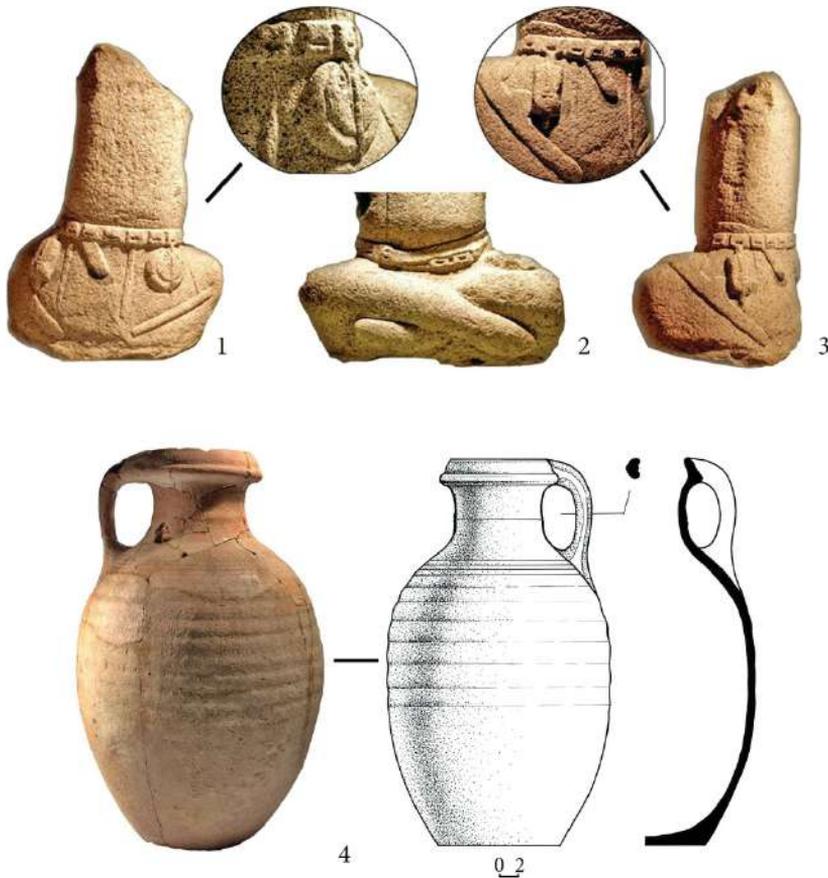

Рис. 2. Елеке сазы: 1–3 — статуя кагана, стоявшая в многоугольном помещении; 4 — глиняный кувшин с ручкой

Fig. 2. Yeleke sazy: 1–3 — statue of Hagan standing in a polygonal room; 4 — clay jug with a handle

На месте кремации тела был построен (видимо, поэтапно) каменный храм с указанными выше пристройками. Некоторые элементы конструкции Елекесазинского ком-

плекса отличаются от классических «барыков» в Северной Монголии, где отсутствуют лабиринты-коридоры и, самое важное, — следы сожжения.

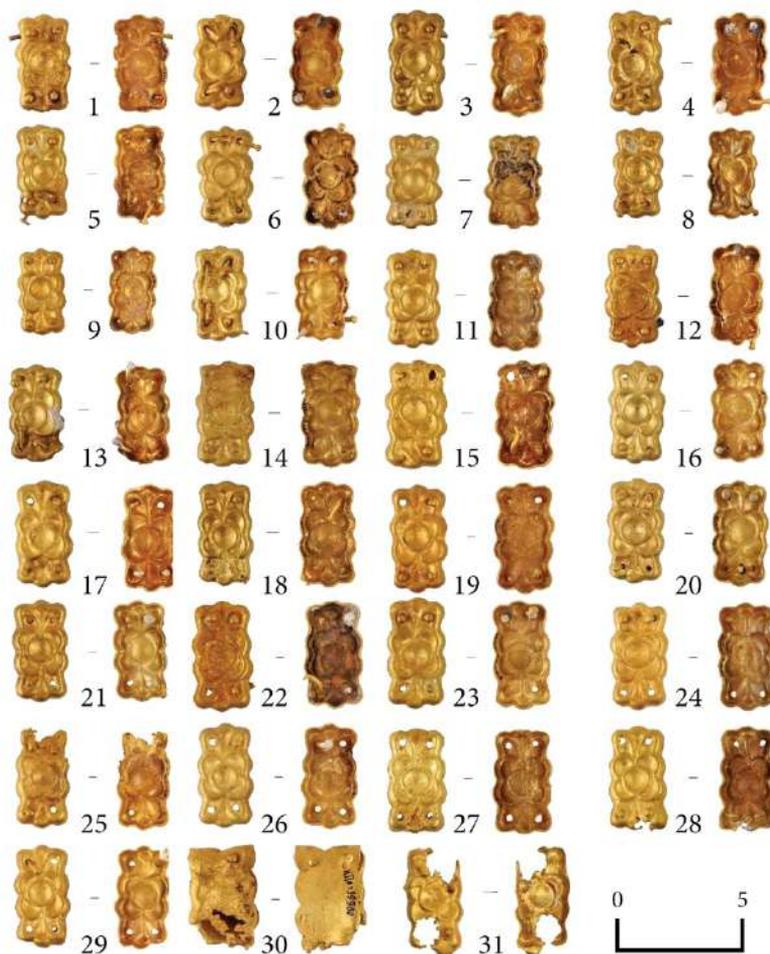

Рис. 3. Накладки от наборного пояса

Fig. 3. Overlays from the dialed waistband

Основная масса вещей найдена внутри каменной ограды (на дне храма) попеременно с золотом, мельчайшими кальцинированными костями и камнями (Самашев, Айткали, Толегенов, 2022, с. 23–24): фрагментированные и целые предметы из золота, серебра, железа и кости. Среди них выделяются престижные, рядовые и элитные, фрагментированные и другие категории и типы вещей, часть из которых принадлежала, как нам представляется, самому умершему кагану, а часть оставлена участниками акта сожжения тела умершего властителя как свидетельство сопричастности к таинству проводов его бессмертной души в инобытие и как подтверждение готовности служить ему в другом мире (в качестве воина, соратника и т.д.). С подобными представлениями связаны,

видимо, найденные на разных участках дна храма преднамеренно положенные или закопанные наборы вещей — приклады, которые были подвергнуты в разной степени воздействию огня (Самашев, 2021, с. 6–45).

Из числа находок в пределах ограды отметим большое количество поясных накладок с растительными узорами, две золотые и одну серебряную пряжки и другие предметы (рис. 3–5). Накладки однотипные, но по размерам делятся на две группы. Орнаментальная композиция у обеих групп одинаковая: четырехлепестковая розетка с акцентированно большим и глубоким кругом в середине (рис. 3). Все золотые украшения, найденные внутри ограды (на месте сожжения тела кагана), относятся к комплектам наборных поясов. Среди украшений есть маленькие сердцевидные поясные бляхи, оформление лицевых сторон которых вызывает ассоциацию с головой барана (рис. 4). Элементы зооморфизма присутствуют, например, на поясной гарнитуре из погребения Юстыд-XXIV на Алтае (Кубарев, 2005, с. 50). В комплекте вещей особое значение имеют две бляхи от поясной гарнитуры с изображениями жанровой композиции (рис. 5), о которых речь пойдет ниже.

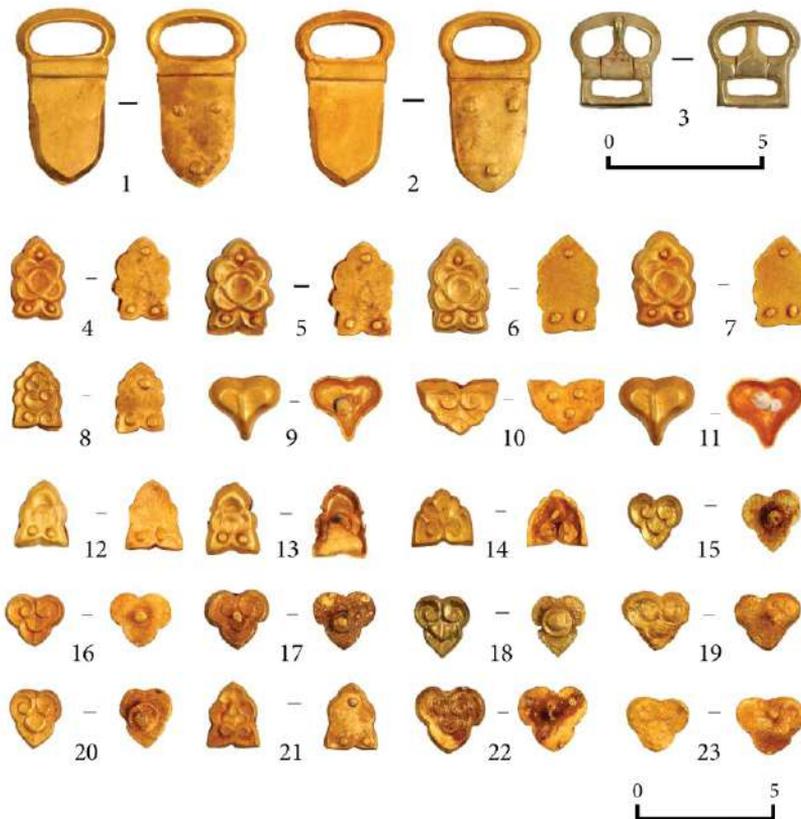

Рис. 4. Пряжки и украшения наборного пояса

Fig. 4. Buckles and decorations on the dialed belt

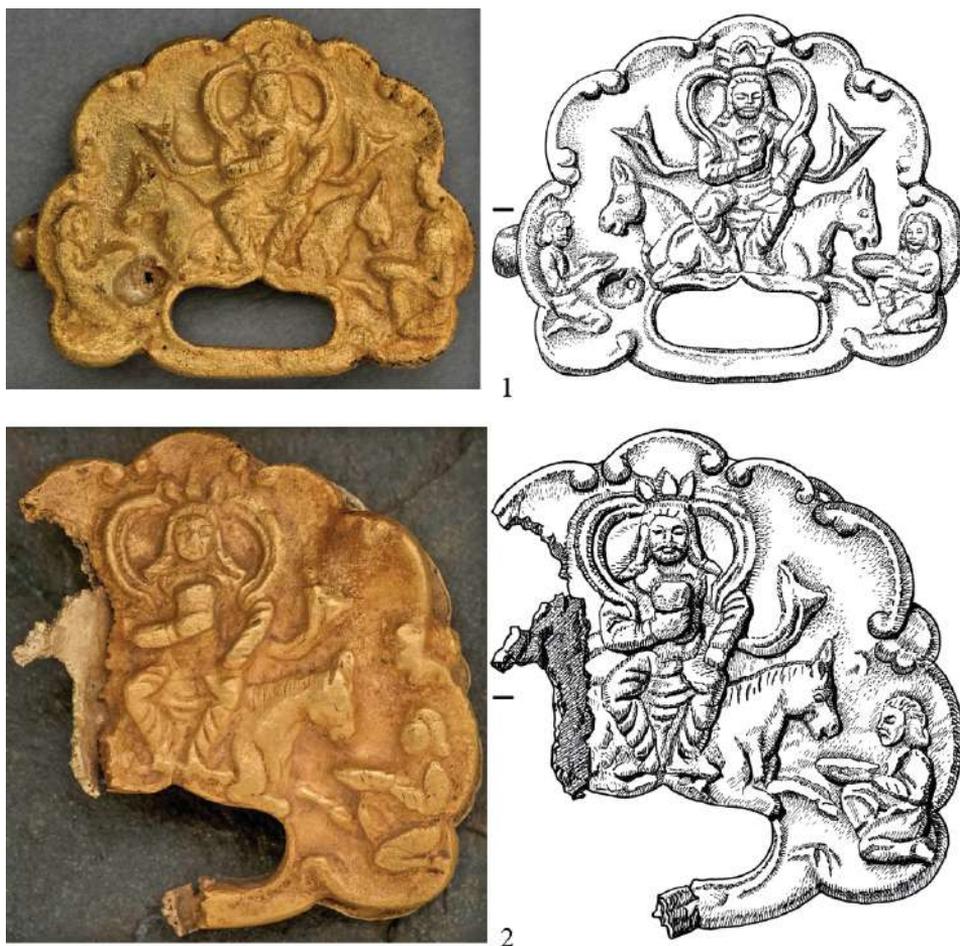

Рис. 5. Золотые бляхи с изображением коронованного кагана на троне

Fig. 5. Gold plaques with the image of the crowned kagan on a throne

Образ кагана на поясных бляхах: комплексный анализ находок

С учетом неординарных изображений на двух накладных бляхах предположительно «великого кагана» (или каганов) из рода Ашина следует определить наборные пояса как высшие знаки отличия и символы власти (Добжанский, 1990, с. 45–80). Рассмотрим эти изображения подробно.

Бляха для подвешенного ремня (рис. 5.-1). Состояние золотой бляхи от наборного пояса, которая лежала в огне под крупным окатанным камнем, в целом удовлетворительное. Она состоит из (лицевой) накладки-оправы для подвешенного ремня с рельефными изображениями, а также из зажимной пластины с оборотной стороны, точно повторяющей ее контуры, и гвоздей, с помощью которых прикрепляли изделие к полосе кожаного ремня. Изделие, кроме золота, включает в свой состав серебро, цинк, магний, свинец и очень мало меди (табл.):

Химический состав металлической бляхи Chemical composition of the metal plaque

Памятник	Предмет	Элементы	Процент	+/[*4]
Елеке сазы, тюркский культово-поминальный комплекс	Золотая подвесная бляха-I с изображением кагана на троне	Au	95.6960	1.0098
		Ag	1.9258	0.2221
		Zn	1.0791	0.0628
		Mg	0.5926	0.4739
		Pd	0.4002	0.1225
		Cu	0.2996	0.0812

Стоит отметить, что гвозди кроме золота (85,7%) содержат существенное количество серебра (почти 9%) и цинка (около 4%).

Общие контуры изделия сохранились неплохо. Однако на лицевой части, между изображениями трона и фигуры слуги, слева образовалось повреждение (видимо, за счет сильно направленного огня) в виде расплавленного углубления с небольшим отверстием. Бляха имеет в целом сегментовидное (портальное) очертание, края оформлены девятью лепестковидными выступами-фестонами с едва загнутыми в лицевую сторону тонкими бортиками. Длина изделия 3 см, ширина 3,7 см, толщина 0,3 см. Верхние пять выступов-лепестков образуют некий «облачный» фон, напоминающий спинку трона с волнистыми контурами. Они украшены растительными узорами в виде свисающих листьев и круглых плодов. Два нижних боковых выступа преднамеренно выполнены заметно шире, чтобы поместить на них изображения фигур еще двух персон, сидящих на коленях (очевидно, придворных служащих или слуг). В нижней части бляхи имеется овально вытянутое отверстие-прорезь для подвесного ремня со слабым бортиком и треугольным выступом посередине. Прорезь имеет, как и некоторые другие образцы, в середине верхней части так называемый мысок. Последний элемент как бы завершает снизу вертикальную ось симметрии, идущую от «облака-лепестка» над короной кагана и завершающуюся в точке снизу, где соприкасаются пятки ног сидящего на троне персонажа. На оборотной стороне изделия сохранились частично расплавленная огнем пластина для зажима кожаного ремня и золотые гвоздики-шпеньки (Самашев, Айткали, Толегенов, 2022, с. 25).

Архитектоника изделия проработана очень тщательно и строго подчинена основной задаче — изобразить на ограниченной поверхности прокламативный сюжет, наглядно раскрывающий сакральную природу власти в тюркском обществе через лаконичный, но строго реалистичный образ коронованного государя, величаво восседающего на троне в канонизированной позе и в окружении слуг или служащих (возможно, олицетворяющих, в смысле кодификации, «мой народ», или «кара будун»).

Изделие можно рассматривать с искусствоведческих позиций как произведение творчества малых форм с оригинальным антропоморфным декором (Король, 2008; 2021, с. 476–485). На голове кагана изображена сложносоставная корона — атрибут, являющейся сакральным символом легитимности и божественного происхождения неограничен-

ной власти повелителя. В деле сакрализации власти у тюрков (равно как и у многих других народов) короне, как символу, организованному по осям пространства, принадлежит особая роль, поскольку она зримо выражает идею божественной воли, ниспосланной сверху, на повеление ее обладателем над подданными, живущими на «бурой» земле. На лобовой части короны расположен основной вертикальный щит с аркообразно закругленным верхом. Именно этот элемент является носителем основной семантической нагрузки и, возможно, был украшен ступенчатыми (или лепесткообразными) внешними выступами. Изделие подверглось сильному воздействию огня, многие детали расплавились. Поэтому можно предположить, что передний щит мог быть украшен эмблемой в виде объемной фигуры птицы-феникса, как принято было украшать короны Великих каганов из правящей династии Ашины (см. сокровища Бильге кагана или некоторые скульптурные изображения, например, Нири кагана и др.). По бокам расположены два закругленных сверху зубца, заметно наклоненных в наружные стороны. Эти элементы обычно прикреплялись к широкой горизонтальной пластинчатой основе короны, которая во многих случаях богато инкрустирована и дополнена треугольными зубцами или бордюрными обрамлениями. Отличительной особенностью короны, изображенной на голове кагана, является то, что четвертый лепестковидный щит, расположенный на задней части, значительно превосходит по размерам все остальные, что придает данному сакральному атрибуту власти конструктивное своеобразие и особую семантическую значимость. По сторонам короны показаны две ниспадающие ленты, которые создают вокруг головы кагана и до уровня груди симметричную окружную фигуру, а их раздвоенные и заостренные концы, проходя под мышками, направлены вверх. Включение ленточного элемента в качестве важного компонента церемониального облачения при создании иконического образа тюркского кагана придает анализируемому сюжету особенный колорит, но в то же время ясно, что это незаурядный декор, усиливающий орнаментальное поле, и важнейший носитель сакрального смысла, связанного с правом на Верховную власть, даруемым Небом. В этой связи важным представляется зафиксированный в письменных источниках миф о сдавливании горла шелковой тканью во время интронизации претендента на престол (Бичурин, 1950, с. 229). Включение в официальную эмблему государя такого элемента несет не только декоративный характер, а имеет глубокий смысл, порожденный идеей о божественном происхождении самой власти и сложившимися в тюркском обществе способами ее сакрализации. Если обряд символического удушения (лентой!) будущего повелителя и последующее обожевление его образа действительно имело место в тюркском обществе, то он мог быть заимствован из типологически близкого обряда избранничества в шаманстве. Изображение ленты вокруг головы в виде некоего ореола придает композиции на бляхе из Елеке сазы на Тарбагатае особую торжественность и в то же время подчеркивает «небесное происхождение» тюркского императора с эпитетом «небоподобный», «небороденный» и т.д. Однако фигурно оформленная лента, пропущенная под мышками кагана, скорее всего, кодифицирует явления в религиозно-мифологической системе у тюрков (Стеблева, 1972, с. 213–220), которые испытали на этом этапе своего развития сильное влияние манихейского религиозно-философского учения, поднявшегося в ряде регионов тюркского мира на уровень государственной религии (Кызласов, 1999,

с. 10–41). Манера пропускать специальную цветную ленту под плечевой изгиб рук была характерна, судя по сюжетам настенных росписей Восточного Туркестана, для изображений божеств манихейского Пантеона. Изображение тюркского кагана с такой символикой и в специфической иконографической манере церковной росписи уподобляет его манихейскому Верховному божеству (Самашев, Айткали, Толегенов, 2022, с. 26–28).

Из предметных изображений отметим традиционный кубок для священного напитка в правой руке. Аналогичной формы сосуд известен в составе сокровищ Бильге кагана. Тюркский император показан сидящим на троне, который является одним из главных атрибутов и символов его неограниченной и сакральной власти. С особой тщательностью выполнена вся передняя часть коня — голова, шея, грудь и передние ноги. Головы животных — с острыми ушами, изящными шеями с гривами; они направлены не вперед, как у типичных подлокотников, а в противоположные стороны. Так что эти скульптурные изображения квалифицировать как подлокотники, видимо, не следует. Возможно, основу данного типа трона составляют соединенные по горизонтали скульптуры передних частей животных (лошадь, олень, баран и др.). В таком варианте само сидение покрывается шкурой зверя (возможно, барса или тигра). На бляхе из Елеке сазы изображена разновидность трона тюркского императора без спинки. Такие троны могли быть использованы в походных условиях и при проведении важных государственных мероприятий в ставках. Можно было бы допустить, что ювелир на ограниченной поверхности изделия в целях оптимизации решил совместить изображение спинки трона с общей конфигурацией подвесной бляхи и что из-за трудности показать объемные подлокотники в перспективе он мог развернуть скульптурные головы лошадей в профиль, в противоположные стороны. Однако более вероятным представляется, что такие троны изначально не имели спинок, столь характерных для дворцовых приемов. Следует заметить, что атрибутика власти, в которой важное место принадлежит трону и короне тюркского императора, слабо освещена в научной литературе, поскольку ученые рассматривали лишь данные письменных источников из-за малочисленности или отсутствия их материализованных остатков или изображений. В тексте сказано: «...по воле тюркского Неба и тюркской священной Родины я стал ханом; когда я стал ханом, то тюркские беги и народ, опечаленные, что они должны были умереть, (теперь), радуясь, смотрели кверху (на трон) спокойными глазами. Когда я сам воссел на трон, то я стал осуществлять столь крепкую власть (над народами), жившими по четырем углам (т.е. по странам света)» (Малов, 1959, с. 20).

Из предметных изображений на этой бляхе отметим блюда в руках коленопреклоненных слуг в нижней части композиции. Под короной просматриваются плотно заплетенные в косички волосы, которые падают на плечи. Заметно, что лицо кагана изначально было проработано очень тщательно, с подчеркиванием его индивидуальных черт, но в результате воздействия сильного огня на поверхность изделия облик серьезно потускнел. В верхней части изображения можно увидеть слабые следы традиционного треугольного лацкана халата, на поясе также слабо просматриваются следы ремня и складки одежды. Ближе к коленям будто бы просматриваются раздвоенные полы халата. Явных признаков изображений оружия нет.

На бляхе зафиксирована каноническая поза властителя, выработанная для зримо-го восприятия его образа во время официальных приемов и иных церемоний. Особую выразительность и некоторую суровость динамичной фигуре повелителя придают положение согнутой в локтевом суставе левой руки, которая покоится на бедре, и резко раздвинутые в стороны колени. Складки штанов, выпущенных поверх голенищ сапог, также усиливают восприятие благородного образа «небесного» кагана (Самашев, Айткали, Толегенов, 2022, с. 30).

Вторая бляха с изображением аналогичной жанровой композиции сильно повреждена: одна треть ее левой стороны расплавлена огнем, полностью исчезли скульптурная голова лошади от трона и фигура коленопреклоненного персонажа с блюдцем в руках, а также раздвоенный конец ленты (рис. 5.-2). Однако на ней лучше сохранилось изображение трехрогой короны на голове кагана, которая имеет несколько иные конструктивные решения, нежели у персонажа, запечатленного на первой бляхе. Лучше видны очертания лица, а также брови, глаза (хотя и несколько расплывчато), основание носа и подборок. Четко просматриваются свисающие с головы до плеч волосы и местами закрученные фрагменты косичек. Фигуры двух слуг, помещенные в нижней части композиции и по сторонам отверстия для ремня, наглядно демонстрируют эпизод придворной церемонии подачи повелителю, сидя на одном колене, на блюде чего-то важного, но не пищи. Сидя на троне и держа в правой руке ритуальный сосуд со священным напитком, вряд ли каган принимал бы пищу из рук своих придворных служителей. Изображение облика коронованного кагана на троне и коленопреклоненных людей (возможно, олицетворяющих живущих между голубым небом и бурой землей «сынов человеческих»), по-видимому, являлось общеимперским символом.

Видимо, такую эмблему обязаны были иметь при себе высшие титулованные лица государства в той или иной форме (медальон на шее или на груди, перстень, наборный пояс и др.). Наборный пояс с изображениями «великих каганов», возможно, являлся инвеститурным предметом, получаемым младшими каганами при вступлении в должность из рук повелителя *Он ок эли*, ставка которого находилась в Суябе и на Мынбулаке (Цянь-цюань), в районе Тараза или Мерке после переноса ее каганом Тун Шеху (Тон-ябгу), который царствовал в 618–630 гг. (Бичурин, 1950, с. 283–284).

При разделении империи на десять уделов Шаболио Хилаши каган дал каждому шаду-правителю в качестве символа власти по одной (возможно, золотой?) стреле, отсюда китайское название «десять Ше» (Бичурин, 1950, с. 286), т.е. «страна десяти стрел» (Кычанов, 2010, с. 128). Следовательно, можно допустить, что в качестве символа власти удельные правители (ябгу, шад и др.; см. анализ титулатуры: Кюнер, 1961, с. 327–328; Кубатин, 2016; и др.) могли получить из рук императора *Он ок эли* кроме золотой стрелы и золотой пояс с изображениями Великих каганов из рода Ашины (или с собственным изображением?).

Какие исторические личности изображены на золотых бляхах «инвеститурного» пояса из Елеке сазы? Этот вопрос пока остается открытым. Можно предположить, что изображены основатель Великого Тюркского каганата Бумын (Ту-мэнь *и-ли кэ-хань*; Тишин, 2019, с. 133) и Мухань каган (552–572), при котором «тюрки достигли максимального могущества своего объединения, территория которого простиралась

от Каспийского моря на западе и до залива Ляодун на востоке», т.е. личности, героические заслуги и божественный образ которых, безусловно, признавались и почитались во всем тюркском мире. Вместе с тем в «КТб. 1» наравне с Бумын-каганом в качестве одного из основателей государства назван Истеми (Дизабул) ябгу — каган (умер в 575 г.), который считался «каганом десяти племен» (Малов, 1951, с. 36; Кляшторный, 2005, с. 93). Его иконографический образ также мог быть запечатлен на инвестиурном предмете-символе.

Стоит отметить, что монетная чеканка некоторых правителей *Он ок эли* (преимущественно в областях Среднеазиатского междуречья) от собственного имени и с изображениями позволяет предполагать возможность изготовления подобного рода изделий в государстве при наличии политической воли. На монете одного из самых ярких правителей *Он ок эли* Тун ябгу, при котором каганат находился в тесном военно-политическом контакте с Византией, Сасанидским Ираном и Кавказом, в частности, участвовал в войне на стороне византийцев (за что император последних Гираклий возложил на голову тюркского повелителя свою корону), имеется легенда, которая интерпретируется Г. Бабаяровым как «Божественный Тун джабгу-каган», а на аверсе показан он сам, что для нас очень важно в контексте анализа иконографии елекесазинских каганских изображений сидящего на зооморфном троне (Бабаяров, 1997; Бобоёров, 2011; Бабаяров, Кубатин, 2014, с. 62–69; Тишин, 2021, с. 140–144). Поза кагана каноническая, идентична предыдущей: персонаж показан уверенно и властно сидящим на троне с лошадиными головами. У скульптурной головы коня на троне хорошо проработаны уши, глаз и короткими глубокими черточками — свисающие гривы. На сиденье трона, по-видимому, накинута шкура зверей, конечности которых как бы свисают у ног повелителя. У скульптуры коня показана в профиль передняя нога, которая символизирует ножку-опору трона императора. В правой нижней части композиции помещена фигура человека в профиль (слуга или символ «кара будуна»?), который подает на блюде что-то повелителю, стоя на одном колене. На голове у повелителя показана роскошная прическа, одет он в длиннополый халат со складками. Фигура коленопреклоненного человека, несмотря на то что изображена на переднем плане, в два раза меньше, чем у кагана. Естественно, возникает вопрос: здесь представлены разные исторические персонажи или можно допустить вариативность в трактовке иконографического облика одного и того же кагана, имея в виду различную трактовку конструктивных элементов короны на двух изделиях? На данном этапе исследования допускаем и то и другое. В этой связи уместно вспомнить еще раз случай дарения византийским императором своей короны кагану *Он ок эли* Тун ябгу, который в период своего долгого царствования обладал, естественно, и своей собственной короной, т.е. исторический персонаж может быть запечатлен на таких сакрально-символических предметах по-разному.

Прямые иконографические совпадения пока неизвестны. Из числа наиболее близких аналогий можно отметить одну сюжетную композицию, по определению Б. И. Маршака (2017, с. 517, рис. 33), изображающую «сцену царского пира» на согдийском серебряном блюде, найденном на территории Ямало-Ненецкого автономного округа РФ (рис. 6). Согдийский торевт, создавший это произведение, либо был слабо знаком с канонами искусства степного мира и допустил эклектического характера ошибки в изо-

бражении короны, трона, традиционного тюркского халата и его элементов и особенно положения ног сидящего кагана, либо по замыслу заказчика блюда хотел показать верховного повелителя, завоевавшего Согд, в привычном для местной аристократии облики и атрибутах. Не исключается вероятность неумелой подделки. Что касается определения Б. И. Маршаком жанровой композиции как «сцены царского пиршества», то, возможно, оно нуждается в корректировке, поскольку со скипетром в правой руке царь, сидящий на троне, вряд ли в прямом смысле мог в тронном зале пиршествовать. Там символически показаны образ державного властителя, роскошь и изобилие в империи, а также социокультурные явления в обществе. Некоторая близость формы элементов к эфталитским была отмечена еще К. В. Тревер (1960, с. 257). Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель (1965, с. 153, 154) допускали возможность, что изображения царя в крылатом венце могли возникнуть в среде кушаншахов раннесредневекового (эфталитского) времени, но в то же время подчеркивали не эфталитское, а тюрко-согдийское происхождение данного блюда и принадлежность его к кругу изделий, которые были в обиходе, особенно у карлукских правителей.

Рис. 6. Серебряное блюдо с изображением тюркского кагана, сидящего на троне

Fig. 6. Silver platter depicting the Turkic Kagan sitting on his throne

В слоях золы внутри каменной ограды представленного комплекса были обнаружены обрывки кольчуг из железных и медных колечек в большом количестве, а также бронзовые пряжки и накладка на ремень, близкие по типологическим характеристикам отмеченным выше образцам из золота. На дне храма, вокруг указанной выше каменной ограды с остатками сожжения, были зафиксированы приклады, разнообразие по составу. Основной приклад состоял из железных и бронзовых стремян, подпружных пря-

жек, разнотипных наконечников стрел, удила с псалиями, железного клевца, разнотипных ножей, тесла, распределителей ремней, панцирных пластин, колец и других предметов, которые закопаны вместе в небольшой яме на дне храма (Самашев, 2021, с. 6–45).

Несколько железных стремян инкрустировано методом насечки (таушировки) растительными орнаментальными мотивами (завитками и др.), образующими целые изобразительные ряды, подобно «древнехакасским» (Кызласов, Король, 1990), из серебряных пластин (рис. 7). В литературе отмечается несколько видов подобного рода приемов художественной обработки металла, истоки которых теряются в культурах раннего железного века и доживают практически до нового времени (Кызласов, 1983, с. 120–130). Широкие подножки некоторых из инкрустированных железных стремян имеют фигурные вырезы. В одном случае подножка с внутренней стороны украшена сценой охоты конного лучника на тигра или барса (рис. 7.-4), вызывающей ассоциацию с фигурами из Копенского чаатаса (Евтюхова, 1948, рис. 87, 88).

Рис. 7. Железное стремя с инкрустацией подножки серебряными пластинами

Fig. 7. Iron stirrup with inlaid footplate with silver plates

Различные категории предметов, которые происходят из Елеке сазы, позволяют предполагать, что комплекс мог быть возведен в период активной фазы развития *Он ок эли* в социально-экономическом, военно-политическом и культурно-идеологическом отношениях — в пределах середины VII — (середины) VIII в., что было подтверждено радиоуглеродным анализом (рис. 8):

LAB CODE	MONUMENT	¹⁴ C BP	SAMPLE	CALIBRATING DATE (1 Σ)	CALIBRATING DATE (2 Σ)
FTMC-EL21-1 R	Yeleke Sazy	1247 \pm 30	Charcoal	68,3% probability 685 (43,9%) 743 cal AD 788 (24,4%) 825 cal AD	95,4% probability 676 (56,4%) 779 cal AD 785 (39,1%) 878 cal AD

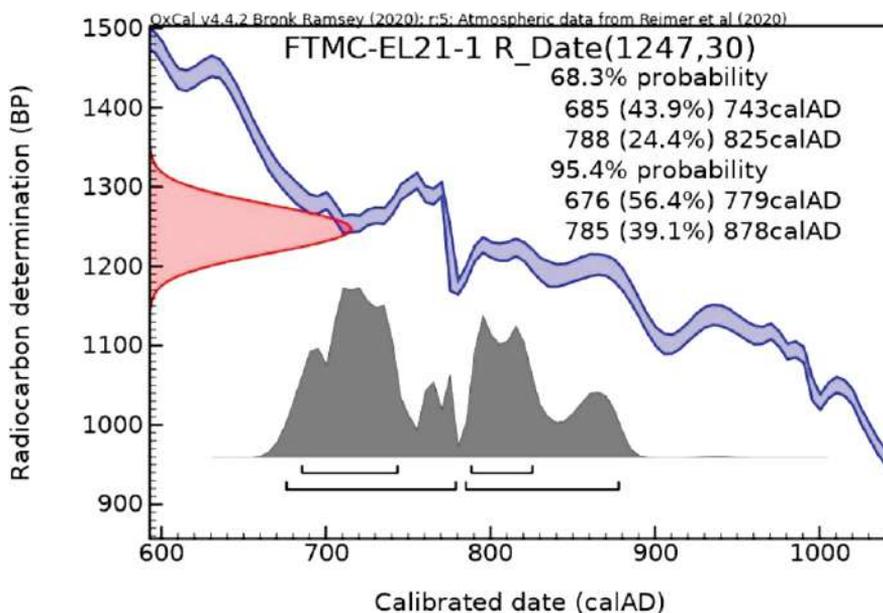

Рис. 8. Радиоуглеродная датировка комплекса из Елеке сазы

Fig. 8. Radiocarbon dating of the Yeleke Sazy complex

Некоторые образцы изделий (удлиненно-пластинчатые стремена с широкими подножами, инкрустированными различными узорами из серебряных пластин; массивные наконечники стрел с отверстиями на лопастях и др.) продолжали существовать и в последующие периоды, даже в иной этнокультурной среде.

В системе мировоззрения и идеологии тюркского общества вопросы сакрализации и обоснования божественного происхождения кагана и легитимизации его права на власть (Торланбаева, 2003; Кляшторный, 2004, с. 100–103; Кычанов, 2010; и др.) занимали исключительно место, что многократно засвидетельствовано в памятниках

письменности. Тюркская социально-политическая и военная титулатура и система придворных церемоний, которые включали много важных элементов, унаследованных от предшествовавших хуннских, сяньбэйских и жужанских обществ и оттачивавшихся в условиях постоянного противоборства и конкуренции с Танской империей, отличались чрезвычайной сложностью и многоступенчатостью. Они напрямую отражали идею могущества и незыблемости устоев тюркской империи, а также священности власти кагана и его самого, как сказано в текстах, «богоподобного», «небом поставленного». Создание культа божественного правителя, прокламация его героических подвигов, формирование соответствующих институциональных структур, включая всевозможные храмы и др., характерны для многих типов государственных образований древнего мира (Кошеленко, Гаиров, 2010, с. 141–146; Трепавлов, 2004, с. 76–100). Решающее значение в становлении институтов власти у тюрков в ряде исследований придается влиянию согдийцев, сасанидского Ирана и, естественно, Китая (Дробышев, 2018, с. 126–145). В то же время односторонний подход к проблеме формирования властных структур в тюркском обществе может привести к не вполне объективной оценке роли самих создателей степных империй, сводя к минимуму их усилия: всего лишь к адаптации внешних институтов управления к своей повседневности. Это очень сложная научная проблема — прежде всего социокультурного и политического характера, где определенное место занимают вопросы становления административной иерархии, системы бюрократии, различных придворных церемоний, религиозно-идеологических установок и пр., призванных обеспечить нормальное функционирование социума. В решении этих и других проблем, наряду с письменными источниками, ценными могут оказаться новейшие археологические открытия.

Елекесазинский комплекс возведен на месте сожжения тела умершего «удельного» кагана, который принадлежал, по-видимому, к младшей ветви «золотой» династии Ашина («ашиныды»). Его ставка (возможно, летняя), как правителя одной из «десяти стрел», могла находиться в северных предгорьях Тарбагатая, где-то недалеко от анализируемого комплекса. Умерший «малый» каган, судя по параметрам данного *барыка*, который несколько не уступает северомонгольским каганско-княжеским комплексам, кроме несомненных прижизненных заслуг, мог находиться в близких отношениях с правящим Домом Орхонских ашиныдов, подобно, например, Барс-бегу, которому, как сказано в тексте, даровали не только титул кагана, но и дали в жены сестру самого Кюльтегина (Малов, 1951, с. 38; КТб, 20). Также наблюдаем ранее не зафиксированные в известных «каганских» комплексах признаки «обрядов перехода», связанные с процедурой «освящения» (или погребения) остатков пепла на месте кремации трупа (в совокупности с его личными вещами и подношениями) и последующего (поэтапного?) возведения храма над ним. Отсутствие до сих пор археологических свидетельств о сожженных останках представителей высшей элиты тюркского общества в таких комплексах породило в научных кругах мнение о погребении кремированного праха на стороне (Тишин, 2021, с. 42, 49; и др.), т.е. вне территории *барыков*. Дискуссионность вопроса можно отчасти объяснить тем, что ни один из известных «каганско-княжеских» комплексов в Северной Монголии еще не исследован полностью большими площадями. Между тем некоторые культово-мемориальные комплексы указанного региона име-

ют в пределах своих территорий плиточные оградки (которые в ряде случаев покрыты орнаментальными узорами, изображениями мифических фениксов и др.), где гипотетически могли совершать обряды сожжения умерших, затем хоронить пепел (или кремнированные костные останки) в специальной яме. Что касается рядовых оград, в особенности с каменными изваяниями и рядами балбалов, то иногда встречаются сведения о фиксации в них сожженных останков. В качестве мало известного факта укажем на разведение костра в могильной яме над засыпанными слоем земли останками человека и сопроводившего его коня у тюрок на Среднем Енисее (Митько, Тетерин, 1998, с. 396–404; Тетерин, 2000). Предание земле тела умершего индивида и погребение пепла после кремации тела, хотя и относятся к единому циклу «обряда перехода», но предполагают проведение отличных друг от друга циклов ритуально-обрядовых мероприятий. В этом и проявляется специфика гносеологической природы такого рода памятника (Михайлов, 2009, с. 95–97).

Подготовка и осуществление самой процедуры сожжения тела предполагает набор специфических мероприятий (выбор места сожжения, ограждение, подготовка топлива, инструментов, например, как отмечено в тексте в честь Могиляна «свечей», «сандалявого дерева» и др.). Археологически зафиксированные данные о погребении кремнированных остатков умерших каганов или высшей знати в (больших) курганах или оградах в ареале раннетюркских культур пока неизвестны, поэтому сошлемся на хронику из *Таншу*, где упоминается сожжение «по кочевому обычаю» трупа умершего в неволе в 634 г. некогда могущественного кагана восточных тукюевцев Хиели (Сели), о котором писали: «Стоя на степени выше всех кочевых народов, он с презрением смотрел на Среднее государство, дерзко изъяснялся и на письме, и на словах; производил большие требования», и возведении ему могильного сооружения на левом берегу реки Ба (Бичурин, 1950, с. 247, 256). В другом месте в *Таншу* содержится более подробное описание погребального обряда, связанного с сожжением тела покойного (кагана?), которое вызывает неоднозначные оценки у разных исследователей (Бичурин, 1950, с. 230; Бубенок, 2014, с. 77–79). При очевидной компилятивности данного источника, отмеченной некоторыми исследователями (Савинов, 2005, с. 198), в нем содержатся важные для использования при толковании материалов елекесазинского комплекса сведения: 1) о существовании обряда трупосожжения у тюрок; 2) о сожжении трупа умершего вместе с вещами; 3) о захоронении сожженных останков (пепла); 4) о возведении специального здания «при могиле» (или на месте сожжения трупа?); 5) сведение об установке «нарисованного облика» покойного, т.е. его каменной статуи; 6) о жертвоприношениях и др., не говоря о вербально характеризующих, но не материализующих элементах погребально-поминальной обрядности (оплакивание, самоистязание и др.).

Небольшой фрагмент текста памятника в честь Бильге кагана в переводе С. Е. Малова (1959, с. 23) содержит информацию о том, что ему (умершему в 734 г., в год Собаки) в следующем 735 г., т.е. в год Свины, его сын (ставший каганом, под именем Ижан) устроил «похороны». Данный текст не содержит прямого указания на кремацию тела умершего кагана, но обратим внимание, что «безмерное количество золота и серебра», принесенные участниками церемонии, или, возможно, другой комплект вещей (положенный при сожжении трупа годом раньше), зафиксированы во время археологиче-

ских раскопок на комплексе Бильге кагана в сильно прокаленном — до красноты грунте (Баяр, 2004, с. 78–81), причем часть из них в расплавленном состоянии, как в нашем случае. Он важен и тем, что описывает два этапа погребально-поминальной обрядности длиной в несколько месяцев и, возможно, больше. Например, Кюльтегину поминки устроили через девять месяцев после смерти, а Могилян — через семь месяцев (Войтов, 1996, с. 109). В. В. Бартольд (1968, с. 320), ссылаясь на сведения проф. Хирта, указывает, что их похороны произошли через 11 и 12 месяцев соответственно.

Итак, в религиозной системе тюрков, связанной с погребально-поминальной обрядностью, существовали различные ступени реализации «обрядов перехода». Фразу «устроили похороны» в различных текстах следует понимать не в прямом смысле, а как организацию многоступенчатых поминально-обрядовых мероприятий через определенный календарный цикл. В то же время есть мнение о мерах по временному сохранению тела умершего вплоть до мумификации (Савинов, 1984, с. 59; Войтов, 1996, с. 109). Эта идея основана не на обряде трупосожжения у высшей знати тюркского общества, а на погребении тела умершего в могильной яме (Войтов, 1996, с. 109). Считается, что отход от обычая кремировать тело умерших у тюрков фиксируется в Синь Тан шу в 30-е гг. VII в., когда император Тайцзун обвинил Хиели в нарушении предписаний предков, что туцзе теперь закапывают и сооружают могилы для умерших (Лю Маоцай, 2002, с. 68). Однако это сообщение может касаться только населения приграничных с Китаем владений кагана Хиели (Сели) или, скорее всего, давно расселенных внутри Среднего государства побежденных тюрков, которые вынуждены были адаптироваться к новым условиям жизни. Поэтому более перспективным можно считать мнение, высказанное в свое время А. Д. Грачом (1968, с. 211) о том, что «...обряд трупосожжения, по-видимому, имел место на Орхоне и позднее — при погребениях тюркских каганов, принцев и наиболее выдающихся деятелей II тюркского каганата».

Кульминацией первого этапа погребально-поминальной обрядности являлись, безусловно, кремация тела и сожжение личных вещей (или их частей) умершего, а затем строительство сооружения (временного или элементов основного комплекса) над этим местом. Естественно, с момента оповещения о смерти и до процедуры сожжения тела умершего проводились различного рода обряды поминовения, включая оплакивание, акты самоистязания, скачки, принесение даров и др. Профессиональные плакальщицы, которые могли быть привлечены для проведения похоронного обряда, судя по материалам живописи пещерных храмов Турфанского оазиса, были на особом счету в обществе. Интересно, что в комплексе в честь Кюльтегина скульптурное изображение плакальщицы входит в общий ансамбль удостоенных такой чести лиц.

Мы отмечали выше, что лабиринт-коридор Елекесазинского комплекса выделяет его от других подобных сооружений и указывает на специфику проводившихся там культово-обрядовых действий. Лабиринт, состоящий из восьми взаимовертикальных ломаных проходов, имеет, по-видимому, некую числовую символику, связанную с образом умершего кагана (и, возможно, с политико-административной структурой государства, например, сегиз огузами, или родоплеменным составом конкретного удела либо с какими-то природными или жизненными циклами). Не исключено, что правая и левая внешние стороны полосок-стен лабиринта и проходов также могут иметь самостоя-

тельные значения или дополнительные семантические нагрузки. Высота стен лабиринта, судя по развалу камней кладки, не превышала уровень пояса человека, а его узкие коридоры были сконструированы так, чтобы дальнейшее движение вперед (к основному храму) паломники могли совершать только в одиночку, друг за другом (по крайней мере, до многоугольного помещения со статуей кагана) и, самое важное, — в коленопреклоненном положении. «Головосклонение» и «коленопреклонение» являлись общеустановленной социально-политической традицией, которая сложилась в ходе длительного исторического развития тюркских государств (Жумаганбетов, 2007, с. 152). Такая норма была закреплена в придворных церемониалах и отражена в различных письменных источниках. Тексты позволяют реконструировать кульминационные моменты обрядовых действий, связанных с культовым почитанием и обожествлением кагана, которые могли происходить в специализированных культовых сооружениях и на других сакрализованных точках пространства.

Вход в лабиринт был устроен с северной стороны, а не прямо со стороны внешних восточных ворот. Это, возможно, связано со спецификой ориентационной системы древних тюрков в горизонтальном линейном пространстве и правилами бинарной оппозиции: левый (север) — правый (юг), верх — низ и др. Паломники должны были соблюдать установленные там порядки: после вхождения на сакральную территорию через восточные внешние ворота подниматься на платформу в соответствии с линейно-солярной системой ориентации тюрков (лицом на восход солнца, идти назад (в реальности — вперед), в сторону заката солнца, где обитают «улетевшие» предки, затем повернуть влево, т.е. на север, «лицом к полуночной стороне — к тому месту, где ночь в зените», после этого резко повернуться лицом на юг, т.е. «лицом к полуденной стороне — к тому месту, где солнце в зените» (Кононов, 1978, с. 73) и подойти к входу в лабиринт, который был заставлен большой плитой. У входа в лабиринт могли находиться привратники, которые пропускали паломников внутрь по одному, предварительно открыв им каменную заставку. Далее ритм движения был продиктован конструкцией лабиринта и, по всей вероятности, паломники двигались вперед только на коленях. Судя по тюркским текстам, состоянию коленопреклонения в придворных церемониях придавали особое значение. Поэтому в данном случае вполне можно допустить, что прохождение определенного участка пути (например, до статуи умершего кагана в многоугольном помещении) паломники могли совершать на коленях. Из лабиринта паломники сразу же попадали в зал со статуей кагана, где совершали соответствующий обряд, очищались священным огнем, который горел там, и двигались дальше к основному храму через сужающийся каменный коридор. Оригинальной формы узкий лабиринт, через который проходят в основное святилище паломники только по одному, является неким нововведением в обряде перехода — или перед нами еще не изученные особенности ритуальности тюрков. Двигаясь на коленях до многоугольного помещения (закрытого типа), где стояла каменная статуя кагана, паломнику нужно было преодолеть, как отмечено выше, восемь резких, но коротких поворотов внутри лабиринта. После предварительного очищения огнем в многоугольном помещении и всевозможных поклонов, а также различных других действий паломник попадал через резко сужающийся коридор и внутренние ворота в основной храм для совершения в узловых точках про-

странства (место сожжения тела кагана) предписанных ритуалом культово-мистериальных действий. Какие действия происходили внутри храма во время посещения паломников, какие структуры внутри храма еще находились, предстоит еще выяснить.

Заключение

Елекесазинский культово-поминальный комплекс возник на месте сожжения тела одного из «удельных» каганов *Он ок эли*. Это принципиально важное утверждение. Комплекс по структуре и архитектурно-планировочным особенностям относится к категории «каганско-княжеских» (по терминологии В.Е. Войтова) *барыков* раннетюркского времени (VI–VIII вв.), которые были призваны обеспечить посмертную сакрализацию образа небесного кагана, а также укрепить реальную власть и авторитет его преемника и могущества государства. Среди найденных в храме предметов выделяются образцы высочайшего искусства тюркских мастеров, особенно сюжетные композиции с изображениями на ограниченных поверхностях коронованных персон на зооморфном троне в канонизированных позах, в сопровождении коленапреклоненных слуг и других мотивов, с великолепной демонстрацией иконографии образа повелителя, его изысканного костюма и элементов государственной атрибутики, подчеркивающих сакральность его образа. Эти и другие произведения художественной культуры, предметы оружия и быта, найденные в храме Елекесазинского культово-мемориального комплекса, представляют собой новый исторический источник, необходимый для разработки актуальных проблем социально-политического устройства государства, религиозных воззрений, придворных церемоний, разноплановых связей средневековых степных империй в пространстве.

Елекесазинский памятник является пока первым в Казахстане «каганско-княжеского» облика культово-поминальным сооружением, на котором начаты научные исследования. Второй подобный памятник, известный нам, находится на территории северовосточного Жетысу, в пределах могильника Шалкоде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Бабаяров Г. Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI–VIII вв. н.э.). Ташкент : Изд-во Национальной библиотеки Узбекистана, 1997. 120 с.
- Бобоёров Ф. Тун ябғу-каган (рисола). Тошкент : ABU MATBUOT-KONSALT, 2011. 48 б.
- Бабаяров Г., Кубагин А. Очерки по истории нумизматики Западно-Тюркского каганата. Ч. I. Saarbrücken : Lap Lambert, 2014. 190 с.
- Бартольд В. В. Новые исследования об Орхонских надписях // Академик В. В. Бартольд. Собрание сочинений. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М. : Наука, 1968. С. 312–328.
- Баяр Д. Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэ-кагана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. №4 (20). С. 73–84.
- Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 382 с.
- Бубенок О. Б. Новации и традиции в погребально-поминальной обрядности древних тюрков Центральной Азии // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 77–89.

Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М. : Изд-во Гос. музея Востока, 1996. 152 с.

Грач А. Д. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии // История, археология и этнография Средней Азии. М. : Наука, 1968. С. 207–213.

Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск : Изд-во Новосибир. ун-та, 1990. 164 с.

Дробышев Ю. И. Тюркский каган и сасанидский шаханшах: к вопросу об идеологических заимствованиях древних тюрков у иранцев // Тюркские кочевники в Азии и Европе: цивилизационные аспекты истории и культуры. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2018. С. 126–145. (Труды Института востоковедения РАН. Вып. 7).

Евтюхова Л. А. Археологические памятники Енисейских кыргызов (хакасов). Абакан : Хакас. науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории, 1948. 110 с.

Жумаганбетов Т. С. Древнетюркский каганат: становление и развитие государственности. VI–VIII вв. Алматы : ААЭС, 2006. 395 с.

Кляшторный С. Г. Образ кагана в Орхонских памятниках // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 100–103.

Кляшторный С. Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель // Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с. (Исторические исследования).

Кононов А. Н. Способы и термины определения стран света у тюркских народов // Тюркологический сборник — 1974. М. : Наука, 1978. С. 72–89.

Король Г. Г. Искусство средневековых кочевников Евразии: очерки. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008. 332 с. (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. V).

Король Г. Г. Возможности методических подходов к изучению средневековой торевтики малых форм Саяно-Алтая // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии. СПб. : ИИМК РАН, 2021. С. 475–486. (ТРУДЫ ИИМК РАН. Т. LVII).

Кошеленко Г. А., Гаиров В. А. Возникновение культа царей на эллинистическом востоке // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М. : Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 2010. 544 с.

Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.

Кубатин А. В. Система титулов в тюркском каганате: генезис и преемственность. Ташкент : Yangi nashr, 2016. 192 с.

Кызласов И. Л. К истории художественной обработки металла в Южной Сибири. Насечка по железу // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата : Наука, 1983. С. 120–130.

Кызласов Л. Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Открытие государственной религии древних хакасов. М. ; Абакан : Б.и., 1999. С. 10–41.

Кызласов Л. Р., Король Г. Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М. : Наука, 1990. 216 с.

Кычанов Е. И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Петербургское лингвистическое общество, 2010. 364 с.

Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М. : Изд-во Восточной литературы, 1961. 392 с.

Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках / пер. с нем. В. Н. Добжанский и Л. Н. Ермоленко. М. : Институт востоковедения РАН, 2002. 126 с.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. 92 с.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. 112 с.

Маршак Б. И. История восточной торевтики III–XIII вв. и проблемы культурной преемственности. СПб. : Академия исследования культуры, 2017. 736 с.

Митько О. А., Тетерин Ю. В. О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. 1. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. С. 396–409.

Михайлов Д. А. Гносеологическая природа погребального памятника // Древность: историческое знание и специфика источника. Вып. IV. М. : Институт востоковедения РАН, 2009. С. 95–97.

Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М. : Искусство, 1965. 688 с.

Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1984. 174 с.

Савинов Д. Г. Древнетюркские племена в зеркале археологии // Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПб-ГУ, 2005. 346 с. (Исторические исследования).

Самашев З. Древнетюркский культово-поминальный комплекс в Восточном Казахстане // Есикские чтения. Алматы : Қазақ университеті, 2021. С. 6–45.

Самашев З., Айткали А. К., Толегенов Е. К вопросу о сакрализации образа кагана // Поволжская археология. 2022. №2 (40). С. 21–34.

Самашев З., Цэвэндорж Д., Онгарулы А., Чотбаев А. Древнетюркский культово-мемориальный комплекс Шивээт Улаан. Астана : Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2016. 272 с.

Стеблева И. В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник — 1971. М. : Наука, 1972. С. 213–226.

Тетерин Ю. В. Древнетюркские погребения могильника Маркелов Мыс I // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск : Новосибирский университет, 2000. С. 27–54.

Тишин В. В. Фрагмент китайского источника о тюркской титулатуре (перевод и комментарий) // Восток (Oriens). 2019. №3. С. 130–150.

Тишин В. В. Некоторые вопросы изучения погребальной обрядности кочевников древнетюркского круга: новые решения в свете письменных источников // *Altaistics, Turcology, Mongolistics*. 2021. №3. С. 22–63.

Торланбаева К. Е. Институт каганской власти (Второй Восточно-Тюрский каганат): автореф. ... канд. ист. наук. Алматы, 2003. 25 с.

Тревер К. В. Новое «сасанидское» блюдо Эрмитажа (из истории культуры народов Средней Азии) // *Исследования по истории культуры народов Востока*. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. С. 256–270.

Трепавлов В. В. Вождь и жрец в эпическом фольклоре тюрко-монгольских народов: некоторые особенности традиционной организации власти у кочевников // *Монгольская империя и кочевой мир*. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 76–100.

REFERENCES

Babayarov G. Ancient Turkic coins of Chach oasis (the 6th–8th centuries AD). Tashkent : Izd-vo Nacional'noj biblioteki Uzbekistana, 1997. 120 p. (*In Russ.*).

Boboyorov F. Tun yabgu-kagan (Risola). Toshkent : ABU MATBUOT-KONSALT, 2011. 48 б. (*In Uzbek*).

Babayarov G., Kubatin A. Essays on the History of Numismatics of the Western Turkic Kaganate. Part I. Saardbrucken : Lap Lambert, 2014. 190 p. (*In Russ.*).

Bartold V. V. New Research on Orkhon Inscriptions. In: Academician V. V. Bartold. Collected Works. Vol. V. Works on History and Philology of Türkic and Mongolian Peoples. Moscow : Nauka, 1968. Pp. 312–328. (*In Russ.*).

Bayar D. New Archaeological Excavations at the Bilge-Kagan Monument. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2004;4(20):73–84. (*In Russ.*).

Bichurin N. Ya. Collection of Information about the Peoples who Lived in Central Asia in Ancient Times. Vol. I. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1950. 382 p. (*In Russ.*).

Bubenok O. B. The Innovations and Traditions in the Funeral and Memorial Rites of the Ancient Turks of Central Asia. In: *The Worldview of the Population of South Siberia and Central Asia in Historical Retrospective*. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2014. Pp. 77–89. (*In Russ.*).

Vojtov V. E. Ancient Turkic Pantheon and Model of the Universe in Cult-Memorial Sites of Mongolia of the 6th–8th Centuries. Moscow : Izd-vo Gos. muzeya Vostoka, 1996. 152 p. (*In Russ.*).

Grach A. D. Ancient Turkic Burials with Burning in Central Asia. In: *History, Archaeology and Ethnography of Central Asia*. Moscow : Nauka, 1968. Pp. 207–213. (*In Russ.*).

Dobzhansky V. N. Dialed Belts of Asian nomads. Novosibirsk : Izd-vo Novosib. un-ta, 1990. 164 p. (*In Russ.*).

Drobyshev Yu. I. The Turkic Kagan and the Sassanid Shahanshah: On the Ideological Borrowings of the Ancient Turks from the Iranians. In: *Turkic Nomads in Asia and Europe: Civilizational Aspects of History and Culture*. Moscow : In-t vostokovedeniya RAN, 2018. Pp. 126–145. (Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Vol. 7). (*In Russ.*).

Evtuykhova L. A. Archaeological Sites of the Yenisei Kyrgyz (Khakasses). Abakan : Hakas. nauch.-issled. in-t yazyka, literatury i istorii, 1948. 110 p. (*In Russ.*).

Zhumaganbetov T. S. The Ancient Turkic Kaganate: the Formation and Development of Statehood. The 6th -8th Centuries. Almaty : AAES, 2006. 395 p. (*In Russ.*).

Klyashtorny S. G. The Image of the Kagan in the Orkhon Sites. In: The Mongolian Empire and the Nomadic World. Ulan-Ude : Izd-vo BNC SO RAN, 2004. Pp. 100–103. (*In Russ.*).

Klyashtorny S. G. The Steppe Empires: Birth, Triumph, and Destruction. In: Klyashtorny S.G., Savinov D.G. Steppe Empires of Ancient Eurasia. St. Petersburg : Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2005. 346 p. (Historical Studies). (*In Russ.*).

Kononov A. N. The First of Them is the “Türkic” or “Türkic”, which is the Name of a Country of the World among the Turkic Peoples. In: Türkological Collection — 1974. Moscow : Nauka, 1978. Pp. 72–89. (*In Russ.*).

Korol G. G. Art of Medieval Nomads of Eurasia. Essays. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2008. 332 p. (Proceedings of the Siberian Association of Researchers of Primitive Art. V). (*In Russ.*).

Korol G. G. Possibilities of Methodological Approaches to the Study of Medieval Small-form Topography of Sayan-Altai. In: Creator of Culture. Material Culture and Spiritual Space of Man in the Light of Archaeology, History and Ethnography. St. Petersburg : IIMK RAN, 2021. Pp. 475–486. (Proceedings of IIMC RAN. Vol. LVII). (*In Russ.*).

Koshelenko G. A., Gaibov V. A. The Cult of Kings in the Hellenistic East. In: Adaptation of Peoples and Cultures to Environmental, Social and Technogenic Transformations. Moscow : Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2010. 544 p. (*In Russ.*).

Kubarev G. V. The Culture of Ancient Turks of Altai (on materials of funerary sites). Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2005. 400 p. (*In Russ.*).

Kubatin A. V. System of Titles in the Turkic Kaganate: Genesis and Succession. Tashkent : Yangi nashr, 2016. 192 p. (*In Russ.*).

Kyzlasov I. L. To the History of Artistic Metalwork in South Siberia. The Iron Cutting. In: Medieval Urban Culture of Kazakhstan and Central Asia. Alma-Ata : Nauka, 1983. Pp. 120–130. (*In Russ.*).

Kyzlasov L. R. Northern Manichaeism and its Role in the Cultural Development of the Peoples of Siberia and Central Asia. In: Discovery of the State Religion of Ancient Khakasses. Moscow ; Abakan : B. i., 1999. Pp. 10–41. (*In Russ.*).

Kyzlasov L. R., Korol G. G. Decorative Art of Medieval Khakasses as a Historical Source. Moscow : Nauka, 1990. 216 p. (*In Russ.*).

Kychanov E. I. The History of Ancient and Medieval States Bordering China (From the Huns to the Manchus). 2nd ed., revised and supplemented. St. Petersburg : Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo, 2010. 364 p. (*In Russ.*).

Kühner N. V. Chinese News of the Peoples of South Siberia, Central Asia and the Far East. Moscow : Izd-vo Vostochnoj literatury, 1961. 392 p. (*In Russ.*).

Liu Maotsai. Information about Ancient Turks in Medieval Chinese Sources. Translated from German. V.N. Dobzhansky and L.N. Ermolenko. Moscow : Institut vostokovedeniya RAN, 2002. 126 p. (*In Russ.*).

Malov S. E. Monuments of the Ancient Turkic Script. Texts and Studies. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1951. 92 p. (*In Russ.*).

Malov S. E. Monuments of the Old Turkic Script of Mongolia and Kyrgyzstan. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1959. 112 p. (*In Russ.*).

Marshak B. I. History of Oriental Toreutics in the 3rd — 13th Centuries and the Problems of Cultural Continuity. St. Petersburg : Akademiya issledovaniya kul'tury, 2017. 736 p. (*In Russ.*).

Mitko O. A., Teterin Yu. V. On Cultural-Differentiating Features of Ancient Turkic Burials in the Middle Yenisei. In: Siberia in the Panorama of the Millennia. Vol. 1. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1998. Pp. 396-409. (*In Russ.*).

Mikhaylov D. A. Gnoseological Nature of a Funerary Site. In: Antiquity: Historical Knowledge and Source Specificity. Issue IV. Moscow : Institut vostokovedeniya RAN, 2009. Pp. 95–97. (*In Russ.*).

Pugachenkova G. A., Rempel L. I. History of Arts of Uzbekistan from Ancient Times to the Middle of the 19th century. Moscow : Iskusstvo, 1965. 688 p. (*In Russ.*).

Savinov D. G. The Peoples of South Siberia in the Old Turkic Epoch. Leningrad : Izd-vo Lenigrad. un-ta, 1984. 174 p. (*In Russ.*).

Savinov D. G. The Ancient Türkic Tribes in the Mirror of Archaeology. In: Klyashtorny S. G., Savinov D. G. Steppe Empires of Ancient Eurasia. St. Petersburg : Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2005. 346 p. (Historical Studies). (*In Russ.*).

Samashev Z. Ancient Turkic Cult-memorial Complex in Eastern Kazakhstan. In: Esik readings. Almaty : Qazaq universiteti, 2021. Pp. 6–45. (*In Russ.*).

Samashev Z., Aitkali A. K., Tolegenov E. To a Question on Sacralization of an Image of the Hagan. *Povolzhskaya arheologiya = Volga Archaeology*. 2022;2(40):21–34. (*In Russ.*).

Samashev Z., Tsevendorz D., Ongaruly A., Chotbaev A. Ancient Turkic Cult-Memorial Complex Shiveet Ulaan. Astana : Institut arheologii im. A.H. Margulana, 2016. 272 p. (*In Russ.*).

Stebleva I. V. The Türkic System of the Ancient Turkic Religious-Mythological System. In: Türkological Collection — 1971. Moscow : Nauka, 1972. Pp. 213–226. (*In Russ.*).

Teterin Yu. V. Ancient Turkic Burials of Markelov Mys I Cemetery. In: Monuments of Old Turkic culture in Sayan-Altai and Central Asia. Novosibirsk : Novosibirskij universitet, 2000. Pp. 27–54. (*In Russ.*).

Tishin V. V. Fragment of the Chinese Source on Turkic Titulature (translation and commentary). *Vostok = Oriens*. 2019;3:130–150. (*In Russ.*).

Tishin V. V. Some Issues of Studying the Funeral Rites of the Nomads of the Ancient Turkic Circle: New Solutions in the Light of Written Sources. *Altaistics, Turcology, Mongolistics*. 2021;3:22–63. (*In Russ.*).

Torlanbaeva K. E. The Institute of Kagan Power (Second East-Turkic Kaganate): autoref. Candidate of Historical Sciences. Almaty, 2003. 25 p. (*In Russ.*).

Trevar K. V. The New “Sasanian” Saucer of the Hermitage (from the history of the cultures of the peoples of Central Asia). In: Studies on the History of the Cultures of the Peoples of the East. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1960. Pp. 256–270. (*In Russ.*).

Trepavlov V. V. In the Case of the Mongolian Empire and the Nomadic World. The Chief and the Priest in the Epic Folklore of the Turkic-Mongolian Peoples: Some Features of the Traditional Organization of Power among the Nomads. In: The Mongol Empire and the Nomadic World. Ulan-Ude : Izd-vo BNC SO RAN, 2004. Pp. 76–100. (*In Russ.*).

INFORMATION ABOUT AUTHOR / ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Самашев Зайнолла, доктор исторических наук, член кафедры Казахского Национального университета имени Аль-Фараби, Алматы, Казахстан.

Zainolla Samashev, Doctor of Historical Sciences, Member of the Department of Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

Статья поступила в редакцию 20.05.2022;

одобрена после рецензирования 15.10.2022;

принята к публикации 21.11.2022.

The article was submitted 20.05.2022;

approved after reviewing 15.10.2022;

accepted for publication 21.11.2022.

Научная статья / Research Article

УДК 902.3(575.1)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-11](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-11)

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ В БАССЕЙНЕ РЕКИ СУРХАНДАРЬЯ В УЗБЕКИСТАНЕ

Юньпэн Тан¹, Амридин Эргашович Бердимуратов²,
Мутталиб Хасанов³, Цзяньсинь Ван^{4*}

¹Северо-Западный университет, Сиань, Китай;
yunpengt922@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0420-441X>

²Институт археологии им. Я. Гулямова АН Узбекистана, Самарканд, Узбекистан;
1539059758@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-1122-4080>

³Институт археологии им. Я. Гулямова АН Узбекистана, Самарканд, Узбекистан;
khasanov.mutalib@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7737-0307>

⁴Северо-Западный университет, Сиань, Китай;
13319185059@163.com, <https://orcid.org/0000-0002-5556-0553>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. Археологические раскопки в бассейне р. Сурхандарья показывают, что кочевые захоронения некрополя Рабат, расположенные в предгорных холмистых районах Северной Бактрии, относятся ко 2-й половине I в. до н.э. — 1-й половине II в. н.э. Вероятно, это памятник больших юэчжей. Наземные погребения в склепах типа paus, относящиеся к этому же периоду, найдены на руинах городища, вблизи равнинной части долины Сурхандарьи, вероятнее всего, принадлежат юэчжам до образования Кушанской империи. Два типа могил, отличающихся по своей форме и погребальному обряду, зоне размещения и т.д., лишь подтверждают тот факт, что большие юэджи и кушаны эпохи Империи — это не совсем совпадающие этнические группы. Открытие Серхараката, Чинартепа и других некрополей в верховьях реки Сурхандарья подтверждает наши предположения о закономерностях распространения древних памятников и дополнительно выявляет многообразие культурных групп периода от доимперских юэчжей до Кушанской империи.

Ключевые слова: бассейн реки Сурхандарья; погребения I в. до н.э. — II в. н.э.; большие юэджи; кушаны, южный Узбекистан

Благодарности: Научная статья включена в список промежуточных достижений «Национальной программы плана НИОКР (2016YFE02037000)». Авторы признательны доктору Дилдоре Рахимовой из Института Ближнего Востока Северо-Западного университета (Китай) за перевод с китайского языка на русский. Доктор Мэй Цзилин (Школа иностранных языков, Северо-Западный университет) вычитал полный текст.

Для цитирования: Тан Юньпэн, Бердимуратов А. Э., Хасанов М., Ван Цзяньсинь. Основные результаты археологических работ в бассейне реки Сурхандарья в Узбекистане // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №4. С. 191–214. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-11](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-11)

MAIN RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL WORK IN THE SURKHANDARYA RIVER BASIN IN UZBEKISTAN

Yunpeng Tan¹, Amridin E. Berdimuradov²,
Muttalib Khasanov³, Jianxin Wang^{4*}

¹Northwestern University, Xi'an, China;
yunpengt922@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0420-441X>

²Institute of Archaeology, Uzbekistan Academy of Sciences, Samarkand, Uzbekistan;
1539059758@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-1122-4080>

³Institute of Archaeology, Uzbekistan Academy of Sciences, Samarkand, Uzbekistan;
khasanov.muttalib@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7737-0307>

⁴Northwestern University, Xi'an, China;
13319185059@163.com, <https://orcid.org/0000-0002-5556-0553>

*Corresponding Author

Abstract. Archaeological excavations in the Surkhandarya River Basin show that the nomadic graves of the Rabat necropolis located in the foothill hilly areas of Northern Bactria belong to the second half of the 1st c. BCE — the first half of the 2nd c. CE. This is probably a site of the great Yuezhi. Above-ground burials in naus-type crypts dating from the same period were found on the ruins of the settlement, near the flat part of the Surkhandarya valley, most likely belong to the Yuezhi before the formation of the Kushan Empire. The two types of graves, differing in their form and burial rite, location area, etc., only confirm the fact that the Great Yuezhi and Kushans of the Imperial era are not exactly the same ethnic groups. The discovery of Serkharakat, Chinartep and other necropolises in the upper reaches of the Surkhandarya River confirmed our assumptions about the patterns of distribution of ancient monuments and additionally reveals the diversity of cultural groups of the period from the pre-imperial Yuezhi to the Kushan Empire.

Key words: Surkhandarya Basin; burials of the 1st c. BCE — 2nd c. CE; Da Yuezhi; Kushans; South Uzbekistan

Acknowledgements: this research paper is included in the list of interim achievements of the “National R&D Plan Programme (2016YFE02037000)”; the authors are grateful to Dr. Dildora Rahimova of the Institute of Middle East Studies, Northwestern University (China) for translation from Chinese into Russian; Dr Mei Jilin (School of Foreign Languages, Northwestern University) proofread the full text.

For citation: Tan Yu., Berdimuradov A. E., Khasanov M., Wang J. Main Results of Archaeological Work in the Surkhandarya River Basin in Uzbekistan. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022;34(4):191–214. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-11](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-11)

Введение

Река Сурхандарья — один из основных притоков Амударьи в Средней Азии. Она с севера на юг протекает через территорию нынешнего Таджикистана и Сурхандарьинской области Узбекистана, а присоединяется к р. Амударье вблизи города Термез в Узбекистане (рис. 1).

Согласно греко-римским источникам северная часть реки Амударья, территория бассейна реки Сурхандарья, включающая современную южную часть гор Западного Тяньшаня на юге Узбекистана и Таджикистана, относится к землям северной Бактрии. Во II–I тыс. до н.э. там известны памятники сапаллинской культуры (Аскар, 1973)

и вахшской культуры (Литвинский, 1964), относящиеся к бронзовому веку, а также более поздние памятники раннего железного века язской культуры (Массон, 1959).

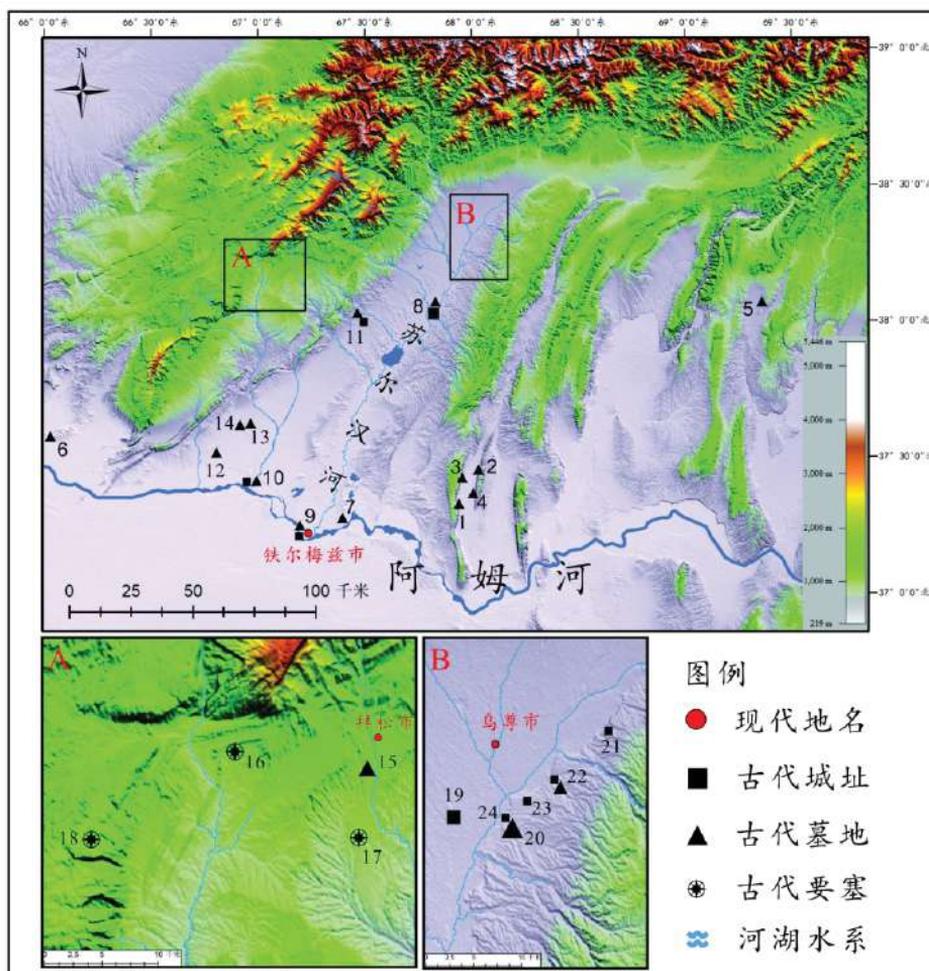

Рис. 1. Рельеф бассейна реки Сурхандарья и карта распространения памятников: 1 – Турлхар; 2 – Аруктау; 3 – Коккум; 4 – Бешкент №4–7; 5 – Ксиров; 6 – Бабашов; 7 – Айртам; 8 – Дальверзинтепа; 9 – Старый Термез; 10 – Кампыртепа; 11 – Ялангтуштепа; 12 – Сапаллитепа; 13 – Джаркутан; 14 – Бустан; 15 – Рабат; 16 – Шурабсай; 17 – Курганзол; 18 – Узундара; 19 – Халчаян; 20 – Серхаракат; 21 – Тишктепа; 22 – Чинартепа; 23 – Кургантепа; 24 – Караильтепа

Fig. 1. Landforms of the Surhan Darya Basin and distribution map of related sites: 1 – Turlhar; 2 – Aруктау; 3 – Kоккум; 4 – Beshkent IV – VII; 5 – Ksirov; 6 – Babashov; 7 – Ayrтам; 8 – Dalverzin Tеpa; 9 – Old Termez; 10 – Kаmпыr Tеpa; 11 – YalangtushTеpa; 12 – Sapallitepa; 13 – Dzharкutan; 14 – Bustan; 15 – Rabat; 16 – Shurabsay; 17 – Kurganzol; 18 – Uzundara; 19 – Khalchayan; 20 – Serkharakat; 21 – Tishktepa; 22 – Chinartepa; 23 – Kurgantepa; 24 – Karayltepa

В VI в. до н.э. династия Ахеменидов включила этот регион в состав своей империи. В 329 г. до н.э. Александр Македонский совершил восточный поход и включил регион в эллинистический мир. После смерти Александра господство над данной территорией досталось династии Селевкидов и затем Греко-Бактрийскому царству. Около 130 г. до н.э. наступление с севера кочевых племен привело к полному разрушению Греко-Бактрийского царства, и начался период правления больших юэчжей.

Около середины I в. н.э. под предводительством главы княжества Кушан Бактрия была объединена династией Кушан. К началу II в. н.э. после длительной экспансии была образована Кушанская империя, земли которой простирались от бассейна р. Амударьи до р. Ганг. Кушанское царство стало одной из четырех крупных империй на Евразийском континенте, оно стояло в одном ряду с такими крупными империями, как Хань, Рим и Парфия.

Исторические записи об эллинистическом периоде и Кушанской империи в Бактрии отражены в греко-римских и китайских источниках. В первых очень мало говорится о распаде Греко-Бактрийского царства до установления господства Кушан (период со 2-й половины II в. до н.э. до середины I в. н.э.), западные ученые называют этот период «темными веками» (Еноки, Кошеленко, Хайдари, 1994).

В «Исторических записках» Сыма Цяня в разделе «Повествование о Давани» говорится: «Большой юэчжи находится на запад от Даюани, напрямую в двух-трех тысячах ли. К северу от реки Гуйшуй. К югу от него — Дася; к западу — Аньси, к северу — Канцзюй. [Населяют его] кочевники, они перемещаются, следуя за скотом; обычаи такие же, как у сюнну. Лучников примерно сто — двести тысяч. В старину, будучи в силе, [юэчжи] третировали сюнну. Когда Маодунь вступил на престол, то разгромил юэчжи. Дошло до того, что сюннуский шаньюй Лаошан убил правителя юэчжи и сделал из его черепа чашу. Вначале юэчжи жили между [округом] Дуньхуан и [хребтом] Цилянью. Когда [они] были разбиты сюнну, то ушли далеко. Миновав Дайюань, на западе напали на Дася и подчинили его. Затем основали крупный город к северу от реки Гуйшуй, сделав его ставкой правителя» (Сыма Цянь, 2010).

Эти исторические записи свидетельствуют о том, что приход древнего кочевого племени больших юэчжей свергло греческое владычество над Большим Ся (Бактрия). Они захватили Бактрию и установили там господство, а административным центром вначале сделали земли к северу от Амударьи — северную Бактрию.

В греко-римских источниках не говорится об этом, однако Сыма Цянь в своих «Исторических записках» рассказал о времени, месте и причине миграции на запад больших юэчжей. Эта информация была получена из сделанных записей и увиденного Чжан Цянем после первого путешествия китайцев на Запад. Чжан Цянь — китайский дипломат, посланный императором У-ди династии Хань на запад для заключения союза с племенем больших юэчжей. У них в Бактрии Чжан Цянь прожил около года. Сведения, записанные в его «Повествовании о Давани», являются личным опытом дипломата. С точки зрения подлинности и своевременности эти сведения являются более достоверными, чем исторические записи о регионе, сделанные греко-римскими учеными, такими как Страбон и Птолемей, которые никогда там не были.

В академических кругах общепризнано, что большие юэчжи завоевали территорию Бактрии и жили там, но если говорить о соотношении этносов юэчжей и кушан, то возникает много спорных моментов. В настоящее время распространенное мнение научного сообщества таково: кушаны являются одной из ветвей племени больших юэчжей, Кушанская империя была создана под их руководством. Так нам сообщает китайская хроника. Но действительно ли это так?

Важным прорывом в археологии и изучении этнокультурного соотношения больших юэчжей Бактрии и кушан будет изучение и идентификация памятников периода больших юэчжей до Кушанской империи, прояснение взаимоотношений и различий между двумя этими сменившимися друг друга этнокультурными общностями. Согласно разделу «Повествование о Давани» в «Исторических записках», северные регионы Бактрии, расположенные к северу от реки Амударья, вначале были центром правления больших юэчжей; однако этот регион позже являлся областью деятельности кушан — правителей одного из княжеств Южной Бактрии. Поэтому с точки зрения археологии регионы северной Бактрии выступают ключевыми в вопросах разрешения важных исторических вопросов.

Результаты археологических исследований

С 2009 г. команда китайских археологов Северо-Западного университета (г. Сиань) в сотрудничестве с коллегами из Узбекистана и Таджикистана провела разностороннее и систематическое исследование на юго-востоке Узбекистана и юго-западе Таджикистана (Ма Цзянь и др., 2014; Жен Менг, 2014, 2015; Си Тунъюань, 2019) и в ходе работ обнаружила ряд важных памятников ранних кочевников. Узбекско-китайская совместная экспедиция с археологами из Северо-Западного университета и Института археологии Академии наук Узбекистана с 2015 по 2016 г. проводила раскопки в районе Сазаган на юго-западе Самарканда. В общей сложности на некрополе были раскопаны пять небольших погребений, один большой курган и одно поселение с каменных постройками, относящиеся к кочевым племенам периода со II в. до н.э. по I в. н.э. (Жен Менг, 2017).

Исходя из погребальных форм, обрядности и сочетания погребального инвентаря можно сказать, что открытые археологами в местности Сазаган погребения древних кочевников в совокупности с найденными на юго-западе Казахстана, на севере и в центральной части Узбекистана (в бассейнах рек Сырдарья и Зерафшан) представляют собой одну археологическую культуру. Судя по китайским хроникам, по хронологии, территории распространения и культурному сходству, они связаны с «кочевой империей» Кангюй (Рена Гули Юсуп, Си Тунъюань, Лян Юнь, 2018; Лян Юнь, Син Дунлинь, Хань Шуо, 2020; Яценко и др., 2020). Открытия в Сазагане также свидетельствуют о том, что южный край Самаркандской долины и северное подножье Западно-Тяньшаньских гор являются регионом, подвластным влиянию древнего Кангюя, а памятники больших юэчжей нужно искать в более южном регионе.

Осенью 2016 г. в ходе повторных археологических работ в бассейне р. Сурхандарья к югу от Западно-Тяньшаньских гор, проведенных узбекско-китайской командой археологов, в с. Рабат Сурхандарьинской области исследован некрополь, который был обнаружен местными жителями в ходе извлечения земли для постройки дома.

Некрополь находился примерно в 12 км к востоку от Железных Ворот. Байсунская долина упомянута в древнекитайских записках «Путешествие в Западный край во времена Великой Тан», «Путешествие в Западный край» и др. Расположенная в передней части южного подножия Западно-Тяньшаньских гор Байсунская долина имеет мягкий рельеф и обильные водные ресурсы, обладает хорошими природными условиями и всем необходимым для существования больших кочевых стоянок. На востоке она достигает среднего и верхнего течения Сурхандарьи и северного берега Амударьи на юге. Узбекские археологи совместно с французскими, германскими и российскими учеными в ходе археологических работ на линии Байсун — Железные Ворота обнаружили каменные стены и крепости, такие как Шурабсай (Рахманов, Рапен, 2003), Курганзол (Сверчков, 2008), Узундара (Двуреченская, 2018). Это, в свою очередь, лишь подтверждает факт, что регион являлся древним стратегическим центром, по крайней мере, со времен эллинистической эпохи (рис. 1.-а).

В 2017–2018 гг. узбекско-китайская команда археологов провела раскопки в некрополе №1 в Рабате и расчистила в общей сложности 94 небольших погребения (Лян Юнь и др., 2018; Тан Юньпэн и др., 2020), а также шесть погребений, которые были разрушены и не могли быть идентифицированы. Остальные погребения — подбойные и ямные (подбоев из них 59). Последние ориентированы с юга на север, с вертикальным коридором вдоль западного края, имеют вход в подбой, с грунтовой засыпкой входа. Только в подбое М64 обнаружен деревянный гроб, кости расчлененной женщины погребены в коридоре. Ямных погребений — 29. В некоторых погребениях, которые были разрушены не полностью, можно было заметить две ступеньки, и только в восьми погребениях использованы деревянные гробы.

Сочетание погребальных обрядов и инвентаря в двух типах погребений в основном одинаковое. Они представляют собой одиночные однократные погребения, покойника клали в вытянутом положении. В погребениях мужского пола инвентарь был представлен в виде коротких мечей, наконечников стрел, ножей, пряжек, блях и других предметов вооружения; также были найдены горшки, сосуды и другая керамика. В погребениях женского пола инвентарь в основном был представлен в виде золотых, серебряных, бронзовых и железных украшений (бронзовые зеркала, браслеты, кольца, серьги и заколки для волос), большим количеством украшений из бус, состоящих из стекла, фаянса, раковин, халцедона и хрусталя, а также керамикой: двуручные сосуды, бокалы, кружки и т.д. (рис. 2).

В Рабате выявлены лишь немногие погребения с довольно богатым погребальным инвентарем. В дополнение к местной керамике также было обнаружено большое количество артефактов, содержащих признаки влияния иноземных культур. Стоит отметить, например, украшения с орнаментами из многогранного стекла и фаянса в стиле изделий со средиземноморского побережья, узорчатое волнистое стекло в южноазиатском стиле, бронзовые медальоны с изображениями животных, металлические кинжалы в стиле евразийских степей и др. Такой погребальный инвентарь указывает на феномен взаимопроникновения культур. Это было связано с тем, что бактрийский регион находился на месте пересечения различных цивилизаций, связанных с Западной Азией, Южной Азией и евразийской степью.

Согласно известным археологическим материалам о Северной Бактрии, можно сказать, что Рабат тесно связан с рядом кочевых памятников, найденных советскими археологами в Таджикистане, Узбекистане и Туркменистане в 1950–1990-х гг., такими как Турлхар (Мандельштам, 1966), Аруктау (Мандельштам, 1975, с. 5–54), Коккум (Мандельштам, 1975, с. 55–63), Бешкент №4–7 (Литвинский, Зеймаль, Медведская, 1977; Медведская, 1979, 1980, 1983), Ксиров (Денисов, 1999) и другие на юго-западе Таджикистана, Бабашов (Мандельштам, 1975, с. 64–130) на юго-востоке Туркменистана и могильник Айртам (Тургунов, 1968) на юго-востоке Узбекистана.

Рис. 2. Некрополь Рабат в Байсуне (фотосъемка участка с юга на север)

Fig. 2. Rabat Cemetery in Baysun (photographing the site from south to north)

Это курганы с круглой каменной насыпью, под которой были в основном подбойные и ямные погребения. Наблюдались одиночные однократные погребения, усопшего клали в вытянутом положении на спине, погребальный инвентарь разнообразен. Рабат имеет большое сходство с вышеуказанными могильниками по форме погребений, погребальным обрядам и сочетанию погребального инвентаря. Он принадлежит к од-

ной с ними археологической культуре. В результате сравнения датировок по ^{14}C можно считать, что основной временной охват этих археологических культурных памятников, представленных в Рабате, — это II в. до н.э. — I в. н.э.

А. М. Мандельштам (1975, с. 148), К. Абдулаев (2007) и другие ученые считают, что это погребения с выраженными северно-кочевыми культурными особенностями, и их появление в больших масштабах во 2-й половине II в. до н.э., видимо, связано с вторжением кочевых племен на территорию Бактрии.

Данная точка зрения наиболее достоверна. Найденные памятники кочевых племен, относящиеся к периоду 2-й половины II в. до н.э. — 1-й половины I в. н.э., распространены в основном в предгорных и холмистых районах вокруг равнинных частей долин Северной Бактрии. Они отличаются культурной уникальностью, характерной для подбойных погребений, с одиночными однократными погребениями, в которых покойника помещали в вытянутом положении на спине.

Такие формы погребений и погребальные обряды не были обнаружены на территории Бактрии на месте более древних памятников до середины II в. до н.э., но имеют схожие черты с теми, что обнаружены на Восточном Тяньшане в Синьцзяне и относятся к периоду с V по II в. до н.э. Древние памятники исторически связаны во времени, пространстве и культурный характер связан с вторжением на запад, на территорию Бактрии, больших юэчжей, что зафиксировано в китайских источниках. Вероятно, эти памятники действительно оставлены большими юэчжами. Открытие Рабата дает нам важную информацию, которая заполняет пробелы в области знаний о культуре древней Бактрии от начала II в. до н.э. до I в. н.э.

Обсуждение материалов

В греческих источниках Бактрию называли «страной тысячи городов». На территории равнины долины Сурхандарья, расположенной на северном берегу р. Амударья, найдено более 100 городищ периода от бронзового века до средних веков. С 1920-х гг. совместные археологические команды стран Советского Союза, а в дальнейшем России, Франции, Японии и других стран, совместно с местными археологическими учреждениями проводили крупные археологические экспедиции вокруг древних городищ, что в итоге принесло серьезные результаты.

Раскопки городищ и крепостей, таких как Халчаян (Пугаченкова, 1966), Дальверзинтепа (Пугаченкова, 1978), Старый Термез (Феррерас и др., 2014), Кампыртепа (Ртвеладзе, 2017), предоставили важную информацию для изучения развития и эволюции истории на территории равнинной долины Сурхандарья в период от появления юэчжей до Кушанской империи. Особенно отметим Халчаян: здесь были найдены высококлассные архитектурные артефакты — дворцы и храмы с изысканными архитектурными декоративными компонентами, настенные росписи в виде статуи человека, также изображались сцены войны, охоты и царской жизни. Руководитель раскопок Халчаяна археолог Г.А. Пугаченкова считает, что древний Халчаян был основан в эллинистический период и достиг своих масштабных размеров в период ранних кушан, он служил тогда религиозным, культурным и политическим центром (Пугаченкова, 1966, с. 254–258). Таким образом, имеющиеся археологические материалы показывают, что артефакты, полученные во время раскопок в долине р. Сурхандарья, являются богатей-

шей коллекцией и подтверждают тот факт, что развитие культуры здесь имело последовательный и непрерывный характер в сравнении с другими окружающими территориями. Принято считать, что бассейн Сурхандарьи являлся основной средой обитания и деятельности больших юэчжей в Бактрии.

Поскольку предыдущие археологические работы проводились с целью изучения древних городищ, на некрополях этого периода проводилось мало раскопок — и открытый соответственно тоже было мало. На древних городищах было обнаружено и раскопано лишь малое количество наземных нишевых погребений периода от начала появления больших юэчжей до Кушанской империи, таких как в Старом Термезе (Мусакаева, 2008), Кампыртапа (Ртвеладзе, 1989), Дальверзинтепа (Пугаченкова, 1978, с. 97–114), Ялагтуштепа (Ртвеладзе, 1983).

Этот вид погребений еще называют наусами; они были распространены недалеко от древних городищ и крепостей, особенно на древнеземледельческих территориях равнинной долины; наиболее раннее из таких погребений появилось в конце II в. до н.э. и частично использовались до IV в. н.э. (Син Дунлинь, 2020, с. 45). Это наземные или немного заглубленные прямоугольные сооружения, сделанные из кирпичей, со сводчатым покрытием, могли быть однокамерными и многокамерными. Одновременно практиковались групповые погребения, повторные погребения; это привело к тому, что кости либо перемешались, либо и вовсе были потеряны.

Погребальный инвентарь представлен в виде двуручных сосудов, бокалов и другой керамики, также найдено небольшое количество монет и украшений (рис. 3). Археологи считают, что подобная форма захоронения создавалась под влиянием зороастризма (Ртвеладзе, 2001) и была одной из типичных для древнеземледельческих территорий в равнинной долине с периода ранних юэчжей до Кушанской империи. Эти захоронения показывают, что кушаны следовали своим традициям на протяжении довольно долгого времени.

Наусы на территории равнинных долин существовали одновременно с распространенными в предгорных и холмистых районах и в окрестностях равнинной долины курганными подбойными могилами и ямными погребениями. Со II в. до н.э. до 1-й половины I в. н.э. форма и сочетание гончарных изделий в основном были схожи. Анализируя синхронность и схожесть погребального инвентаря, многие ученые стали рассматривать эти два памятника как одну культуру, считая их погребениями ранних кушан. В ходе интенсивных археологических работ в бассейне Сурхандарьи мы обнаружили, что этот вывод неверен.

На территориях типичных земледельческих поселений оседлое население уже умело изготавливать и использовать керамику. Поэтому использование керамических изделий в работе по дифференциации и выявлению различных археологических культур, а также в изучении последовательного развития родственных археологических культур имеет определенные ограничения.

На древнеземледельческих территориях, от Синьцзяна до внутриконтинентальных засушливых земель Центральной Азии, равнинных долин, бассейнов и оазисов, основной моделью существования древних поселений было орошаемое земледелие. Земли, непригодные к орошению (межгорные и предгорные степные земли, холмистые районы вокруг равнинной долины и бассейнов рек), были местами обитания кочевых пле-

мен. Эти местности стали местами скрещивания культур, где отношения между земледельцами и скотоводами не имели сходства с европейской моделью разделения труда и не были похожи на бинарную систему взаимодействия юга и севера в восточно-азиатских регионах. Кочевые племена и земледельцы жили неподалеку друг от друга, их культуры переплетались, поэтому мирное существование для них было оптимальным выбором, так как кочевники в процессе обмена могли получить у земледельцев то, что не могли производить сами, — зерно, продукты производства, хозяйственную утварь. Земледельцы же, в свою очередь, могли получить у кочевников кожу, мясо, шерсть и другие продукты животноводства.

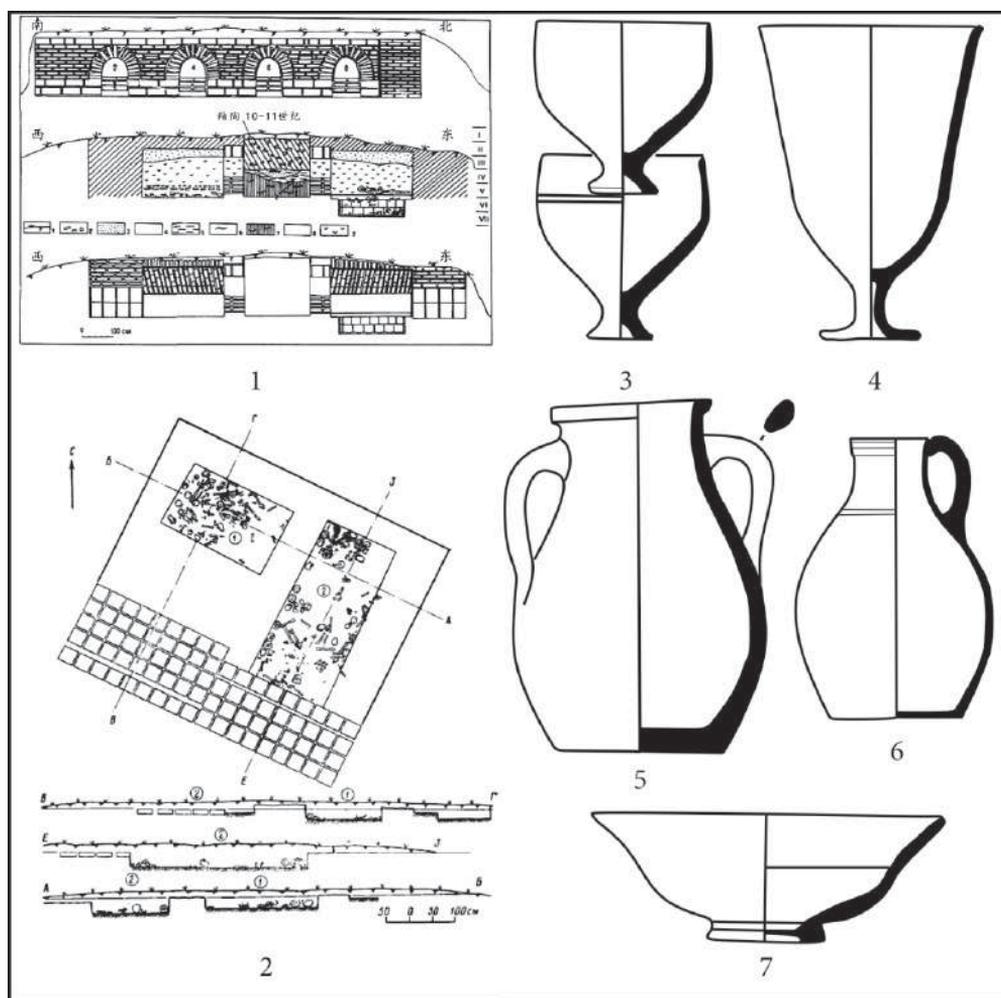

Рис. 3. Наусы и типичная керамика: 1 — №2-4-6-8 наус Дальверзинтепа; 2 — №1 наус Ялангтуштепа; 3-4 — бокалы; 5 — двуручной сосуд; 6 — горшок с одной ручкой; 7 — чаша

Fig. 3. Nauses and the typical pottery: 1 — №2-4-6-8 naus of Dalverzintepa; 2 — №1 naus of Yalantush-tepa; 3-4 — goblet; 5 — jar with two handles; 6 — single handle pot; 7 — Bowl

Кочевники в своей повседневной жизни очень редко использовали гончарные изделия так, как это умели делать земледельцы. Для них было удобнее носить с собой нехрупкие изделия из металла, кожи и дерева. Они очень редко занимались гончарным производством и из-за отсутствия технических возможностей и сырья. Поэтому использование кочевниками гончарных изделий, полученных у земледельцев, стало частым явлением; это подтверждают археологические открытия в Восточном Тяньшане (Шэнь Цзинь, 2012), Ферганской долине (Литвинский, 1973), Самарканде (Рапин, 2007).

В процессе археологического изучения зон переплетающихся культур неправильно опираться только на керамику, ее формы, их комбинацию и схожесть. Возможно, проще объединить кочевые и сельскохозяйственные памятники разных экономических форм в одну археологическую культуру, если материал это позволяет. Необходимо всестороннее изучение территории взаимодействия культур, их форм поселений, производственной структуры, форм захоронений, погребальных обрядов, сочетания погребального инвентаря и других элементов, выявление различий между памятниками культуры кочевых и древнеземледельческих групп, находящихся на одной географической площадке, их экономических форм и культурных традиций.

Северная Бактрия относится к засушливому региону: в равнинной долине реки Сурхандарья средняя температура в летний сезон достигает +28–32 °С, зимой температура достигает –1–3 °С. Безморозный период — 226–266 дней, а количество атмосферных осадков за год составляет всего 130–360 мм, которые приходится на весну и зиму. Несмотря на климатические особенности, нецикличность периодов дождя и жары, а также недостаточное количество атмосферных осадков с бронзового века древние жители продолжали заниматься ирригационным земледелием. В предгорных и холмистых районах вокруг равнинной долины летом средняя температура достигает +20 °С, зимой — –5–0 °С, количество атмосферных осадков составляет 445–625 мм. Из-за сложностей природного рельефа ирригационным земледелием заниматься было невозможно, но были благоприятные природные условия для выращивания кормовых трав, и это место было идеальным для развития скотоводства.

Существующие археологические данные показывают, что с приходом кочевых племен во 2-й половине II в. до н.э. на территорию бассейна Сурхандарья началось скрещивание кочевых и земледельческих культур. Равнинные долины представляют собой пригодную для развития традиционного ирригационного земледелия зону; там развивалось гончарное производство, и с учетом типов, форм и технологии изготовления гончарных изделий весь процесс представлял собой более стабильную, развитую систему.

В последние годы в Барселонском университете проводились исследования по анализу керамических изделий с эллинистического периода до кушанского периода Старого Термеза, и результаты показали: даже если в формах и в составе гончарных изделий больших юэчжей произошли какие-то незначительные изменения, с большей вероятностью это произошло в целях удовлетворения каких-то жизненных потребностей кочевников. Тем не менее гончарное производство не отклонилось от эллинистических стандартов изготовления (Мартинес Феррерас и др., 2019). Исследования выявили два ключевых момента: во-первых, с приходом больших юэчжей на территорию Северной Бактрии увеличился спрос на гончарные изделия, производимые в древне-

земледельческих районах; во-вторых, гончарные изделия древнеземледельческих племен по-прежнему создавались по традиционным стандартам изготовления, т.е. гончарные изделия, предоставленные кочевым племенам, имели аналогию с теми, что использовались в более ранних земледельческих районах.

Проанализировав памятники двух взаимодействующих культур в бассейне р. Сурхандарья, можно увидеть, что подбойные и ямные погребения распространены в основном в предгорных и холмистых районах. Это были одиночные однократные погребения с разнообразным инвентарем. Наусы, наоборот, были распространены на территории равнинных долин, погребения в них были повторными и коллективными, инвентарь бедный, предметов вооружения обнаружено не было. Эти две культуры с точки зрения территории распространения, форм захоронений, погребальных обрядов и сочетания погребального инвентаря отображают экономическую форму и культурные традиции, поэтому различия этих культур все-таки были. Суммируя существующие археологические и исторические данные, можно сказать, что погребения, представленные в некрополе Рабат, скорее всего, принадлежат кочевым племенам больших юэчжей; наусы же принадлежат занимающимся ирригационным земледелием общинам Кушанской империи. Эти две культуры существовали параллельно, были тесно связаны между собой и вместе с тем являлись разными археологическими культурами.

Согласно уже известным историческим и археологическим материалам состав населения равнинной долины Древней Бактрии был смешанным, по крайней мере там были бактрийские аборигены, индийские переселенцы, потомки персов, греков и др. Среди раскопанных объектов на местах обитания юэчжей до Кушанской империи, представляющих зороастрийские верования, было обнаружено большое количество артефактов, отражающих греческую и индийскую религии. Очевидно, что наусы не могли быть единственной формой погребения в этот период. Но почему же за последние столетия во время археологических работ в бассейне р. Сурхандарья не было обнаружено некрополей периода ранних юэчжей и Кушанской империи с другими видами погребений?

В археологических материалах Бактрии, кроме найденных и раскопанных некрополей вблизи памятников эпохи бронзового века, погребения периода раннего железа, Персидской империи и периода эллинизации встречаются редко. Даже в период ранних юэчжей и Кушанской империи, когда градостроительство было развито и население стремительно росло, было найдено лишь небольшое количество наусов.

В процессе общения мы узнали, что такое малое количество погребений после бронзового века или их отсутствие объяснялось тем, что после VII в. до н.э. на территории Бактрии начал свое распространение зороастризм, и принято считать, что люди использовали обряд захоронения под открытым небом, трупосожжение и другие виды обрядов. Это привело к тому, что захоронения и останки костей почти не сохраняются, их было сложно обнаружить. После проведения археологических работ в бассейне Сурхандарьи у нас появилась новая информация о причинах отсутствия погребений после бронзового века и о площади их распространения.

Судя по нынешним археологическим открытиям, количество могильников бронзового века в этой области невелико. Памятники бронзового века Сапаллитепы, Джарку-

тан, Бустон были распространены вблизи предгорных и аллювиальных отложений рек Амударья и Сурхандарья, и люди древнеземледельческих поселений этого периода использовали воды аллювиальных отложений для развития ирригационного земледелия и сельскохозяйственного производства (Миллер, 1999). Население в тот период было маленьким, нехватки сельскохозяйственных угодий не было, поэтому некрополи можно легко обнаружить, так как они находились вблизи останков поселений того же периода.

С наступлением железного века и ростом населения люди начали занимать территории равнинных долин, которые не орошались естественным путем, и они усовершенствовали ирригационную систему, начали строительство оросительных сооружений, словом — развивали ирригационное земледелие; темпы роста населения ускорились с миграцией иноземцев, население увеличилось еще больше. И наоборот, площадь орошаемых земель сельскохозяйственных угодий была ограничена, в условиях технических возможностей того времени возможности их расширить не было.

В таких условиях, если бы в древности на пахотных землях древних городищ снова совершались бы погребальные захоронения, это лишь усугубило бы ситуацию с нехваткой пахотных земель. Кроме того, один из древних способов орошения — это поверхностное орошение, и оно привело к тому, что земли стали непригодными для погребений. На холмах на территории возвышений среди равнинных долин (включая естественные курганы и заброшенные руины городов) найдено небольшое количество погребений, обнаружить их больше остается для нас сложной задачей. Объективно говоря, предыдущие археологические работы на этой территории в основном были сосредоточены на изучении районов древних городищ, что сформулировало научную традицию «важности городищ и недооценки погребений».

Итак, где же находятся древние погребения бассейна реки Сурхандарья с начала железного века до Кушанской империи? По нашим наблюдениям, некрополи современных земледельческих общин распространены в основном вблизи незанятых сельскохозяйственных территорий, на двухступенчатых и трехступенчатых террасовых полях, равно как и поселения живущих на этой же территории древних племен. Скорее всего, в целях сохранности площади пахотных земель это был неизбежный выбор древнеземледельческих племен в засушливых районах; существовало общее правило для этих племен и их современников выбора данной территории местом своих могильников. Поэтому на местах древних поселений могут быть некрополи взаимодействующих культур. Отличие лишь в том, что эти захоронения не распространялись вблизи ирригационных земель, их следует искать на территории террасовых полей, там, где земли не орошались. На основе наших наблюдений и анализа мы решили провести региональное археологическое изучение долины с террасными полями по обе стороны разлива верхнего течения р. Сурхандарья, где в прошлом было проведено очень мало исследований. На равнине в верховьях Сурхандарья расположены крупные древние городища периода от ранних юэчжей до Кушанского царства, такие как Халчаян и Дальверзинтепа. Здесь были проведены систематические археологические работы, в ходе которых эти места были определены основной средой обитания ранних юэчжей. Недалеко от древних городищ были расположены двухступенчатые и трехступенчатые террасные поля; поздняя производственная деятельность не изменила основного облика земли,

что позволило некрополям сохраниться. С 2018 по 2019 г. узбекско-китайская команда археологов в ходе исследований в верховьях р. Сурхандарья обнаружила и подтвердила крупный общинный некрополь Серхаракат периода до Кушанской империи (рис. 4).

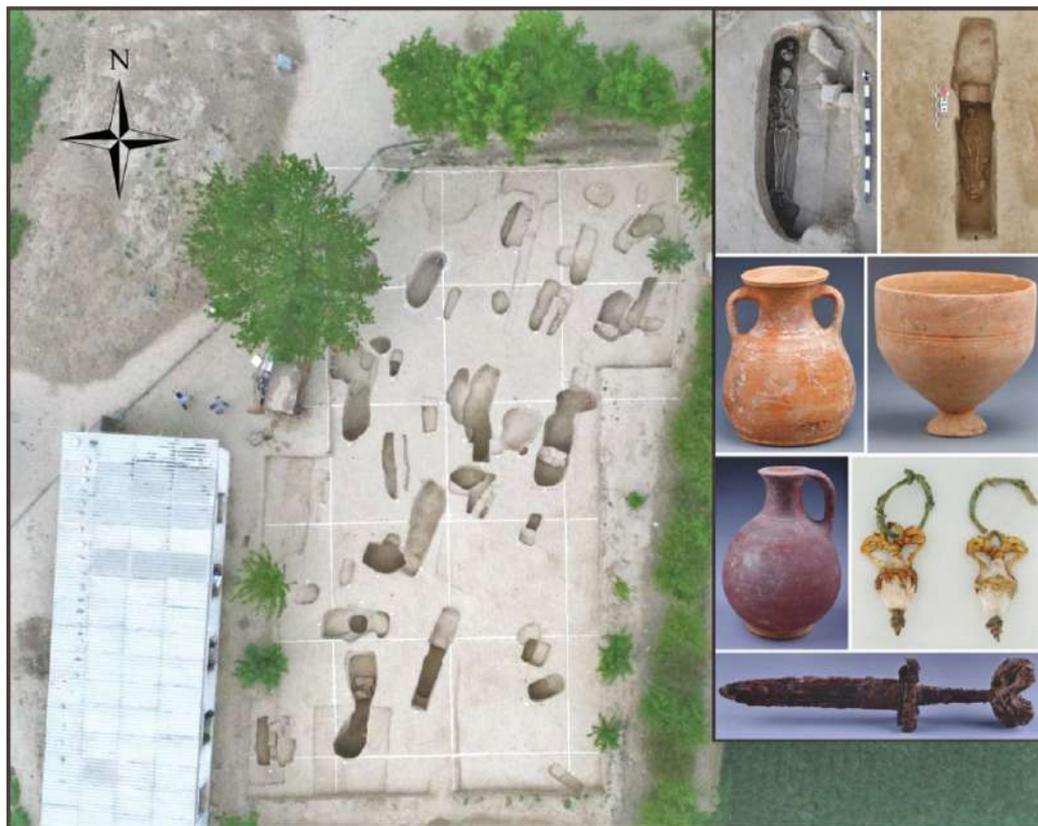

Рис. 4. Некрополь Серхаракат в Узуне

Fig. 4. Serharakat Necropolis in Uzun

Некрополь расположен в пос. Серхаракат (г. Узун Сурхандарьинской области) на трехступенчатом террасном поле восточного берега р. Сурхандарья, всего в 2 км от знаменитого городища Халчаян. Проведенная геологическая разведка подтвердила, что некрополь занимает площадь около 50 тыс. кв. м, и на сегодняшний день он является самым крупным древним некрополем бронзового века, обнаруженным в бассейне Сурхандарья. Весной 2019 г. на некрополе были проведены масштабные археологические работы: всего было расчищено 38 погребений и 15 зольных ям. Данные раскопок показывают, что некрополь имеет широкие хронологические рамки, которые включают и памятники бронзового века, Средневековья, но в основном это были погребения раннекушан и Кушанского царства. Среди них 15 подбойных могил, четыре катакомбных погребения и шесть наусов.

Подбойные могилы были ориентированы с юга на север, с вертикальным коридором вдоль западного края, входом в подбой. Это одиночные однократные погребения, усопшего клали в вытянутом положении на спине, засыпка входа в подбой грунтовая. В погребениях мужского пола почти весь инвентарь связан с извечными мужскими занятиями, среди них — короткий кинжал с «сердцевидным» навершием, ножи, пряжки и другие железные предметы вооружения и экипировки. В женских погребениях найдена керамика: одноручные сосуды, чаши и горшки, а также украшения — медные браслеты, серьги (в т.ч. золотые), колокольчики, а также бусы из стекла, фаянса, агата, горного хрусталя и др. Эти погребения схожи с найденными на Рабатском некрополе могилами кочевых племен. Но по сравнению с кочевыми погребениями инвентарь здесь небогатый, формы керамики малочисленны и не обнаружено следов их использования; они обладают характеристиками сугубо погребального инвентаря. Такие погребения, возможно, принадлежат юэчжийским кочевым племенам, которые проникли на древнеземледельческие территории, но мы не исключаем и вероятности влияния кочевой культуры на древнеземледельческую.

У катакомбных погребений форма и структура особые, они значительно отличаются от ранее обнаруженных в Средней Азии катакомбных могил. Камеры делали в конце коридоров, проходы строились по длинной оси, в основном туда помещали одного погребенного либо это были коллективные погребения; клали их в вытянутом положении на спине, форма катакомбы напоминала собой китайский иероглиф «冂».

В одиночных камерах кости верхней части тела погребенного были частично потревожены грабителями, кости черепа разбиты и разбросаны по разрушенному коридору и яме. В парных захоронениях кости верхней части тела погребенного в нижнем слое также были потревожены грабителями, а кости погребенного в верхнем слое сохранили свою целостность. Инвентарь представлен в виде нескольких железных изделий, бус и костей животных из жертвенной пищи. Заметим, что в Гиссарском некрополе на территории нынешнего Таджикистана выявлено большое количество схожих погребений. Согласно известным артефактам (подражание оболам Евкратиды) эти погребения можно датировать II–IV вв. н.э. (Абдуллаев, 1975).

Некрополь Серхаракат хоть и не был раскопан полностью, но проведенные раскопки периода от ранних юэчжей до Кушанского царства уже показали нам, что погребения и погребальные обряды тогда были многообразными, для изучения локализации, культурных особенностей и межплеменных отношений этого периода он предоставил важные материалы.

Могилы, найденные в этом некрополе, также подтверждают, что племена, живущие на территории равнинных долин, преимущественно выбирали местом своих погребений зону террасовых полей — непригодные к орошению земли, в непосредственной близости от древних городищ. Кроме того, два вида катакомбных погребений стали первыми видами обнаруженных могил. Форма, структура и погребальные обряды значительно отличались от уже известных нам наусных погребений.

На площади некрополя были обнаружены многообразные по структуре подбойные и катакомбные могилы, судя по погребальным обрядам — это одиночные однократные погребения, парные вторичные погребения с предшествующим разрушением, а также

парные однократные погребения с разрушениями, проводимыми одновременно. Эти открытия отображают историю существования различных племен, историю многообразия культуры на территории равнинных долин в период ранних юэчжей и период Кушанской империи, сформировав резкий контраст с погребениями и погребальными обрядами однообразной культуры того же периода на месте некрополя Рабат.

Обнаружение Серхараката и проведение раскопок здесь заполнило пробелы в обнаруженных ранее крупных некрополях раннекушанского (раннеюэчжийского) периода до Кушанской империи на территории равнинной долины реки Сурхандарья, обогатило археологические данные об этом периоде. Некрополь широко использовали в раннекушанское время ранних юэчжей, что совпало с периодом расширения территории древнего городища Халчаян, и поэтому с высокой вероятностью это были общинные некрополи одного времени.

Серхаракат — не единичный памятник: в непосредственной близости от древнего городища, видимо, есть и другие некрополи этого периода. Поиск памятников и проведение сравнительного анализа смогут помочь нам глубже понять особенности характеристик периода юэчжей-кушан, расширить наше понимание о локализации поселений, их структуры и т.д.

Продолжение работ

Зимой 2019 г. узбекско-китайская команда археологов продолжила планомерные исследования вдоль восточного берега верхнего течения р. Сурхандарья, в результате были обнаружены или дополнительно обследованы памятники периода юэчжей-кушан: Кургантепа, Чинартепа (обнаружены впервые), Тишктепа, Караилтепа и другие поселения (рис. 1.-Б).

Чинартепа — небольшое городище на восточном берегу р. Сурхандарья, центр его представляет собой приподнятую плоскость, а вершина состоит из двух прямоугольных оснований. Северная сторона основания немного больше, около 15 м в высоту и 100 м в длину с севера на юг, более 60 м в ширину с востока на запад. Южная же сторона основания меньше — около 10 м в высоту, 60 м в длину с востока на запад и около 50 м в ширину с севера на юг.

На восточной и южной сторонах возвышения недалеко от центрального городища был обнаружен фундамент постройки. Предварительно вся площадь участка составляла около 100 тыс. кв. м. На территории руин была собрана коллекция монет: одна Сотера Мегаса (безымянный царь), две Вимы Кадфиза и одна Хувишки. Также было выявлено большое количество бокалов, двуручных сосудов и горшков — типичных образцов гончарных изделий времен ранних юэчжей до Кушанской империи: кубки, амфоры, гончарные чаши и др. (рис. 5). Вместе с тем в результате флотации собранных образцов почвы были обнаружены карбонизированные семена риса и виноградные косточки; их датировка методом спектрографического анализа составила 45 г. до н.э. — 85 г. н.э. (95,4%) и 85 г. до н.э. — 75 г. н.э. (95,4%) соответственно.

Немаловажно и то, что на южной и северной сторонах возвышенности были обнаружены два некрополя; в южном выявлено уже более 40 погребений, а в северном раскопано пока только одно. От этого некрополя сохранилось лишь дно камеры, стены выложены сырцовым кирпичом, кости перемешаны, обнаружены также кусочки изделий

гончарного обжига и небольшое количество украшений из стеклянных бус. Экспертиза показала, что в погребении было захоронено по меньшей мере четверо умерших; кости деформировались, что свидетельствует о повторном погребении. Судя по форме погребения и погребальному обряду, место захоронения представляет собой разрушенное наземно-нишевое погребение кушанского типа. По датировке образцов человеческих костей, собранных из этих погребений, это было примерно с 20 г. до н.э. до 130 г. н.э. (95,4%). Исследования показали, что кроме наземно-нишевых погребений на этих двух некрополях существовали также катакомбные и вертикально ямные погребения.

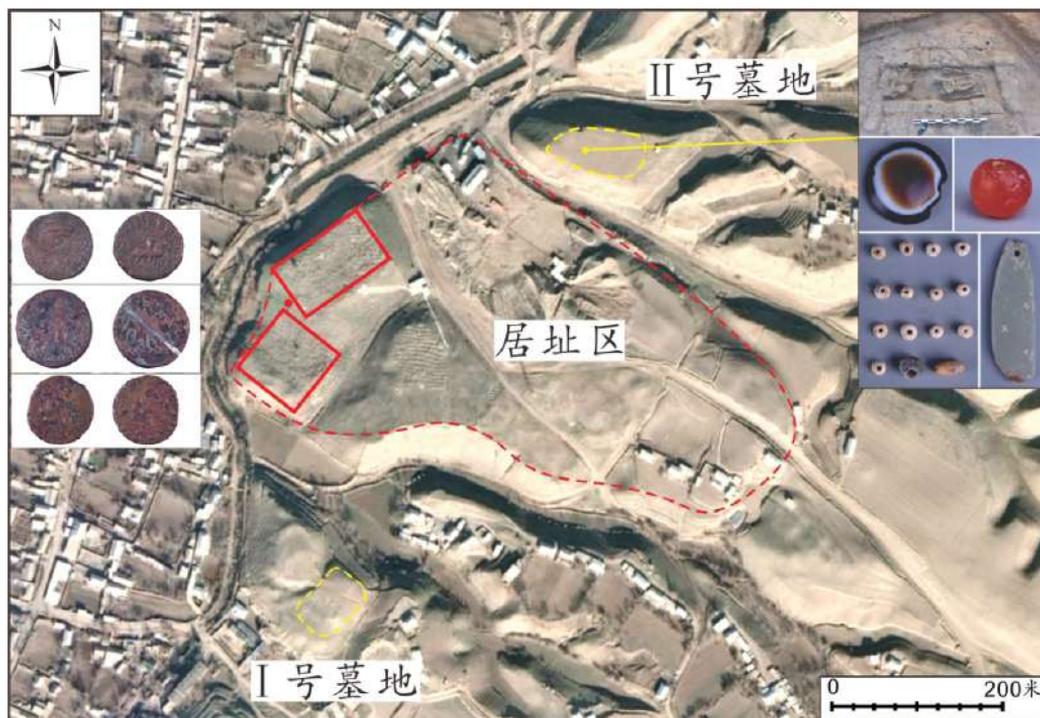

Рис. 5. Чинартепа

Fig. 5. Chinarterpa

Впервые за всю историю археологии Бактрии раннекушанского доимперского периода одновременно обнаружены разнотипные погребения на городище Чинартепа, что было неожиданно. Такие открытия предоставляют более полные археологические данные для изучения особенностей кушанских погребений, взаимодействия и многообразного культурного облика.

Кроме того, древние городища, представленные двумя и тремя ярусами конструкции, как Чинартепа, существенно отличаются от древних городищ в равнинной долине того же периода. Вновь обнаруженные городища имеют небольшие размеры, они размещены в виде цепочки по краю террасных полей, расстояние между ними составляет 3–4 км. Эти городища возводились на ступенях террасных полей и восходили к воз-

вышенностям, забравшись на которые, можно увидеть обширное пространство равнины. Возможно, изначально они были возведены и использованы в качестве элементов оборонительной стены, а затем прогрессировали в небольшие поселения. Поскольку городище находилось на возвышенности, не было возможности отвода речных вод, поэтому ирригационное земледелие здесь отсутствовало. Для сравнения, городища, расположенные на территории равнинной долины, наоборот, были больше по размерам, вокруг были пахотные земли, и поэтому здесь развивалось ирригационное земледелие, а поблизости не было пригодных для погребений мест. Вот почему на территории равнины практически невозможно обнаружить крупные курганы одного времени.

Заключение

Согласно новым археологическим данным, имеющимся в настоящее время, в сочетании с китайскими и греко-римскими сочинениями и документацией об археологических находках, можно считать, что со 2-й половины II в. до н.э. по 1-ю половину I в. н.э. кочевые памятники, представленные некрополем Рабат, расположенные в предгорных холмистых зонах вокруг равнинной части Северной Бактрии, с точки зрения особенностей их локализации, хронологии и культурных особенностей полностью соответствуют истории проникновения юэчжей в западные регионы Бактрии, описанной в древнекитайских хрониках, поэтому мы можем смело говорить, что эти памятники принадлежат большим юэчжам.

Земледельческие поселения, представленные Халчаяном, Дальверзинтепа и Старым Термезом, хотя и имели тесные связи и взаимовлияние с кочевыми культурами, но все же представляли разные общинные группы с совершенно разными экономическими формами и культурными традициями. В результате раскопок были получены показательные артефакты, такие как монеты ранних кушан, которые в плане экономики, культуры и политики унаследовали греко-бактрийскую традицию. Поэтому принято считать, что эти памятники представляют собой археологическую культуру раннекушанского периода, которая создавалась под властью больших юэчжей. Часть населения Бактрии — потомки греко-бактрийского царства и не являются частью племен юэчжей. В последующем Кушанская империя продолжила культурные традиции ранних кушан, но не культуру больших юэчжей. Именно кушаны из Южной Бактрии, а не северные большие юэчжи основали Кушанскую империю.

Академические круги Европы, Америки, России, Японии и других стран на протяжении многих лет активно занимаются археологией Шелкового пути, в процессе работ накопили большое количество исследовательских материалов и проводили плодотворные академические дискуссии в области археологии Шелкового пути. Однако в западных академических кругах об археологических исследованиях Центральной Азии, ключевого участка древнего Шелкового пути, в основном придерживаются традиционной европейской точки зрения и делают акцент на историю влияния древней Персии, Греции и Скифии на Среднюю Азию. Совместная узбекско-китайская команда археологов Северо-Западного университета и Института археологии Академии наук Узбекистана с точки зрения Востока отправной точкой археологических исследований Шелкового пути выбрала изучение древней культуры больших юэчжей, бросая вызов некоторым стереотипам международного академического сообщества. В настоящее вре-

мя археологические работы в бассейне реки Сурхандарья совершили прорыв и заложили основу нового понимания данного вопроса. Широко используются данные междисциплинарных методов и современной техники, создающие новые возможности исследований, которые могут стать общепризнанными.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Абдуллаев А. Отчет о раскопках погребений в Гиссаре (август — сентябрь 1971 г.) // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XI. Душанбе : Дониш, 1975. С. 49–58.

Абдуллаев К. Миграция кочевников в Центральной Азии // После Александра. Средняя Азия до ислама / под ред. Джо Крибба и Джорджины Херрманн. Оксфорд : Изд-во Оксфордского ун-та, 2007. С. 73–98.

Аскарлов А. А. Сапаллитепа. Ташкент : Фан, 1973. 172 с.

Двуреченская Н. Д. К методике полевых исследований в горной местности (на примере эллинистической крепости Узундара) // Краткие сообщения института археологии. Вып. 251. М. : ИА РАН, 2018. С. 168–180.

Денисов Е. П. Могильник Ксиров в контексте погребальных памятников кочевников Северной Бактрии — Тохаристана. Ставрополь : Б.и., 1999. 127 с.

Еноки К., Кошеленко Г. А., Хайдари З. Юэчжи и их миграции // Харматта Дж., Пури Б.Н., Этемади Г. Ф. Развитие оседлых и кочевых цивилизаций в Средней Азии: 700 г. до н.э. — 250 г. н.э. Париж : Изд-во ЮНЕСКО, 1994. С. 179–183.

Жен Менг. Археологическое исследование от энеолита до эллинистических памятников в Узбекистане и Таджикистане // Культурное наследие. 2014. №7. С. 54–67.

Жен Менг. Археологическое исследование от раннекушанской до позднекушанской эпохи в Таджикистане и Узбекистане // Культурное наследие. 2015. №6. С. 17–33.

Жен Менг. Доклад об археологических работах в Сазагане в Самарканде в 2015 году // Западная археология. Вып. 12. Пекин : Наука, 2017. С. 1–28.

Литвинский Б. А. Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов) // Индия в древности. М. : Наука, 1964. С. 143–165.

Литвинский Б. А. Керамика из могильников западной Ферганы. М. : Наука, 1973. 260 с.

Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И., Медведская И. Н. Отчет о работах Южно-Таджикистанской археологической экспедиции в 1973 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XII. Душанбе : Дониш, 1977. С. 76–104.

Лян Юнь, Ли Вэйвэй, Пей Цзяньлун и др. Краткий отчет о раскопках в Рабатском некрополе в Байсуне, Узбекистане (2017 г.) // Культурное наследие. 2018. №7. С. 4–30.

Лян Юнь, Син Дунлинь, Хань Шуо. Краткий отчет М11-2 о Сазаганских раскопках // Археология и Культурное наследие. 2020. №3. С. 27–36.

Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию. М. : Наука, 1966. 230 с. (МИА СССР; №136).

Мандельштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени в северной Бактрии. Л. : Наука, 1975. 212 с.

Мартинес Феррерас В., Ангуракис А., Хайн А. и др. Оценка эллинистических и кочевых культурных образцов через керамику в древнем Термезе, Узбекистан // *Геоархеология*. 2019. №34(5). С. 540–564.

Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л.: Наука, 1959. 215 с. (МИА СССР. Вып. 73).

Ма Цзянь, Ван Цзяньсинь, Цен Эдон и др. Краткий отчет за 2014 год об археологической экспедиции в южном округе Самаркандской котловины, Узбекистан // *Западная археология*. Вып. 8. Пекин: Наука, 2014. С. 1–32.

Медведская И. Н. Раскопки Шаартузе в 1974 г. // *Археологические работы в Таджикистане*. Вып. XIV. Душанбе: Дониш, 1979. С. 110–122.

Медведская И. Н. Раскопки Шаартузе в 1975 г. // *Археологические работы в Таджикистане*. Вып. XV. Душанбе: Дониш, 1980. С. 110–119.

Медведская И. Н. Раскопки Шаартузского отряда в 1977 году // *Археологические работы в Таджикистане*. Вып. XVII. Душанбе: Дониш, 1983. С. 120–130.

Миллер Н. Ф. Развитие земледелия в западной части Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы // *История растительности и археоботаника*. 1999. №8(1–2). С. 13–19.

Мусакаева А. А. Из истории погребальной обрядности кушанской Бактрии: наусы Старого Термеза // *История материальной культуры Узбекистана*. Вып. 36. Ташкент: Фан, 2008. С. 149–156.

Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент: Фан, 1966. 285 с.

Пугаченкова Г. А. Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978. 237 с.

Рапин С. Кочевники и формирование Центральной Азии (от раннего железного века до кушанского периода) // *После Александра. Средняя Азия до ислама* / под ред. Джо Крибба и Джорджины Херрманн. Оксфорд: Изд-во Оксфордского университета, 2007. С. 29–72.

Рахманов Ш., Рапен К. Железные ворота // *Труды Байсунской научной экспедиции*. Вып. I. Ташкент: San'at, 2003. С. 22–32.

Рена Гули Юсуп, Си Тунъюань, Лян Юнь. Краткий отчет М11 о Сазаганских раскопках // *Культурное наследие*. 2018. №7. С. 31–41.

Ртвеладзе Э. В. Могильник кушанского времени в Ялангтуш-тепе // *Советская археология*. 1983. №2. С. 125–143.

Ртвеладзе Э. В. Культовые и погребальные памятники кушанского времени из Кампыр-тепе // *Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизации древнего и средневекового Востока*. М.: ГРВЛ, 1989. С. 209–250.

Ртвеладзе Э. В. Погребально-культовые сооружения Кампыртепа // *Материалы Тохаристанской экспедиции*. Вып. II. Ташкент: San'at, 2001. С. 65–94.

Ртвеладзе Э. В. Кампыртепа — Александрия Оксианская: город-крепость на берегу Окса в эллинистическое и постэллинистическое время (конец IV в. до н.э. — I в. до н.э.). Ташкент: San'at, 2017. 148 с.

Сверчков Л. Крепость Курганзол (к истории Средней Азии в эллинистическую эпоху) // *Древние цивилизации от Скифии до Сибири*. 2008. №14(1–2). Рр. 123–191.

Си Тунъюань. Археологическое исследование памятников согдийского периода в Узбекистане и Таджикистане // Культурное наследие. 2019. №1. С. 44–66.

Син Дунлинь. Предварительные исследования погребений кушанского периода в Северной Бактрии. Сиань : Северо-Западный университет, 2020.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи): Т. 9. М. : Вост. Лит., 2010. 623 с.

Тан Юньпэн, Ли Вэйвэй, Лян Юнь и др. Краткий отчет о раскопках в Рабатском некрополе в Байсуне, Узбекистан (2018 г.) // Археология. 2020. №12. С. 53–80.

Тургунов Б. А. Айртамский могильник // Общественные науки в Узбекистане. 1968. №8. С. 50–53.

Феррерас В. М., Гил Э. А., Эспаррагера Дж. М. Г. и др. Ограждение Чингиз-Тепе (Древний Термез, Узбекистан) в кушанский и кушано-сасанидский периоды. Анализ археологической стратиграфии и датировки ¹⁴C // *Iranica Antiqua*. Т. 49. Лувен : Peeters Publishers, 2014. С. 413–469.

Шэнь Цзинь. Исследование руин бронзового и раннежелезного веков Восточно-Тяньшаньского региона по технологиям гончарного производства и месторождений. Сиань : Северо-Западный университет, 2012.

Яценко С. А., Авизова А. К., Торгоев А. И., Саипов А., Кулиш А. В., Китов Е. П., Рогожинский А. Е., Смагулов Е. А., Ержигитова А. А., Торежанова Н. Ж., Тур С. С., Иванов С. С. Археология и история Кангюйского государства. Шымкент : Элэм, 2020. 216 с.

REFERENCES

Abdullaev A. Report on the Excavations of Burials in Gissar (August — September 1971). *Archaeological Work in Tajikistan*. Vol. XI. Dushanbe : Donish, 1975. Pp. 49–58. (*In Russ.*)

Abdullaev K. Nomad Migration in Central Asia. In: *After Alexander. Central Asia before Islam* / Joe Cribb & Georgina Herrmann eds. Oxford : Izd-vo Oksfordskogo un-ta, 2007. Pp. 73–98.

Askarov A. A. *Sapallitepa*. Tashkent : Fan, 1973. 172 p. (*In Russ.*)

Dvurechenskaya N. D. To the Methodology of Field Research in Mountainous Areas (on the example of the Hellenistic fortress of Uzundara). In: *Brief Reports of the Institute of Archaeology*. Vol. 251. Moscow : IA RAN, 2018. Pp. 168–180. (*In Russ.*)

Denisov E. P. The Burial Ground of Ksirov in the Context of the Burial Sites of the Nomads of Northern Bactria — Tokharistan. Stavropol : B.i., 1999. 127 p. (*In Russ.*)

Enoki K., Koshelenko G. A., Haidary Z. The Yüeh-Chih and their Migrations. In: Har-matta J., Puri B. N., Etemadi G. F. *History of Civilizations of Central Asia: The Development of Sedentary and Nomadic Civilizations: 700 B. C. to A. D. 250*. Paris : Izd-vo YuNESKO, 1994. Pp. 179–183.

Reng Meng. Archaeological Survey from the Eneolithic to the Hellenistic Sites in Uzbekistan and Tajikistan. *Wen wu = Cultural relic*. 2014;7:54–67. (*In Chinese.*)

Reng Meng. The Archaeological Survey from the Pre-Kushan to Post-Kushan Era in Tajikistan and Uzbekistan. *Wen wu = Cultural relic*. 2015;6:17–33. (*In Chinese.*)

Reng Meng. Report on Archaeological Work in Sazagan in Samarkand, 2015. In: *Western Archaeology*. Vol. 12. Beijing : Nauka, 2017. Pp. 1–28. (*In Chinese.*)

Litvinsky B. A. Tajikistan and India (examples of ancient connections and contacts). In: *India in Antiquity*. Moscow : Nauka, 1964. Pp. 143–165. (*In Russ.*)

Litvinsky B. A. Ceramics from the Burial Grounds of Western Ferghana. Moscow : Nauka, 1973. 260 p. (*In Russ.*)

Litvinsky B. A., Zeimal T. I., Medvedskaya I. N. Report on the Work of the South Tajikistan Archaeological Expedition in 1973. In: *Archaeological Work in Tajikistan*. Vol. XII. Dushanbe : Donish, 1977. Pp. 76–104. (*In Russ.*)

Liang Yun, Li Weiwei, Pei Jianlong et al. Preliminary Report of Excavations at the Rabat Necropolis in Boysun, Uzbekistan (2017). *Wen wu = Cultural relic*. 2018;7:4–30. (*In Chinese.*)

Liang Yun, Xing Donglin, Han Shuo. Preliminary Report M11-2 on the Szagan Excavations. *Kao gu yu wen wu = Archaeology and Cultural relic*. 2020;3:27–36. (*In Chinese.*)

Mandelstam A. M. Nomads on the Way to India. Moscow : Nauka, 1966. 230 p. (MIA USSR. Vol. 136). (*In Russ.*)

Mandelstam A. M. The Sites of Nomads of the Kushan Period in Northern Bactria. Leningrad : Nauka, 1975. 212 p. (*In Russ.*)

Martínez Ferreras V., Angourakis A., Hein A. et al. Assessing Hellenistic to Nomadic Cultural Patterns through Pottery in Ancient Termez, Uzbekistan. *Geoarchaeology*. 2019;34(5):540–564.

Masson V. M. Ancient Agricultural Culture of Margiana. Moscow; Leningrad : Nauka, 1959. 215 p. (MIA USSR. Vol. 73). (*In Russ.*)

Ma Jian, Wang Jianxin, Tsen Edon et al. Brief Report for 2014 on the Archaeological Expedition in the Southern District of the Samarkand Basin, Uzbekistan. In: *Western Archaeology*. Vol. 8. Beijing : Nauka, 2014. Pp. 1–32. (*In Chinese.*)

Medvedskaya I. N. Excavations of Shaartuz in 1974. In: *Archaeological Work in Tajikistan*. Vol. XV. Dushanbe : Donish, 1979. Pp. 110–122. (*In Russ.*)

Medvedskaya I. N. Excavations of Shaartuz in 1975. In: *Archaeological work in Tajikistan*. Vol. XV. Dushanbe : Izd-vo Donish, 1980. Pp. 110–119. (*In Russ.*)

Medvedskaya I. N. Excavations of the Shaartuz Detachment in 1977. In: *Archaeological work in Tajikistan*. Vol. XVII. Dushanbe : Donish, 1983. Pp. 120–130. (*In Russ.*)

Miller N. F. Agricultural Development in Western Central Asia in the Chalcolithic and Bronze Ages. *Istoriya rastitel'nosti i arheobotanika = Vegetation History and Archaeobotany*. 1999;8(1–2):13–19. (*In Russ.*)

Musakaeva A. A. From the History of the Funeral Rites of the Kushan Bactria: the Nausaes of Old Termez. In: *History of Material Culture of Uzbekistan*. Vol. 36. Tashkent : Fan, 2008. Pp. 149–156. (*In Russ.*)

Pugachenkova G. A. Khalchayan. Tashkent : Fan, 1966. 285 p. (*In Russ.*)

Pugachenkova G. A. Dalverzintepe — a Kushan City in the South of Uzbekistan. Tashkent : Fan, 1978. 237 p. (*In Russ.*)

Rapin C. Nomads and the Shaping of Central Asia (from the Early Iron Age to the Kushan Period). In: *After Alexander. Central Asia before Islam / Joe Cribb & Georgina Herrmann* (eds.) Oxford : Izd-vo Oksfordskogo un-ta, 2007. Pp. 29–72.

Rakhmanov Sh., Rapen K. Iron Gates. In: *Proceedings of the Baysun Scientific Expedition*. Vol. I. Tashkent : San'at, 2003. Pp. 22–32. (*In Russ.*)

Rena Guli Yusup, Xi Tongyuan, Liang Yun. Preliminary Report M11 on the Sazagan Excavations. *Wen wu = Cultural Relic*. 2018;7:31–41. (In Chinese.)

Rtveladze E. V. Burial Ground of the Kushan Time in Yalangtush-tepe. *Sovetskaya Arheologiya = Archaeology*. 1983;2:125–143. (In Russ.)

Rtveladze E. V. Cult and Funerary of the Kushan Time from Kampyr-tepe. In: Scientific Notes of the Commission for the Study of Monuments of Civilization of the Ancient and Medieval East. Moscow : GRVL, 1989. Pp. 209–250. (In Russ.)

Rtveladze E. V. Burial and Religious Buildings of Kampyrtepa. In: Materials of the Tokharistan Expedition. Vol. II. Tashkent : San'at, 2001. Pp. 65–94. (In Russ.)

Rtveladze E. V. Kampyrtepa — Alexandria Oxian: a Fortress City on the Banks of the Oxus in the Hellenistic and Post-Hellenistic times (late 4th century BC — 1st century BC). Tashkent : San'at, 2017. 148 p. (In Russ.)

Sverchkov L. The Kurganzol Fortress (on the History of Central Asia in the Hellenistic Era). *Drevnie civilizacii ot Skifii do Sibiri = Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2008;14(1–2):123–191.

Xi Tongyuan. Archaeological Study of Sites of the Sogdian Period in Uzbekistan and Tajikistan. *Wen wu = Cultural Relic*. 2019;1:44–66. (In Chinese.)

Xing Donglin. Preliminary Studies of Burials of the Kushan Period in Northern Bactria. Xi'an : Severo-Zapadnyj universitet, 2020. (In Chinese.)

Sima Qian. Historical Notes (Shi Ji): T. 9. Moscow : Vost. Lit., 2010. 623 p. (In Russ.)

Tang Yunpeng, Li W Weiwei, Liang Yun et al. Preliminary Report of Excavations at the Rabat Necropolis in Baysun, Uzbekistan (2018). *Kao gu = Archaeology*. 2020;12:53–80. (In Chinese.)

Turgunov B. A. Airtam Burial Ground. *Obshchestvennyye nauki v Uzbekistane = Social Sciences in Uzbekistan*. 1968;8:50–53. (In Russ.)

Ferreras V. M., Gil E. A., Esparraguera J. M. G., et al. The Enclosure of Tchingiz-Tepe (Ancient Termez, Uzbekistan) during the Kushan and Kushan-Sassanian Periods. Archaeological Stratigraphy and ¹⁴C Dating Analyses. In: *Iranica Antiqua*. Vol. 49. Leuven : Peeters. Publishers, 2014. Pp. 413–469.

Shen Jingyi. Investigation of Bronze Age and Early Iron Age Ruins of the East Tien Shan Region by Pottery Technology and Deposits, Xi'an : Severo-Zapadnyj universitet, 2012. (In Chinese.)

Yatsenko S. A., Avizova A. K., Torgoev A. I., Saipov A., Kulish A. V., Kitov E. P., Rogozhinskii A. E., Smagulov E. A., Erzhigitova A. A., Torezhenova N. Zh., Tur S. S., Ivanov S. S. Archaeology and History of Kangju State. Shymkent : Ælem, 2020. 216 p. (In Russ.)

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Тан Юнпэн, PhD, Школа культурного наследия, Северо-Западный университет, Сиань, Китай.

Yunpeng Tang, PhD, School of Cultural Heritage, Northwestern University, Xi'an, China.

Бердимуратов Амридин Эргашович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии Академии наук Узбекистана, Самарканд, Узбекистан.

Amridin Ergashovich Berdimuradov, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology, Uzbekistan Academy of Sciences, Samarkand, Uzbekistan.

Хасанов Мутталиб, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Академии наук Узбекистана, Самарканд, Узбекистан.

Muttalib Khasanov, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archeology, Uzbekistan Academy of Sciences, Samarkand, Uzbekistan.

Ван Цзяньсинь, профессор Школы культурного наследия Северо-Западного университета, Сиань, Китай.

Jianxin Wang, Professor, School of Cultural Heritage, Northwestern University, Xi'an, China.

*Статья поступила в редакцию 19.07.2022;
одобрена после рецензирования 14.11.2022;
принята к публикации 02.11.2022.
The article was submitted 19.07.2022;
approved after reviewing 14.11.2022;
accepted for publication 02.11.2022.*

Научная статья / Research Article

УДК 903.5(517.3)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-12](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-12)

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОНГОЛЬСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ, ИССЛЕДОВАННЫЕ В ДОЛИНЕ ЭГИЙН-ГОЛА (СЕВЕРНАЯ МОНГОЛИЯ)

Алексей Алексеевич Тишкин^{1*}, Тумур-Очир Идэрхангай², Дул Цэнд³,
Самданцоодол Оргилбаяр⁴, Батдэлгэр Амгаланбат⁵,
Пурэвдорж Эрдэнэпурэв⁶, Болормаа Батчимэг⁷

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
tishkin210@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>

²Улан-Баторский государственный университет, Улан-Батор, Монголия;
iderkhangai2022@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5077-1100>

³Улан-Баторский государственный университет, Улан-Батор, Монголия;
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
dultsendee@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0056-9865>

⁴Улан-Баторский государственный университет, Улан-Батор, Монголия;
orgiob@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5492-2164>

⁵Национальный центр культурного наследия Монголии, Улан-Батор, Монголия;
amgalanbatbatdelger@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3414-6887>

⁶Улан-Баторский государственный университет, Улан-Батор, Монголия;
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
eegiir48@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9245-9692>

⁷Улан-Баторский государственный университет, Улан-Батор, Монголия;
batchimegbolormaa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2948-7687>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. Летом 2018 г. в рамках совместной монголо-российской экспедиции, организованной сотрудниками Улан-Баторского и Алтайского университетов, проводились археологические исследования в долине Эгийн-гола (Хутаг-Ундур сомон Булганского аймака Монголии). В ходе плановых работ осуществлялись раскопки четырех погребений монгольского времени в местностях Их хутул и Элст хутул. В данной статье детально представлены результаты такой деятельности. Особое внимание уделено зафиксированным надмогильным и внутримогильным сооружениям, а также положению и ориентации погребенных людей. Эти данные отражают специфические моменты реализованного обряда при сравнительном анализе с материалами других средневековых могил, обнаруженных и раскопанных в долине Эгийн-гола. Имеется хорошая перспектива изучения и обобщения сведений об археологических объектах монгольского времени на территории, которая планировалась как зона затопления водохранилища при строительстве гидроэлектростанции.

Ключевые слова: Северная Монголия, Эгийн-гол, экспедиция, Их хутул, Элст хутул, монгольское время, погребение, берестяной гроб, археологические находки

Благодарности: раскопки осуществлялись в рамках реализации международной научной программы Музея-института семьи Рерихов (г. Санкт-Петербург, Россия), а также в ходе проведения археологической практики у студентов Улан-Баторского государственного университета.

Для цитирования: Тишкин А. А., Идэрхангай Т-О., Цэнд Д., Оргилбаяр С., Амгаланбат Б., Эрдэнэпурэв П., Батчимэг Б. Средневековые монгольские погребения, исследованные в долине Эгийн-гола (Северная Монголия) // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №4. С. 215–233. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-12](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-12)

MEDIEVAL MONGOLIAN BURIALS, INVESTIGATED IN THE EGIIN-GOL VALLEY (NORTHERN MONGOLIA)

**Alexey A. Tishkin^{1*}, Tumur-Ochir Iderkhangai², Dul Tsend³,
Samdantsodol Orgilbayar⁴, Batdelger Amgаланbat⁵,
Purevdorj Erdenepurev⁶, Bolormaa Bamchimeg⁷**

¹Altai State University, Barnaul, Russia;

tishkin210@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>

²Ulaanbaatar State University, Ulaanbaatar, Mongolia;

iderkhangai2022@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5077-1100>

³Ulaanbaatar State University, Ulaanbaatar, Mongolia; Altai State University, Barnaul, Russia;

dultsendee@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0056-9865>

⁴Ulaanbaatar State University, Ulaanbaatar, Mongolia;

orgiob@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5492-2164>

⁵National center for cultural heritage Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia;

amgаланbatbatdelger@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3414-6887>

⁶Ulaanbaatar State University, Ulaanbaatar, Mongolia; Altai State University, Barnaul, Russia;

eegiip48@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9245-9692>

⁷Ulaanbaatar State University, Ulaanbaatar, Mongolia;

batchimegbolormaa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2948-7687>

*Corresponding Author

Abstract. In the summer of 2018, as part of a joint Mongolian-Russian expedition organised by staff from Ulaanbaatar and Altai Universities, archaeological research was carried out in the Egiin-gol valley (Hutag-Undur somon of the Bulgan aimag of Mongolia). The planned work included the excavation of four burials from Mongolian times in the localities of Ikh Khutul and Elst Khutul. This article presents the results of such activities in detail. Particular attention is paid to the recorded gravestones and grave structures, as well as the position and orientation of buried people. These data reflect the specifics of the implemented ritual in comparative analysis with the materials of other medieval graves discovered and excavated in the valley of Egiin Gol. There is a good prospect of studying and generalising information about archaeological sites from Mongolian times in an area which was planned to be flooded by a reservoir during the construction of a hydroelectric power station.

Key words: Northern Mongolia, Egiin-gol, expedition, Ikh Khutul, Elst Khutul, Mongolian time, burial, birch bark coffin, archaeological finds

Acknowledgements: the excavations were carried out as part of the international research program of the Roerich Family Museum-Institute (St Petersburg, Russia), as well as during an archaeological internship with students of Ulaanbaatar State University.

For citation: Tishkin A. A., Iderkhangai T-O., Tsend D., Orgilbayar S., Amgаланbat B., Erdenepurev P., Bamchimeg B. Medieval Mongolian Burials, Investigated in the Egiin-Gol Valley (Northern Mongolia). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022;34(4):215–233. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-12](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-12)

Введение

В начале 1990-х г. правительство Монголии приступило к планированию строительства гидроэлектростанции на р. Эгийн-гол в Булганском аймаке. В связи с этим были начаты спасательные раскопки памятников историко-культурного наследия на территории, обозначенной под зону водохранилища. В рамках этой программы в период с 1991 по 2002 г. работали монгольские и зарубежные исследователи. Нужно отметить Селенгинскую экспедицию Института истории Монгольской академии наук (МАН), а также монголо-французскую и монголо-американскую экспедиции (Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003, с. 3). Затем проект строительства гидроэлектростанции был приостановлен. Археологические работы возобновились в 2014 г. Сотрудники Института археологии МАН, Улан-Баторского государственного университета и Монгольского университета науки и технологий совместно провели дополнительные обследования в районе планировавшегося водохранилища, а также в зоне строительства новой асфальтированной дороги от г. Эрдэнэт до слияния рек Эгийн-гол и Селенга (Идэрхангай, Батхуу, Амарболд, 2014). В период с 2014 по 2015 г. пять организаций, в том числе Институт археологии и Институт истории МАН, Улан-Баторский государственный университет, Монгольский университет науки и технологий и Монгольский национальный музей, продолжили там раскопки (Идэрхангай и др., 2015). В результате был получен значительный объем научной информации. Однако изучить все археологические объекты не удалось.

В 2018 г. исследования проводились совместной монголо-российской археологической экспедицией, организованной Уланбаторским и Алтайским государственными университетами. Исследования осуществлялись в местностях Харуулын гозгор, Их хутул, Элст хутул и Бурхан толгой в Хутаг-Ундур сомоне Булганского аймака (Идэрхангай и др., 2018, 2019, 2021а; Тишкин и др., 2021). В ходе этих работ были выявлены и изучены четыре кургана монгольского времени (XII–XIV вв.) на памятниках Их хутул и Элст хутул. Основная задача данной статьи — отразить результаты раскопок и зафиксированные особенности погребального обряда, а также проанализировать их и сопоставить с результатами исследований других аналогичных объектов, изученных в долине Эгийн-гола.

Исследования погребений монгольского времени в долине Эгийн-гола

Долина Эгийн-гола является одним из наиболее хорошо изученных районов Северной Монголии. Там раскопаны сотни археологических объектов от каменного века до эпохи Средневековья включительно. Ниже приводится краткая история исследования погребений монгольского времени на указанной локальной территории.

В 1984 г. археологи Д. Наваан и Х. Лхагвасурэн проводили там плановые работы в рамках Советско-монгольской историко-культурной экспедиции. Ими были раскопаны три могилы у горы Аид в бригаде Хантай Хутаг-Ундур сомона Булганского аймака (Лхагвасурэн, 2007, с. 82).

С 1991 по 2002 г. сотрудники Института истории МАН в сотрудничестве с американскими и французскими исследователями изучили много памятников в районе планировавшейся гидроэлектростанции. Всего было раскопано 30 средневековых погребений у горы Аид, в падах Баруун бэлсэг и Мухдаг, а также в местностях Бурхан тол-

гой, Дурулж, Холтост нуга, Элст хутул и у горы Угуумур. В урочище Эмгэнт хошуу зафиксировано одно скальное захоронение. Для девяти могил были получены радиоуглеродные датировки. Результаты работ введены в научный оборот (Эрдэнэбат, 1998, с. 135–152; Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003, с. 114–137).

После возобновления проекта строительства гидроэлектростанции в 2014 и 2015 гг. было раскопано в общей сложности 19 погребений монгольского времени. Археологи из Института истории МАН исследовали одну могилу в местности Моност и 10 курганов у горы Бурхант (Улзийбаяр и др., 2014, с. 18, 45–58, 81–82, 90–91). Сотрудники Монгольского университета науки и технологий и Монгольского национального музея изучили три могилы в урочище Худжирт-нуга и в долине Уургийн-гола, а специалисты из Института археологии МАН раскопали три могилы в пади Мухдаг и одно скальное захоронение в урочище Эмгэнт хошуу (Амартувшин и др., 2015, с. 162–163). В 2015 г. сотрудники Монгольского национального музея выявили еще одно скальное захоронение и одно погребение интересующего нас времени (Баярсайхан и др., 2016, с. 90–91). Исследователи из Монгольского университета науки и технологий раскопали три могилы (Эрдэнэболд и др., 2016, с. 212–215), а сотрудники из Института археологии МАН изучили четыре погребальных объекта возле Баянгола (Амартувшин, Батдалай, Бухчулуун, 2016, с. 216–220).

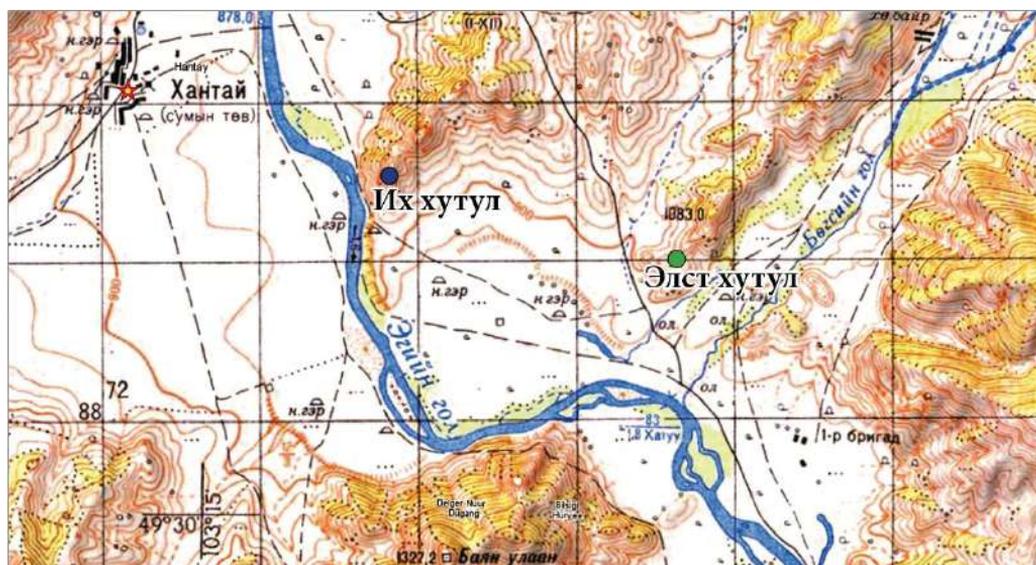

Рис. 1. Расположение некрополей Их хутул и Элст хутул на карте-схеме

Fig. 1. Location of Ikh khutul and Elst khutul necropolises on the map

В 2018 г. на одном из участков долины р. Эгийн-гол работала совместная монголо-российская экспедиция, результатам которой посвящена данная статья. Предварительные сведения о полученных результатах были представлены на монгольском языке в научном отчете о раскопках (Идэрхангай и др., 2018, с. 39–58, 51–86), а также в кратких публикациях (Идэрхангай и др., 2019; 2021б). Важно полностью отразить имею-

щуюся информацию на фоне обобщения других данных, так как указанные исследования в долине Эгийн-гола позволили изучить 67 средневековых погребений, что дает возможность проследить погребальные традиции населения данного района в монгольское время.

Погребения монгольского времени на памятнике Их хутол

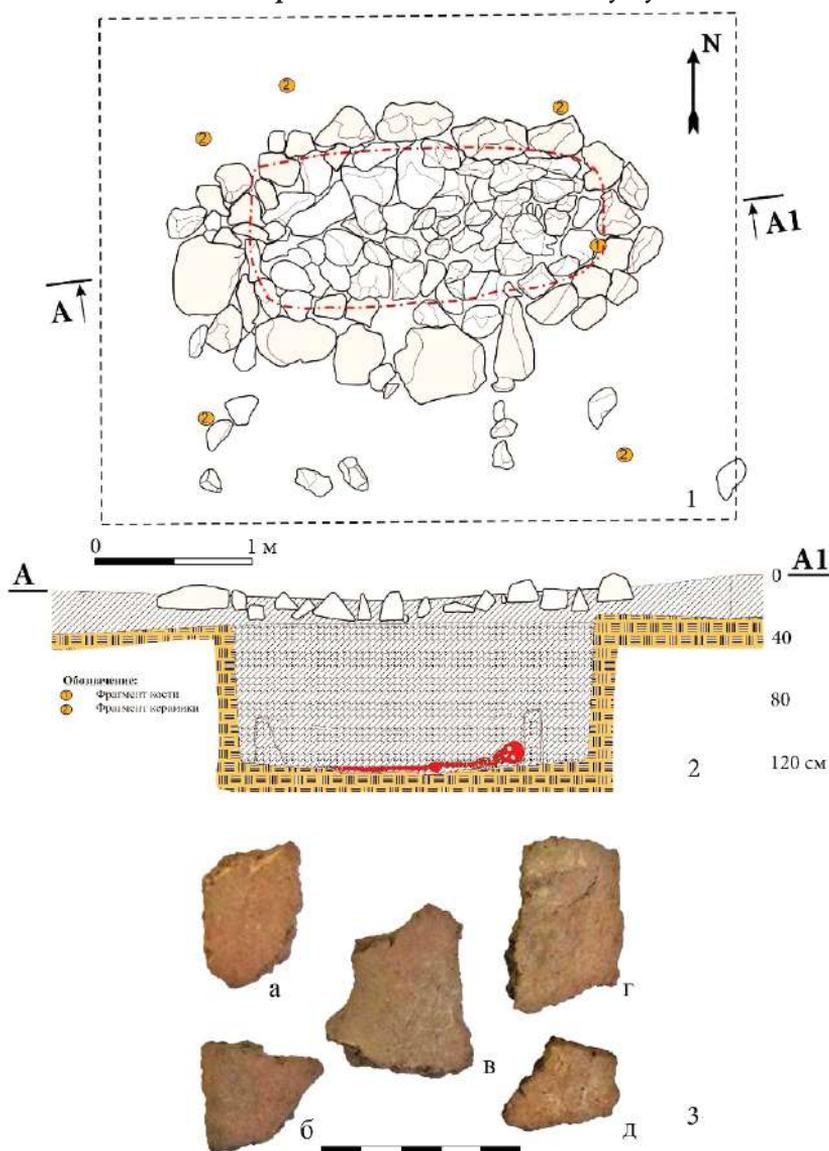

Рис. 2. Их хутол, курган №2: 1 – надмогильное сооружение; 2 – разрез насыпи и могилы с погребением; 3 – обнаруженные фрагменты керамического сосуда

Fig. 2. Ikh khutul, barrow No.2: 1 – gravestone structure; 2 – section of embankment and grave with burial; 3 – discovered fragments from ceramic vessel

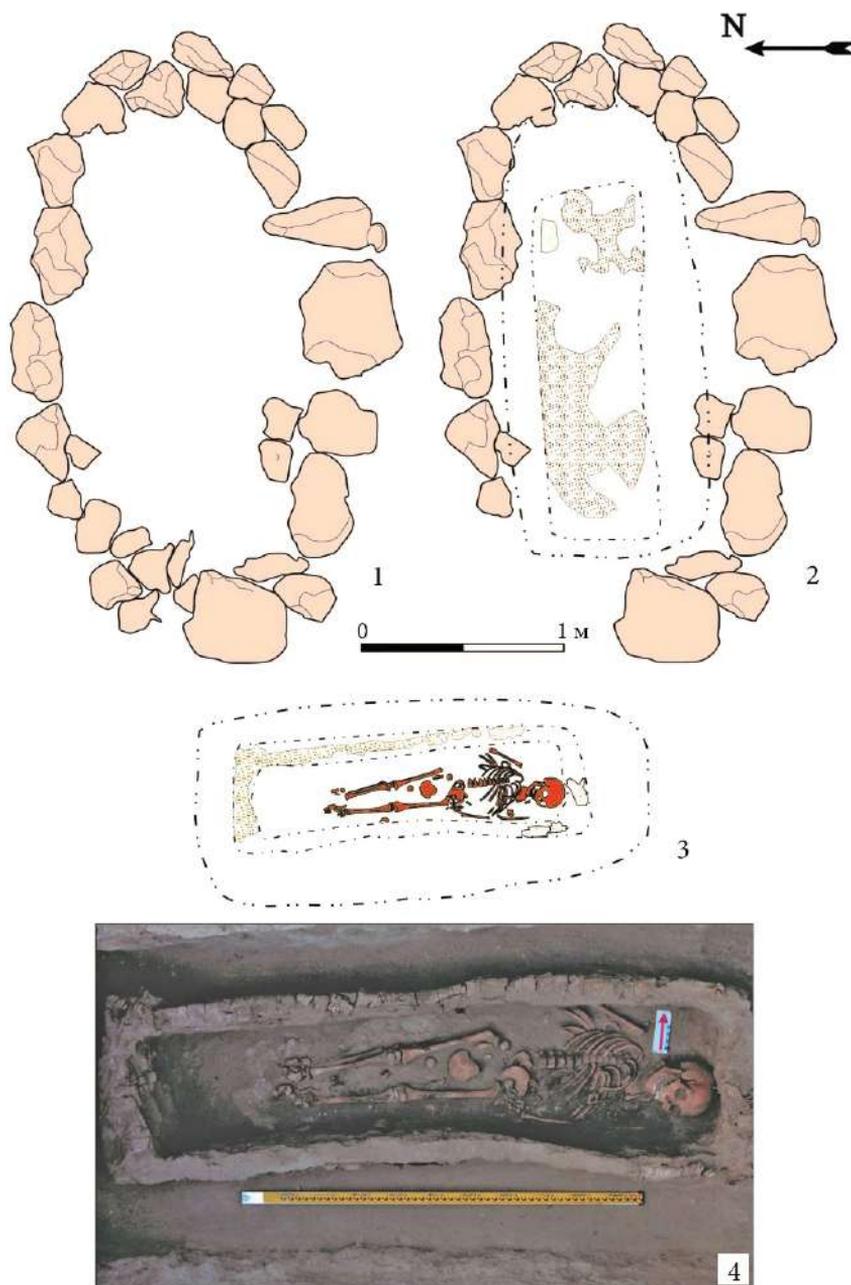

Рис. 3. Их хутул, курган №2: 1 – овальная выкладка из крупных камней; 2 – контур могильной ямы и берестяного перекрытия внутри каменной выкладки; 3 – план погребения; 4 – фотофиксация погребения

Fig. 3. Ikh khutul, barrow No. 2: 1 – oval lining of large stones; 2 – outline of the burial pit and birch bark covering inside the stone lining; 3 – plan of the burial; 4 – photo-fixation of the burial

Курган №2 зафиксирован на южном краю памятника. Каменная насыпь слегка овальной формы оказалась хорошо задернована. Вокруг нее был заложен раскоп прямоугольной формы (4×3,2 м). На глубине 0,2–0,25 м полностью обнажилось надмогильное сооружение размерами 3×2 м, ориентированное длинной осью по линии ЮЗ–СВВ (рис. 2.-1). По периметру просматривалась овальная выкладка-крепида из более крупных камней, в центре которой обнаружено пятно могильной ямы (рис. 3.-1, 2). В раскопе найдены отдельные кости и фрагменты керамики без орнамента (рис. 2.-1, 3).

При выборке заполнения могилы на глубине 0,8 м появился берестяной гроб. При этом в центральной части зафиксирована одна фаланга человека, а в северо-восточной половине — позвонок. После удаления берестяной крышки гроба и зачистки погребения внутри него стало ясным, что покойник был помещен во внутримогильное сооружение размерами 2,3×0,5 м и высотой 0,3 м (рис. 2.-2; 3.-3, 4). Умерший человек лежал вытянуто на спине, головой на восток–северо-восток (рис. 3.-4). Его голова была слегка наклонена влево. Правая тазовая кость человека, некоторые ребра, лучевая кость правой кисти и пястные кости оказались смещены со своего исходного места. Во время раскопок артефактов не обнаружено. Глубина могилы достигала отметки 1,25 м (рис. 2.-2).

Небольшой некрополь располагался на восточном берегу р. Эгийн-гол, примерно в 3,6 км к юго-востоку от центра бригады Хантай в сомоне Хутаг-Ундур Булганского аймака, на территории небольшого перевала, который местные жители называют Их хутол (рис. 1). В 2018 г. там раскопаны четыре объекта, находившиеся на юго-восточном склоне. Один из них оказался жертвенником (№1), а три — курганами с каменной насыпью овальной формы.

Курган №3 располагался в центре ряда трех исследованных погребальных сооружений. На современной поверхности он фиксировался за счет выступавших камней овальной насыпи. Объект исследовался прямоугольным раскопом размерами 4×3 м. На глубине 0,1 м полностью обнажилась каменная насыпь размерами 1,9×1 м, ориентированная длинной осью по линии ЮЗ–СВ (рис. 4.-1). По ее периметру хорошо просматривалась овальная выкладка-крепида, оформленная с помощью более крупных камней (рис. 4.-2, 3). На глубине 0,2 м под насыпью появилось пятно могильной ямы размерами 1,4×0,5 м, ориентированной длинной осью по линии ЮЗ–СВ. На глубине 0,3 м было обнаружено погребение ребенка, который лежал на спине в вытянутом положении, головой на северо-восток (рис. 4.-4, 5). Правая рука была слегка согнута и кисть располагалась в районе правой тазовой кости. Во время раскопок артефактов не зафиксировано. Глубина могилы достигала 0,7 м от уровня современной поверхности склона (рис. 4.-2).

Курган №4 расположен к северу от предыдущего погребения. Надмогильное сооружение фиксировалось на современной поверхности по выступающим из земли нескольким камням. Объект исследовался прямоугольным раскопом размерами 3×2 м. Каменная насыпь округлой формы (размерами 1,5×1,4 м) полностью обнажилась после снятия верхнего слоя мощностью 0,1 м (рис. 5.-1, 2). Она имела следы частичного разрушения. По периметру располагались крупные камни (рис. 5.-3), под которыми на глубине 0,15 м обнаружилось пятно могильной ямы размерами 1×0,5 м (рис. 5.-1). По мере выборки заполнения могилы, ориентированной длинной осью по линии ЮЗ–СВ, пара-

метры ее уменьшились до 0,9×0,45 м. На дне ямы оказались остатки человеческого скелета: фрагменты черепа и трех ребер, одна фаланга и две части малой берцовой кости (рис. 5.-4, 5). Судя по всему, погребение было ограблено и нарушено. Размеры могилы и человеческих останков свидетельствуют о захоронении ребенка, ориентированного головой на северо-восток. Во время раскопок артефактов не обнаружено. Глубина могилы в раскопе составила 0,7 м (рис. 5.-2).

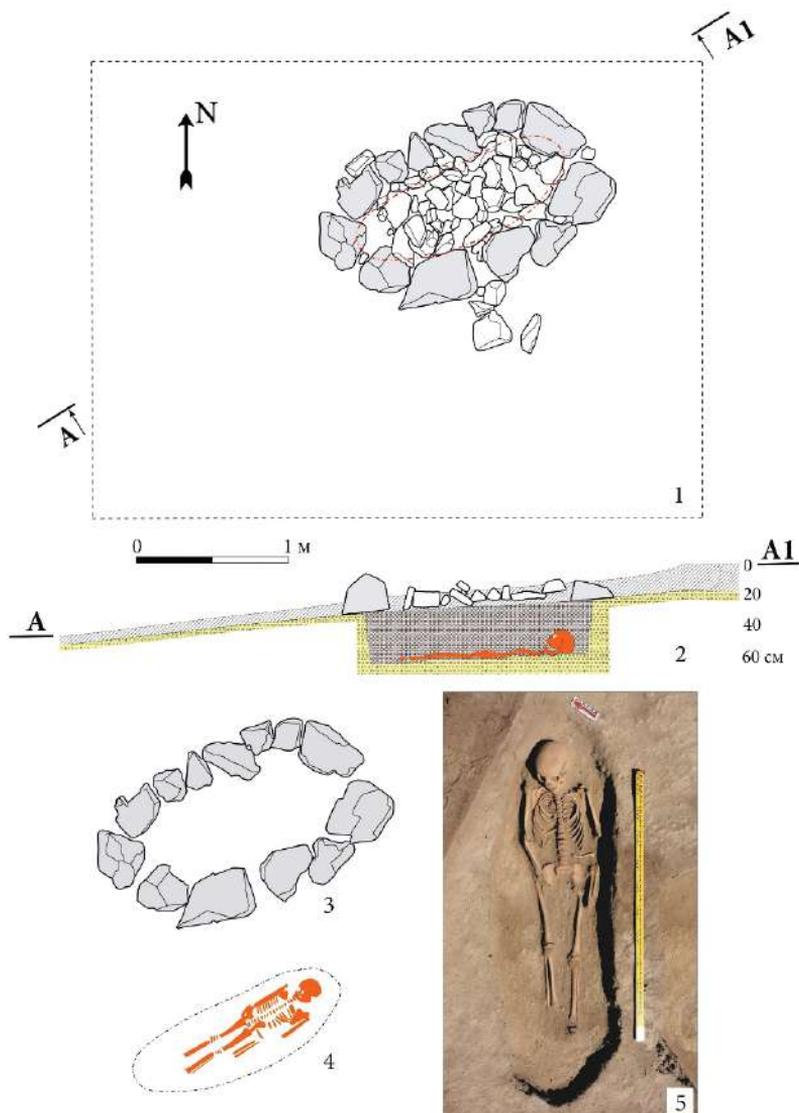

Рис. 4. Их хутул, курган №3: 1 – каменное надмогильное сооружение; 2 – разрез кургана; 3 – овальная выкладка из крупных камней; 4 – план погребения; 5 – фотоснимок погребения

Fig. 4. Ikh khutul, barrow No.3: 1 – stone grave structure; 2 – section of barrow; 3 – oval lining of large stones; 4 – plan of the burial; 5 – photo-fixation of the burial

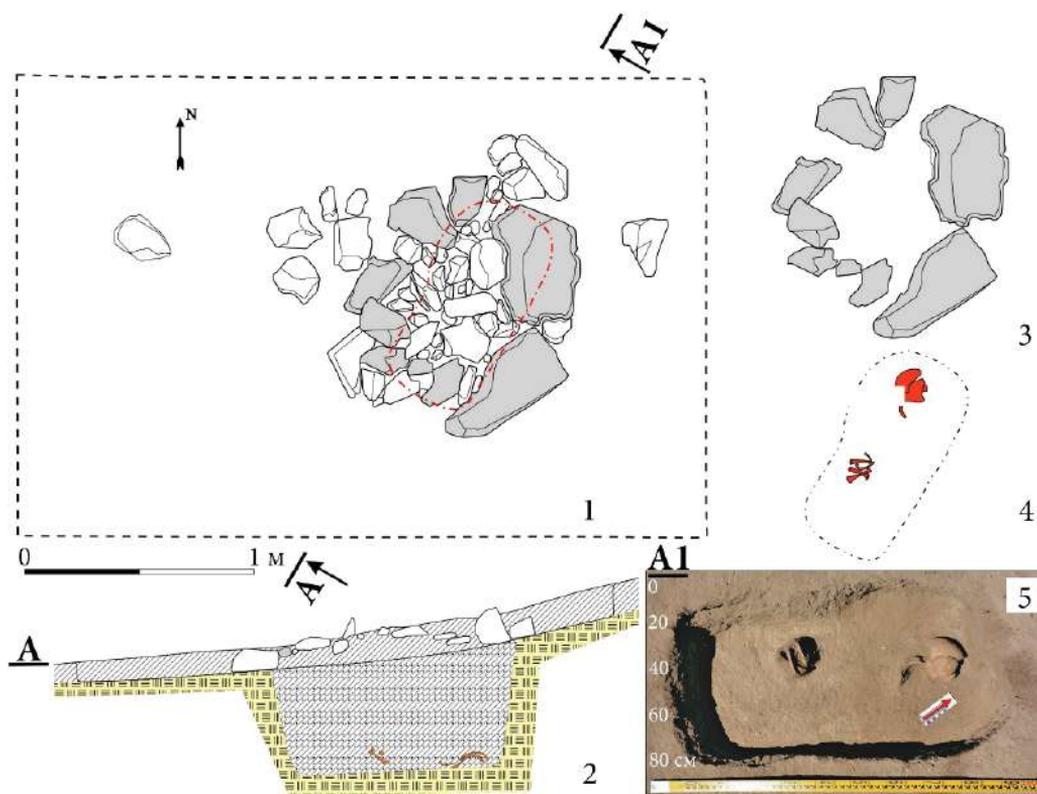

Рис. 5. Их хутул, курган №4: 1 – каменное надмогильное сооружение; 2 – разрез кургана; 3 – овальная выкладка из крупных камней; 4 – план погребения; 5 – фотоснимок погребения

Fig. 5. Ikh khutul, barrow No.4: 1 – stone grave structure; 2 – section of barrow; 3 – oval lining of large stones; 4 – plan of the burial; 5 – photo-fixation of the burial

Результаты раскопок на археологическом комплексе Элст хутул

Памятник находится примерно в 7,5 км к юго-востоку от бригады Хантай, в восточной части долины Эгийн-гола, на берегу р. Бугс, у подножья горы Бурхан Толгой, в урочище, которое местные жители называют Элст хутул (рис. 1). Совместная монголо-французская археологическая экспедиция проводила там раскопки в 1994–1995 гг. в рамках реализации программы охранных работ в зоне строительства гидроэлектростанции (Эрдэнэбат, 1998, с. 135). В 2014 г. исследования были продолжены группой археологов из Института истории МАН (Улзийбаяр и др., 2014, с. 92–93, 149–150). Летом 2018 г. совместная экспедиция Улан-Баторского и Алтайского государственных университетов провела раскопки двух археологических объектов, среди которых один из курганов датируется монгольским временем.

Курган №4 выявлен на склоне по отдельным выделяющимся камням на уровне современной поверхности. Он исследовался округлым раскопом диаметром около 3,5 м. Каменная насыпь оказалась сильно задернована и полностью обнажилась на глубине

0,2 м (рис. 6.-1, 2). Она состояла из плотной выкладки в основном в 1–2 слоя небольших камней без крепиды и имела диаметр около 3 м (рис. 6.-1). Пятно могильной ямы размерами 2,1×1,4 м оказалось смещенным к северу и фиксировалось после снятия насыпи и зачистки раскопа. На глубине 1,6 м было обнаружено погребение человека (рис. 6.-2) в берестяном чехле (рис. 6.-3; 7.-1). Размеры внутримогильной конструкции составили 1,75×0,4 м. Береста сохранилась плохо. После снятия верхнего слоя перекрытия обнажились человеческие кости и остатки органического материала (войлок?) (рис. 7.-2). Умерший человек лежал вытянуто на спине, головой на север-восток (рис. 6.-4; 7.-3). Его голова была слегка наклонена влево, а кисть левой руки располагалась в районе тазовой кости. Слева от черепа обнаружена крупная кость овцы в сочленении и небольшая костяная трубка (рис. 6.-4; 7.-4, 5). Глубина могилы составила 1,7 м (рис. 6.-2).

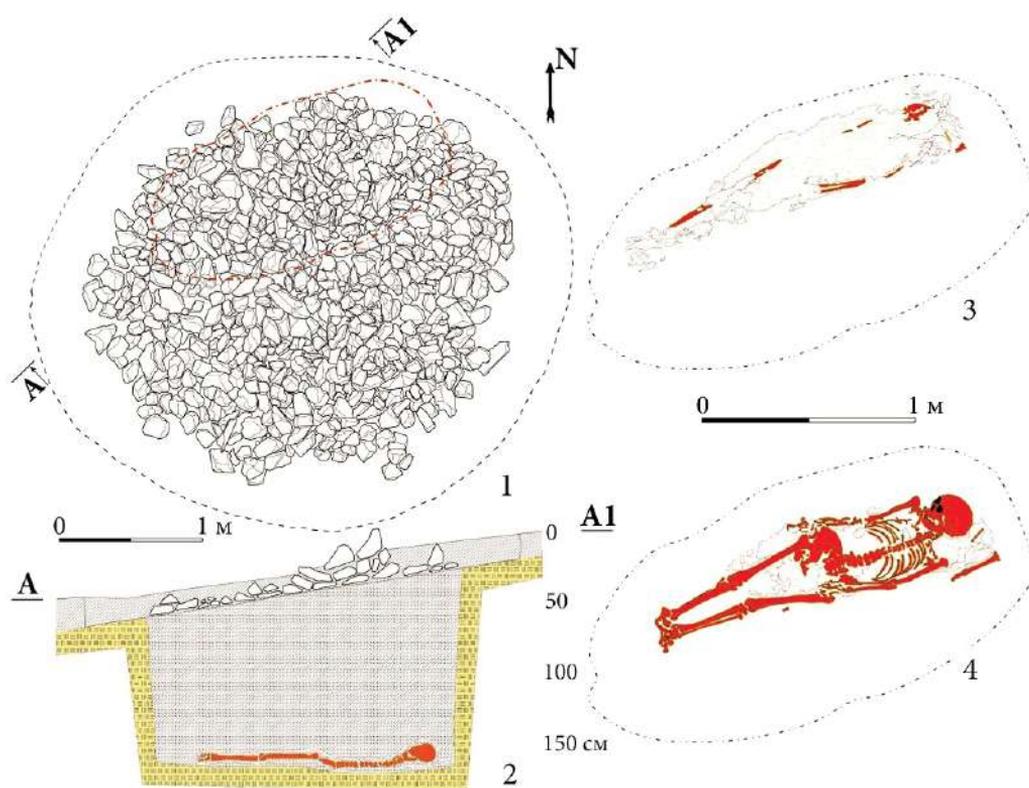

Рис. 6. Элст хутул, курган №4: 1 – надмогильное сооружение; 2 – разрез насыпи и могилы с погребением; 3 – остатки берестяного перекрытия; 4 – план погребения

Fig. 6. Elst khutul, barrow No.4: 1 – gravestone structure; 2 – section of embankment and grave with burial; 3 – remains of birch bark cover; 4 – plan of the burial

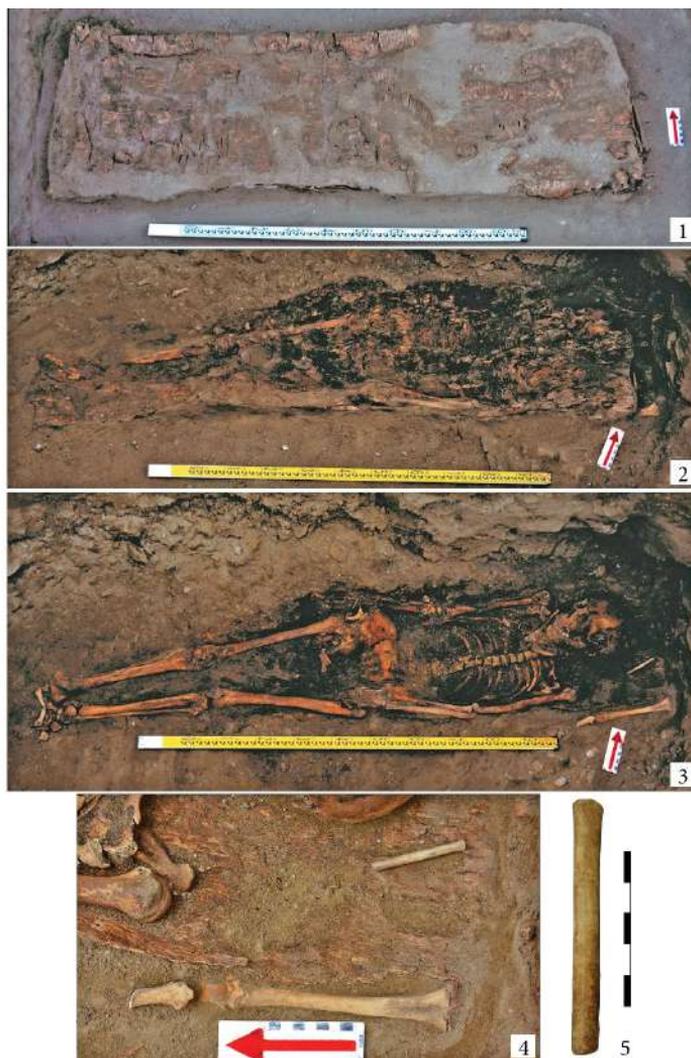

Рис. 7. Элст хутул, курган №4: 1 – остатки берестяного чехла; 2, 3 – фотофиксация погребения; 4 – находки в могиле; 5 – костяная трубочка

Fig. 7. Elst khutul, barrow No.4: 1 – remains of birch bark sheath; 2, 3 – photo-fixation of the burial; 4 – finds in the grave; 5 – bone pipe

Обсуждение результатов

Курганы, раскопанные на памятниках Их хутул и Элст хутул, по внешнему виду и внутреннему устройству имеют сходства с другими погребальными объектами монгольского времени Внутренней Азии. При этом у них отмечаются некоторые отличительные черты. В этом аспекте необходимо сравнить и проанализировать материалы, полученные при раскопках других средневековых памятников в долине Эгийн-гола. К настоящему времени там исследовано 67 погребений на 18 археологических объек-

тах. Из них 63 представляют собой курганы с каменной насыпью, а остальные — скальные захоронения (табл).

Монгольские могилы, раскопанные в долине Эгийн-гола
Mongolian graves excavated in the Egyin Gol valley

№	Аймак и сомон	Название памятника	Количество		Ориентация (количество могил)					Могилы с костями овцы (количество могил)
			С каменной насыпью могила	Скальное захоронение	Юго-запад	Северо-запад	Север	Северо-восток	Восток	
1	Хутаг-Ундур сомон Булганского аймака	Айд уул	3			1	1			1
2		Айдын хурэм	4					4		3
3		Пади Баруун бэлсэга	1					1		
4		Баянгол	4					4		
5		Бурхан толгой	3					2	1	1
6		Гора Бурхант	10				5	2	1	5
7		Дөрөлж	2					2		2
8		Их хутул	3					3		
9		Моностын булан	1					1		1
10		Пади Мухдаг	8	1		1	3	1	2	4
11		Гора Өгөөмөр	1					1		1
12		Река Уурага	1							
13		Холтост нуга	5				2	1	1	4
14		Хужирт нуга	1					1		1
15		Эгийн-гол	4							
16		Элст хутул	11		1	1		5	1	4
17		Эмгэнт хошуу		2				1		
18		Шар могойтын дэнж	1	1				1		1
Общее	18 памятников	63	4	1	3	11	30	6	28	
	67									

Три кургана, раскопанные на Их хутуле, оказались с овальной каменной насыпью, что является общим признаком для средневековых монгольских могил. Погребальный объект, исследованный на комплексе Элст хутул, имел надмогильное сооружение округлой формы, что является его особенностью. При этом внешний вид каменных конструкций курганов монгольского времени, раскопанных в долине Эгийн-гола, в целом демонстрирует такую ситуацию: 28 объектов были с овальной каменной насыпью, а девять — с округлой. Эти данные отражают две традиции при доминировании од-

ной из них. Следует указать, что зафиксированное смещение могильной ямы к северу каменной насыпи, как на памятнике Элст хутул, не является редким и отмечено при раскопках в пади Мухдаг (Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003, с. 114–137). Возможно, данное обстоятельство было связано с преднамеренными действиями, направленными на сохранение неприкосновенности погребения в случае возможного ограбления, которые осуществлялись, как правило, проникновением в могилу по центру насыпи. Правда, не стоит исключать и другие причины.

Во всех раскопанных курганах на памятниках Их хутул и Элст хутул погребенные люди были ориентированы на северо-восток, это совпадает с аналогичным направлением в других 26 монгольских могилах, исследованных в долине Эгийн-гола, что составляет 44,77% от всех изученных 67 объектов (табл.). Если учитывать отклонения к северу и востоку, то традиция направленности в северо-восточный сектор горизонта являлась доминирующей. Это касается и положения «вытянуто на спине». В кургане №4 на памятнике Элст хутул был зафиксирован характерный элемент монгольской погребальной практики — наличие кости ноги от жертвенной овцы (барана) (рис. 7.-3, 4). Аналогичная ситуация нашла отражение в 27 других могилах, изученных в долине Эгийн-гола (табл.), что является существенным отражением традиции, которая фиксируется на обширной территории и длительное время, выступая своеобразным этническим маркером (Харинский и др., 2014; Харинский, 2015; и др.).

Важное значение имеют погребения в кургане №2 памятника Их хутул и в кургане №4 комплекса Элст хутул, так как при их исследовании зафиксированы внутримогильные сооружения, сделанные из коры березы. Берестяной гроб, найденный в первом случае, впервые встречен в долине Эгийн-гола. Такая традиция в монгольское время больше характерна для регионов, располагающихся севернее. Во втором случае обнаружено захоронение, в котором тело человека было завернуто в бересту. Судя по материалам средневековых монгольских погребений, раскопанных в долине Эгийн-гола, в могиле-2 местности Холтост нуга (Эрдэнэбат, 1998, с. 140) и могиле-7 в пади Мухдаг (Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003, с. 123–124) имели место аналогичные ситуации. Данное обстоятельство может характеризовать особенность погребальной практики рассматриваемого района Северной Монголии.

Погребения в курганах №2 и 3 памятника Их хутул (рис. 4 и 5) оказались детскими. Вместе с ними количество таких могил, исследованных в долине Эгийн-гола, увеличилось до 20, что составляет около 30% от всех изученных монгольских захоронений в рассматриваемом районе. С одной стороны, отмеченный факт указывает на довольно высокую детскую смертность, а с другой стороны, демонстрирует социальную значимость детей у кочевников монгольского времени.

Заключение

В период с 1984 по 2018 г. в долине Эгийн-гола были исследованы 67 погребений, относящихся к монгольскому времени. Они все располагались вдоль восточного берега реки и характеризуют культуру кочевого населения локального района. Вводимые в научный оборот материалы, которые получены в 2018 г., дополняют накопленные сведения. Задача ближайшего времени — детально проанализировать всю эту совокупность данных на современном уровне, используя комплексный подход. В принципе, та-

кая же работа необходима и по другим регионам Внутренней Азии, что обеспечит более полное понимание этнокультурных и этносоциальных процессов в период существования Монгольской империи. Однако следует учитывать, что многие воины были направлены в ходе военных мероприятий в другие страны и их погребения находятся вдали от родины. Поэтому важно привлекать и рассматривать археологические материалы в более широких территориальных рамках.

Три раскопанных объекта в урочище Их хутул оказались в скрытом месте, окруженном невысокими холмами. Этот факт соотносится с монгольской традицией устройства кладбища. Выявленные внутримогильные сооружения из бересты отражают определенную особенность, что может быть объяснено заменой или смешением с погребальной практикой средневековых монголов, основанной на заворачивании умерших людей в войлок. В целом материалы, полученные при раскопках средневековых могил в Монголии, показывают, что кочевники широко использовали бересту для изготовления домашней утвари, украшений, головных уборов, футляров оружия и для других целей. Данная тема требует специального рассмотрения.

К сожалению, раскопанные погребальные объекты не дали находок предметов материальной культуры, которые помогли бы определить более узкие датировки. Для этого необходимо осуществить радиоуглеродный анализ. Таким образом, данная статья не только демонстрирует результаты осуществленных раскопок, но и определяет дальнейшие перспективы исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Амартувшин Ч., Батдалай Б., Бухчулуун Д. ШУА-ийн Туух, Археологийн хурээлэнгийн 2015 онд явуулсан археологийн авран хамгаалах хайгуул, малтлага судалгааны товч ур дун [Краткое описание результатов аварийных археологических исследований в 2015 г.] // Монголын археологи-2015 [Монгольская археология-2015]. Улан-Батор : ШУТИС-ийн Хэвлэлийн газар, 2016. С. 216–220 (на монг. яз.).

Амартувшин Ч., Эрэгзэн Г., Бадма-Оюу Б., Базаргур Д., Лхундэв Г., Галдан Г., Батдалай Б., Ангарагдулгуун Г., Мандах Д. Булган аймгийн Хутаг-Ундур сумын Хантай багийн нутаг Эгийн голын хөндийд хийсэн археологийн дурсгалын авран хамгаалах малтлага судалгаа [Обследование археологических памятников в долине р. Эгийн-гол у села Хантай Хутаг-Ундур сомона Булганского аймака] // Монголын археологи-2014 [Монгольская археология-2014]. Улан-Батор : Шинжлэх Ухааны Академийн Түүх, археологийн хүрээлэн, 2015. С. 160–168 (на монг. яз.).

Баярсайхан Ж., Одбаатар Ц., Тувшинжаргал Т., Бурэнтугс Г., Баяндэлгэр Ч. Монголын Ундэсний Музейн 2015 онд хийсэн археологийн авран хамгаалах малтлага судалгаа [Археологические аварийные раскопки, проведенные Монгольским национальным музеем в 2015 г.] // Монголын археологи-2015 [Монгольская археология-2015]. Улан-Батор : ШУТИС-ийн Хэвлэлийн газар, 2016. С. 89–91 (на монг. яз.).

Идэрхангай Т., Батхуу Г., Амарболд Э. Булган аймгийн Хутаг-Ундур сумын нутаг Эгийн голын усан цахилгаан станцын болон авто замын трассын дагуу хийсэн археологийн хайгуул, тандалт судалгааны ажлын нэгдүгээр багийн тайлан [Отчет об археологических обследованиях, проведенных в зоне строительства Эгийн-гольской гидро-

электростанции и дороги в Хутаг-Ундур сомоне Булганского аймака]. Улан-Батор : Б. и., 2014 (на монг. яз.). (Архив рукописей кафедры истории и археологии Улан-Баторского государственного университета).

Идэрхангай Т., Мижиддорж Э., Оргилбаяр С., Галбадрах Б., Эрдэнэ Ж., Өнөрбаяр Б., Энхмагнай Г. Булган аймгийн Хутаг-Өндөр сумын нутаг Эгийн голын усан цахилгаан станцын усан сангийн талбайд явуулсан археологийн авран хамгаалах малтлага судалгааны ажлын 2015 оны ажлын тайлан. Улаанбаатарын Их Сургуулийн Археологийн тэнхимийн ГБСХ [Отчет об археологических охранных раскопках, проведенных в 2015 г. на месте водохранилища Эгийн-гольской гидроэлектростанции в Хутаг-Ундур сомоне Булганского аймака. Кафедра археологии, Улан-Баторский государственный университет]. Улан-Батор : Б.и., 2015. (на монг. яз.). (Архив рукописей кафедры истории и археологии Улан-Баторского государственного университета).

Идэрхангай Т., Оргилбаяр С., Тишкин А. А., Серегин Н.Н., Цэнд Д., Батчимэг Б., Амгаланбат Б., Эрдэнэпүрэв П. Булган аймгийн Хутаг-Өндөр сумын нутаг Эгийн голын хөндийд явуулсан археологийн малтлага судалгаа [Археологические раскопки, проведенные в долине г. Эгийн-гол в Хутаг-Ундур сомоне Булганского аймака] // Монголын археологи-2018 [Монгольская археология-2018]. Улаанбаатар: Бемби сан, 2019. Т. 150–155 (на монг. яз.).

Идэрхангай Т., Оргилбаяр С., Тишкин А.А., Серегин Н.Н., Цэнд Д., Батчимэг Б., Амгаланбат Б., Эрдэнэпүрэв П. Булган аймгийн Хутаг-Ундур сумын нутаг Эгийн голын хөндийд орших Харуулын гозгор, Их хутул, Бурхан толгой, Элст хутулд явуулсан археологийн малтлага судалгааны ажлын 2018 оны тайлан [Отчет об археологических раскопках, проведенных в 2018 г. в Харуулын гозгоре, Их хутуле, Бурхан толгое, Элст хутуле на территории долины р. Эгийн-гол в Хутаг-Ундур сомоне Булганского аймака]. Улан-Батор : Б.и., 2018 (на монг. яз.). (Архив рукописей кафедры истории и археологии Улан-Баторского государственного университета).

Идэрхангай Т., Тишкин А.А., Оргилбаяр С., Цэнд Д., Серегин Н.Н., Батчимэг Б., Амгаланбат Б., Эрдэнэпүрэв П., Гунчин-Иш Ц. Эгийн голд шинээр малтан судалсан монгол булшнууд [Недавно раскопанные монгольские могилы в долине р. Эгийн-гол] // Археологи, Туух, Угсаатан судлалын сэтгүүл [Археология, история, этнография]. 2021а. №16. Т. 147–159 (на монг. яз.).

Идэрхангай Т., Тишкин А.А., Орилбаяр С., Цэнд Д., Серегин Н.Н., Батчимэг Б., Амгаланбат Б., Эрдэнэпүрэв П. Эгийн голд шинээр малтан судалсан Турэг, Уйгурын усийн булшнууд [Погребения тюрок и уйгуров, раскопанные в долине Эгийн-гола] // Археологи, Туух, Угсаатан судлалын сэтгүүл [Археология, история, этнография]. 2021б. №17. Т. 57–68 (на монг. яз.).

Идэрхангай Т., Эрдэнэ М., Мижиддорж Э., Оргилбаяр С., Маратхаан А., Галбадрах Б. Булган аймгийн Хутаг-Ундур сумын нутаг Эгийн голын усан цахилгаан станцын талбай, авто замын трассын дагуу явуулсан археологийн малтлага судалгааны ажлын 2014 оны тайлан [Отчет об археологических раскопках, проведенных в 2014 г. в зоне строительства Эгийн-гольской гидроэлектростанции и дороги в Хутаг-Ундур сомоне Булганского аймака]. Улан-Батор : Б.и., 2014 (на монг. яз.). (Архив рукописей кафедры истории и археологии Улан-Баторского государственного университета).

Лхагвасурэн Х. Монголын археологи (Чингэс хааны үе). Тэргүүн дэвтэр [Археология Монголии периода Чингисхана]. Улан-Батор : Чингэс хаан дээд сургуулийн, 2007. 682 с. (на монг. яз.).

Улзийбаяр С., Уртнасан Э., Очир Б., Одмагнай Г., Энхтуул Ч. “Эгийн голын туух, археологийн дурсгалуудыг авран хамгаалах судалгаа” төслийн тайлан [Отчет по проекту «Исследование по сохранению археологических памятников в долине р. Эгийн-гол»]. Улан-Батор : Б.и., 2014 (на монг. яз.). (Архив рукописей Института истории и этнографии МАН).

Тишкин А. А., Идэрхангай Т.-О., Пластеева Н. А., Оргилбаяр С., Цэнд Д. Непотребованное погребение культуры плиточных могил с черепом лошади в Северной Монголии // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, №2. С. 213–225. DOI: 10.14258/tpai(2021)33(2).-12

Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав нутаг дахь археологийн дурсгалууд [Археологические памятники бассейна р. Эгийн-гол]. Улан-Батор : Соёмбо принтинг, 2003. 295 с. (на монг. яз.).

Харинский А. В. Кости барана в забайкальских погребениях X–XV вв. // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Иркутск : Отгиск, 2015. С. 407–415.

Харинский А. В., Номоконова Т. Ю., Ковычев Е. В., Крадин Н. Н. Останки животных в монгольских захоронениях XIII–XIV вв. могильника Окошки I (Юго-Восточное Забайкалье) // Российская археология. 2014. №2. С. 62–75.

Эрдэнэбат У. Эгийн голын савд малтсан монгол булшны тухайд [Погребальные комплексы монгольского времени на р. Эгийн-гол] // Археологийн суудлал [Археологические исследования]. 1998. Т. XVIII. С. 135–152 (на монг. яз.).

Эрдэнэболд Л., Хатанбаатар Д., Болормаа С., Бямба-Очир Ц., Тугссайхан Р., Бат-Эрдэнэ С. ШУТИС-ийн БХУС-ийн Археологи-Этнографийн судалгааны багийн Эгийн голын хундид хийсэн 2015 оны археологийн авран хамгаалах судалгаа [Археологические охранные раскопки, проведенные в 2015 г. в долине р. Эгийн-гола археологической и этнографической исследовательской группой Национального университета науки и техники] // Монголын археологи-2015 [Монгольская археология-2015]. Улан-Батор : ШУТИС-ийн Хэвлэлийн газар, 2016. С. 212–215 (на монг. яз.).

REFERENCE

Amartuvshin Ch., Batdalai B., Bukhchuluun D. A Brief Description of the Results of Emergency Archaeological Research in 2015. In: Mongolian Archaeology-2015. Ulaanbaatar : SHUTIS-ijn havelijn gazar, 2016. Pp. 216–220. (*In Mong.*)

Amartuvshin Ch., Eregzen G., Badma-Oyuu B., Bazargur D., Lhundev G., Galdan G., Batdalai B., Angaragdulguun G., Mandakh D. Survey of Archaeological Sites in the Egyin-gol River Valley near Khantai Village Khutag-Undur Somon of Bulgan Aimak. In: Mongol Archaeology-2014. Ulaanbaatar : Shinzhleh Uhaany Akademijn Tuuh, archaeologijn hureelen, 2015. Pp. 160–168. (*In Mong.*)

Bayarsaikhan J., Odbaatar C., Tuvshinjargal T., Burentugs G., Bayandelger C. Archaeological Emergency Excavations Conducted by the Mongolian National Museum in 2015. In:

Mongolian Archaeology-2015. Ulaanbaatar : SHUTIS-ijn havelijn gazar, 2016. Pp. 89–91. (*In Mong.*)

Iderkhangai T., Bathuu G., Amarbold E. Report on Archaeological Surveys Conducted in the Egyin-Gol Hydropower Plant and Hutag-Undur Road Construction Zone of the Bulgan Aimak Somon]. Ulaanbaatar : B. i., 2014 (*In Mong.*). (Manuscript Archive of the Department of History and Archaeology, Ulaanbaatar State University).

Iderkhangai T., Mijiddorj E., Orgilbayar S., Galbadrakh B., Erdene J., Өнорбаяр B., Enkhmagnai G. Report on Archaeological Protection Excavations Conducted in 2015 at the Site of the Egyin-Gol Hydroelectric Power Plant Reservoir in Khutag-Undur Somon of Bulgan Aimag. Department of Archaeology, Ulaanbaatar State University. Ulaanbaatar : B. i., 2015. (*In Mong.*). (Manuscript Archive of the Department of History and Archaeology, Ulaanbaatar State University).

Iderkhangai T., Orgilbayar S., Tishkin A. A., Seregin N. N., Tsend D., Batchimeg B., Amgalanbat B., Erdenepurev P. Archaeological Excavations Conducted in the Valley of Egyin-gol in Hutag-Undur Somon of Bulgan Aimak. In.: Mongol Archaeology-2018. Ulaanbaatar: Bembi san, 2019. Pp. 150–155 (*In Mong.*)

Iderkhangai T., Orgilbayar S., Tishkin A. A., Seregin N. N., Tsend D., Batchimbag B., Amgalanbat B., Erdenepurev P. Report on Archaeological Excavations Conducted in 2018 in Haruulyn Gozgor, Ikh Hutul, Burhan Tolgoi, Elst Hutul in the Egyin-gol River Valley in Hutag-Undur Somon of Bulgan Aimak. Ulaanbaatar : B. i., 2018 (*In Mong.*) (Manuscript Archive of the Department of History and Archaeology, Ulaanbaatar State University).

Iderkhangai T., Tishkin A. A., Orgilbayar S., Tsend D., Seregin N. N., Batchimeg B., Amgalanbat B., Erdenepurev P., Gunchin-Ish C. Recently Excavated Mongolian Graves in Egyin-gol River Valley. *Arheologi, Tuuh, Ugsaatan sudlalyn setguul = Archaeology, History, Ethnography*. 2021a;16:147–159. (*In Mong.*)

Iderkhangai T., Tishkin A. A., Orilbayar S., Tsend D., Seregin N. N., Batchimeg B., Amgalanbat B., Erdenepurev P. Burials of Turks and Uigurs Excavated in the Egyin-gol Valley. *Arheologi, Tuuh, Ugsaatan sudlalyn setguul = Archaeology, History, Ethnography*. 2021b;17:57–68. (*In Mong.*)

Iderkhangai T., Erdene M., Mijiddorj E., Orgilbayar S., Marathan A., Galbadrakh B. Report on Archaeological Excavations Conducted in 2014 in the Egyin-Gol Hydropower Plant and Road Construction Zone in Khutag-Undur Somon of Bulgan Aimak. Ulaanbaatar : B. i., 2014. (*In Mong.*) (Manuscript Archive of the Department of History and Archaeology, Ulaanbaatar State University).

Lhagvasuren H. Archaeology of Mongolia of Chinggis Khan Period. Ulaanbaatar : Chinges khaan dede surguuliin, 2007. 682 p. (*In Mong.*)

Ulziybayar S., Urtnasan E., Ochir B., Odmagnai G., Enkhтуул Ch. [Report on the Project “Research on the Preservation of Archaeological Sites in the Valley of the Egyin-Gol River”. Ulaanbaatar : B. i., 2014 (*In Mong.*) (Manuscript Archive of the Institute of History and Ethnography of the IAS).

Tishkin A. A., Iderkhangai T.-O., Plasteeva N. A., Orgilbayar S., Tsend D. Undisturbed Burial of the Slab Grave Culture with a Horse Skull in Northern Mongolia. *Teoriya i praktika ar-*

heologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research. 2021;33(2):213–225. (In Russ.) DOI: 10.14258/tpai(2021)33(2).-12

Turbat C., Amartuvshin Ch., Erdenebat U. Archaeological Sites of Egyin-gol River Basin. Ulaanbaatar : Soyombo printing, 2003. 295 p. (In Mong.)

Kharinskiy A. V. Bones of a Ram in Transbaikalian Burials of the 10th–15th Centuries. In: Actual Questions of Archaeology and Ethnology of Central Asia. Irkutsk : Ottisk, 2015. Pp. 407–415. (In Russ.)

Kharinsky A. V., Nomokonova T. Yu., Kovychev E. V., Kradin N. N. Animal Remains in Mongol Burials of 13th–14th Centuries of the Burial Ground Okoshki I (South-Eastern Transbaikalia). *Rossiyskaya arheologiya = Russian Archaeology*. 2014;2: 62–75. (In Russ.)

Erdenebat U. Burial Complexes of Mongolian Time on Egyin-Gol River. *Arheologijn suudlal = Archaeological research*. 1998;XVIII:135–152 (In Mong.)

Erdenebold L., Khatanbaatar D., Bolormaa S., Byamba-Ochir C., Tugssaihan R., Bat Erdene S. Archaeological Protection Excavations Conducted in 2015 in the Egyin-Gol River Valley by the Archaeological and Ethnographic Research Group of the National University of Science and Technology. In.: Mongol Archaeology-2015. Ulaanbaatar : SHUTIS-ijn havelijn gazar, 2016. Pp. 212–215 (In Mong.)

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Авторы внесли примерно равный вклад в подготовку статьи / The authors made roughly equal contributions to the article

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, заведующий кафедрой, г. Барнаул, Россия.

Alexey Alexeevich Tishkin, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Altai State University, Head of Department, Barnaul, Russia.

Идэрхангай Тумур-Очир, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии Улан-Баторского государственного университета, г. Улан-Батор, Монголия.

Tumur-Ochir Iderkhangai, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Archaeology, Ulaanbaatar State University, Ulaanbaatar, Mongolia.

Цэнд Дул, магистр истории, научный сотрудник кафедры истории и археологии Улан-Баторского государственного университета г. Улан-Батор, Монголия; аспирант кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия.

Dul Tsend, Master of Historical Sciences, Researcher at the Department of History and Archaeology, Ulaanbaatar State University, Ulaanbaatar, Mongolia; Postgraduate Student at the Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Altai State University, Barnaul, Russia.

Оргилбаяр Самданцоодол, магистр истории, преподаватель кафедры истории и археологии Улан-Баторского государственного университета, г. Улан-Батор, Монголия.

Samdantsoodol Orgilbayar, Master of Historical Sciences, Lecturer, Department of History and Archaeology, Ulaanbaatar State University, Ulaanbaatar, Mongolia.

Амгаланбат Батдэлгэр, магистр истории, научный сотрудник Национального центра культурного наследия Монголии, г. Улан-Батор, Монголия.

Batdelger Amgalanbat, Master of Historical Sciences, Researcher at the National Center for Cultural Heritage Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia.

Эрдэнэпүрэв Пүрэвдорж, магистр истории, научный сотрудник кафедры истории и археологии Улан-Баторского государственного университета, г. Улан-Батор, Монголия; аспирант кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия.

Purevdorj Erdenepurev, Master of Historical Sciences, Researcher at the Department of History and Archaeology, Ulaanbaatar State University, Ulaanbaatar, Mongolia; Postgraduate Student at the Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Altai State University, Barnaul, Russia.

Багчимэг Болормаа, магистр истории, научный сотрудник кафедры истории и археологии Улан-Баторского государственного университета, г. Улан-Батор, Монголия.

Bolormaa Bamchimeg, Master of Historical Sciences, Researcher at the Department of History and Archaeology, Ulaanbaatar State University, Ulaanbaatar, Mongolia.

Статья поступила в редакцию 16.05.2022;

одобрена после рецензирования 27.10.2022;

принята к публикации 01.12.2022.

The article was submitted 16.05.2022;

approved after reviewing 27.10.2022;

accepted for publication 01.12.2022.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ

Обзорная статья / Review Article

УДК 069:902(571.1)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-13](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-13)

МАТЕРИАЛЫ САЯНО-АЛТАЙСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1935 Г. В НАЦИОНАЛЬНОМ МУЗЕЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ ИМ. А. В. АНОХИНА

Сергей Михайлович Киреев

Национальный музей Республики Алтай им. А. В. Анохина, Горно-Алтайск, Россия;
kireevsm2013@yandex.ru, <https://orchid.org/ID/0000-6850-6647>

Резюме. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция 1935 г. Государственной академии истории материальной культуры и Государственного исторического музея под общим руководством С. В. Киселева, работавшая двумя отрядами, внесла огромный вклад в исследование археологических памятников Горного Алтая. Вторым отрядом экспедиции руководил директор Ойротского краеведческого музея (сейчас — Национальный музей Республики Алтай им. А. В. Анохина), профессиональный археолог С. М. Сергеев, проводивший исследования у сел Туекта и Быстрянского. Материалы раскопок у с. Туекта относятся к древнетюркской культуре; у с. Быстрянского — к быстрянской культуре Северного Алтая раннего железного века. Все полученные при раскопках материалы и документы были переданы в местный музей и составили его «золотой фонд». Подавляющая часть находок из раскопок С. М. Сергеева не опубликована, что существенно снижает информационный потенциал коллекции. В статье дан краткий обзор материалов, как документального, так и предметного ряда, полученных в результате работ второго отряда экспедиции, хранящихся в Национальном музее Республики Алтай им. А. В. Анохина.

Ключевые слова: Горный Алтай, Саяно-Алтайская археологическая экспедиция, С. В. Киселев, С. М. Сергеев, Национальный музей Республики Алтай им. А. В. Анохина, археологические коллекции, древнетюркское время, быстрянская культура

Для цитирования: Киреев С. М. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции 1935 г. в Национальном музее Республики Алтай им. А. В. Анохина // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №4. С. 234–251. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-13](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-13)

MATERIALS OF THE SAYANO-ALTAI ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION OF 1935 IN THE A.V. ANOKHIN NATIONAL MUSEUM OF THE ALTAI REPUBLIC

Sergey M. Kireev

National Museum of the Altai Republic. A. V. Anokhin, Gorno-Altai, Russia;
kireevsm2013@yandex.ru, <https://orchid.org/ID/0000-6850-6647>

Abstract. The Sayano-Altai archaeological expedition of 1935 of the State Academy of the History of Material Culture and the State Historical Museum under the general direction of S.V. Kiselev, working in two detachments, made a significant contribution to the study of archaeological sites of the Altai Mountains. The second detachment of the expedition was led by the director of the Oirot Museum of Local Lore (now the National Museum of the Altai Republic named after A. V. Anokhin), a professional archaeologist S. M. Sergeev, who conducted research near the villages of Tuekta and Bystryanskoye. The materials of the excavations near the village of Tuekta belong to the ancient Turkic culture; the materials of the excavations near the village of Bystryanskoe belong to the Bystryansk culture of the Northern Altai of the early Iron Age. All the materials and documents obtained during the excavations were transferred to the local museum and made up its “golden fund”. The vast majority of the finds from S.M. Sergeev’s excavations have not been published, which significantly reduces the information potential of the collection. The article provides a brief overview of the materials, both documentary and subject series, obtained as a result of the work of the second detachment of the expedition, stored in the A. V. Anokhin National Museum of the Altai Republic.

Key words: Gorny Altai, Sayano-Altai Archaeological Expedition, S. V. Kiselev, S. M. Sergeev, A. V. Anokhin National Museum of the Altai Republic, archaeological collections, ancient Turkic time, Bystryan culture

For citation: Kireev S. M. Materials of the Sayano-Altai Archaeological Expedition of 1935 in the A. V. Anokhin National Museum of the Altai Republic. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022;34(4):234–251. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-13](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-13)

Введение

К 30-м годам прошлого века Горный Алтай уже был достаточно хорошо известен как один из крупных археологических регионов страны. Исследованиями В. И. Радлова, Н. М. Ядринцева, С. И. Руденко, А. Н. Глухова, М. П. Грязнова и др. были выявлены и изучены многие десятки памятников различных периодов древней истории Алтая, показаны их уникальность и разносторонняя информативность. Поэтому, когда с 1932 г. начинается интенсивное строительство важной стратегической транспортной магистрали Сибири — Чуйского тракта, с учетом этого обстоятельства были организованы крупномасштабные археологические исследования, финансируемые Центральным управлением шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта при Совете Народных Комиссаров (официально — ЦУДорТранс). С 1934 г. на Алтае начинает свои исследования комплексная Саяно-Алтайская археологическая экспедиция Государственной академии истории материальной культуры (с 1937 г. Институт истории материальной культуры АН СССР) и Государственного исторического музея под руководством С. В. Киселева и Л. А. Евтюховой. До этого «Сергей Владимирович

с 1930 г. в течение двух лет проводил раскопки земляных курганов у села Б. Барагаш, а в 1932 г. им осуществлена обширная разведка в горах и предгорьях Алтая» (Тишкина, 2010, с. 188; Китова, 2007, с. 105). В 1934 г. в связи с поставленными задачами были определены места и масштабы предстоящей деятельности и проведен ряд исследований, в которых «приняли участие директор Бийского музея А. П. Марков и директор Ойротского музея С. М. Сергеев» (Тишкина, 2010, с. 188). В следующем 1935 г. последовало более широкое и масштабное изучение археологических памятников в зоне строительства Чуйского тракта (Евтюхова, Киселев, 1941, с. 75–117).

Как отмечал сам С. В. Киселев, «благодаря поддержке экспедиции Цудортрансом и Государственным историческим музеем удалось в 1935 г. поставить по трасе Чуйского тракта обширные работы... В пунктах наибольшего интереса, совпавших с местами интенсивных строительных работ, после разведок были произведены раскопки. Первый отряд в составе начальника экспедиции С. В. Киселева, Л. А. Евтюховой и Н. А. Мальцевой провел раскопки в высокогорной (1900 м над ур.м.) Курайской степи, в 585 км к югу от г. Бийска. Благодаря изобилию памятников этот район объявлен ВЦИК археологическим заказником. Второй отряд в составе С. М. Сергеева (директор Ойротского музея) и А. П. Маркова (директор Бийского музея) копал в окрестностях с. Туехта на не менее богатой памятниками р. Урсул и уже предгорной степной полосе около с. Быстрянского» (Киселев, 1936, с. 282). Село Быстрянное Старо-Бардинского района в настоящее время носит название Быстрянка, а районный центр в 1960 г. переименован в село Красногорское. Отметим, что С. М. Сергеев выполнял «археологические исследования на основе собственного Открытого листа» (Тишкина, 2010, с. 189–190). В целом в задачи экспедиции входило: «а) обследование всей территории Чуйского тракта на Алтае от г. Бийска до с. Кош-Агач, с целью выявления на ней всех памятников старины, искусства и революционных движений; б) всестороннее исследование с применением всех способов тех из вышеуказанных памятников, которые разрушены или разрушаются, или которым угрожает в ближайшем будущем разрушение от строительных работ на тракте» (Киселев, Отчет..., с. 1).

Значение итогов работы Саяно-Алтайской экспедиции в целом и особенно экспедиции 1935 г. трудно переоценить. Н. Н. Серегин и Е. В. Шелепова (2015, с. 16) считают их «важной страницей в истории археологических исследований на территории Сибири», а Г. В. Кубарев (2005, с. 7) называет «результативными и сенсационными». Несомненно, эта характеристика относится и к результатам исследований отряда, возглавляемого С. М. Сергеевым.

Но следует отметить, что подавляющая часть полученных материалов Второго отряда до сих пор не опубликована и не введена в научный оборот. В работах С. В. Киселева и Л. А. Евтюховой в определенном контексте, связанном с задачами авторского повествования, в том числе в «Древней истории Южной Сибири», встречаются лишь упоминания, краткие описания исследованных С. М. Сергеевым памятников, а также фото и рисунки нескольких наиболее ярких предметов из раскопок около сел Туехта и Быстрянное. К сожалению, самому Сергею Михайловичу не удалось опубликовать даже малой части результатов своих уникальных раскопок, полученных в ходе Саяно-Алтайской археологической экспедиции 1934–1936 гг., включая и самый плодотворный сезон 1935 года.

С. М. Сергеев, директор Ойротского областного музея

Сергей Михайлович Сергеев (1879–1947) родился в Варшаве в семье военного, вскоре семья переехала в Сибирь. С юности интересовался древней историей, занимался любительскими археологическими изысканиями. В 1923 г. окончил исторический факультет Московского государственного университета. Ученик известного дореволюционного исследователя сибирского палеолита И. Т. Савенкова, а также знаменитого российского и советского археолога В. А. Городцова, в экспедициях которого он получил большой профессиональный опыт полевых археологических исследований. В 1927 г. С. М. Сергеев был приглашен на должность директора Бийского краеведческого музея (Кунгуров, 1992, с. 178–179; Полтева, 2004, с. 20). С 9 января 1934 г. до июня 1937 г. С. М. Сергеев работал директором Ойротского краеведческого музея, ныне Национальный музей Республики Алтай им. А. В. Анохина (Архив НМРА, оп. 2, д. 1).

Вклад ученого в изучение археологии Алтая трудно переоценить, Сергей Михайлович «является первооткрывателем практически всех основных древних культур Алтая. По его следам шли такие ведущие исследователи 30–40 годов, как С. И. Руденко, М. П. Грязнов, Г. П. Сосновский. До сих пор исследуются памятники, открытые С. М. Сергеевым, широко используются добытые им материалы» (Кунгуров, 1992, с. 177, Киреев, 2009).

Он открыл и исследовал целый ряд памятников каменного века, андроновской, ирменской, сросткинской, культуры скифского времени. Среди них городища на р. Иша, могильники и городища у с. Березовка, могильник и стоянка каменного века на горе Пикет около с. Сростки, могильники Суртайка и Быстрянка, впоследствии давший название археологической культуре скифского времени предгорий Алтая. Также исследователь участвовал в раскопках М. П. Грязновым могильников Бийск-I и Бийск-II (Абдулганеев, 1997, с. 55; 2007а, с. 101–109; Полторацкая, 1961, с. 74–88; Абдулганеев, Папин, 1999, с. 5–13; Савинов, 1995, с. 166–171; 1998, с. 178–190; Кунгуров, Цыро, 2006, с. 25–27; Членова, 1973, с. 116–121; Завитухина, 1966, с. 61–76; Киреев, 1992, с. 54–58).

Вершиной археологической деятельности С. М. Сергеева в Ойротском музее являлось его участие в масштабной Саяно-Алтайской археологической экспедиции 1934–1936 гг. под общим руководством С. В. Киселева и Л. А. Евтюховой (Киселев, 1936, с. 282; 1941, с. 298; Кунгуров, 1992, с. 181; Тишкина, 2010, с. 189–190). Накануне выезда отряда на полевые работы 1934 г. местная областная газета «Красная Ойротия» в небольшой заметке «Научная экспедиция Ойротского музея» писала: «В августе-сентябре Ойротский государственный краеведческий музей организует комплексную экспедицию. Отряд в составе директора музея Сергеева С. М. и московских археологов С. В. Киселева и Л. А. Евтюховой произведет археологические раскопки по Чуйскому тракту между Онгудаем и Кош-Агачем. Попутно отряд займется изучением древних оросительных сооружений в Чуйской степи, а также сбором материалов по истории революционного движения» (Красная Ойротия, 1934). В 1934 г. С. М. Сергеевым продолжены раскопки открытого им в 1931 г. могильника Суртайка, расположенного у с. Старая Суртайка Старобардинского (Красногорского) района, исследование которого проходило в том же 1931 и в 1932 гг. (Членова, 1973, с. 114; Абдулганеев, 1999, с. 7–12). В августе 1934 г. проведены значительные работы на городище, расположенном на берегу реки Иша недалеко от ее впадения в р. Ка-

тунь, впоследствии получившем наименование Усть-Иша-2 (Абдулганеев, 2007а, с. 101–109; 2007б, с. 238). Сам С.М. Сергеев отмечает: «...в задачи экспедиции 1934 г. входило лишь рекогносцировочное обследование с производством пробных раскопок на ограниченной площади». Ученым на городище, «расположенном на довольно высоком холме, с обрывистыми склонами, возвышающемся над пойменной болотистой долиной» зафиксированы остатки рвов и 21 жилищная западина и «вскрыто около 200 кв. м» на трех жилищах в восточной части памятника. Полученный керамический материал позволил С.М. Сергееву «отнести его к эпохе железа в его ранней стадии» (Предварительный отчет..., с. 1–2). В сентябре 1934 г. С.М. Сергеев раскопал два кургана скифского времени у с. Майма-Чергачак (в настоящее время с. Майма Республики Алтай). По моему предположению, эти погребения входили в состав могильника Майма-IV, расположенного за северной окраиной села (Киреев и др., 2008, с. 28–30).

В фондах Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина хранится краткий двухстраничный отчет с двумя чертежами, тремя фотографиями и материалы раскопок городища Усть-Иша-2 (фрагменты керамики VII–VI вв. до н.э., предметы каменного инвентаря). Эти находки были обнаружены в 1983 г. С.М. Киреевым на чердаке старого музея, расположенного в Горно-Алтайске по ул. Социалистической. Керамика и камень находились в двух деревянных ящиках и были упакованы в газеты 1934 г. Эти материалы почти полностью опубликованы М.Т. Абдулганеевым (2007а, с. 101–109). В НМРА хранятся и небольшие коллекции из раскопок 1934 г. мог. Суртайка (два костяных псаля, каменный «точильный брусок», роговая пронизка и небольшой глиняный сосуд) и майминских погребений (глиняный сосуд, золотая серьга, бронзовое кольцо и два «осколка из красного глинистого сланца»). Из них по рисункам из отчета С.М. Сергеева, хранящемся в Бийском краеведческом музее, опубликованы лишь оселок — «точильный брусок» и сосуд из мог. Суртайка-1 (Абдулганеев, 2005, рис. 1.-6). Сами же находки из раскопок 1934 г. М. Т. Абдулганеев считал утерянными (Абдулганеев, 2005, с. 42).

Имеются сведения, что в 1935 г. С. М. Сергеев намеревался продолжить исследования Алферовского могильника, расположенного в черте города, раскопки которого проводили В.И. Левин в 1924 г. и А.В. Якубский в 1933 г. Областная газета «Красная Ойротия» (1935, №90) сообщала: «В июле сотрудники областного музея под руководством т. Сергеева (зав. Музеем) начнут производить пробные раскопки в окрестностях гор. Ойрот-Тура. Большой интерес представляет место древних погребений на окраине города, в конце улицы Алферова. Несколько лет тому назад, при раскопках этого могильника, были найдены мужские скелеты. На днях т. Сергееву удалось найти изломанные кости человеческих скелетов. Могильник разрушается гражданами, берущими на месте погребения глину. Горсовету надо организовать охрану этого памятника исторической ценности». Но Сергею Михайловичу, как опытному исследователю и хорошо известному сибирскому археологу, было поручено руководство отдельным — Вторым отрядом Саяно-Алтайской экспедиции, работа которого проходила в окрестностях села Туекта (в отчетах С.М. Сергеева и С.В. Киселева написано «Туяхта», как это было принято в одном из вариантов правописания того времени) Онгудайского аймака (с 1961 г. — район). Вторым пунктом исследований отряда стал могильник, расположенный около с. Быстрянского (Быстрянка) в непосредственной близости от Чуйского тракта. Еще до начала экспедиции

между Ойротским музеем и Государственным академическим институтом материальной культуры был заключен договор, согласно которому материалы, полученные в результате раскопок Второго отряда, поступали в Ойротский музей (Белекова, 2010, с. 85; Архив НМРА. Оп. 1. Д. 4. Л. 5). В 1936 г. С. М. Сергеевым совместно с экспедицией ГАИМ под руководством Г. П. Сосновского проводились исследования на Сросткинской палеолитической стоянке на горе Крутой Солонец. Часть полученной там коллекции каменных артефактов в количестве 75 предметов (скребки, нуклеус, отщепы) также была передана в Ойротский музей (Архив НМРА. Оп. 1. Д. 4. Л. 5). В книге поступлений музея по этому поводу имеется запись: «с. Сростки Старо-Бардинского р-на, гора „Крутой Солонец“. Из раскопок верхнепалеолитической стоянки на древней террасе р. Катунь, проведенных вне-шт. сотр. Ойротского обл. музея Черепановой в составе экспедиции Г. П. Сосновского от Ак. ист. мат. культ. от 15–22 авг. 1936 г».

В июне 1937 г. Сергей Михайлович увольняется с должности директора Ойротского музея и возвращается в Бийский краеведческий музей научным сотрудником, где он проработал вплоть до своей кончины в 1947 г. «Вклад этого человека в археологию Алтая огромен. Мало кому из исследователей удавалось открыть такое количество древних страниц истории от палеолита до средневековья» (Кунгуров, 1992, с. 179).

Материалы и их обсуждение

В день выезда на полевые работы 15 августа 1935 г. С. М. Сергеев издает Приказ №31, написанный его рукой в книге приказов музея: «Выезжая в экспедицию по заданию Академии Истории Материальной культуры в Онгудайский аймак заведование Музеем с правом распоряжением кредитами передал и. об. Научного сотрудника Музея т. Мацкевичу. Ему же передан штамп и гербовая печать. Директор музея Сергеев» (Книга приказов 1934–1936 гг. Архив НМРА). Всего отряд С. М. Сергеева, как это следует из отчета С. В. Киселева, провел в поле период с 15 августа по 25 сентября 1936 г. (Киселев, Отчет..., Архив НМРА). На первом этапе работ он остановился лагерем на реке Урсул у с. Туекта. Выбранный им для раскопок могильник располагался к северу от Урсула сразу за Чуйским трактом, что отражено на плане, приложенном к отчету (рис. 1).

В течение этого периода было раскопано семь курганов, из них шесть древнетюркского времени и один — скифской эпохи с впускным погребением. Первые Киселев относит к «эпохе рунического письма», второй, как и быстрианские погребения, к «хунно-сарматской стадии (типа Пазырык)» (Киселев, 1941, с. 299–282). Следует отметить, что сам С. М. Сергеев в своем отчете не дает датировки и культурного определения раскопанных курганов. В погребениях встречены предметы вооружения, функциональные детали и украшения лошадиной сбруи, элементы одежды и экипировки. Из всего объема материалов, добытых раскопками Второго отряда, С. В. Киселев в свой капитальный труд «Древняя история Южной Сибири» включил лишь ряд наиболее ярких и знаковых предметов из раскопок Второго отряда. Это серебряный сосуд с ручкой и рунической надписью на донце, «золотые штампованные бляхи» от пояса, три «шелковых мешочка для огнива и амулетов», выполненные цветными рисунками на отдельной вкладке (Киселев, 1936, с. 298–304, рис. 4; Евтюхова, Киселев, 1941, с. 90–93, рис. 12; Киселев, 1951, с. 329–330, 530, 540–542, табл. LI). Также в отчете о Саяно-Алтайской археологической экспедиции 1935 г. он писал, выделяя наиболее богатый курган, по нумера-

ции С.М. Сергеева — №3: «Грабители лишь частично потревожили лошадей. В могиле был найден костяк мужчины, лежавшего вытянуто, головой на восток — северо-восток. На нем сохранились остатки шелковых одежд: верхней — цвета бордо, средней — зеленоватой и нижней — золотисто-желтой. Слева от головы стоял серебряный кувшинчик» (Киселев, 1936, с. 284) с рунической надписью и тамгой на днище сосуда. «Поверх одежд на груди лежал кожаный мешочек, в котором были три небольших шелковых мешочка, несколько кремней, огниво, лоскут, в котором был завернут трут, и четыре украшенных нарезками призматических деревянных фигурки. Ниже к животу лежали части кожаного пояса с 12 золотыми штампованными бляхами. Справа от котелка найдены семь наконечников стрел, две костяные обкладки от лука, четыре серебряных кольца и такие же пряжки, наконечник и семь бляшек от ремня, прикреплявшие налучие к поясу. В левой руке был нож в деревянных ножнах. У пяток — по серебряной бляшке. В ногах стоял железный клепаный котел в виде ведра. При лежавших вдоль левого бока человека двух лошадях были найдены оставленные грабителями части узды, остатки деревянного седла» (Киселев, 1936, с. 284). Отметим, что значительная часть найденных предметов из курганов №3 и 4 (детали одежды, экипировки, лошадиной сбруи, украшения, посуда) была изготовлена из серебра и золота.

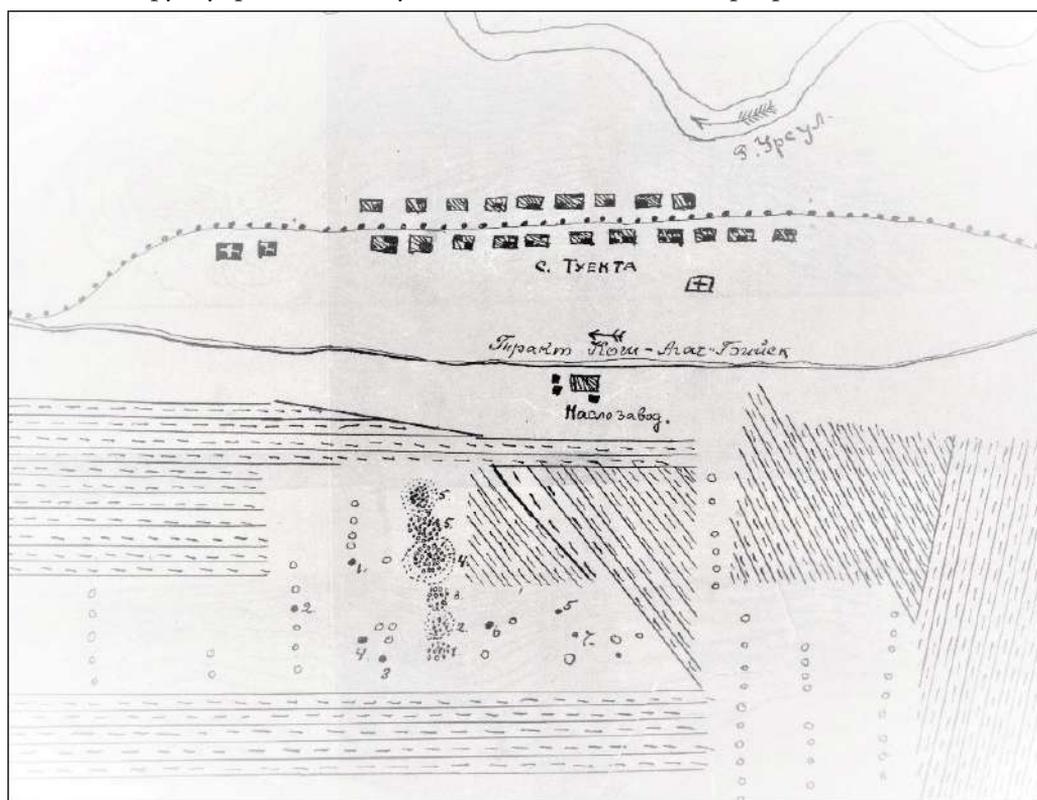

Рис. 1. План могильника у с. Туекта. 1935 г.

Fig. 1. The plan of the burial ground at the village of Tuekta. 1935

Рис. 2. Стенд, посвященный итогам работ Второго отряда Саяно-Алтайской экспедиции 1935 г. на выставке к XV Пленуму Академии материальной культуры. Февраль 1936 г.

Fig. 2. A stand dedicated to the results of the work of the Second Detachment of the Sayano-Altai Expedition of 1935 at the exhibition for the XV Plenum of the Academy of Material Culture. February 1936

В том же году по просьбе ГАИМК многие предметы экспонировались на выставке, посвященной работе XV пленума ГАИМК, где кроме целого ряда докладов был «дан обзор археологических исследований на территории РСФСР в 1935 г., представлен план археологических исследований на территории РСФСР в 1936–1937 гг.» (Тарасов, 1936,

с. 173). «20 февраля 1936 г. в Москве созывается XV пленум Академии материальной культуры, посвященный итогам работы за 1935 г. К пленуму организована отчетная выставка по всем научным экспедициям. Ойротский краевой музей поставил на выставку археологические предметы, раскопанные в окрестностях Туекты Онгудайского района отрядом Алтае-Саянской археологической экспедиции во главе с С. М. Сергеевым — директором музея (Отчет о работе Ойротского музея за 1935 год. Архив НМРА. Оп. 1. Д. №3). Кроме того, на выставку были отправлены 19 рисунков, 55 этюдов, 16 диорам» (ГАСПД. Ф. 64. Д. 36; Белекова, 2010, с. 88). Пленум состоялся 25–28 февраля 1936 г. на нем «был дан обзор археологических исследований на территории РСФСР в 1935 г. К Пленуму была организована выставка, которая до 25 апреля... была открыта ежедневно... в здании Мраморного дворца». На сайте ИИМК РАН размещена информация «ГАИМК в 30-е годы» и опубликованы фото экспозиции выставки, на которой представлены стенды с отчетом о работе Саяно-Алтайской археологической экспедиции 1935 г., в том числе Второго отряда (рис. 2), возглавляемого С.М. Сергеевым (Государственная Академия истории материальной культуры. Сайт ИИМК РАН).

Также в самом Ойротском краеведческом музее была организована выставка «Экспедиционные работы музея 1935 года», а С.М. Сергеев выступил по областному радио с темой «Результаты археологических исследований 1935 года» (Белекова, 2010, с. 86; Полтева, 2004, с. 24). Успехи музея и его директора не остались незамеченными, «редакция „Крестьянской газеты“ премировала музей за активную работу в области автомашины и патефоном» (Кунгуров, 1992, с. 179).

Краткий анализ отчета С.М. Сергеева о Саяно-Алтайской экспедиции 1935 г.

Отчет С.М. Сергеева отпечатан на пишущей машинке на шести листах пожелтевшей печатной бумаги формата А3 с обеих сторон листов. Нумерация постраничная, всего 12 страниц. К отчету прилагаются два чертежа, выполненные черной тушью на кальке, и четыре листа с фотографиями внешнего вида курганов, их раскопок и находок из погребений, исследованных в окрестностях сел Туекта и Быстрянского.

Два экземпляра отчета (2-й и 3-й) и приложения к нему подшиты в стандартную картонную папку, на обложке которой рукой автора синими чернилами сделано заглавие «Саяно-Алтайская Экспедиция ГМИЛИК. 1935 года. Раскопки 2го отряда. Директор музея С.М. Сергеев». Папка имеет инвентарный №22, «по книге рукописей записан под №7. 1937 г.». На первой странице машинописи отпечатано другое название отчета: «Раскопки курганов могильника в окрестностях с. Туяхта Онгудайского аймака Ойротской автономной области в 1936 году». Слово «курганов» переправлено на «курганного». Текстовая часть отчета состоит из введения, описания раскопок курганов 1–7 и перечня находок в курганах 1–7. В начале отчета С.М. Сергеев сообщает, что «могильник расположен на 267 км тракта Бийск — Кош-Агач в долине р. Урсул», и дает лаконичную характеристику ландшафта этой зоны. Отмечается, что «здесь вдоль полотна дороги, начиная от с. Туяхта и до с. Онгудая расположено несколько курганных могильников». Исследователь представляет общее краткое описание курганных объектов, их расположение, устройство, указание размеров: диаметра и высоты насыпи. Крупные по диаметру и высоте курганные сооружения он называет «керексурами» (в единственном числе — «керексура»). «Изредка среди курганов встречаются отдельные стоящие кам-

ни высотой до 1 метра. Имеются сведения о каменных бабах, поставленных около керексур, но в настоящее время уже уничтоженных».

Как следует из отчета, все курганы С. М. Сергеевым раскапывались «колодцем» различного размера, в зависимости от величины насыпи. Далее в отчете идет последовательное описание исследования каждого раскопанного кургана, его стратиграфии, устройства, параметров и глубины погребальной камеры, особенностей погребального обряда и перечень обнаруженных в каждом погребении находок. В тексте отчета на ряде страниц рукой автора сделаны небольшие дополнения, исправления и уточняющие надписи. Так, в перечень найденных предметов в кургане №3 дополнительно вписаны «Остатки деревянных ножен плохой сохранности 1 — коробка» и «железное огниво кольцеобразной формы». К списку находок из кургана №4 добавлена запись: «железный нож с кривым черешком». В отчете есть записи о «зарисовках найденных предметов на особой таблице». Но среди документов НМРА о работах Саяно-Алтайской экспедиции данных таблиц нет. Следует заметить, что, несмотря на помещенные в отчете чертежи и фотографии раскопок могильника у с. Быстрынского, в нем нет никакого текстового описания быстрынских курганов.

В конце отчета напечатан небольшой абзац «Раскопки курганов 1, 2, 3 и 4 произведены научным сотрудником отряда А. П. Марковым, остальные — раскопаны нижеподписавшимся: Начальник 2-го отряда» и стоит подпись С. М. Сергеева.

Состав приложения к отчету:

1. Ситуативный глазомерный план могильника Туекта в окружающем ландшафте.
2. Планы разрезов и могильных пятен курганов №2, 3, 4, 6 могильника Быстрынка.
3. Разрез стенки и могильное пятно кургана №7 мог. Туекта.
4. План могильного пятна и погребальной камеры кургана №7 мог. Туекта.
5. Пятнадцать черно-белых фотографий небольшого размера низкого качества, демонстрирующих общий вид и процесс раскопок курганов могильников Туекта (5 фото) и Быстрынка (10 фото) (рис. 3, 4).
6. Восемь фотографий с находками из курганов №3 и 4 могильника Туекта.

Рис. 3. Раскопки кургана №3 Быстрынского могильника

Fig. 3. Excavation of mound No. 3 of the Bystrynsky burial ground

Рис. 4. Раскопки кургана №5 Быстрянского могильника

Fig. 4. Excavation of mound No. 5 of the Bystryansky burial ground

Изучая научную деятельность С. М. Сергеева, Т. В. Тишкина (2010, с. 190) указывает, что «в архиве ИИМК РАН хранится краткий отчет о результатах его деятельности». Полагаю, что это первый экземпляр указанной машинописи С. М. Сергеева, второй и третий экземпляры, как уже упоминалось, находятся в фондах НМРА. Также она отмечает, что «Альбом о проведенных работах с набором фотографических снимков находится в фотоархиве ИИМК РАН. Там имеется карта маршрута экспедиции и отмечены места работ 1-го и 2-го отрядов» и в приложении приводит фотографии раскопок и находок как из курайских, так и туектинских курганов (Тишкина, 2010, с. 189, рис. 91–97). Копии некоторых из этих фотографий присовокуплены к приложению отчета С. М. Сергеева. Также в составе фонда Саяно-Алтайской экспедиции НМРА находится копия 70-страничного отчета С. В. Киселева под заглавием «Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции ГАИМК в 1935 г.». В верхней части титульного листа рукой С. В. Киселева подписано: «Копия: Ойротскому музею». На последней странице внизу стоит его подпись и дата: «Нач. Экспедиции С. В. Киселев 20 мая 1936 г.».

Краткий анализ состава коллекции находок из раскопок Второго отряда Саяно-Алтайской археологической экспедиции 1935 г.

Итак, Вторым отрядом Саяно-Алтайской экспедиции 1935 г. под руководством директора Ойротского музея С. М. Сергеева было раскопано семь курганов у с. Туекты в центральном Алтае и 15 курганов у с. Быстрянского в северных предгорьях Алтая. В отчете С. М. Сергеева имеется по курганному перечню находок лишь из туектинских курганов. Как уже отмечалось, ни в нем, ни в каких-либо других документах нет никаких письменных данных по раскопкам быстрянских погребений, в том числе списка обнаруженных в результате раскопок материалов. Как указывалось выше, по условиям договора с организаторами экспедиции ГАИМК все материалы раскопок Второго отряда должны были поступить в Ойротский областной краеведческий музей (Архив НМРА. Оп. 1. Д. 4. Л. 5). Но в фондах НМРА хранится коллекция предметов из раскопок всех курганов Туекты и лишь несколько предметов из Быстрянского могильника. К сожалению, акты передачи экспонатов в музей не сохранились, но в книгах поступлений (КП) №1 и №4 по записям 1953–1954 гг. имеется перечень находок от №283 по №933, с их наименованием, кратким описанием, размерами и указанием происхождения, пе-

remeжаясь с записями других археологических и этнографических экспонатов, поступивших в музей с 1918 по 1950 гг. Эти записи перенесены в данные КП из так называемых «старых» КП 2-й половины 30-х гг. XX в. и были составлены по правилам изменившихся музейных требований. Справочные карточки на экспонаты были заполнены спустя многие годы с простым переносом информации из КП 1953–1954 гг. Лишь в 2010 г. подготовлены подробные научно-справочные карточки на изделия из драгоценных металлов с полным описанием, атрибуцией и точными размерами каждого предмета. Под №10479 в КП записано 18 предметов как «материалы из раскопок второго отряда Саяно-Алтайской экспедиции ГАИМКА в селе Туекта Онгудайского района и в окрестностях села Быстрянского Старо-Бардинского района в 1935 году под руководством С. М. Сергеева». Материалы были «обнаружены при сверке наличия экспонатов с научной документацией». Но в учетных документах не указано, какие из этих предметов происходят из памятников Туекты и Быстрянского. Поэтому без учета этих 18 единиц коллекция из раскопок туектинских курганов составляет 235 предметов. Среди уникальных экспонатов: сосуд серебряный с рунической надписью (№ КП 929), «поясной набор из серебра» из 73 предметов (№ КП 924), «золотой поясной набор» из 12 предметов (№ КП 933), «набор уздечный серебряный» из 23 предметов (№ КП 925), «серебряная узда из предметов различной формы» из 26 предметов (№ КП 926). Среди других экспонатов — остатки изделий из шелка (рис. 5), застежки для пуд, удила, подпружные пряжки (рис. 6), стремяна, детали поясной фурнитуры, накладки на лук, наконечники стрел, нож и другие артефакты.

Рис. 5. Шелковый мешочек из мог. Туекта

Fig. 5. Silk bag from the grave

Рис. 6. Роговые и железная пряжки из могильника Туекта

Fig. 6. Horn and iron buckles from the Tuekta burial

Кроме 18 не определенных по месту происхождения вещей достоверно записаны как происходящие из быстрянских курганов 1935 г. всего пять предметов: четыре неполной сохранности железные бляшки, «украшенные золотыми листочками», а также «бляшка бронзовая (железная. — С. К.) фигурная, на оборотной стороне длинный стержень». Причем не указаны номера объектов, из которых они происходят. По описанию С. В. Киселева (1941, с. 302) первые четыре предмета могут быть находками из кургана №4: «железная пряжка со следами инкрустации золотом» и «несколько обломков железа со следами инкрустации золотом», которые он считает «остатками сбруи». Данные артефакты находятся в коллекции фонда С. М. Сергеева и действительно являются деталями узды. Других предметов из быстрянских курганов, указанных в публикациях С. В. Киселева (1941, с. 302–303; 1951, с. 330): сосуды, бусы, серьги, бляшки, нож, золотые обкладки и др. — в составе вещевого фонда Саяно-Алтайской экспедиции 1935 г. НМРА нет. Хотя С. В. Киселев в своем машинописном отчете за 1935 г., датированном маем 1936 г., пишет: «В настоящее время все коллекции II отряда находятся в Ойротском музее... Дальнейшая передача материала, полученного в результате раскопок, нами систематизирована по отдельным видам памятников...» (Киселев, Отчет..., с. 33). М. П. Завитухина сообщает, что материал раскопок быстрянских курганов 1935 г. «хранится в Бийском музее» (1966, с. 76).

Также среди комплекса находок имеются не записанные как экспонаты фрагменты кожаных ремешков от пояса и некоторые другие остатки предметов из органических материалов плохой сохранности и обломки железных неопределимых изделий.

Заключение

Материалы археологических исследований Второго отряда Саяно-Алтайской экспедиции под руководством С. М. Сергеева у сел Туекта и Быстрянское, хранящиеся и экспонирующиеся в Национальном музее Республики Алтай им. А. В. Анохина, составляют достаточно значительный фонд, подавляющая часть которого не опублико-

вана и не введена в научный оборот. Подводя итоги алтайского этапа деятельности Саяно-Алтайской экспедиции, А. А. Тишкин и Т. В. Тишкина с сожалением отмечают: «... монографическое издание с детальным представлением каждого объекта, раскопанного на Алтае в 1930-е гг., и обнаруженного там комплекса предметов не состоялось» (Тишкин, Тишкина, 2020 с. 178). Общее количество предметов из раскопок Второго отряда, хранящихся в Национальном музее, составляет 257 единиц. Музей также располагает архивными материалами, отражающими подготовку и итоги работ отряда: отчеты С. М. Сергеева и С. В. Киселева, книга приказов, годовой отчет Ойротского музея за 1935 г., записи в книгах поступлений и пр.

В НМРА наиболее уникальные и оригинальные предметы размещены в экспозиционных залах «Горный Алтай в древнетюркское время и средневековье», были представлены на временных тематических выставках. Публикации отдельных ярких предметов приведены в научных работах и научно-популярных изданиях, в юбилейном настольном календаре 2018 г. и пр. Неоднократно проводилась работа ученых с отдельными экспонатами (руническая надпись на серебряном сосуде, состав драгоценного металла и др.). Как уже отмечалось, С. М. Сергеевым не были опубликованы результаты его исследований по итогам участия в работах Саяно-Алтайской экспедиции. Но, как писал М. Т. Абдулганеев (2007б, с. 238), «не следует считать их безрезультатными. В частности, по материалам раскопок С. М. Сергеева в дальнейшем были выделены березовский этап и быстринская культура древней истории Алтая». Но в настоящее время назрела актуальная необходимость подробного и всестороннего изучения всего комплекса материалов Саяно-Алтайской экспедиции 1935 г., хранящихся не только в Национальном музее Республики Алтай, но и в других научных учреждениях, их полная публикация, подготовленная на современном научном уровне отдельным изданием. «Изучение результатов деятельности этого исследователя требует специальной и кропотливой работы. Ведь С. М. Сергеев, по сути дела, являлся единственным местным археологом на Алтае» (Тишкина, 2010, с. 190).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Абдулганеев М. Т. Древнейшие городища северных предгорий Алтая // Известия лаборатории археологии. №2. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1997. С. 53–61.

Абдулганеев М. Т. Курганы скифского времени могильника Суртайка-1 // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 42–47.

Абдулганеев М. Т. Городище Усть-Иша-2 в северных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XVI. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007а. С. 101–109.

Абдулганеев М. Т. Красногорский район в древности // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XVI. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007б. С. 237–304.

Абдулганеев М. Т., Папин Д. В. Памятники раннескифского времени в междуречье Бии и Катунь // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 5–13.

Белекова Э. А. История музейного дела в Республике Алтай (1918–2009 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. 253 с.

Годовой отчет о работе Ойротского краеведческого музея за 1936 год. Архив НМРА. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.

Государственная Академия истории материальной культуры в 1930-е годы: Выставка к Пленуму 1936 года. Сайт ИИМК РАН.

Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай (ГА-СПД РА). Ф. 64. Д. 36. Л. 19.

Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. Вып. 16. М. : Государственный исторический музей, 1941. С. 75–117.

Завитухина М. П. Курганы у с. Быстрянского в Алтайском крае // АСГЭ. Вып. 8. Л. : Б. и., 1966. С. 61–76.

Киреев С. М. Погребения быстрянской культуры // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 54–58.

Киреев С. М. Первооткрыватель древностей. К 130-летию С. М. Сергеева — ученого, археолога, заведующего Ойротским краеведческим музеем // Звезда Алтая. 2009. 13 авг.

Киреев С. М., Акимова Т. А., Бородовский А. П., Бородовская Е. Л. Археологические памятники и объекты Майминского района. Горно-Алтайск : АКИН, 2008. 144 с.

Киселев С. В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции ГАИМК в 1935 г. Архив НМРА. Инв. №7. 70 с.

Киселев С. В. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция 1935 г. // Советская археология. 1936. Т. I. С. 282–284.

Киселев С. В. Курайская степь и Старо-Бардинский район // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. С. 298–304.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.

Китова Л. Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е годы): Изучение памятников эпохи металла. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. 272 с.

Книга приказов 1934–1936 гг. Архив НМРА. Инв. №59.

Красная Ойротия. 1934. 3 авг. №104. Научная экспедиция Ойротского музея.

Красная Ойротия. 1935. 4 июл. №90.

Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.

Кунгуров А. Л. Сергей Михайлович Сергеев // Алтайский сборник. Вып. XV. Барнаул : Б. и., 1992. С. 177–186.

Кунгуров А. Л., Цыро А. Г. История открытия и изучения палеолита на Алтае. Барнаул : Азбука, 2006. 144 с.

Отчет о работе Ойротского музея за 1935 год. Архив НМРА. Оп. 1. Д. №3.

Полтева Т. И. Сергеев Сергей Михайлович — заведующий Ойротским государственным областным краеведческим музеем // Материалы Анохинских краеведческих чтений 2003 г. Горно-Алтайск : НМРА, 2004. С. 20–24.

Полторацкая В. Н. Могильник Березовка 1 // АСГЭ. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. С. 74–88.

Савинов Д. Г. Погребения Сросткинского могильника (Дневник раскопок С.М. Сергеева 1930 г.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. 5, ч. 2. Барнаул : ЛИК БГПУ, 1995. С. 166–169.

Савинов Д. Г. Сросткинский могильник (раскопки Н. М. Комаровой в 1925 г. и С. М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая (Известия лаборатории археологии №3). Горно-Алтайск : ГАГУ, 1998. С. 175–190.

Сергеев С. М. Предварительный отчет о раскопках городища на р. Ише в 1934 году. Архив НМРА. Папка №18. Инв. №18.

Сергеев С. М. Раскопки курганного могильника в окрестностях с. Туяхта Онгудайского аймака Ойротской автономной области в 1936 году. Архив НМРА. Инв. №22.

Серегин Н. Н., Шелепова Е. В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул : Азбука, 2015. 168 с.

Тарасов Н. В. В Государственной академии истории материальной культуры // Историк-марксист. 1936. №2 (054). С. 173.

Тишкин А. А., Тишкина Т. В. Опись музейной коллекции как источник для изучения культуры тюрок Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2020. №2(30). С. 178–185.

Тишкина Т. В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул : Азбука, 2010. 286 с.

Членова Н. Л. Суртайка — могильник карасукской эпохи в предгорьях Алтая // КСИА. №134. М. : Наука, 1973. С. 116–121.

REFERENCES

Abdulganeev M. T. The Oldest Settlements of the Northern Foothills of Altai. In: News of the Laboratory of Archeology. No. 2. Gorno-Altai: GAGU, 1997. Pp. 53–61. (*In Russ.*).

Abdulganeev M. T. Mounds of the Scythian Time of the Surtayka Burial Ground-1. In: Western and Southern Siberia in Antiquity. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. Pp. 42–47. (*In Russ.*).

Abdulganeev M. T. Ust-Isha-2 Settlement in the Northern Foothills of Altai. In: Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai. Issue XVI. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2007a. Pp. 101–109. (*In Russ.*).

Abdulganeev M. T. Krasnogorsk District in Ancient Times. In: Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai. Issue XVI. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2007b. Pp. 237–304. (*In Russ.*).

Abdulganeev M. T., Papin D. V. The Sites of the Early Scythian Time in the Interfluvium of the Biya and the Katun. In: Results of the Study of the Scythian Epoch of Altai and Adjacent Territories. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1999. Pp. 5–13. (*In Russ.*).

Belekova E. A. History of Museum Business in the Altai Republic (1918–2009): diss. for the Degree of Candidate of Scientific Sciences. Barnaul, 2010. 253 p. (*In Russ.*).

Annual Report on the Work of the Oirat Museum of Local Lore for 1936. Archive of NMRA. Op. 1. D. 4. L. 5. (*In Russ.*).

The State Academy of the History of Material Culture in the 1930s. Exhibition for the 1936 Plenum. IIMC RAS website. (*In Russ.*).

State Archive of Social and Legal Documentation of the Republic of Altai (GASPD RA). F. 64. D. 36. L. 19. (*In Russ.*).

Evyukhova L. A., Kiselev S. V. Report on the Work of the Sayano-Altai Archaeological Expedition in 1935. In: Trudy GIM. Issue 16. Moscow : Gosudarstvennyj istoricheskij muzej, 1941. Pp. 75–117. (*In Russ.*).

Zavitukhina M. P. Kurgans near Bystryansky Village in Altai Krai. In: ASGE. Issue 8. Leningrad : B. i., 1966. Pp. 61–76. (*In Russ.*).

Kireev S. M. Burials of the Bystryan Culture. In: Problems of Studying the History and Culture of Altai and Adjacent Territories. Gorno-Altaysk : GANIIIYaL, 1992. Pp. 54–58. (*In Russ.*).

Kireev S. M. The Discoverer of Antiquities. To the 130th Anniversary of S. M. Sergeev — Scientist, Archaeologist, the Head of the Oirot Museum of Local Lore. In: Star of Altai, August 13, 2009. (*In Russ.*).

Kireev S. M., Akimova T. A., Borodovsky A. P., Borodovskaya E. L. Archaeological Sites and Objects of the Maiminsky district. Gorno-Altaysk : AKIN, 2008. 144 p. (*In Russ.*).

Kiselev S. V. Report on the Work of the Sayano-Altai Archaeological Expedition of the GAIMK in 1935. NMRA Archive. Inv. No. 7. 70 p. (*In Russ.*).

Kiselev S. V. Sayano-Altai Archaeological Expedition of 1935. *Sovetskaya arheologiya = Soviet Archaeology*. 1936;1:282–284. (*In Russ.*).

Kiselev S. V. Kuraiskaya Steppe and Staro-Bardinsky District. In: Archaeological Research in the RSFSR 1934–1936. Moscow; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1941. Pp. 298–304. (*In Russ.*).

Kiselev S. V. Ancient History of Southern Siberia. Moscow : Izd-vo AN SSSR, 1951. 642 p. (*In Russ.*).

Kitova L. Yu. The History of Siberian Archaeology (1920–1930s): The Study of the Sites of the Metal Age. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2007. 272 p. (*In Russ.*).

The Book of Orders 1934–1936. NMRA Archive. Inv. No. 59. (*In Russ.*).

Krasnaya Oirotia, August 3, 1934, No. 104. Scientific Expedition of the Oirot Museum. (*In Russ.*).

Krasnaya Oirotia, July 4, 1935, No. 90. (*In Russ.*).

Kubarev G. V. Culture of the Ancient Turks of Altai. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2005. 400 p. (*In Russ.*).

Kungurov A. L. Sergey Mikhailovich Sergeev. In: Altai Collection. Issue XV. Barnaul : B. i., 1992. Pp. 177–186. (*In Russ.*).

Kungurov A. L., Tsyro A. G. The History of the Discovery and Study of the Paleolithic in Altai. Barnaul : Azbuka, 2006, 144 p. (*In Russ.*).

Report on the Work of the Oirot Museum for 1935. NMRA Archive. Op. 1. D. No. 3. (*In Russ.*).

Polteva T. I. Sergeev Sergey Mikhailovich — Head of the Oirot State Regional Museum of Local Lore. In: Materials of Anokhinsky Local Lore Readings 2003. Gorno-Altaysk : NMRA. 2004. Pp. 20–24. (*In Russ.*).

Poltoratskaya V. N. Burial Ground Berezovka 1. In: ASGE: Collection of Scientific Works. Leningrad : Izd-vo Gos. Ermitazha, 1961. Pp. 74–88. (*In Russ.*).

Savinov D. G. Burials of the Srostkinsky Burial Ground (Diary of excavations by S. M. Sergeev 1930). In: Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory. Issue 5. Part 2. Barnaul : LIK BGPU, 1995. Pp. 166–169. (*In Russ.*).

Savinov D. G. Srostkinsky Burial Ground (excavations by N. M. Komarova in 1925 and S. M. Sergeev in 1930). In: Antiquities of Altai (Izvestia of the Archeology Laboratory No. 3). Gorno-Altaiisk : GAGU, 1998. Pp. 175–190. (*In Russ.*).

Sergeev S. M. Preliminary Report on the Excavations of the Settlement on the Isha River in 1934. NMRA Archive. Folder No. 18. Inv. No. 18. (*In Russ.*).

Sergeev S. M. Excavations of a Burial Mound in the Vicinity of the Village of Tuyakhta of the Ongudai Aimag of the Oirod Autonomous Region in 1936. NMRA Archive. Inv. No. 22. (*In Russ.*).

Seregin N. N., Shelepova E. V. Turkic Ritual Complexes of Altai (2nd half of the I millennium AD): Systematization, Analysis, Interpretation. Barnaul : Azbuka, 2015. 168 p. (*In Russ.*).

Tarasov N. V. At the State Academy of the History of Material Culture. *Istoriik-marxist = Marxist Historian*. 1936;2(054):173. (*In Russ.*).

Tishkin A. A., Tishkina T. V. Inventory of the Museum Collection as a Source for Studying the Culture of the Altai Turks. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2020;2(30):178–185. (*In Russ.*).

Tishkina T. V. Archaeological Research in Altai (1860–1930). Barnaul : Azbuka, 2010. 286 p. (*In Russ.*).

Chlenova N. L. Surtayka — Burial Ground of the Karasuk Epoch in the Foothills of Altai. In: KSIA. Issue 134. Moscow : Nauka, 1973. Pp. 116–121. (*In Russ.*).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Киреев Сергей Михайлович, старший научный сотрудник Национального музея Республики Алтай им. А. В. Анохина, Горно-Алтайск, Россия.

Sergey Mikhailovich Kireev, Senior Researcher of National Museum of the Altai Republic. A. V. Anokhin, Gorno-Altaiisk, Russia.

*Статья поступила в редакцию 03.11.2022;
одобрена после рецензирования 21.11.2022;
принята к публикации 01.12.2022.
The article was submitted 03.11.2022;
approved after reviewing 21.11.2022;
accepted for publication 01.12.2022.*

Научная статья / Research Article

УДК 94(47):636

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-14](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-14)

ПРОБЛЕМА ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОЧЕВОГО СКОТОВОДСТВА В РАБОТАХ М.П. ГРЯЗНОВА

Ольга Викторовна Стяжкина

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
styazhkina_olga91@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4698-2866>

Резюме. Михаил Петрович Грязнов относится к числу ученых, круг научных интересов которых никогда не ограничивался одной темой. Работа в начале 1930-х гг. в составе бригады ИКС (история кочевого скотоводства) в значительной степени определила направление его деятельности в дальнейшем. Немаловажно, что к началу 1930-х гг. М. П. Грязновым был накоплен значительный и разнообразный опыт в области полевых и камеральных исследований, что позволило ему наметить решение проблемы возникновения и развития кочевого скотоводства на основе синтеза археологических и письменных источников и предложить одну из первых в советской археологии программ по изучению истории ранних кочевников. Настоящая статья посвящена вкладу М. П. Грязнова в изучение проблемы возникновения и развития кочевого скотоводства. В работе были также использованы сведения из неопубликованных или малоизученных источников.

Ключевые слова: М. П. Грязнов, кочевое скотоводство, ранние кочевники, кочевниковедение

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

Для цитирования: Стяжкина О. В. Проблема возникновения кочевого скотоводства в работах М.П. Грязнова // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №4. С. 252–261. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-14](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-14)

THE PROBLEM OF THE EMERGENCE OF NOMADIC CATTLE BREEDING IN THE WORKS OF M.P. GRYZNOV

Olga V. Styazhkina

Altai State University, Barnaul, Russia;
styazhkina_olga91@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4698-2866>

Summary. Mikhail Petrovich Gryaznov is one of the scientists whose range of scientific interests has never been limited to one topic. His work in the early 1930s as part of the History of nomadic pastoralism group to a large extent determined the direction of his activities in the future. It is important that by the beginning of the 1930s M.P. Gryaznov accumulated significant and diverse experience in field and office research, which allowed him to outline a solution to the problem of the emergence and development of nomadic pastoralism based on a synthesis of archaeological and written sources and to propose one of the first programs in Soviet archaeology to study the history of early nomads. This article is devoted to the contribution of M.P. Gryaznov in the study of the problem of the emergence and development of nomadic pastoralism. The work also used information from unpublished or poorly studied sources.

Key words: M. P. Gryaznov, nomadic pastoralism, early nomads, nomadism

Acknowledgments: The work was supported by the Russian Science Foundation (Project No. 22-18-00470 “The World of the Ancient Nomads of Inner Asia: interdisciplinary Studies of Material Culture, Sculptures and Economy”).

For citation: Styazhkina O. V. The Problem of the Emergence of Nomadic Cattle Breeding in the Works of M. P. Gryaznov. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022;34(4):252–261. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-14](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-14)

Введение
Истории возникновения и становления кочевого скотоводства (животноводства)²⁸ посвящено большое количество научных трудов в зарубежной и отечественной науке. Однако до сих пор некоторые аспекты этой проблемы требуют уточнений. В первую очередь это касается хронологических рамок возникновения кочевого скотоводства. Вызывают споры и причины появления кочевничества, при этом одни авторы полагают, что к числу кочевников следует относить исключительно «чистых» скотоводов, а другие считают необходимым включать в это понятие полукочевые и полуоседлые племена. По мнению Г. Е. Маркова (1973, с. 110), отнесение к числу кочевников только «чистых» скотоводов необоснованно, так как ни один хозяйственный тип, в том числе кочевничество, никогда не существовал в чистом виде. Хозяйство всегда бывает комплексным, но одни виды деятельности занимают подчиненное положение, а другие являются основным средством к существованию. Так, для кочевников основу их существования всегда составляло экстенсивное скотоводство (Марков, 1973, с. 110).

Анализ работ М. П. Грязнова, в том числе неопубликованных, в которых рассматривается возникновение, развитие или распространение кочевого скотоводства, позволяет, во-первых, оценить вклад ученого в разработку этой темы, а во-вторых, это необходимо для оценки эволюции взглядов М. П. Грязнова на проблему возникновения кочевого скотоводства.

Характеристика источников

Начало 1930-х гг. ознаменовалось утверждением марксизма в качестве основ методологии в советской науке, что вызвало усиление интереса к изучению хозяйственных форм прошлого (Свешникова, 2004, с. 20). В начале 1930 г. в Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) в секторе архаического (доклассового) общества была образована группа ученых, объединенных общей проблемой исследования, которая получила название ИКС — «История кочевого скотоводства». В нее вошли сотрудники ГАИМК В. В. Гольмстен — руководитель группы, М. И. Артамонов, Г. П. Сосновский и М. П. Грязнов (Тишкин, 2007, с. 53). Для последнего работа в составе бригады ИКС надолго определила одно из главных научных направлений — возникновение и развитие кочевого скотоводства.

Важнейшим результатом работы группы должна была стать коллективная монография «Возникновение кочевого скотоводства», посвященная эволюции форм хозяй-

²⁸ В современной литературе скотоводство и коневодство являются отдельными отраслями животноводства. В работах, используемых в данной статье, эти понятия, вероятно, тождественны.

ственной деятельности. Монография не была опубликована, ее рукопись находится в Научном архиве ИИМК РАН, в фонде М. П. Грязнова. Краткие тезисы этой монографии, а также хранящиеся в архиве ИИМК материалы дают некоторое представление о результатах работы группы. Опираясь на схему эволюции форм хозяйственного развития, предложенную немецким географом и этнологом Эдуардом Ганом, авторы отмечали, что она нуждается в некоторых дополнениях. В частности, Э. Ган опровергал господствующее до этого представление о следующем порядке в смене хозяйственных систем: охотничье-собираательское хозяйство — кочевое скотоводство — земледелие. Он утверждал, что земледелие не является высшей ступенью в развитии хозяйства, выделяя примитивное мотыжное и плужное земледелие, обусловленное наличием тяглого скота. Его представление основывалось, во-первых, на невозможности приручения животных вне оседлости, во-вторых, на необходимости продолжительного сожительства с человеком для превращения дикого зверя в одомашненное животное. Одомашненные в благоприятных условиях животные в дальнейшем распространялись из «центров» приручения при помощи заимствований и миграции народов (НА ИИМК. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 116. Л. 1–2). Соглашаясь с Э. Ганом в его утверждении о том, что условием возникновения скотоводства была оседлость, ученые указывали, что оседлость не может являться следствием лишь земледелия (НА ИИМК. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 116. Л. 5). Они приходят к выводу, что скотоводство на начальных этапах своего развития существовало в слитой форме с другими производствами (НА ИИМК. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 116. Л. 8). Опираясь на археологические данные, они определили, что в разных районах, в связи с различными физико-географическими условиями складывались разные типы хозяйств с преобладанием одного вида производства. Так, наряду с охотничье-рыболовческими и земледельческими возникают хозяйства с преобладающим значением скотоводства. Эти хозяйства оформляются позже других и находятся в связи с оседлым образом жизни, который мог возникнуть на основе охоты, рыболовства и примитивного земледелия, а чаще всего их сочетания с преобладанием какого-либо производства (НА ИИМК. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 116. Л. 10). Поскольку скот первоначально имел значение живого запаса мяса, скотоводство приобрело важное значение только с падением исключительной роли охоты. В дальнейшем роль скотоводства стала возрастать по отношению к земледелию, так как привязанный к месту земледелец не мог безгранично увеличивать свое стадо, его размеры ограничивались кормовыми условиями (НА ИИМК. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 116. Л. 13). Как отмечалось выше, этот труд не был опубликован, впоследствии лишь некоторые сведения нашли отражение в небольшой статье М. И. Артамонова (1977) с одноименным названием.

История ИКС оказалась недолгой. Судя по архивным записям М. П. Грязнова, уже осенью 1931 г. она не существовала (Жук, 1997, с. 56). Об этом же свидетельствует «Хроника» ГАИМК — в 1931 г. секторы вновь подверглись реорганизации, а в отчете за 1932 г. ИКС не упоминается (Свешников, Свешникова, 2010, с. 150). Однако даже за такой короткий срок группа, по сути, сумела заложить основы для нового направления в советской науке — кочевниковедения, а наработки легли в основу трудов как самих ее членов, в первую очередь М. П. Грязнова, так и многих других исследователей.

В 1939 г. в свет вышла «История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства», для которой Михаил Петрович написал некоторые разделы главы «Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана». Опираясь на археологические данные, он представляет последовательность изменений в хозяйственной жизни племен Алтая с VII в. до н.э. по I в. н.э., выделив три этапа: *майэмирский* (VII–V вв. до н.э.), *пазырыкский* (V–III вв. до н.э.) и *шибинский* (II в. до н.э. — I в. н.э.). Он отмечает, что памятники *майэмирского* этапа в значительной степени отличаются от памятников предшествующего периода, что говорит о существенных изменениях в хозяйственной жизни племен. Наличие погребений кочевников в сопровождении коня, а также собственно расположение курганов в богатых пастбищами районах являлось, по его мнению, следствием перехода к кочевому образу жизни и связанному с ним накоплению стад скота, что нашло отражение в этих памятниках (Грязнов, 1939, с. 401).

Однако, как отмечает М. П. Грязнов, не все население полностью перешло к кочевому образу жизни. Находки по меньшей мере в двух пунктах, Быстрянский Кордон и нижний слой Большереченского-I, свидетельствуют о длительном пребывании там оседлого населения, которое вело комплексное хозяйство (Грязнов, 1939, с. 401).

Памятники *пазырыкского* этапа в основном повторяют характерные особенности памятников предшествующего, майэмирского этапа. Курганы кочевников без конского захоронения практически не встречаются, наоборот, погребенный часто сопровождается не одним, а двумя конями, что может говорить о еще более развитом скотоводстве и важной роли верхового коня в жизни кочевников (Грязнов, 1939, с. 404).

По мнению М. П. Грязнова, раскопки Пазырыкского кургана наиболее полно осветили особенности не только хозяйственной, но и социальной жизни населения этого периода. Так, весь облик находок из кургана свидетельствует о кочевом образе жизни его строителей, основным занятием для которых было скотоводство. Неравенство семей в обеспеченности в первую очередь скотом привело к сложной структуре в обществе: появляются богатые семьи, эксплуатирующие труд рабов, семьи, ведущие хозяйство собственными силами, но в большем количестве появляются обедневшие семьи, экономически зависящие от богатых семей (Грязнов, 1939, с. 406). Детальное освещение хозяйства и быта кочевников Алтая по результатам раскопок Пазырыкского кургана нашло отражение во многих работах М. П. Грязнова: «Пазырыкское княжеское погребение на Алтае» (1929), «Пазырыкский курган» (1937), «Первый Пазырыкский курган» и др. Особенно подробно эти аспекты освещены в монографии «Первый Пазырыкский курган» (1950). В ней он отмечает, что скотоводство, являясь ведущей отраслью хозяйства кочевников, нашло отражение во всех находках из Пазырыкского кургана. Безусловно, исключительную роль в жизни общества играла лошадь. Погребенного сопровождали лучшие верховые кони, сохранившие следы тщательного ухода за ними.

Еще одним важнейшим животным в хозяйстве была овца, но, в отличие от лошади, их разведение носило чисто утилитарный характер — овцы служили основным источником мяса и шерсти.

Крупный рогатый скот, судя по находкам из Пазырыкского кургана, использовался в основном в качестве транспортного средства, а также для получения мясных и молочных продуктов (Грязнов, 1950, с. 52–53).

М. П. Грязнов приходит к выводу, что останки животных и предметы, предназначенные для их использования, а также сам облик находок Пазырыкского кургана свидетельствуют о том, что «пазырыкцы» были исключительно скотоводами, и никаких указаний на наличие у них земледелия не встречено (Грязнов, 1950, с. 52).

Следующий за пазырыкским *шибинский* этап в целом сохранил прежний характер развития племен. Отличие заключается в наличии большего по сравнению с предыдущим периодом количества богатых погребений, что было связано с дальнейшим значительным развитием экономического неравенства патриархальных семей, вызванного накоплением скота и других богатств в отдельных семьях (Грязнов, 1939, с. 408).

Несмотря на то, что в настоящее время культурно-хронологическая последовательность древних культур Алтая, предложенная М. П. Грязновым, претерпела изменения, что вполне естественно, так как наряду с накоплением материалов изменилась и сама парадигма научного исследования, все же им были заложены прочные основы периодизации древних культур Алтая, а появление новых, отличных от его взглядов, точек зрения, особенно с развитием точных методов датирования, вполне корректных по отношению к предшествующим разработкам М. П. Грязнова, лишь отражают естественное развитие науки (Савинов, 2002, с. 76).

Важно отметить, что именно в этой работе М. П. Грязнов не только ввел в научный оборот термин «ранние кочевники», но и сформулировал определение эпохи ранних кочевников как особого периода в истории Евразии, выделяя в качестве главных процессов овладение железом и разложение первобытнообщинного строя (Шевченко, 1992, с. 82).

Несмотря на тот факт, что в продажу «История СССР» не поступила, а была напечатана как «макет» в количестве 500 экз. и в целом была признана неудавшейся попыткой составления монументальной работы по истории СССР (Миллер, 1954, с. 100), все же выводы, сформулированные М. П. Грязновым в этом труде, прочно легли в основу специальной литературы по обозначенной проблематике.

С 1939 г. М. П. Грязнов совместно с Г. П. Сосновским, С. В. Киселевым и Л. П. Потаповым работал над созданием труда «Очерки по истории тюркских племен и народов Алтая» под редакцией А. Н. Бернштама. Хронологически очерки охватывали период с древнейшего населения Алтая эпохи палеолита до «расцвета культуры народов Алтая в эпоху социализма» (НА ИИМК. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 125. Л. 2). Для этой работы М. П. Грязновым была подготовлена глава «Сложение кочевой культуры у древних племен Алтая». В фонде ученого в Научном архиве ИИМК РАН хранится рукопись этой главы, датированная М. П. Грязновым 1939–1940 гг. В ней он формулирует причины перехода племен Алтая к кочевой системе хозяйства и связанные с этим коренные изменения в их хозяйственной и социальной жизни. Опираясь на уже известную периодизацию, предложенную им ранее в «Истории СССР», он не только дает подробную характеристику культуры племен Алтая по следующим категориям: техника, хозяйство, быт, социальный строй и идеологические надстройки, — но и демонстрирует примеры бытования того или иного явления культуры в жизни современного ему населения Алтая (НА ИИМК. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 125. Л. 4).

Данная работа в таком варианте не была опубликована. Исходя из графика исполнения работ над «Очерками» (НА ИИМК. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 125. Л. 1) мы видим, что они должны были быть сданы в дирекцию ИИМК не позднее 15 декабря 1941 г., но начавшаяся война не позволила реализоваться задуманному. Лишь в 1948 г. Л.П. Потапов, опираясь на эти разработки, выпустил в свет «Очерки по истории алтайцев» (Потапов, 1948).

Материалы и их обсуждение

После войны, вернувшись в Ленинград, М.П. Грязнов продолжил работать над проблемой возникновения кочевого скотоводства и свои многочисленные наработки изложил в нескольких статьях.

Так, уже в 1945 г. на заседании сектора бронзы и раннего железа ИИМК М.П. Грязнов представляет доклад «Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае», опубликованный в одноименной статье в 1947 г. (Тишкин, 2007, с. 83). В ней было дано обоснование майэмирского этапа как начального периода формирования культуры ранних кочевников. Кроме того, Михаил Петрович сделал ряд дополнений относительно периодизации, предложенной им ранее, признав, что представленное деление было изложено в популярной форме без достаточной аргументации (Грязнов, 1947, с. 9). Характеризуя немногочисленные известные памятники майэмирского этапа, он говорит, что они достаточно выразительны и открывают новую страницу в истории древних племен Алтая, так как резко отличаются от памятников предшествующей эпохи (Грязнов, 1947, с. 14). Различие это связано в первую очередь с появлением в погребении верхового коня, и наоборот — отсутствием глиняной посуды. М.П. Грязнов делает вывод, что, вероятно, в самом начале перехода к кочевому образу жизни глиняная посуда вообще отсутствовала в быту кочевников, и только позднее, начиная с пазырыкского этапа, они стали использовать в небольшом количестве глиняные кувшины (Грязнов, 1947, с. 15).

В 1955 г. в Кратких сообщениях Института этнографии выходит статья М.П. Грязнова «Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири», подготовленная на основе доклада, представленного им в 1954 г. на заседании сектора Сибири в Институте этнографии АН СССР в Ленинграде. В своем понимании вопросов сложения и развития ранних кочевых обществ он опирается на два основных положения, сформулированные им следующим образом:

1. Начальные формы степного кочевого хозяйства и быта значительно отличались от известных современных форм в силу исторических условий, при которых они формировались. Поэтому при их изучении следует учитывать конкретно-исторический процесс развития хозяйства, опираясь на сведения о предшествующих племенах и анализ имеющихся археологических и исторических источников, используя этнографические параллели для объяснения каких-то частных сторон хозяйства и быта.

2. Развитие степного скотоводческого хозяйства заключалось не только в медленных, непрерывных и эволюционных изменениях, но и переходе от одной формы хозяйства к другой, при чередовании периодов относительно быстрого развития производительных сил общества с периодами относительного покоя в развитии (Грязнов, 1955, с. 19). Так, он отрицал устоявшуюся гипотезу о том, что развитие скотоводческого хозяйства и переход к кочевому образу жизни является длительным процессом непре-

рывного роста стад и, как следствие, — постепенный, длительный и непрерывный процесс развития подвижного образа жизни, который в конечном счете приводит к сложению кочевого хозяйства и быта.

По его мнению, это противоречит археологическим данным, пусть немногим и непрямым. Ученый утверждает, что если бы процесс развития древних скотоводческих племен действительно протекал в форме длительных, эволюционных изменений, то и развитие их культурного облика также протекало бы путем медленных изменений. Однако четко выраженная в археологических памятниках смена культур и культурных этапов и практически полное отсутствие памятников переходного периода дает основание полагать, что смена хозяйственных форм могла происходить в короткие сроки (Грязнов, 1955, с. 22).

Эти заключения получили детальное развитие в статье 1957 г. «Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы». В ней он приходит к выводу, что приблизительно в XV в. до н.э. в степных и лесостепных районах Казахстана и Южной Сибири сложилась ярко выраженная культура, принципиально отличающаяся от предшествующих ей энеолитических культур. Процесс перехода от охотничье-рыболовного к пастушеско-земледельческому хозяйству, вероятно, выглядел следующим образом: как известно, охота и скотоводство в одном хозяйстве совместимы до некоторого предела, соответственно увеличение количества скота до размеров, полностью обеспечивающих хозяйство продуктами скотоводства, было возможно при полном отказе от охоты. Вероятно, какая-то группа родов или отдельно взятый род полностью перешел к пастушеско-земледельческому хозяйству, и этот опыт оказался настолько удачным, что быстро распространился везде, где позволяли условия. Изменение это повлекло изменения в бытовом укладе, экономике и социальных отношениях (Грязнов, 1957, с. 24).

Заключение

М.П. Грязнов с особым вниманием разрабатывал вопросы хозяйственной и бытовой истории древних племен Сибири. Это нашло отражение в его многочисленных трудах, некоторые из них еще не опубликованы и требуют более детального анализа. Материал, полученный в результате многолетних экспедиций, дал возможность подробно восстановить некоторые аспекты хозяйственной деятельности древнего населения.

Сформировавшиеся в начале 1930-х гг. идеи на годы вперед определили подход М.П. Грязнова к характеристике форм кочевничества. Многие сделанные им выводы оказались настолько перспективными, что М.П. Грязнов по праву может быть назван одним из основателей кочевниковедения как особого научного направления в советской археологии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Артамонов М. И. Возникновение кочевого скотоводства // Проблемы археологии и этнографии. Вып. I. Л. : ЛГУ, 1977. С. 4–13.

Грязнов М. П. Пазырыкское княжеское погребение на Алтае // Природа. 1929. №11. С. 971–984.

Грязнов М. П. Пазырыкский курган. М.; Л. : Изд-во АН СССР и ГЭ, 1937. 44 с.

Грязнов М. П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (макет издания АН СССР). М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1939. Т. 2. С. 399–411.

Грязнов М. П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. Вып. XVIII. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. С. 9–17.

Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. Л. : Издательство Государственного Эрмитажа, 1950. 92 с.

Грязнов М. П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // КСИЭ. Вып. 24. М. : Изд-во АН СССР, 1955. С. 19–29.

Грязнов М. П. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы. // КСИЭ. Вып. 26. М., Изд-во АН СССР, 1957. С. 21–28.

Жук А. В. Дебют ИКСа // Четвертые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск : Издательство ОмГУ, 1997. Ч. II. С. 53–56.

Марков Г. Е. Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии // Советская этнография. 1973. №1. С. 101–113.

Миллер М. А. Археология в СССР. Мюнхен : б.и., 1954. 151 с. (Институт по изучению истории и культуры СССР. Исследования и материалы. Серия 1. №12).

Очерки к главе 3 в книге «Очерки по истории тюркских племен и народов Алтая» (отв. ред. Бернштам А. Н.). Автограф (черновик с правкой автора), машинопись. Приложение: план темы «Очерки по истории тюркских племен и народов Алтая» // НА ИИМК. РО. Ф. 91, оп. 1, д. 125.

Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск : ОГИЗ, 1948. 506 с.

Савинов Д. Г. Система хронологии сибирских древностей в трудах М. П. Грязнова // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб. : Издательство Гос. Эрмитажа, 2002. Кн. I. С. 74–78.

Свешников А. В., Свешникова О. С. Группа архаического земледелия ГАИМК в 1930-е годы // Российская археология. 2010. №1. С. 149–154.

Свешникова О. С. Забытая работа группы ИКС // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск : Издательство ОмГУ, 2004. С. 20–23.

Техника кочевого скотоводства: Гл. IV очерков «Возникновение кочевого скотоводства». Автограф (черновик с правкой автора). Приложение: краткие тезисы коллективной работы с указанием авторов разделов, план программы краеведческого изучения кочевнического скотоводства // НА ИИМК. РО. Ф. 91, оп. 1, д. 116.

Тишкин А. А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 356 с.

Шевченко О. В. Начало творческого пути М. П. Грязнова: исследование истории ранних кочевников // Вопросы истории археологических исследований Сибири. Омск : Издательство ОмГУ, 1992. С. 78–84.

REFERENCES

Artamonov M. I. The Emergence of Nomadic Pastoralism. In: Problems of Archaeology and Ethnography. Issue I. Leningrad : LGU. 1977. Pp. 4–13. (*In Russ.*)

Gryaznov M. P. Pazyryk Princely Burial in Altai. *Priroda = Nature*. 1929;11:971–984. (In Russ.)

Gryaznov M. P. Pazyryk Kurgan. Moscow; Leningrad : Izd-vo AN SSSR i GE, 1937. 44 p. (In Russ.)

Gryaznov M. P. Early Nomads of Western Siberia and Kazakhstan. In: History of the USSR from Ancient Times to the Formation of the Old Russian State (model of the publication of the Academy of Sciences of the USSR). Moscow; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1939. Vol. 2. Pp. 399–411. (In Russ.)

Gryaznov M. P. The Sites of the Mayemir Stage of the Era of Early Nomads in Altai. In: KSIIMK. Issue. XVIII. Moscow; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1947. Pp. 9–17. (In Russ.)

Gryaznov M. P. The First Pazyryk Kurgan. GE. Leningrad : Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 1950. 92 p. (In Russ.)

Gryaznov M. P. Some Questions of the History of the Formation and Development of Early Nomadic Societies in Kazakhstan and South Siberia. In: KSIE. Issue. 24. Moscow : Izd-vo AN SSSR, 1955. Pp. 19–29. (In Russ.)

Gryaznov M. P. Stages of Development of the Economy of the Pastoral Tribes of Kazakhstan and Southern Siberia in the Bronze Age. In: KSIE. Issue. 26. Moscow : Izd-vo AN SSSR, 1957. Pp. 21–28. (In Russ.)

Zhuk A. V. Debut of ICS. In: Fourth Historical Readings in Memory of Mikhail Petrovich Gryaznov. Omsk : Izdatel'stvo OmGU, 1997. Part II. Pp. 53–56. (In Russ.)

Markov G. E. Some Problems of the Emergence and Early Stages of Nomadism in Asia. *Sovetskaya etnografiya = Soviet Ethnography*. 1973;1:101–113. (In Russ.)

Miller M. A. Archaeology in the USSR. Munich : b.i., 1954. 151 p. (Institute for the Study of History and Culture of the USSR. Research and Materials. Series 1. No. 12) (In Russ.)

Essays for chapter 3 in the Book “Essays on the History of the Turkic Tribes and Peoples of Altai” (Ch. Ed. A. N. Bernshtam). Autograph (draft with edits by the author), Typescript. Appendix: Outline of the Theme “Essays on the History of the Turkic Tribes and Peoples of Altai”. In: NA IIMK. RO. F. 91, op. 1, d. 125. (In Russ.)

Potapov L. P. Essays on the History of the Altaians. Novosibirsk : OGIK, 1948. 506 p. (In Russ.)

Savinov D. G. The System of Chronology of Siberian Antiquities in the Works of M.P. Gryaznov. In: Steppes of Eurasia in Antiquity and the Middle Ages. Saint Petersburg : Izdatel'stvo Gos. Ermitazha, 2002. Book I. Pp. 74–78. (In Russ.)

Sveshnikov A. V., Sveshnikova O.S. Group of Archaic Agriculture of GAIMK in the 1930s. *Rossiyskaya Arheologiya = Russian Archaeology*. 2010;1:149–154. (In Russ.)

Sveshnikova O. S. Forgotten Work of the History of Nomadic Pastoralism group. In: Sixth Historical Readings in Memory of Mikhail Petrovich Gryaznov. Omsk : Izdatel'stvo OmGU, 2004. Pp. 20–23. (In Russ.)

Technique of Nomadic Cattle Breeding: Ch. IV Essays “The Emergence of Nomadic Pastoralism”. Autograph (draft with editing by the author). Appendix: Brief Abstracts of Collective Work Indicating the Authors of the Sections, Plan for the Program of Local History Study of Nomadic Cattle Breeding. In: NA IIMK. RO. F. 91, op. 1, d. 116. (In Russ.)

Tishkin A. A. Creation of Periodizational and Cultural-Chronological Schemes: Historical Experience and the Modern Concept of Studying the Ancient and Medieval Peoples of Altai. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2007. 356 p. (*In Russ.*)

Shevchenko O. V. The Beginning of the Creative Path of M.P. Gryaznov: a Study of the History of Early Nomads. In: Questions of the History of Archaeological Research in Siberia. Omsk : Izdatel'stvo OmGU, 1992. Pp. 78–84. (*In Russ.*)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Стяжкина Ольга Викторовна, специалист по учебно-методической работе Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Olga Viktorovna Styazhkina, Specialist in Educational and Methodical Work, Altai State University, Barnaul, Russia.

*Статья поступила в редакцию 10.09.2022;
одобрена после рецензирования 29.10.2022;
принята к публикации 02.11.2022.
The article was submitted 10.09.2022;
approved after reviewing 29.10.2022;
accepted for publication 02.11.2022.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АлтГУ — Алтайский государственный университет.
АлтГПУ — Алтайский государственный педагогический университет.
АН — Академия наук.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
БГПИ (БГПУ) – Барнаульский государственный педагогический институт.
БНЦ — Бурятский научный центр.
БПЛА — беспилотный летательный аппарат.
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет.
ГАГУ — Горно-Алтайский государственный университет.
ГАНИИИЯЛ — Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ГМВ – Государственный музей Востока.
ИА — Институт археологии.
ИИМК — Институт истории материальной культуры.
КемГУ — Кемеровский государственный университет.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК — Краткие сообщения института истории материальной культуры.
МАЭС — Музей истории, археологии и этнографии Сибири.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МОН РК — Министерство образования и науки Республики Казахстан.
НГУ — Новосибирский государственный университет.
НИОКР — Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы.
ОмГПУ — Омский государственный педагогический университет.
ПГПУ — Пермский государственный педагогический университет.
РАН — Российская академия наук.
РНФ — Российский научный фонд.
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.
РТ — Республика Таджикистан.
РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований.
СА — Советская археология. М.
САИПИ — Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства.
СО — Сибирское отделение.
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет.
СПбГУПТД – Санкт-Петербургский гос. ун-т промышленных технологий и дизайна. СПб.
СССР — Союз Советских Социалистических Республик.
ТГУ (ТомГУ) — Томский государственный университет.

ТНИИЯЛИ — Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

УрО — Уральское отделение.

ЮУрГГПУ — Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет.

MDFA — Mémoires de la Délégation archaéologique française en Afghanistan. Paris.

RSUH — Russian State University for the Humanities. Moscow.

*Научное издание
Журнал*

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том 34 №4 2022

Редактор: *Н. Ю. Ляшко*

Перевод и редактирование текстов на английском языке, References: *Е. А. Россинская*

Подготовка оригинал-макета: *Ю. В. Луценко*

Журнал распространяется по подписке АО «Почта России»

Подписной индекс П4317

Подписка через каталог «Урал-Пресс», индекс ВН018441

Цена свободная

Подписано в печать 15.12.2022.

Дата выхода издания в свет 28.12.2022.

Формат 70×100¹/₁₆. Гарнитура Minion Pro. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 21,28.

Тираж 500 экз. Заказ 657.

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66